

САВЕЛИЙ

ДУДАКОВ

ПЁТР
ШАФИРОВ
и другие...

САВЕЛИЙ ДУДАКОВ

ПЁТР

ШАФИРОВ

и другие...

ИЕРУСАЛИМ-МОСКВА

2011

ББК 63.3 (0)

Д 10

Савелий Дудаков
Петр Шафиров и другие. 2011. – 432 с.
Savely Dudakov
Peotr Shafirov and others. 2011. – 432 p.

Редактор Евгений Минин

Евгмин

Верному другу и любимому человеку
Инне Иосифовне Дудаковой
посвящаю

ISBN 978-5-905016-13-4

Макет обложки
Vitali Minin - UnAtomic studios
www.unAtomic.com

© All rights reserved to Savely Dudakov
Jerusalem 2011

Портрет барона Петра Павловича Шафирова

Неизвестный художник. 1720-годы.

Петр Павлович Шафиров (1669 – 1739) – известный государственный деятель петровских времен, барон, вице-канцлер, блестящий дипломат, одержавший ряд крупных дипломатических побед. Шафиров сыграл важную роль в проведении внутренних реформ Петра, высоко оцененную не только русским царем, но и иностранными государственными деятелями.

Шафиров оставил многочисленных талантливых потомков, сыгравших выдающуюся роль в русской истории и культуре.

Факсимиле П.П. Шафирова из письма Петру I

Къ услугамъ готовъ баронъ
Петръ Шафиръ послъ
Его Царскаго величества

«Къ услугамъ готовый барон Пётр Шафиров
посол Его Царского величества»

ВСТУПЛЕНИЕ

Общеизвестно, что после Ветхого Завета судьба еврейского народа свидетельствует о том, что еврейство, лишенное своей родины, обрело всю вселенную, весь мир в качестве нового отечества. В данном смысле оно оказалось как бы межкультурным Протеем: объединяло всё культурные пространства, живя свободно-протейно.

Народ-создатель монотеизма нёс Божье слово во все уголки земного шара. Знаменателен вывод Владимира Соловьева: «Израиль мог вступить в личное отношение с Всевышним, стать с ним лицом к лицу, заключить с ним договор, служить ему не как пассивное орудие, а как деятельный союзник: наконец, в силу той же деятельной веры, стремясь к конечной реализации своего духовного начала... Израиль приготовил среди себя чистую и святую обитель для воплощения Бога-Слова. Вот почему еврейство есть избранный народ Божий, вот почему Христос родился в Иудее».

Так же великий философ писал, что **«евреи, проходя через всю историю человечества от самого начала до наших дней (чего нельзя сказать ни об одной другой нации) еврейство представляет как бы ось всемирной истории...»**. У Вернера Зомбарта сказано не менее сильно: **«Точно солнце шествует Израиль по Европе: куда приходит он – пробуждается новая жизнь, откуда он уходит там засыхает все, что до сих пор цвело»**

Если с постулатом о нации, лишённой родины можно не согласиться – в настоящее время еврей обрёл свою землю, то второй постулат очень точен. Да, еврей, живя в любой стране, развивает и обогащает отрасль, которой занимается, как бы создаёт плодородный слой почвы, на котором возрастает элита любой страны, в которой живёт еврей, и невольно он сам становится своим в этой среде. Разрушение плодородного слоя всегда чревато последствиями. Стоит заметить, что многие страны заплатились за изгнание евреев – Испания, Португалия, Польша, Германия, а где-то и СССР. Изгнание евреев разрушило плодородный слой элиты и эти страны были наказаны, как показал ход истории. Той же мысли об **«элексире вечной юности» ассимилированного еврейства** был привержен Болеслав Прус. На основании польской истории и культуры он пришел к этим выводам. И, действительно, все три величайших гения Польши были еврейского происхождения: Адам Мицкевич, Юлиус Словацкий, Фредерик Шопен.

Изгнанные из Испании евреи словно шлейфом накрыли Европу, и частично дотянулся тот шлейф до России, где уже находились восточно-европейские евреи. Полагаю, каждая страна, приютившая евреев, была вознаграждена умом и работоспособностью пришельцев. Как пришлось выживать на огромных холодных просторах не всегда гостеприимной страны теплолюбивым изгнанникам, и рассказывает в книге Савелия Дудакова.

Столкнувшись с чуждой верой, когда под страхом истребления и лишения всего нажитого, евреи вынуждены были принять обряд крещения, принять уклад жизни и обычаи тех мест, где пришлось жить. Но обычаи и веру предков они хранили в себе, и при первой возможности соблюдали все ритуалы. Издревле слово «выкрест» часто несло в себе презрительно-надменный смысл. Но крещёные евреи трудились не за страх, а за совесть в стране, которая их презирала, и при первом удобном случае напоминала их место в обществе; выкресты заводили семьи, рожали детей, которые в свою очередь тоже женились. Таким способом в петровские времена создававшаяся российская элита, впитавшая гены вечно гонимого племени.

И тем, кто пытается отделиться от всего еврейского поверхностными исследованиями вроде: двести лет вместе – двести лет отдельно, стоит прочитать книгу Дудакова, чтобы понять, что выражение «вместе или отдельно» – смехотворны: произошла диффузия, взаимопроникновение наций, где всё объединилось в единое целое, под названием – народ. И делёж, высчитывание процентов, разделение на «чистых» и «нечистых» может привести любую страну к трагедии. **А ведь Владимир Соловьёв мечтал о духовном союзе между Россией и еврейством, считая, что на этом встретится русская и еврейская история.**

И об этой встрече сказано в книге Дудакова, где всё основано на подлинных архивных материалах. В основу положена биография П.П. Шафирова – сподвижника Петра I, блестящего дипломата, одержавшего ряд крупных дипломатических побед. Глядя на генеалогическое дерево рода Шафирова нельзя не заметить, сколько его потомков сыгнали выдающуюся роль в русской истории и культуре.

Вяземский, Витте, Блаватская, Трубецкие, Самарины – эти имена, которые ни стереть, ни вычеркнуть из российской истории, известны каждому культурному человеку. И эти имена дал только один род Шафирова.

А сколько было знаменитых потомков у выкрестов, чуть менее знаменитых, чем Шафиров – Евреиновы, Юдины и прочие, прославившие государство, в котором они жили. Они также упомянуты в книге Дудакова. Имена, которыми также может гордиться Россия – Ягужинский, Нахимов, Серов, Пирогов, Якоби и многие другие невозможно отделить от русской культуры, как бы кто ни старался провести разделительную черту. Ягужинскому, Нахимову, Де-Виеру автор посвятил отдельные эссе-исследования, где приводится множество малоизвестных биографических фактов. А история жизни «русского Мюнхаузена» покажется достойной стать сюжетом приключенческого романа. Россия – не исключение. В приложении Савелий Дудаков отмечает выкрестов – славу Франции XVI века – трёх Мишелей: Лопиталья, Монтеня и Нострадамуса, а также их современницу, известную всему миру – святую Терезу Авильскую, покровительницу Испании – гениальных людей, которых ныне знает всё человечество.

Читатель найдёт немало занимательного в «скасках» Вистицкого, улыбнётся истории создания ордена Нахимова, ужаснётся страшной судьбе самозванца Лжедмитрия II.

Конечно, многих удивит эта попытка вынести из глубины веков черепки древних историй и событий, в которые вкраплена жизнь евреев-выкрестов и их потомков, но они, несмотря ни на что, были и навсегда остались частью еврейской нации.

Работа по изучению истории евреев-выкрестов заняла у Дудакова около сорока лет. Множество материалов было опубликовано в различных изданиях, а затем перепечатано со ссылками на автора или, увы, без оных. К сожалению, несмотря на глубокое знание автором исследуемого материала, объём книги не позволяет охватить многомиллионную популяцию выкрестов и их потомков. Это просто фактически невозможно. Но каждый может заняться этим увлекательным поиском и внести посильный вклад в науку, именуемую генеалогией. Возможно, дотошный читатель уловит некоторые неточности в огромном историческом материале этой книги, но, при невозможности пользования российскими архивами и книжными фондами, автор в основном пользовался своим личным архивом.

Савелий Дудаков и как историк, и как еврей, посчитал своим долгом воскресить в памяти у одних и поведать правду другим, не знающим об этом явлении ничего, о частичке своего народа, жившего в галуте и насильно лишённого своей веры.

Евгений Минин

ЕВРЕИ-ВЫКРЕСТЫ В РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА.

Массовое проникновение евреев в «Московию» (как в средние века иностранцы именовали Русское государство) во времена царствования Алексея Михайловича, началось в более позднюю эпоху – во времена столкновения с Польшей, ставшей после объединения с Литвой в 1569 году могущественной Речью Посполитой. Русь и Польша противоборствовали друг с другом на протяжении веков, и особое место в этой схватке уделялось Смоленску, издавна являвшемуся важнейшим стратегическим, экономическим и политическим центром. Еще в древности Смоленск вел обширную торговлю, причем не только с соседними землями, но и с более удаленными государствами. Неоспоримым свидетельством существования в Смоленске еврейской торговой фактории еще во времена Хазарского каганата служит основание в X – начале XI веков пристани Козары, к началу XX века превратившейся в село Козарево на реке Стамбе в 8 верстах (8,5 км) от современного города.¹ Миграция евреев из Германии на восток в средние века, по-видимому, не миновала Смоленск, поскольку фамилии части смоленских евреев носят отчетливый немецкий отпечаток. Находившийся на рубежах Московии и Польши Смоленск многократно переходил из рук в руки, и, естественно, каждая смена власти приносила ощутимые тяготы местному населению. В первую очередь страдали евреи, которых русское воинство если не истребляло (а бывало и такое), то немолимо изгоняло из города, либо переселяло в Москву. При Василии III и Иване Грозном уцелевшие от погромов евреи были насильственно переведены в сословие московских купцов. Вот что пишет советский историк С.В. Бахрушин: «Особенно крупное значение имел перевод в 1514 году на жительство в Москву большой группы богатых смоленских купцов, образовавших здесь особый разряд «смольнян», занимавший в торговой иерархии Москвы второе место после «гостей». В.О. Ключевский ошибочно полагал, что в лице «смольнян» мы имеем «не купцов г. Смоленска, а особый разряд столичного московского купечества» и что купцы, принадлежавшие к этому разряду, назывались смольнянами потому, что вели торговлю с Западной Русью и с Литвой через Смоленск. Таможенные грамоты XVI века не оставляют никаких сомнений в этом вопросе... Наиболее видные из них скоро... сделали блестящую карьеру на государственной службе в качестве дьяков. «Смольняне» играли очень

видную роль в московской торговле и не случайно особо оговариваются в таможенных грамотах времен Ивана IV. Афанасий Юдин, например, вел крупнейшие дела с англичанами; ему должны были в 1589 году английские купцы Ульян Фомин (*sic!* – С.Д.) и Антон Марш огромную сумму – 6200 рублей... В Москве у смоленских сведенцев (*переведенных на жительство* – С.Д.) был свой «смоленский» суконный ряд».²

В XVII веке довольно много евреев-выкрестов находилось на службе русского правительства, особенно во времена царя Алексея Михайловича. Это царствование интересно и тем, что в нем мы видим зародыши всех реформ Петра Великого. Не будь царствования Алексея Михайловича – невозможно было бы провести ни одну реформу Петра, не исключая и церковную. У Алексея Михайловича мы видим несравнимый с прошлым интерес к Западу. Более того, значительный процент иностранцев прибывает в Россию уже не в качестве военнопленных, а в качестве добровольных жителей. Именно в его царствование появились кварталы иностранцев: Немецкая слобода. Мещанская и Новомещанская слободы заселялись в основном выходцами из бывших польских земель. Как и в Немецкой слободе, в них был большой процент евреев, как явных, так и скрытых. В ходе постоянных войн с Польшей Россия привлекала военнопленных, особенно специалистов, в свои ряды. Во времена очередного похода на Литву, который предпринял царь в 1654 году, Смоленск был вынужден вновь обороняться от окруживших город москвитов. Известны, по крайней мере, два еврея, участвовавших в этой обороне, – «Берка, староста Райгородский, защищавший со своими людьми укрепленный пункт в линии от Пятницких ворот до Водяной башни над Днепром с круглой Семеновской башней, и другой Берка – Ржецкий, защищавший пункт от Водяной башни до Пятницких ворот».³

Выдающийся политический деятель того времени, «совесть русского народа», один из предвестников петровской реформы, ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордын-Нащокин, ставший в 1655 году наместником всех завоеванных земель, писал царю о чинимых русскими войсками зверствах: «Лучше бы я на себе раны видел, только бы невинные такой крови не терпели, лучше бы я согласился быть в заключении необратном, только бы не жить здесь и не видеть над людьми таких злых действий».⁴

О том, что среди пленных было большое количество евреев, свидетельствует ряд документов типа указания, какое довольствие следует отпускать литовцам и евреям, отправленным в 1655 году вод-

ным путём из Казани в Нижний Новгород: «отпущено было на корм: семейным по шести, одиноким по четыре деньги в день».⁵ Тот же источник сообщает о несомненных случаях преднамеренного «морения» пленных голодом для того, чтобы они принимали православие. Понятно, что многие умирали с голоду, но многие и крестились. Так, один поляк писал: «сизжу в Путивле в тюрьме другой год, бесприютен, помираю голодной смертью, а нынче я хочу креститься в православную веру... царь, пожалуй меня иноземца, вели меня в православную веру крестить».⁶ Но и крещеных евреев, находящихся на свободе, иногда захватывали рабовладельцы тех времён, вроде некоего Максима Грекова, захватившие неофитов в Вязьме. Евреям удалось подать жалобу государю, и они были освобождены.⁷ Посему правительство старалось следить за перемещением пленнх. Так в 1655 году, когда из Калуги отправляли пленнх вглубь России, местному воеводе было приказано «сверить наличность».⁸ Среди пленнх преобладали женщины и дети. И все они влились анонимно в массу русского народа. Изредка упоминаются имена несчастнх. Например, подполковник Михайло Вестов захватил в 1654 году в Мстиславле дочерей «Мееровых» – Ганку и Рысю, имевших при себе детей. Но биография самого Вестова тоже туманна, его мать, почему-то «некрещенная немка», получила от сына девушку Махлю, а другой её сын – Самойло Вестов, привел с собой девицу Эстерку, «дочь Юдину», родом тоже из Мстиславля. В иноземном приказе всех этих девиц «допрашивали» на предмет перехода в православие. Удивительно: они предпочли принять лютеранство! Странная история. Фамилия Вестов встречается несколько раз. Так во время сложных переговоров с Самойловичем и Дорошенко в 1675 году в Чигирин отправляют полковника Вестова с двумястами человек пехоты – это был солдатский полковник Самуил или Самойло Вестов.⁹ А в Петровское время в Петербурге был построен сахарный завод «иноземца» Вестова.¹⁰ Кажется, что они принадлежали к одной семье. Другим несчастным повезло больше – их не разлучали.

В ходе войны с Речью Посполитой царь Алексей Михайлович поощрял переход пленнх (*среди которых было немало евреев*) на русскую службу. Стронник «вечного мира» с Польшей – А.Л. Ордын-Нашокин считал невыгодным для России освобождение пленнх, поскольку иноземцы были хорошими мастерами, а «русские служилые люди стали нерадетельны, скучают долгой службой».¹¹ Уже после Андрусов-

ского перемирия 1667 года Пушкарский приказ хлопотал о неотпущении на родину могилевского еврея Исачки, поскольку тот «научен огнестрельным и гранатным делам, стрелять гранаты умеет; да ему ж дана для ученья огнестрельных и гранатных дел и для всяких тайных промыслов немецкого языка печатная книга».¹² Вероятно, евреями были жившие с 1654 года в Москве «в пушкарях» – изготовитель пороха Ивашка Григорьев, родом из Дубровны, Гришка Мотовицкий из Полоцка – «в Оружейной палате в кормовых мастерах», а также отданный «на кормление частному лицу» (*по-видимому, в силу своей ценности*) пленный из Литвы некто Мосейка.¹³ Наконец, совсем фантастическая история произошла с русским послом Сенькой, «родиною Жидовиным» при дворе Великих Моголов в царствование Алексея Михайловича. Прибыв в 1659 году в именовавшийся в ту пору «Кабыл» Кабул, этот царский посланец внезапно перешел в магометанство, чем изрядно усложнил условия деятельности последовавших за ним посланников.¹⁴

При дворе находился и замечательный часовой мастер, «иноземец» Петр Высоцкий. Обладатель «национальной» профессии, возможно, был еврейского происхождения. В Коломенском дворце он изготовил «рыкающих» львов, с вращающимися глазами и раскрывающейся пастью. Львы двигали ногами и били хвостами. Маленькие царевичи пугались подходить к этому чудовищу. В качестве конкуренции местный умелец – стрелец Никифор Ерема сделал для царевича Федора тоже пять львов деревянных, но, к сожалению, они не выдерживали никакого сравнения с коломенскими, поскольку были немые...¹⁵ Вариант «Левши» Лескова. Блоху подковал, но, увы, она не прыгала...

Картина, напоминающая использование в СССР западных ученых при создании атомной бомбы, таких как Бруно Понтекорво (1913–1993), который также являлся евреем.

Нетрудно представить себе положение еврейского населения при русской оккупации. Вряд ли оно было лучше времен Ивана Грозного. По условиям капитуляции, не желающие присягнуть царю Алексею Михайловичу, должны были покинуть Смоленск. Перед находившимися в городе евреями возникла дилемма: остаться – и переменить религию, либо уйти и потерять имущество. В Смоленске тогда жил целый разветвленный клан связанных между собою родственными узами семейств богатых еврейских купцов и предпринимателей: **Шафиры, Веселовские, Евреиновы, Исаевы, Копьевы, Аршеневские** – подробнее о ветвях этого клана будет рассказано ниже. Поставленный перед угрозой разорения, а может и уничтожения, клан решил на крещение, после чего перебрался в Москву, немало увеличив чис-

ленность еврейского населения столицы Русского государства, которое и без того росло в основном за счет насильственно крещенных пленных и переселенцев из Речи Посполитой. Наше утверждение о богатстве клана подтверждается и тем, что значительная часть его представителей попала в самый привилегированный «Панский ряд» Московского рынка, что без солидного начального капитала было бы попросту невозможно.

Появление иностранцев на русской службе не могло не вызывать ответной реакции. Особенно негодовала церковь, которая добилась от царя Алексея Михайловича следующего указа от 18 мая 1661 года:

*«Учили на Москву приходить разные еретики, немцы и просить Царские службы и мы Собора Архиепископы, Архиереи, Архимандриты и Иереи на думу и положили думными людьми; их сукиных детей немцев на воеводство не посылать и к воеводствам не определять, а быть им сукиным детям немцам только в Москве и записывать на черной сотине и в службу нашу Царскую вступать по нужде, в ратную».*¹⁶ Конечно, на практике это отражалось мало. Сам государь способствовал набору образованных людей на Западе с целью развития промышленности и военного дела. Таких «немцев» было множество.

Один из наиболее последовательных антизападников, хорват по происхождению, Юрий Крижанич писал о «перекрестах», попавших на высокие посты в Русском государстве, с точки зрения расового принципа: «Русское царство... принимает всякого желающего и даже уговаривает, просит, принуждает и заставляет многих креститься, и тех людей, которые крестятся ради плотского блага, а не ради спасения, принимает в свой народ и сажает на самые высокие места. Одни (из них) вершат наши важнейшие дела, другие заключают с иными народами мирные договора и торговые сделки... Если Русское царство когда-нибудь погибнет, то оно примет гибель от этих перекрестов или их потомков. Или, наверно, они сами завладеют нашим царством на позор всему нашему роду. Они смешаются (с нами) по крови, но во веки вечные не соединяться (с нами) воедино в (своих) устремлениях. Внуки и правнуки перекрестов имеют иные помыслы, чем коренные уроженцы (данной страны)».¹⁷ Кого имел в виду Крижанич? Несомненно, он метил в думного дьяка Алмаза (Ерофея) Ивановича Иванова (умер в 1669 году), который происходил из вологодских посадских людей. В молодости он побывал на Востоке – в Турции и Персии, выучил западные и восточные языки. В 1640 г. был назначен дьяком Казенного приказа, а в

1649 г. переведен в Посольский приказ. В составе русского посольства ездил в 1649 г. в Стокгольм для подписания договорной записи. В 1652/1653 гг. – член посольской делегации к польскому королю Яну Казимиру. В 1653 г. получил звание думного дьяка и был назначен на должность начальника Посольского приказа, которую занимал до 1667 г. Одновременно (с 1653 г.) управлял Печатным приказом. Алмаз Иванович принимал участие в переговорах с приезжавшими в Москву иностранцами, зачастую ведя их самостоятельно. Во время русско-польской войны 1654/1667 гг. он был непременным участником посольских съездов с поляками Вильно, 1658/1660 гг. – Борисов, 1662/1663 гг. – под Смоленском, 1664 г. – Смоленск. Под его руководством создали новый Таможенный указ, унифицировавший торговые пошлины. И значительна роль Алмаза Ивановича и в деле патриарха Никона. Голштинский посол Адам Олеарий писал, что в России встречаются «люди весьма талантливые, одаренные хорошим разумом и памятью», и в качестве примера называл государственного канцлера – «печатника» (*т.е. хранителя большой царской печати*) Иванова. Многочисленные пометки Алмаза Ивановича, свидетельствующие об остроте его ума и прекрасном знании законов, сохранились в делах Новгородской четверти и Посольского приказа.

Однако Ю. Крижанич имел в виду не только государственного канцлера. В Посольском приказе работали и другие еврей-выкресты. Например, послом от России в Кахетии был В.С. Жидовин, а приказным дьяком – Василий Юдин из «гостей», т.е. из купцов.

Историк С.К. Богоявленский отмечал: «родовитость ранее всего потеряла свое значение при выборе на службу в Посольском приказе: ответственность дела требовала в первую очередь способностей, образованности и стойкости в отстаивании государственных интересов».¹⁸

Петровская эпоха также была периодом яростной борьбы за выход из глобального (*как экономического, так и общеполитического*) кризиса, в котором оказалась страна. А в России, как известно, в эпохи «перестройств» и «реформ» идет бурное рекрутирование способных людей из всех слоев и групп общества. Тут уже становится не до традиционных проблем «подбора и расстановки кадров». Добавим – на время. Не была исключением и эпоха больших петровских преобразований, тем паче, что здесь реформаторы боролись с вековыми русскими общественными и государственными институтами. Шла гражданская война, а, как говорится, «на войне – как на войне», и Петр I, не задумываясь, бросал «в бой» все новые и новые свежие силы: немцев, голландцев...

И евреев. «Скудота в начальных людях» заставила царя искать их за границами своего отечества, ради чего в 1702 году был опубликован манифест о вызове иностранцев в Россию. В нём разрешалось «свободное отправление веры всех, хотя от нашей церкви отделенных, христианских сектов». Иностранцам на русской службе разрешалось даже возводить свои храмы. Для них Петр добился от синода разрешения на браки православных с иноверцами.¹⁹ Яркими документами, подтверждающими правоту высказанного утверждения, являются донесения иезуитов в Ватикан, посланные в 1698-1720 годах,²⁰ которые в силу специфики самого ордена отличались точностью и скрупулезностью. Так вот, среди причин, которыми иезуиты объясняли крах своих попыток склонить «москвитов» к унии с католической церковью, указывались (как это ни парадоксально звучит) затруднения, чинимые евреями: «Десятое затруднение – это могущество иудеев. Здесь находится весьма много иудейских семейств, прибывших из соседней Польши. Хотя они крещены, но справляют шабаш тайно, а то и довольно явно, как делали и прежде. И такие-то люди выдвинуты на первые должности.

Один из них заведует канцелярией светлейшего царя (до 1718 г. заведующим царской канцелярией был Н.М. Зотов, с 1718 г. – А.В. Макаров), другой – управляет несколькими главнейшими ведомствами, третий – самый главный управляющий у князя Меншикова, («Главным управляющим у князя Меншикова» был Федор Соловьев – основатель дворянской фамилии Соловьевых. Также укажем, что сестра Меншикова была замужем за первым генерал-полковником Петербурга, португальско-голландским евреем А.Э. Де-Виером.), четвертый служит воеводой в Вологде... (Вероятно, имеется в виду стольник Веселовский, упомянутый в документах в 1709-1710 гг.). Они-то первые и, в сравнении с другими, самые жестокие враги Святой Церкви... И теперь они всеми силами защищают ересь лютеранскую и кальвинистскую, а когда имеют возможность вредить нам, то, в свою очередь, не остаются без поддержки своих союзников».²¹ Можно добавить к перечню иезуитов, что камердинером царя был Петр Вульф «жидовского происхождения», из гвардейских офицеров ставший впоследствии тайным советником.²²

И всё-таки, несмотря ни на что, один из выходцев клана евреев, крещеных насильно, стал могущественным чиновником петровского времени, управлявшим «несколькими главнейшими ведомствами». Это – барон Петр Павлович Шафиров.

ВЗЛЁТ ПЕТРА ШАФИРОВА

Этимология фамилии нашего героя, поначалу абсолютно бесспорная, со временем стала предметом весьма оживленных дискуссий. «Шафиров» и однокоренные «Шафир», «Шапир», «Шапиров», «Сапир», «Сапиров», «Сапфиров», «Сапгир», «Штейнсапир», «Сафирштейн» и т.п. издавна ассоциировались с древнееврейским словом «прекрасный», принятым не только для обозначения одного из самых популярных драгоценных камней, но и как личные имена ашкеназийских евреев: женское *Safira* – Сафира, Сапира и мужское *Safir* – Сафир, Сапир. Однако, в последнее время наряду с этой трактовкой весьма значительную популярность приобрела ассоциация этой фамилии с названием города Шпейер в прирейнских германских провинциях (*ныне – в западногерманской земле Рейнланд-Пфальц*). Не вдаваясь в полемику, хочу указать, что, в каком бы из предлагаемых вариантов не скрывалась истина, вероятность происхождения Шафировых от германских выходцев-евреев отнюдь не исключена: ряд источников просто указывает на происхождение рода Шафировых из германских или даже голландских земель. Вместе с тем, некоторые историки доходили до совершеннейшей нелепицы, утверждая, что царь Петр вывез Шафирова из Голландии и даже сам крестил его, дав свое имя.²³ Наконец, эта фамилия может восходить к названию городка Шафир, расположенного в Израиле между Бейт-Джубрином и Ашкелоном, история которого коренится в седой древности.²⁴

Отец Шафирова, смоленский еврей Шафир, после взятия русскими войсками Смоленска попал в плен, крестился (*получив при крещении имя Павел Филиппович*) и, по утверждению В.О. Ключевского, оказался на службе у боярина Хитрово.²⁵ Знание нескольких иностранных языков открыло перед ним двери Посольского приказа. Переселившись в Москву, он параллельно с деятельностью на дипломатическом поприще занимался торговлей. При царе Федоре Алексеевиче Павел Филиппович Шафиров был возведен в дворянское достоинство.

Известный еврейский историк Саул Гинзбург (1866–1940) писал, что настоящее имя и фамилия отца Шафирова – Файвел Шафир и он объявился в Москве в 1660-е годы. (*Saul M. Ginsburg «Petr Shafirov» – «Jewish» adviser to Petr the Great» – «Judaism», A quarterly journal, New-York, № 4, 1973, p. 410.*)

Своему сыну Петру Павел Шафиров дал прекрасное образование, в том числе и знание латинского, французского, немецкого, голландского и польского языков. *(Впоследствии в бытность в Турции Петр Шафиров выучил итальянский язык).*

Существуют две версии знакомства Петра I со своим будущим

Петр Великий.
Картина В. Серова

сподвижником. Согласно одной, Петр, прогуливаясь как-то по московским торговым рядам, заметил в Панском ряду проворного молодого «сидельца» и в ходе завязавшегося разговора выяснил, что его собеседник знает несколько иностранных языков. Затребовав у владельца лавки – соплеменника и близкого родственника Шафировых купца Евреинова «аттестат»

(рекомендацию), царь взял молодого Шафирова на службу в Посольский приказ. По другой версии, служивший в Посольском приказе Шафиров-старший познакомил Петра со своим сыном.

«Петр Великий, будучи еще в молодых годах, не задолго до первого Своего в чужие края путешествия, прогуливаясь по Московским торговым лавкам и в Панском ряду, заметил проворного одного молодого сидельца, остановился у лавки его и вступил с ним в разговор. Его Величество из ответов сего сидельца узнал его острый ум; а в продолжение разговоров, сведав, что он понимает Немецкий, Французский и Польские языки, спросил: где он учился? – Сей отвечивал, что «у отца своего». – Кто же отец твой? – вопрошал снова Государь. – «Посольского приказа Переводчик». – А кто хозяин твой? – «Московский гость Евреинов.» – Монарх напоследок повелел ему, сделав расчет с хозяином своим и взяв аттестат, притти с отцом своим к Нему: ибо-де «ты Мне надобен. – На третий день отец с сыном предстали пред Монарха, и сын поднес Его Величеству данное ему от хозяина о порядочном поведении его свидетельство. Великий Государь определил его в Посольский Приказ... Из «сего-то сидельца» – присовокупляет Г. Голиков в Анекдотах своих о Петре Великом – «вышел славный Господин Петр Павлович Шафиров».²⁶

Как бы то ни было, в середине 1690-х годов Петр Шафиров служил переводчиком в Посольском приказе, одновременно занимаясь и литературной деятельностью – переводами календарей с голландского и немецкого языков на русский. Так им был переведен календарь с предсказаниями: «Математических хитростных тонкостей календарь на 1697 лето от Р.Х...сочинен впервые от Павла Галкена, математического художника... письменного и сочинительного мастера града Буксшегуда. А переведен с немецкого языка на словенский в государственном Посольском приказе переводчиком Петром Шафировым в нынешнем 205 (1697 г.) году в ноябре месяце». Как видим мы из названия, календарь был одним из способов помочь людям в усвоении новых знаний, которые хлынули в Россию из Западной Европы. Недаром переводы П.П. Шафирова занимают почетное место в книге П. Пекарского «Наука и Литература в России при Петре Великом» (СПб, 1862 г.).

На начавшего службу переводчиком дипломатических бумаг и иностранных книг в Посольском приказе П.П. Шафирова обратил внимание крупнейший русский дипломат конца XVII в., думский дьяк Емельян Украинцев (1641–1708). В 1697 году он рекомендовал включить одаренного молодого человека в свиту Петра I, и уже в марте в Западную Европу направилось так называемое «Великое посольство», официальным руководителем которого был глава Посольского приказа, выдающийся дипломат того времени Федор Алексеевич Головин. Среди членов посольства под именем «Петра Михайлова» находился и сам молодой царь Петр. В составе посольства были многие сподвижники Петра, в том числе и Петр Шафиров, чьи выдающиеся дипломатические способности отметил Головин. За границей царь не расставался с Шафировым. Иностранец отмечал, что «Петр окружен совершенно простым народом; в числе его перекрещенец еврей и корабельный мастер, которые с ним кушают за одним столом».²⁷ Близость Шафирова к царю видна и из того, что, когда в июле 1698 года Петр, находясь в Вене, узнал о стрелецком мятеже и срочно отправился обратно в Москву, в числе нескольких близких людей он взял с собой и Шафирова.

Полное доверие царя и блестящие дипломатические способности позволили Шафирову играть все более активную роль в определении внешней политики России. Осенью 1699 года он принял участие в Московской русско-польско-датской конференции, оформившей антишведскую коалицию, в 1701 году вместе с Петром I вел переговоры

о заключении союза с польским королем Августом II Сильным. С 1703 года Шафиров – тайный секретарь при «первенствующем министре» Ф. А. Головине. Когда занявший после смерти Головина в 1706 году его пост обладатель более чем посредственных способностей Г.И. Головкин стал в 1709 году канцлером, Шафиров был назначен на специально созданную должность вице-канцлера (подканцлера). В этот период ему удалось добиться больших успехов в ослаблении положения на международной арене основного врага России того времени – Швеции, убедив германские государства в кроющейся для них опасности со стороны мощного скандинавского соседа, а Англию и Голландию – в активной профранцузской политике шведов. Результатом всего стал дружественный пророссийский нейтралитет всех этих стран. Именно в шафировском мозгу родилась впоследствии реализованная хитроумная идея субсидировать трансильванского князя Ференца Ракоци в его притязаниях на польский престол в противовес шведскому ставленнику князю Станиславу Лещинскому.

Во всех петровских баталиях Шафиров был рядом со своим царем. Известно, что именно он был парламентаром при капитуляции шведов у Нарвы и Ивангорода в 1704 году. Полтавская победа принесла Шафирову не только чин тайного советника и *(вслед за Петром I)* орден Великодушия от Фридриха Прусского и орден Белого Орла – от Августа II Сильного, но и *(как было сказано чуть ранее)* вице-канцлерство, позволившее ему быть значительно более самостоятельным в принятии политических решений.

В июне 1710 года Шафиров добился блестящего дипломатического успеха, заключив договор с герцогом курляндским Фридрихом-Вильгельмом о его браке с племянницей Петра – Анной Ивановной, что подводило юридическую основу под будущее присоединение Прибалтики к России. За месяц до этого в день рождения царя Шафиров первым в российской истории был возведен в баронское достоинство. *(Следует, кстати, отметить, что баронский титул стал впоследствии традиционным знаком отличия для евреев галута, как крестившихся, так и сохранивших веру предков. Напомним хотя бы ставших баронами Российской империи современников Шафирова братьев Соловьевых, а позже – Штиглицев, Поляковых, Фридериксов, Велю, Фелейzenов, Френкелей, Захертов, Местмахеров, а также получивших баронский титул от великого герцога Гессен-Дармштадтского Гинцбургов, и, наконец, всемирно известных Ротшильдов).* В мае 1711 года он заключил новый договор с Речью Посполитой.

Но, пожалуй, «звездным часом» Петра Шафирова на дипломатическом поприще следует признать его переговоры с Оттоманской империей («*Блистательной Портой*», как именовали ее в те времена) в ходе неудачного Прутского похода Петра I в 1711 году, когда царь вместе с тридцатитысячной армией был окружен пятикратно превосходившими силами турок без малейших шансов на успешный прорыв. Несмотря на письменный приказ в кармане: во избежание позорного плена отдать союзникам турок – шведам – Псков и новую столицу Петербург – Шафиров сумел обвести представителей султана и отделаться ради освобождения своего государя вместе с воинством сравнительным пустяком – сдачей Азова.

Думаю, имеет смысл привести текст инструкции, полученной от Петра во время переговоров с турками, чтобы понять, какой дипломатический подвиг совершил барон Шафиров для будущего России:

Июля 9. [1711 г.]

«1. Туркам все города завоеванне отдать, а построенныя на их землях разорить, а буде заупрямитца, позволить отдать.

2. Буде же о шведах станет говорить, чтоб отдать все завоеванное, и в том говорить отданием» Лифляндов. А буде на одном на том не может довольствоваться, то и протчия помалу уступить, кроме Ингрии, за которую, буде так не захочет уступить, то отдать Псков, буде же того мало, то отдать и инья провинции. «А буде возможно, то лутче б не именовать, но на волю салтанскую положить...».²⁸ Под текстом: Подлинная инструкция, данная на Пруте в обозе барону Шафирову. 711 июля в 9 день.²⁹

Чтобы не было иллюзий: главное, что хотел сохранить Петр – это клочок земли в Ингрии, иначе говоря, Петербург, но, находясь в безвыходном положении, он готов был срыть даже свое любимое детище.

Решения, принимаемые Шафировым, были столь ответственны, что Петр собственноручно подписал полномочную грамоту послу: «Даем полную мочь государственному подканцлеру нашему барону Шафирову...».³⁰ Царь повторял неоднократно «Туркам все завоеванные города отдать...», и все с единственной целью – избежать пленения.

Нет слов, великий дипломат был Петр Павлович! Шафиров сохранил России ее будущность. Ну, а благодарность, она *естественная*... Иваны, не помнящие родства своего. Бантыш-Каменский пишет о сути: «...во время нещастного положения наших войск при Пруте,

[Шафиров] оказал величайшую услугу России, убедив посредством красноречия ... Верховного Визиря Магмед-Пашу, согласиться на ...мир».³¹

О катастрофе на реке Прут написано не так много: якобы военные действия Петра носили явно авантюрный характер. Это не совсем так. Война есть война, тем более идущая на территории противника в местах безводных. Политическая обстановка была угрожающая:

1. Польша была недовольна, т.к. постоянные реквизиции у местного населения были в тягость. У крестьян отнималось последнее. Что же касается наиболее прозорливых, то они предвидели в будущем раздел Польши. Россия даже не думала передавать полякам обещанную Ригу. Кроме того, Россия вела борьбу против Станислава Лещинского, за спиной которой стояла Франция.

2. Малороссия находилась в «великой шаткости». Национализм еще со времен Богдана Хмельницкого: народ не хотел менять «сиру свитку з видлогою» на всероссийский зипун!

3. Негодовал Крым, забывший уже о «шерти» и «поминках», иначе говоря, о ежегодной дани, и ожидавший, что дни татарской свободы сочтены.

4. Волновалась Кубань, уже ощутившая тяжелую руку Москвы.

5. Волновались донские казацкие городки: они предвидели, что придется вести «заправскую службу» той же Москве. Этими обстоятельствами и решили воспользоваться турки.³² В ночь на 10 июля (*старого стиля*) русская армия была полностью окружена. Турок было свыше 120 тысяч, плюс 70 тысяч татар.(!) Турки имели громадный перевес в артиллерии: 440 орудий против 114 и обвели русский лагерь окопами, поставив батареи на убойных высотах и на противоположном берегу реки, отняв у русской армии не только возможность отступления, но и доступа к воде. Положение было отчаянное. (*Участник сего несчастного похода вспоминал, что, во время первого перемирия, «турки приехали нас навещать и полюбоваться нами в нашей клетке».*³³ Сознавая безнадежность своего положения, Петр пишет письмо сенату, приказывая, что «если впадет в плен туркам, не почитать его уже государем и не исполнять даже его собственноручных поручений». И даже выбрать достойного наследника! Но произошло чудо, имя которому – Петр Шафиров.

«Если бы сказали нам 22 июля утром, что мир заключен будет таким образом 24-го, то всякий почел бы, конечно, мечтателем и сумасшедшим того, кто осмелился бы ласкать нас надеждою на такое необыточное счастье».³⁴

Цена за освобождение была невелика: кавалер Моро-де-Браза видел, как на придворных повозках везли 200 000 червонцев золота и вещей, обещанных бароном Шафировым визирю. Это одна из самых блестящих дипломатических побед, известных в истории.

Однако, гарантом во исполнение договора сам Шафиров был вынужден остаться заложником в Стамбуле. Царь Петр лично известил об этом мать Шафирова и жену Анну:

«Мої госпожи.

Понеже господин подканслер Шафиров ныне в учиненном миру был полномочным по учененіи оного, турки просили, дабы ему і господину Михайлу Шереметеву у них до ісполнения остатца, что для необходимой нужды и учинено. Того ради не імейте о том печали, ібо Богу ізвольшу, не замешкаетца там.

Петр».³⁵

Шафиров находился в турецком плену два с половиной года, неоднократно подвергаясь арестам и угрозам физического насилия. В одном из писем царю он сообщал: «Держат нас в такой крепости, что от вони и духа в несколько дней вынуждены будем умереть».³⁶

В свою очередь Шафиров умоляет императора из Стамбула: «И будучи в таких руках, и ежели придет до того, что постражду от них, прошу милостиво призреть на бедных моих сырых оставшихся мать, жену и детей».³⁷

Здесь надо указать, что сохранилась обширнейшая переписка Петра со своим вице-канцлером. Шафиров был одним из первых, введших в русскую дипломатическую практику шифрование корреспонденций, и разработал для сношений с государем особый код. Кстати, именно Шафирову Петр поручил дешифровку дипломатических депеш, поскольку, как уже указывалось, вице-канцлер знал большинство западных языков и даже турецкий.³⁸

В статье Е.П. Подъяпольской «Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века»³⁹ много места отведено Шафирову. Подъяпольская специально оговаривает личность вице-канцлера следующими лестными словами: «Тайным секретарем Посольского приказа, позже вице-канцлером Посольской канцелярии был другой крупнейший дипломат петровского времени П.П. Шафиров, который в тяжелых условиях Прутского похода сумел заключить выгодный для России мир с Турцией».⁴⁰

У Петра была специальная тайная переписка с Шафировым. Следствие по делу царевича Алексея установило, что среди корреспонден-

тов наследника находился и Петр Шафиров, наравне с другими высшими лицами государства. «Цыфирь» применялась в письмах отца и сына Головкиных, Шафирова и А.Л. Матвеева и была вызвана желанием царя уведомлять наследника о важнейших государственных делах. Кроме, понятно, иных целей, которые имел Алексей в переписке с заговорщиками. Шифр меняли, если была вероятность, что письма могут попасть в неприятельские руки.

До наших дней дошла любопытная записка Шафирова русскому послу в Париже А.А. Матвееву, датированная 1706 годом: «Почты заморской течение ныне весьма пресеколось, и уже третья неделя не бывало ни к кому писем /.../ При сем /.../ азбуки две новые посылаю /.../, понеже Старая наша уже во многих случаях пропала в войсках и, может быть, что есть и в неприятельских руках. Того ради изволишь сих двух одною, которую получишь невредно, о всех секретных делах писать».⁴¹

Деньги Шафирову в Стамбуле требовались «немерные», чтобы поддержать хрупкий мир. Он просил царя действовать через банковскую контору Осипа Соловьева в Амстердаме и высылать просимые суммы в размере от 5 до 10 тысяч червонцев.⁴²

Однако, даже находясь в положении «посла-заложника», Шафирову удалось подкупить не только нового визиря, но даже и мать султана, не говоря уже о взятке крымскому хану ни много, ни мало в **сто двадцать тысяч рейхсталеров!** Естественно, возникает вопрос: откуда Шафиров в своем положении мог так свободно оперировать громадными суммами? Известно, что царь неоднократно требовал от Сибирского приказа высылать Шафирову через Посольский приказ в Стамбул для подкупа турок лучших соболей и чернобурок.⁴³ Однако, этого явно не хватало. Существует предположение, что миссию Шафирова при посредничестве аккредитованных при дворе султана английского и голландского послов субсидировали стамбульские еврей-купцы.

В свою бытность в Турции Шафиров не мог не встретить выходца из Португалии врача и дипломата Даниэля де Фонсеку – марана по происхождению. Подобно множеству семейств португальских евреев, пережила трагедию и семья де Фонсеки: прадед был сожжен инквизицией за тайное исповедывание иудаизма, отцу пришлось бежать из страны. Восемилетним мальчиком Даниэль вместе со своими братьями был пострижен в монахи и уже в совершеннолетнем возрасте, находясь в монастыре, тайно вернулся к религии предков. Попав под подозрение тайного трибунала инквизиторов, де Фонсека бежал в Париж,

где принялся за изучение медицины. Получив диплом врача, он уехал в Турцию, где перестал делать тайну из своего иудаизма. Прирожденный талант вкупе с приобретенными знаниями позволил де Фонсеке стать одним из наиболее влиятельных деятелей Порты того времени. Искусство врачавателя снискало ему славу и доверие среди визирей и пашей, что позволило не только приносить весьма ощутимую пользу своему гонимому народу, но и играть достаточно заметную роль на европейской арене. Так, после Полтавского разгрома он оказал помощь Карлу XII в его сношениях с султаном. По-видимому, де Фонсека состоял также и на секретной французской службе. До 1719 года он работал врачом во французском посольстве в Стамбуле.

В пору пребывания Шафирова в Турции внешнеполитическая ориентация Франции начала склоняться в сторону России. Не здесь ли следует искать причину необыкновенной удачливости Шафирова в его деятельности на турецкой земле? Не помог ли де Фонсека своими связями спелеменнику? Не исключено, что именно он протезировал Шафирову перед матерью султана. Никаких документальных сведений об этом, равно как и о получении информации от Фонсеки, в бумагах Петра I не сохранилось, несмотря на имеющуюся в руках исследователей весьма значительную переписку Шафирова с царем. Но это и не удивительно, поскольку осторожный Шафиров, боясь перлюстрации, мог не доверять бумаге источник своей информированности о планах Оттоманской империи даже в зашифрованном виде.

Нам осталось лишь кратко досказать судьбу Даниэля де Фонсеки. В 1719 году он с разрешения французского посольства и с согласия турецкого правительства переехал в Бухарест, где по приглашению князя Николая Маврокордата занял посты государственного советника и лейб-медика, что позволило ему содействовать антиавстрийской борьбе Франции. Затем де Фонсека вернулся в Стамбул, где, оставаясь врачом французского посольства, стал одновременно лейб-медиком султана Ахмета III, после свержения которого вернулся во Францию и провел остаток дней в общении с интеллектуальной элитой своего времени, в том числе с Вольтером. Вот с каким человеком столкнула судьба Петра Шафирова!

Следует добавить о пребывании Шафирова в Стамбуле следующее: «...положение дипломатических представителей иностранных держав в Турции, в том числе положение и русского посланника, имело некоторые специфические особенности, не принятые и даже неизвестные в то время в дипломатической практике стран Европы.

Прежде всего, турки весьма своеобразно «уважали» неприкосновенность дипломатических представителей. Широко известно, что русские послы неоднократно оказывались в турецкой тюрьме... Здесь побывали Толстой, Шереметьев и Шафиров. В Семибашенный замок бросали послов, в частности русских, и в более позднее время.

«Английский посол ... сообщает, как в 1715 году янычары схватили генуэзского посла и тащили его не одетого [голого?] по улицам [Стамбула] ..., не считаясь с тем, что неприкосновенность посла является одной из основных норм международного права». ⁴⁴ Отметим, что в мусульманских странах неприкосновенность посла попиралась и в более поздние времена. Вспомним гибель А.С. Грибоедова в Персии, разгром западных посольств в новейшее время в том же фанатичном Иране. Это происходит на фоне жажды Турции вступить в Европейский союз... Шафирова и Шереметева дважды помещали в Семибашенный замок и жизнь их висела на волоске, но заступничество послов западных стран: Англии, Голландии, и даже «горячо вступившегося» за русских послов короля Франции Людовика XIV, спасло им жизнь. Письма Шафирова царю Петру рисуют ужасную обстановку ежедневной борьбы за существование, но вместе с тем полны мужества, когда он уведомляет государя не верить тому, что написано, так как это могло быть вырвано у него «посредством разных мучений». «Кто сие привезет письмо изволить о нем держать секретно, и дать ему тысячу рублей в заплату: ибо великий страх в том терпят...». Ответ должен быть написан небольшой, но «цифирью», иначе тайным кодом.

Петр Шафиров, находясь в положении заложника, находил способ оказывать влияние на турецкую политику. Деньги и еще раз деньги способствовали улучшению отношений. Один из исследователей писал следующее: «Разумеется, все лица, от которых в той или иной мере ожидалось содействие русским интересам или сообщение русскому послу различной информации, получали солидное денежное вознаграждение за свои услуги. Голландский посол граф Кольерс получал ежегодно 1000 червонных (около 2000 рублей), епископ Галаний – 500 червонных, голландский переводчик Вильям Тейлс – 1000 левков (600 рублей), а его старший сын Николай – 600 левков (360 рублей), другой сын его – 250 левков (около 150 рублей), переводчик Порты – 500 червонных и т.д. Эти вознаграждения были очень высокими. Для сравнения можем заметить, что сам чрезвычайный посланник А. Дашков получал в год 1500 червонных. Переводчики и подьячие, находившиеся при нем, получали обычно по 200 рублей в год, а

дипломатические курьеры – по 100 рублей».⁴⁵ Новый 1713 год русские послы встретили в узилище. В течение восьми месяцев Шафиров не получал инструкций от своего правительства. Для будущей судьбы вице-канцлера имело значение его мнение о своем непосредственном начальнике графе Головкине, которого он считал своим врагом: «Я имею сильных неприятелей ... меж которыми ясно себя мне показал главный мой товарищ господин канцлер; во все двухлетие (*нахождения в Стамбуле. – С.Д.*) здесь пребывание ни одного указа и обстоятельного ответа мне не прислал, а только отвечал о приеме моих писем». В отчаянии подканцлер обратился прямо к царице Екатерине Алексеевне «Мы новый договор о мире на мере поставили; однакоже на том обретаюсь в великой печали, что сие принужден учинить, не получа нового указа, понеже тому с 8 месяцев, как ни единой строки от двора вашего ни от кого писем не имели. Того ради прошу о всемилостивейшем представительстве ко Государю, дабы того за гнев не изволил принять, что я не смел сего случая пропустить и сей мир заключить, дабы изволил повелеть на сей трактат немедленно прислать ко мне подтвержденную грамоту, чтоб от медления присылки тех грамот, как и впрошлом году учинено, неприятели ваши не нашли паки случая сей мир разорвать, и мне бы, сирому вашему рабу, от сих варваров не пострадать смертью, как и ныне тем многократно угрожали и всеконечно убить хотели, называя нас обманщиками, и пять месяцев нас в такой тюрьме морили, в которой ежели б не явное чудо Божие нас спасло, невозможно бы было живым быть, и понеже я сирый никакой иной помощи и заступления, кроме вашей государственной милости, которою я взыскан, не имею, но наипаче чаю заочно и многих неприятелей безчинно имею; того ради припадаю к стопам ног Вашего величества, со слезами прося, меня, своего раба, по всемилостивейшему обещанию своему, данному мне при отпуске моем в сей погибели не оставить».⁴⁶ Я думаю, что в будущем это почти интимное письмо способствовало возвращению Шафирова из ссылки. У Екатерины была память на добро и она не утратила чувства благодарности к спасителю, перенесшему адские муки в заточении ради России.

Наконец, 14 июня 1713 года новый Великий визирь собрал совет и спросил присутствующих, начинать ли войну из-за двух пунктов, которые русские послы не принимали. Шафиров также отказался их

принять, поскольку суть их была несовместима с суверенитетом России. Вот их небольшой, но существенный перечень:

1. Платить ежегодную дань татарам.

2. Разрешить переселение казаков-изменников на территории, которые Россия вынуждена была уступить, согласно договору.

Муфтий, коему Шафиров посулил 10000 левков и мех соболей, отвечал визирю, что война незаконна, потому что царь выполнил все условия старого договора. Султан подтвердил мир. 15 августа послы получили письмо канцлера Головкина от 15 июля из Петербурга, что царское величество доволен заключенным договором. Шафиров добился выгодного мира путем неимоверного подкупа всех лиц, от коих зависела судьба войны и мира. Он не жалел ни червонцев, ни соболиных мехов, ни драгоценностей. Богатство – вещь наживная, а мир – многократно важнее. Руки России должны были быть освобождены от южной угрозы, что позволило бы сосредоточиться на важнейшей цели: скорейшем завершении войны со Швецией.

В одном из писем к своему статс-секретарю А.В. Храповицкому Екатерина II писала (6 янв. 1789): «**Был доктор Тейльс, которого дети и внуки у нас и ныне. Сей был в Царьграде в 1716 г. и до того у Голландского посла, вел негоциации Петра I, когда Шафиров и Толстой сидели в семи башнях. После того сей Тейльс обнародовал на Французском языке в малой книжке свои негоциации. Сия книжка в моей вивлиофехе была, но не знаю, не отдала ли ее гр. Безбородке. Прошу ее отыскать. Буде отыщете, отдайте ее на прочтение гр. Сегюру.**⁴⁷ Здесь интересно то, что Екатерина иногда вспоминала вице-канцлера и, видимо, читала переписку Шафирова и Петра I. Возможно, что д-р Тейльс был соплеменником нашего героя.

Итак, Шафирову удалось минимальной для царя, но весьма существенной для себя самой ценой заключить выгодный России мир.

Находился Шафиров в плену два с половиной года. К сожалению, второй посол граф Шереметев умер по дороге в Киев, где и был погребен. В январе 1714 года послы (*П.П. Шафиров и П.А. Толстой*) вернулись в Москву. Шафиров был принят Петром «с великою честью». Все его действия были одобрены. «Щастие его возбудило новую ненависть в многочисленных завистниках, особливо в Князе Меншикове».⁴⁸

Петр полностью одобрил его действия в Турции и щедро наградил «посла-заложника». 30 мая 1719 года Шафиров стал кавалером ордена Андрея Первозванного. В 1722 году он получил высший чин действительного

тельного тайного советника. Шафиров путем нескольких договоров с европейскими государствами полностью изолировал на континенте пребывавшую в те времена в состоянии внутривосточной нестабильности Швецию. Это предопределило максимально благоприятный для России исход русско-шведских мирных переговоров, увенчавшихся подписанием в 1721 году Ништадтского мира, после которого возвысилась Российская империя. Барон Шафиров своими действиями подготовил триумф России. У Шафирова были личные связи с голыштинским дипломатом бароном Герцем, имеющим большое влияние на Карла XII, и это значительно облегчило работу русской делегации на переговорах. Я воздержусь писать о причинах этой близости, но думаю, что здесь был не только подкуп, хотя барон твердо верил в силу денег – здесь возможно и общее происхождение, что недоказуемо. Главное же в этой ситуации – дружба и громадный ум Петра Шафирова, сумевшего объяснить барону Герцу бесперспективность вооруженной борьбы против коалиции европейских стран. Швеция была изолирована, и никакой военной гений шведского короля не мог изменить ситуацию. В 1718 году Карл XII в 36-летнем возрасте был предательски убит в Норвегии, что облегчило возможность заключения договора.

Значительная часть деятельности Петра Шафирова прошла на дипломатическом поприще. Но он сыграл важную роль и во внутривосточных реформах Петра. По словам одного немецкого историка, лишь немногие русские сановники оказали державе и лично государю столь великие услуги, как Шафиров, которого можно без сомнения назвать одним из наиболее ярких «птенцов гнезда Петрова», сыгравшим неоценимую роль в разработке и реализации грандиозных преобразовательных планов той эпохи. Не зря на обложке одного из крупнейших русских исторических журналов XIX века «Русская старина», издававшегося М.И. Семевским, в перечне наиболее выдающихся людей России всех времен (*числом около 30, наряду с десятью царствовавшими монархами, начиная с Петра Великого и кончая Николаем I*) рядом с Пушкиным, Суворовым, Радищевым, Державиным, Сперанским названы десять фамилий петровского времени. Вот эти избранные: Федор Головин, Борис Голицын, Артамон Матвеев, Феофан Прокопович, Яков Долгорукий, Александр Меншиков, Борис Шереметев, Иван Посошков, Алексей Макаров – и рядом с ними Петр Шафиров. В частности, являясь генерал-почтмейстером (*совмещавшим функции руководителя не только почтового, но и транспортного*

ведомства), он образцово поставил службу, соединив Россию с Западной Европой. В числе ближайших сподвижников царя он одним из первых подписал «Духовный регламент», упразднивший патриаршество. *(При проведении церковной реформы Петр I опирался на трех человек: Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и Рафаила Зборовского. Один из них, Гавриил Бужинский, называемый современниками «евреянином», был преподавателем московской Славяно-греко-латинской академии, в качестве члена Синода ведал типографскими и школьными делами. В числе прочих Бужинский был составителем сборника «Юности честное зерцало» – основного руководства по воспитанию дворянских детей петровской поры. О нем будет ниже, подробно.)* Но, пожалуй, наиболее полно доверие государя выразилось в «главенствующей роли» Шафирова на суде над царевичем Алексеем. Хотя, как мы увидим ниже – возможно это было чистой декорацией, т.к. царь подозревал родственника Шафирова среди участников заговора. Вот как описывает иностранец встречу Петра I с сыном 3 февраля 1718 года: «Войдя в большую залу дворца, где находился царь, окруженный всеми своими сановниками, царевич вручил ему бумагу и пал на колени перед ним. Царь передал эту бумагу вице-канцлеру барону Шафинову и, подняв несчастного сына своего, распростертого у его ног, спросил его, что он имеет сказать».⁴⁹

Шафиров принимал участие *(вместе с Г.И. Головкиным)* в расследовании еще одного важнейшего дела об измене – доноса И.И. Искры и В.Л. Кочубея на малороссийского гетмана И.И. Мазепу. Тут Шафиров оказался не на высоте и не сумел разобраться в истинном положении дел. Но вместе с тем, обвинения в недобросовестном отношении к выяснению обстоятельств, выдвинутые впоследствии против обоих вельмож, представляются неосновательными. Действительно, оба они получали обильные подношения от гетмана, но не меньшие, если не большие – будем называть вещи своими именами – взятки вручались и «полудержавному властелину» Меншикову. Таковы были нравы великорусских сановников еще со времен царя Алексея Михайловича: московские дьяки сидели на иждивении малороссийских старшин. Решающим в «деле Мазепы» стало благоволение к престарелому гетману *(которому в ту пору было около семидесяти лет)* царя Петра.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

ТОМЪ XXVIII.
1880.

ЗИМНИЙ ДВОРЕЦЪ И ГЛАВНОЕ АДМИРАТЕЙСТВО 1753

Спб. в Шпасскомъ.

№ 111111.

Иван Степанович Мазепа импонировал государю своей высокой личной культурой (*гетман был незаурядным поэтом*), светскостью и западным лоском. Мазепа был излюбленной мишенью доносов (*за двадцать лет на него поступило двадцать доносов, ровно по доносу в год, что весьма свойственно российской практике*), но все они не подтверждались. Заслуги Мазепы перед Петром, известные еще со времен первого Азовского похода, не остались втуне: гетман одним из первых был произведен в кавалеры высшего российского ордена – Андрея Первозванного. С другой стороны, Мазепа обесчестил Кочубея, что в глазах Головкина и Шафирова было вполне достаточным основанием для доноса на обидчика, а потому и царь, и его приближенные рассматривали донос как акт личной мести. Понятно, имеется в виду роман престарелого гетмана с дочерью Кочубея, что нам знакомо со школьной скамьи из поэмы Пушкина.

Как известно, для передачи доноса Кочубей прибег к помощи казака-выкреста Петра Яковлева (*по-украински – Яценко*), который, прибыв в Москву, встретился с царевичем Алексеем и духовником царя Тимофеем Благовещенским. Вероятно, он был принят и самим Петром. Но к этому времени Мазепа уже прознал про донос и 24 февраля 1708 года написал царю письмо, в котором говорилось следующее: «Сим временем получил з Полтавы... подлинную ведомость, что житель тамошний полтавский, человек худородный, з жида перехрист, прозываемый Петр Яценко, имеющий там, в Полтаве, дом свой, жену и дети, а в Ахтырском полку промыслами, по обыкновению жидовскому, арендовыми упражняющийся... подал за рукой своею, все лжи превосходящую сказку, будто я Вашему царскому величеству неверен».⁵⁰

Тут к месту еще раз остановиться на проблеме историзма в творчестве А.С. Пушкина, который декларируется всеми исследователями. Как только что изложенная нами ситуация отражена в поэме «Полтава»?

Удар обдуман. С Кочубеем
Бесстрашный Искра заодно.
И оба мыслят: «Одолеем;
Врага паденье решено.
Но кто ж, усердьем пламенея,
Ревнуя к общему добру,
Донос на мощного злодея
Предубежденному Петру
К ногам положит, не робея?...»

И, как мы помним, далее на сцену выступает молодой казак, безответно влюбленный в героиню, но ощущающий меж ними социальную пропасть, а потому и не претендующий на предмет своего обожания, но готовый ради него на все и трагически переживающий бесчестие своего кумира. Итак, у Пушкина мотив личной мести сластолюбивому гетману выходит на первый план – и вряд ли это следует считать удивительным, поскольку поэт оперировал совокупностью материалов, доступных в его время. Тем не менее, историческая точность в поэме до конца не соблюдена: происхождение этого молодого казака не указано. Избегают этого и современные историки. Но если Пушкин, возможно, игнорировал родословие Петра Яценко, считая его фактором второстепенным (вспомним его же ставшее классическим:

Не то беда, что ты поляк:
Костюшко лях, Мицкевич лях!
Пожалуй, будь себе татарин, —
И тут не вижу я стыда;
Будь жид — и это не беда;
Беда, что ты Видок Фиглярин...

(Видок – нарицательное имя полицейского сыщика в 1820-1830-х гг. в России, по фамилии префекта парижской полиции).

Для советской исторической науки причина такого умолчания однозначна. Ну в самом деле, помилуйте, возможно ли, чтобы в святом деле спасения Родины активнейшую роль играл выкрест?!

Мазепа в своем письме к Петру сделал особый акцент на еврействе Яценко, но тут он просчитался. Мы уже упоминали, что для Петра была характерна поразительная по тем временам веротерпимость. Ещё в бытность по молодости в Амстердаме более всего, пожалуй, его поразило миролюбие, «с которым жили в одном месте люди столь многих разных исповеданий», и тогдашней мечтой юного царя было внедрение аналогичного порядка в России. В этом смысле чрезвычайно любопытна судьба Петра Яценко. Он настолько понравился Петру, что царь не выдал его, в отличие от Кочубея и Искры, Мазепе, а предложил поселиться с семьей в Москве – мера весьма предусмотрительная, если учесть, что ожидало бы его в случае выдачи на Украину. Его перспективы однозначно выражены в надписи на надгробном камне, возвышающемся над могилой Кочубея и Искры в Киево-Печерской лавре: «...Року 1708, месяца июля 15 дня, посечены средь Обозу Войскового, за Белою Церковию на Борщаговце и Кошевом, благородный Василий Кочубей, судия генеральный; Иоанн Искра, полковник пол-

тавский...».⁵¹ Царь писал Г.И. Головкину: «А Петра Яковлева вины кажется мало: толко, что он послан был к духовнику – письмами их; того для отпустить его жить в Москве или инуды куды в великороссийские города, а не в малороссийские».⁵²

Интересен и допрос казака Яценко (*Яковлева*), прибывшего с доносом Кочубея на измену Мазепы. На вопрос государя, кто он, Яценко с гордостью отвечает, что он казак «душою» из Диканьки, а по «батьке» считают его евреем. Его отец «манесеньким хлопчиком был, когда в нашу православную веру окстился». Петр, чтобы успокоить гонца, ободряет его указанием на своего вельможу, родители которого были евреи, а теперь он «наш, русский ...».⁵³

Но самое интересное заключается в том, что и защищавшийся от обвинений при помощи антисемитских выпадов гетман тоже был достаточно веротерпим, и в его окружении, даже среди ближайших сподвижников, можно обнаружить множество крещеных евреев. Так, в доносе Кочубея на Филиппа Орлика так говорится о происхождении тестя Орлика Павла Герцика: «Герцик, жид з Умани, зашел в час блиской войны до Полтавы... и застало его там дело войны Хмельницкой, где, яко всюду, жидов бито, так ему тае же смерть мела быти, но он, еще никому досады не учинивши, зложился крещением... и назван в святом крещении Семеном».⁵⁴ Следует добавить, что в 1703 году в селе Жуковке Черниговского полка произошел еврейский погром, «жидотрепание», по причине обвинения евреев в ритуальном убийстве. Гетман хотел лично допросить обвиняемых, но не тут-то было: возбужденная толпа их растерзала. Гетман в своем кругу произнес «историческую фразу»: «Темна вода во облацех! Темное дело было, темным и останется эта христианская кровь у жидов! А мне сдается, чуть ли не правое было первое показание жида, что они убили студента за то, что ругал их жидовскую веру и, может быть, еще и грозил. А потом как в Чернигове на суде его (*еврея*) приперли, домогаясь, чтобы сознавался, что ради доставления христианской крови совершил убийство, он и стал им говорить, что тем угодно было. Если бы жиды были живы, я бы, может, вывел дело на чистую воду, а теперь – кто их разберет!» Легко понять, что европейски образованный Иван Степанович Мазепа не верил в ритуал, а считал дело просто уголовным преступлением.

Заметим для начала, что Кочубей, как видно, не брезговал доносом как средством политической борьбы, а потому отношение к его доносу на Мазепу как к исключительно личной мести, пусть и справедлив-

вой, производит впечатление чрезмерного прямодушия. Что же касается Семена Герцика, то, по иным сведениям, он крестился в 1650 году, а его сын Павел Семенович в 1675/1695 годах был уже полковником малороссийского казачьего полтавского полка (*нужно учитывать, что по тем временам должность полковника относилась к разряду высших*). Сын же Павла Семеновича Герцика Григорий Павлович стал одним из самых преданных сторонников Мазепы и Орлика, бывшего мужем его сестры.⁵⁵ Около года Григорий Герцик проучился в Киеве «науке латинской». Вероятно, он получил медицинское образование, сослужившее ему потом хорошую службу. В 1705 году он стал полтавским наказным полковником, а после Полтавской битвы вместе с братьями Иваном и Афанасием бежал в Турцию. Григорий Герцик присутствовал при кончине гетмана Мазепы в турецкой крепости Бендеры 28 августа 1709 года и перевез тело покойного для погребения в Галац. После выборов его шурина Филиппа Орлика гетманом Григорий Герцик стал генеральным есаулом, то есть вторым человеком в первом украинском эмигрантском правительстве. Активная борьба Герцика за проигранное дело приводила его то в Запорожье, где он пытался поднять восстание запорожских казаков, то в Константинополь, где целью его усилий было достижение признания Оттоманской империей независимости Украины.

Тут-то и скрестились пути Герцика и Шафирова, который, как известно, в это время находился на положении «полномочного заложника» в Турции. В августе 1712 года Шафиров сообщал русскому правительству, что украинские эмигранты возбуждают турецкий двор против России и именно их действия – основная преграда на пути к установлению русско-турецкого мира. Для устранения этой помехи хитроумный сын своего века советовал прибегнуть к давлению, принудив находящихся в царских руках родственников руководителей украинской эмиграции написать им письма с тем, чтобы под страхом казни близких заставить беглецов либо вернуться на родину, либо отселиться подальше от русских границ. Его совет был принят во внимание: сохранились два письма, посланных женами братьев Герциков своим мужьям.⁵⁶

Не менее примечательна и дальнейшая судьба Григория Герцика. С 1715 года он вместе с братьями жил в Стокгольме, откуда (*все еще оставаясь генеральным есаулом*) был послан гетманом Орликом в Речь Посполитую.

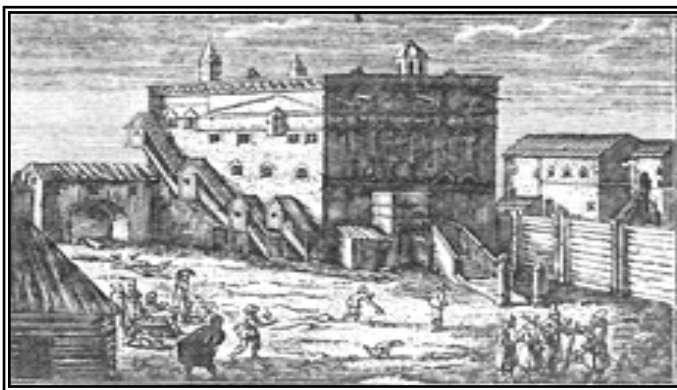
В 1719 году Григорий Герцик был похищен в Польше русскими агентами (*не правда ли: современно?*) и доставлен в Петербург, где его ожидал каземат Петропавловской крепости. В 1721 году он дал подробные показания о жизни украинской эмиграции в Бендерах и Стокгольме. Беспощадный Петр все же сохранил Григорию Герцику жизнь. Почему? Об этом мы можем лишь гадать... Некоторое время его держали под стражей в Адмиралтействе, а в 1727 году по его же собственной просьбе перевели в Москву. В «первопрестольной» Герцик крайне бедствовал, хотя и занимался врачебной практикой: достаточно сказать, что, когда в 1732 году он овдовел, у него не было денег похоронить жену. Лишь в 1735 году его освободили из-под ареста с запретом возвращаться на родину. Дата смерти Григория Герцика осталась неизвестной. Его многочисленное потомство внесло зримый вклад в историю русской культуры.

Почему Герцика похитили русские агенты в Польше? Дело в том, что Петр никогда не прощал измены сподвижникам Мазепы и запорожским казакам. Даже в пунктах Ништадского мира, между прочим, об обмене пленными и взаимном амнистировании дезертиров, имелся пункт, исключаящий амнистию украинских и запорожских казаков. **У Петра Великого была своя правда и своя гуманность ...**

Вообще еврейское происхождение – не редкость среди малороссийского дворянства. Тогдашний генерал-губернатор Малороссии выдающийся военачальник П.А. Румянцев-Задунайский в письме императрице Екатерине II сетовал в 1766 году, что при выборах малороссийских депутатов в созванную Екатериной в рамках своей политики «просвещенного абсолютизма» «Комиссию» по выработке нового «Уложения» (*свода законов*) ни одно собрание не обходится без взаимных попреков в «худородстве», причем каждое обвинение тут же подкрепляется уже готовой генеалогией «самознатнейших вельмож из мещан и жидов». ⁵⁷ Кстати, императрица и сама это прекрасно знала: внуком крещеного еврея Новицкого был, не более и не менее, прославленный канцлер Екатерины II, светлейший князь и граф Священной Римской империи Александр Андреевич Безбородко! Из иных малороссийских родов еврейского происхождения укажем Бороховичей, Модзалевских (породнившихся с Новицкими), Нахимовских (*ранее называвшихся Нахименко или Нахимовичи*), среди которых многие ушли вместе с гетманом Мазепой в Турцию; из этого рода – герой Синопского разгрома турецкого флота и руководитель обороны Севастополя в Крымской войне адмирал П.С. Нахимов. ⁵⁸

Петр Шафиров, вероятно, никогда, не забывал, какая кровь течет в его жилах (*да даже если б и хотел забыть, ему бы это не позволили*), и часто использовал контакты со своими соплеменниками во благо российской. Мы уже упоминали о его связях с евреями во время «турецкого сидения». Тогда же в одном из писем царю он советовал связаться с неким «жидом»-банкиром, фамилия которого осталась невыясненной, и занять у него пару миллионов на помощь датчанам в их антишведской борьбе: «Еще ревность моя не допускает умолчать, что на память мне приходит, что главный ваш интерес в том состоит, чтобы усилить дацкого, как на море, так и на сухом пути. И для того б изрядно занять миллион-другой у того жида... (*По-видимому и царь, и Шафиров хорошо знали, к какому «жиду» следует обратиться!*) и с тех денег прикупить кораблей; а войско какнибудь, или водою, или сухим путем... могли в сердце Швецкой земли вступить и тем принудить их к миру».⁵⁹

В записке русского агента Резе в Бреславле (ныне Вроцлав) сообщалось, что «в 1717 году он доносил царю посредством барона Шафирова, что некоторые значительные еврейские торговые дома в Германии предлагали ему, если царем разрешено будет нескольким еврейским семьям основать свободные конторы в Москве, Петербурге и Архангельске и пользоваться при этом свободой богослужения в своих синагогах, то эти германские еврейские торговые дома внесут в компанию персидской торговли 300000 рейхс-талеров. Это предложение, по словам Резе, было одобрено Царем, но потом потребовались от русского правительства гарантии их безопасности в торговле с Персией и на поданный проект никакого решения ему дано не было».⁶⁰

Посольский двор в Москве в XVII столетии – место работы Шафировых. После переезда столицы в Петербург в здании разместилась мануфактура П.П. Шафирова.

Но, печась о могуществе, славе и достоянии российском, Шафиров оставался сыном своего века, а потому не забывал и собственный карман.

В отличие от основной массы сановников «петровского извода», в прямом смысле слова попавших «из грязи – в князи», он был не из бедного рода. Если поначалу по «царевой службе» Шафиров получал 30 рублей в год жалованья и по 20 копеек в день «харчевых», что в сумме составляло 103 рубля в год,⁶¹ то со временем, накапливая влияние и связи, он добился стремительного роста своих доходов. Уже в 1709 году Шафиров приобрел в Москве три двора за Никитскими воротами (*купчие на них сохранились до наших дней*).⁶²

Вместе с еще двумя сподвижниками Петра I – Апраксиным и Толстым – Шафиров основал в Москве мануфактурную компанию по производству штофа (*тяжелой шелковой ткани, употребляемой и в обивке мебели, т. н. «штофная мебель»*.), бархата, шелковой парчи и прочих дорогих тканей, получил от правительства не только широкие привилегии, но и казенную ссуду суммой в 37 тысяч рублей, а также освободившееся после перевода столицы в 1712 году из Москвы в Петербург здание Посольского приказа. Общий капитал компании составил гигантскую по тем временам сумму – около миллиона рублей! Государство снабжало мануфактуру и бесплатной рабочей силой. Так, в 1719 году на нее было прислано с каждого «прядильного дома» Москвы и Петербурга по десяти «винных баб».

Однако наладить как следует производство вельможи не сумели, и в 1721 году приняв в компанию московских купцов, в 1724 году вообще вышли из компании, забрав свои капиталы. В итоге выиграл Шафиров – московские купцы были его родственники, в том числе и Евреиновы. (*Поскольку мануфактуры по мысли Петра должны были стать преемницами монастырей как нравственно-исправительных учреждений, на них по указам ссылали для исправления «виновных девок и баб»*).⁶³ Когда после ареста Шафирова мануфактура перешла к его родственнику Евреинову, на одной лишь шелковой фабрике работало полторы тысячи человек!⁶⁴

4 мая 1707 года Шафиров писал дьяку Посольского приказа Постникову: «Покамест новые мастера из-за моря вышлются, изволишь... с Измайловских заводов стеклянных одного знающего стеклянногоршечного дела и управителя-мастера, хотя б на время, выпросить, дондеже он тех зеркальных мастеров (*как горшки с составами в печах выжигают, чтоб не трескались*) научит».

В этом же письме Шафиров требовал от дьяков Посольского приказа «сыскав, взять из ремесленных людей и из Серебрянников из молодых ребят, которые знают, как на серебре горшки делать, в которых, с разными составами выжигу выжигают и серебро плавят».⁶⁵ Вместе с Меншиковым Шафиров владел громадными и очень прибыльными промыслами ворвани (*моржового, китового и трескового жира*) на Белом море.

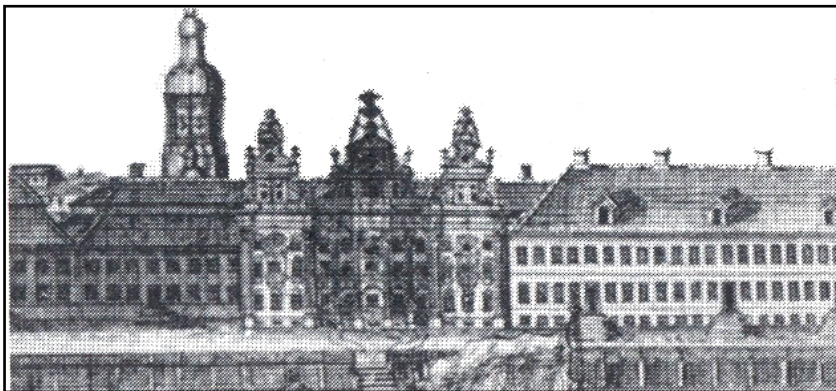
Не брезговал Шафиров и тем, что на современном нам языке уголовного права именуется «использованием служебного положения в корыстных целях». Мы уже говорили, что он (*наряду с прочими петровскими вельможами, среди которых упоминались имена Меншикова и Головкина*), по некоторым утверждениям современников, находился на постоянном жалованье у гетмана Мазепы. Однако никогда, даже самые лютые его ненавистники, не узрели в этом причину шафировского промаха при расследовании доносов о гетманской измене русскому делу, поскольку это было абсолютно созвучно духу эпохи. Преемник Мазепы на посту гетмана Левобережной Малороссии И.И. Скоропадский подарил Шафирову два богатых села – Панурицу и Вербу.

Шафиров извлекал выгоду и из протектирования многим предпринимателям. Если упомянутая ранее попытка привлечения в Россию капиталов германского еврейства может в определенной степени рассматриваться как стремление укрепить положение соплеменников, то абсолютно девственной в этом смысле и продиктованной исключительно сочетанием государственных интересов и личной выгоды представляется поистине историческая протекция, оказанная Шафировым клану Демидовых, который наряду со Строгановыми может без сомнения называться основоположником экономического взлета России.

Первым шагом к славе и богатству Демидовых явился, как это часто бывает, случай. У проезжавшего через Тулу Шафирова испортился пистолет работы знаменитого мастера Кухенрейтера. Никита Демидов не только исправил поломку, но и изготовил точную копию пистолета, по своим качествам ничуть не уступавшую оригиналу (не здесь ли коренятся истоки фабулы лесковского «Левши»?!). Этим и воспользовался Шафиров, по достоверному свидетельству дважды устраивавший встречи Никиты Демидова с царем. Впоследствии Демидов никогда не забывал об этом. На протяжении многих лет Шафирова и Демидова связывали тесные отношения, косвенным отражением которых стало тянувшееся полтора года (*с сентября 1733 по март 1735 годов*) и в конце концов закрытое следствие по доносу о взятке в 3 тысячи рублей,

которую Демидов якобы дал Шафирову как президенту Коммерц-коллегии.⁶⁶ (*Коммерц-коллегия ведала торговлей*). По-видимому, Демидов передал по наследству вместе со всеми капиталами и свой филосемитизм. Его потомок, городской голова «отца русских городов» и одного из оплотов антисемитизма в России – Киева, князь Павел Петрович Демидов-Сан-Дonato издал в Петербурге в 1883 году (*то есть сразу же после «девятого вала» еврейских погромов на юге империи*) брошюру «Еврейский вопрос в России», в которой активно защищал равноправие евреев, чем вызвал лютей вой антисемитов.⁶⁷ (*Интересно и то, что князь П.П. Демидов одновременно с «любовью к евреям» субсидировал пресловутую «Священную дружину».*)

В 1713 году Шафиров начал строить в Петербурге по проекту неизвестного архитектора свой собственный дом. С прошествием времени скромность первоначального замысла перестала его удовлетво-

Дом Шафирова на набережной Невы.

рять. Он пригласил для переделки дома архитектора Б.К. Растрелли и его сына – в ту пору начинающего архитектора, а позднее классика русского зодчества XVIII века. Фасад дома Шафирова работы Растрелли-младшего сохранился до наших дней. Растрелли возводил и дворец дочери Шафирова княгини В.П. Хованской на берегу Невы неподалеку от Адмиралтейства.⁶⁸ Любопытно, что дом Шафирова располагался по соседству с дворцом дядьки царя Петра – Никиты Моисеевича Зотова. Учитывая уже цитированное донесение иезуитов о возможном еврейском происхождении Зотова, такое соседство, быть может, являлось не случайным.

Короче говоря, на государственном поприще Шафиров, подобно всем остальным петровским вельможам, сумел колоссально разбогатеть. Во всяком случае, историки оценивают его состояние как одно из самых больших в истории России.⁶⁹

Естественно, что его стремительный финансовый рост, с одновременным усилением влияния на государя, не могли оставить равнодушными могущественных конкурентов. Да и сам статус фаворита в воздвигавшейся системе абсолютной монархии был весьма зыбок и в полной мере зависел от совокупности случайностей, особенно если эти случайности тщательно подготавливались политическими противниками. Пожалуй, наиболее ярко это положение подтверждается бытовавшей позднее, в царствование дочери Петра императрицы Елизаветы Петровны, расхожей формулой, характеризовавшей положение фаворита: «быть в случае». Вот его официальный список роста благополучия, государственных наград и опалы:

1. В 1708 году за свою неутомимую деятельность он получил 300 крестьянских дворов.

2. 16 июня 1709 года пожалован в тайные советники и произведен в вице-канцлеры.

3. Фридрих Прусский пожаловал ему орден Великодушия.

4. Август Польский наградил его орденом Белого Орла.

5. 30 мая 1710 года в день рождения царя Шафиров получил баронское достоинство. Иногда сообщается другая дата — 10 июня 1710 года по новому стилю.

6. Одновременно гетман Скоропадский особым универсалом подарил ему два богатых села: Вербу и Понурицу.

7. В 1709 году ему были подчинены почты, еще со времен царя Алексея Михайловича находившиеся в ведомстве Посольского приказа.

8. После возвращения из Стамбула Шафиров вновь был награжден деревнями.

9. В 1716 году он получил 3000 тысячи рублей прибавки к жалованию.

10. В 1717 году назначен вице-президентом коллегии иностранных дел.

11. В 1719 году получил орден Андрея Первозванного.

12. В 1722 году назначен сенатором и произведен в действительные тайные советники. Это было вершиной карьеры барона Шафирова.

К моменту ареста у него было 14 тысяч душ крепостных. И в отличие от Меншикова, Шафиров не держал деньги в Амстердамском и Лондонском банках. Почему? Это непонятно. Ибо именно Светлейшему князю Шафиров советовал держать деньги за границей. Князь Меншиков держал деньги и в Венецианском банке.

Русское правительство неоднократно требовало возвращения вкладов на основании конфискации имущества Светлейшего. Но и в XVIII веке банкиры стойко соблюдали правило: выдавать счета только владельцам. Сын и дочь Меншикова сумели этим воспользоваться, в то время как государство вернуло им лишь 50-ю часть недвижимых имуществ... Выскажем непроверяемую догадку, что и Шафиров держал средства в европейских банках, но на анонимных счетах. Он хорошо предвидел будущее...

Далее состоялся суд, о котором я написал. Все же его не отправили в Сибирь, лишь конфисковали все имущество, и он проживал с семьей на 33 копейки в день в городе Новгороде. Причину, почему Шафирову Петр не разрешал входить в церковь, следует искать не только в тех или иных психологических нюансах. Дело все-таки выглядит проще: Петр знал, что вице-канцлер оставался в душе правоверным евреем, так зачем продолжать лгать в данных обстоятельствах.

После смерти Петра I началось медленное гражданское возрождение Шафирова. Нельзя думать, что все отвернулись от несчастного. За Шафирова хлопотали люди, которые были ему обязаны. Среди них герцог Голштинский, женатый на дочери императора Анне Петровне, – отец будущего Петра III. **Еще до погребения Петра Великого Шафиров был возвращен Екатериной из ссылки.** По свидетельству современника, их первая встреча носила теплый и неформальный характер: «Императрица призвала к себе Шафирова, и весьма милостивыми словами изъявила ему, чтобы он приписал претерпенно им несчастье врагам своим, а не покойному императору, который даже перед кончиною Своею всегда хороших был об нем мыслей, противился ссылке его в Сибирь и намеривался даже возвратить ему прежнюю Свою милость; посему Она, исполняя желание в Бозе почившего своего Супруга, долгом поставляет уверить Барона в отличной Своей к нему благосклонности». На «кроткие» слова Шафирова о своей виновности, Екатерина прервала его и сказала: «Я помню ваши заслуги».⁷⁰

Императрица разрешила поцеловать ей руку и приказала принести отобранную шпагу Шафирову. Но ее утеряти. Екатерина не растерялась и приказала из своего кабинета принести золотую шпагу покойного императора, которая и была надета на него. Любопытно, что императрица пригласила своих дочерей поздравить возвращенного из ссылки вельможу. Она даже хотела вернуть ему его дом, но Шафиров отказался, мотивируя это тем, что он вполне бедный человек: у него нет средств поддерживать его великолепие.

Впоследствии он все-таки вернулся в свой дом. Многие противники Шафирова удивлялись тому, что Екатерина I, находившаяся под влиянием врагов барона: Меншикова и Остермана, могла допустить его «реабилитацию».

Один историк пишет прямо, что это было связано с герцогом Гольштинским, будущим зятем императрицы (*отцом внука Петра и Екатерины Петра III*). А главное, царица не могла забыть, что стараниям Шафирова она обязана жизнью и свободой во время несчастного Прутского похода.

Другой историк пишет, что императрица должна была заручиться не только помощью князя Меншикова, но должна была сделать уступку «старой» партии Долгоруких и Голицыных и посему быстро возвратила из ссылки Шафирова. Но, вероятно, государство в решающие моменты истории, нуждается в умных головах.

ОПАЛА

Однако крах карьеры Петра Шафирова был связан не только – и даже не столько с чисто конкурентными, причинами, но с более фундаментальной, пронизывавшей всю эпоху Петра и явившейся по существу ее сутью – столкновением новой знати со старой; столкновением, столь трагически отразившемся именно на судьбе Шафирова, предельно выражавшего собою тип новой, «петровской», аристократии. Чуть позже мы подробно расскажем о потомках Петра Шафирова, здесь же лишь отметим, что всех своих шестерых детей – сына и пятерых дочерей – он выдал за представителей старинных аристократических родов, ведших свои генеалогические древа от Рюриковичей и Гедиминовичей. И в силу вновь сложившихся родственных связей Шафиров, один из основных инициаторов и проводников преобразований петровской эпохи, оказался на стороне «старой» знати в смертельной схватке со знатью «новой» и в первую очередь – ее вождем Александром Даниловичем Меншиковым.

При этом необходимо отметить, что Шафирова с Меншиковым связывали не только совместное предпринимательство (*что уже само по себе может в определенных случаях стать причиной лютой вражды*), но и личная дружба. Одним из редких личностных документальных свидетельств тому может служить шутивное письмо Шафирова Меншикову, ярко высвечивающее и нравы той эпохи, и образ самого Шафирова: «Светлейший князь, мой милостивый государь. Вашей светлости прошу прощения, что по сие число не услужил вам писанием своим, ибо с самого приезда своего в непрестанных трудах славленных обретаемся, которое и по сие число еще продолжается, и ничто нам трудно не стало, как избрание всешутейшего папы, о котором мы вдвой сутки непрестанно молитву Бахусу приносили, чтоб великия от того источники протекли, и от того труда трое нас было и занемогли, а имянно Иван Алексеевич (*Мусин-Пушкин*), Павел Иванович (*Ягужинский*) и я; однако ж меня Бог скоро освободил, а Иван Алексеевич чуть не скончался, припал паралич, а Павлу Ивановичу огневая (*белая горячка – С.Д.*) было припала, но ныне есть обоим облегчение. Москва, 5 января 1718 г.»⁷¹ (*Первый «князь-папа» или, как он титуловался полностью, «всешутейший отец Иоаникит, пресбургский, кокуйский и все-яузский патриарх», уже упоминавшийся нами «дядька» царя Никита Моисеевич Зотов, умер в октябре 1717 года, а в декабре того же года на эту шутовскую должность был избран боярин Петр Иванович Бутурлин.*)

Из этого послания видно, что в начале 1718 года отношения между Шафировым и Меншиковым были вполне приятельскими. В июне того же 1718 года указом, подписанным Меншиковым, Шафиров получил в «вечное потомственное владение» дома и усадьбы в Ревеле (*нынешней Таллин*), причем характерно, что решение об этом пожаловании было принято практически молниеносно: прошение Шафирова датируется 24 июля, а указ – 28 июля.⁷²

Можно с уверенностью сказать, что у Шафирова был непокладистый характер. На него жаловались еще задолго до процесса 1722 года. На заседании коллегии иностранных дел постоянно происходили склоки Головкина и его клеветов с Шафировым. Головкин был нравственно растленный человек, о чем откровенно писал писатель Данило Лукич Мордовцев в романе «Идеалисты и реалисты». И, главное, он был неизмеримо ниже интеллектом своего предшественника Ф.А. Головина, с которым легко работал Шафиров. Но факт есть факт. Головкин постоянно «стучал» на своего «зама» императору. Дело до суда не доходило. Как иронически писал историк: «Царским расправам протоколов не велось, но то обстоятельство, что это дело оборвалось и осталось без видимого конца, свидетельствует о его конце в токарной, где царская дубинка, вероятно, сделала хороший «променад» по упитанной спине сварливого подканцлера».⁷³

Столкновения начались позднее и достигли своей кульминации в 1722 году, когда император Петр находился в Персидском походе. Причиной ссоры между всеильным временщиком и вице-канцлером многие современники, по-видимому, вполне справедливо сочли дележ барышей от совместной беломорской компании. Но на поверхности событий разгорелся бурный скандал в Сенате, спровоцированный Меншиковым, в ходе которого Шафиров обвинил своего противника в незаконном межевании Почепских земель (на Брянщине), а тот в свою очередь указал на протекцию, которую Шафиров оказывал своему брату Михаилу Павловичу, члену Берг-коллегии. (*Берг-коллегия ведала горным делом*). В атаку на Шафирова включился обер-прокурор Сената Г.Г. Скорняков-Писарев, который к уже выдвинутому против вице-канцлера обвинениям присовокупил также сокрытие своего еврейского происхождения и связь с некрещеными родственниками: «Михайла Шафиров (*брат Петра Павловича – С.Д.*) не иноземец, но жидовской породы, холопа боярского прозванием Шаюшки сын, а отец Шаюшкин был в Орше у школьника (*по-видимому, имеется в виду меламед*) шафором, которого родст-

венник и ныне обретается в Орше, жид Зельман».⁷⁴ Необходимо заметить, что, независимо от того, правду ли говорил Скорняков-Писарев или лгал, создается ощущение не внезапно вспыхнувшей ссоры, а заранее обдуманной и подготовленной дискредитации Шафирова: уж чересчур осведомленным и хорошо ориентирующимся в ситуации предстает обер-прокурор Сената в даже весьма отдаленной родне вице-канцлера. Шафиров отверг выпад Скорнякова-Писарева указанием на знакомство государя еще с его отцом и получение дворянства еще в царствование Федора Алексеевича (*В недавно опубликованной в СССР и уже цитированной мной книге историка Н.И. Павленко «Петр Первый», суд над Шафировым описан с большим сочувствием к обвиненному.*

В изложении суда над ним национальное обвинение, естественно, не упоминается, хотя у Бантыш-Каменского Скорняков дважды в доносах Сенату указывал на «жидовское происхождение» подканцлера.

Замечу для непосвященных, что обвинение в связи с родственником «Зельманом» в Орше не столь безобидно. Дело в том, что Орша находилась на территории Польши. Это был пограничный городок. и общение с иностранным подданным – это серьезное обвинение. Орша вошла в состав России лишь в 1764 году.

Собственноручная пометка Шафирова на доносе Скорнякова-Писарева, которая явно сделана с целью избежать обвинения в еврействе: «Отец мой взят щ(е)сти лет с прусской границы в полон, и никого откуды он не помнил». Совершенно очевидно, что это лишь прием защиты, и не более того. Хотя слухи о голландском происхождении Шафирова также ходили (*он выучил голландский язык*), и, возможно, распускались самим вице-канцлером, для «облагораживания» своего рода. Но все это опровергается родственными связями Шафировых со «смолянами». Кстати, формулировка, взятая Шафировым, восходит к известному и распространенному приему для доказательства иностранного, а, следовательно, «благородного» происхождения: «выехал из немец». [Слово «шести» написано Шафировым без буквы «е», поэтому я взял её в скобки. Думаю, что он пропускал гласные, подобно древнееврейскому правописанию.] Некоторые отрицают работу отца Шафирова переводчиком в Посольском приказе, называя его холопом боярина Б.М. Хитрово. Про Богдана (*Иова*) Матвеевича Хитрово (1615 или 1616 –1680), возглавлявшего приказ Большого дворца и золотую и серебряную палаты, известно, что у него обретались многочисленные «перемещенные лица», в том числе и евреи. Все они

попали «во двор» к нему, потому что он был один из активных участников войны с Польшей, в том числе и осады Смоленска. По поручению царя он вёл переговоры с поляками и литовцами, а потом шведами. Хитрово был одним из весьма приближенных Алексея Михайловича, а затем и Федора Алексеевича. При приемах иностранных послов Хитрово всегда занимал первое место слева от царя. И именно это не опровергает того, что отец Шафировова был переводчиком в Посольском приказе... **Б.М. Хитрово завещал отпустить на волю принадлежащих ему холопов, кабальных людей и пленных, что и было исполнено царем Федором Алексеевичем. Возможно, среди них были и Шафировы.** (С Б.М. Хитрово связана история, напоминающая историю предательства Мазепы и расследования, произведенного Меншиковым и Шафировым. В Москве получили донос гетмана Ивана Выговского, написанный полковником Мартыном Пушкарем. Посланный в Малороссию для расследования, Хитрово не разобрался в сути дела. Выговской перешел на сторону поляков. Пушкарь погиб). Читаем у знаменитого историка донос Скорнякова: «Отец Шафировова служил в доме боярина Богдана Хитрово, а по смерти его сидел в шелковом ряду в лавке и о том многие московские жители помнят».⁷⁵ Все это верно, но должно знать, что торговлей промышляли не только переводчики, но и, скажем, стрельцы, зарабатывая лишнюю копейку для семьи. А «Шелковый ряд», повторимся, требовал значительного начального капитала: у холопа вряд ли он был. Кстати, ни Шафирову, ни Меншикову – торговый и прочий бизнес не мешал заниматься государственными делами...

Ведущий следствие П.И. Ягужинский так писал кабинет-секретарю А.В. Макарову: «...Григорий Григорьевич (Скорняков-Писарев), рьяся против сего не по его нраву учиненного дела (имеется в виду «Почепское межсезание» – С.Д.), вступил чуть ли не со всеми сенаторами в злобу, а особливо с Петром Павловичем Шафировым за брата Михаила, которого между иными поносительными словами написал в предложении своем: *«жидовского рода и отца их холопа боярского Шаняяку»*. Я надеюсь, что такая моей апробации не может иметь: ибо тогда, милостью государевой однажды уже кто посвящен прежние все низости и малородства тем покрыты...».⁷⁶ У генерал-прокурора Сената, генерал-аншефа, обер-шталмейстера и кабинет-министра Павла Ивановича Ягужинского (которого автор исторических романов Л.Д. Мордовцев считал евреем) обилие чинов и регалий сочеталось с редкостной по тем временам неподкупностью.

И, действительно, учрежденная императором для расследования «дела Шафировова» комиссия полностью игнорировала сокрытие «**жидовства**», но признала обвиняемого виновным в казнокрадстве, завышении почтовой таксы, укрывательстве в своих поместьях беглых крепостных и в сокрытии 200000 рублей, принадлежавших казенному князю Матвею Петровичу Гагарину.

Несмотря на то, что:

а) вряд ли можно было найти хотя бы одного петровского сановника, не запускавшего при случае руку в казну (*некоторые свою длань оттуда попросту не вынимали!*);

б) беглым крепостным под шафировской властью жилось много лучше, чем у прежних хозяев.

Имеются интересные сведения о Шафирове-помещике. Настолько интересные, что опыты его землевладения приводятся в книге «Очерки истории СССР. Период Феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I» под редакцией доктора исторических наук Б.Б. Кафенгаузена и кандидата исторических наук Н.И. Павленко, М., Из-во Академии наук СССР, М., 1954, с.53, 57-58, 61, 163. (*Павленко – один из крупнейших историков петровского времени*). *Некоторые примеры говорят в пользу хозяйствования Шафирова. Так в Пензенской слободе Ломовской, принадлежащей Шафирову, треть крестьянских дворов владели пчельниками. Наиболее крупные пчельники насчитывали от 100 до 150 ульев! У других помещиков пчельники колебались от 20 до 100. Самый же крупный пасечный «завод» в 100 ульях существовал в Рыльском уезде. Сравнение в пользу благополучия крестьян Шафирова*].

в) имущество князя Гагарина и по закону не выходило из владения клана Шафировых, поскольку дочь вице-канцлера Анна Петровна была замужем за сыном казенного. Шафиров был приговорен к смертной казни, которая одним из историков была признана явно не соответствующей проступкам обвиняемого. (*Уже упоминавшийся нами советский историк Н.И. Павленко считает, что имеющиеся источники не дают убедительного объяснения причин столь жестокого решения Петра⁷⁷*), а другим историком – сочтена черной неблагодарностью императора Петра по отношению к своему сподвижнику. Историк пишет: «Когда Петр I должен был оказать наибольшее доверие барону Шафирову и защитить его от нападков врагов, он забыл ту благодарность, которую он был обязан этому великому государственному мужу».⁷⁸

Думается, что разгадка императорской жестокости лежит в сфере психологической: глубоко, скажем мягко, неуравновешенный Петр не захотел нести нелегкое бремя благодарности столь много сделавшему и лично для императора, и для России Шафирову и использовал склоку как удобный повод для избавления от него (*что вообще весьма свойственно деспотичным натурам*). Возможен и иной вариант ответа. Его мы коснемся в конце нашего повествования.

Морозным утром 15 февраля 1723 года толпы москвичей запрудили Кремль, чтобы поглазеть на незаурядное зрелище – казнь вице-канцлера и сенатора Петра Павловича Шафирова. По свидетельствам очевидцев, осужденный вел себя мужественно, по русскому обычаю обратился лицом к церкви, несколько раз перекрестился, после чего встал на колени и припал головой к плахе. Палач взмахнул топором – и всадил его в колоду подле головы обреченного, а кабинет-секретарь А.В. Макаров зачитал императорский указ о замене Шафирову смертной казни ссылкой в Сибирь за, как было сказано, оказанные государству услуги. Поднявшегося на ноги заплаканного Шафирова (*как ни прекрасно держался наш герой, а потрясение все же чудовищное!*) свели с эшафота и повели в Сенат, где многие сенаторы жали ему руку и поздравляли со спасением. Лейб-медик Говн, как говорили в ту пору, «отворил ему кровь», и Шафиров при этом заметил: «Лучше было бы, если бы выпустили мне кровь из большой жилы, дабы прекратить мои мучения».⁷⁹

Необходимо отметить, что сочувствие к опальному проявили все иностранные представители при русском императорском дворе, и, возможно, именно их заступничество спасло ему жизнь. Недаром, как писал современник, «посланники могли полагаться на данное им (*Шафировым – С.Д.*) слово, что много делает к чести государственного министра».⁸⁰ Справедливость требует признать, что Петр I наказал, хоть и не в равной мере, всех участников склоки: Меншиков вышел из доверия государя, Скорняков-Писарев был сослан в Сибирь, да и прочие не остались «обделенными».

Приговор Шафирову сочетался с конфискацией имущества, после которой он уже никогда не смог восстановить свое былое могущество. Однако своих дочерей он успел выдать замуж до краха и дал за ними богатое приданое. После конфискации в доме Шафирова на Петербургской стороне разместилась Академия наук, где 27 декабря 1725 года и прошло ее первое публичное собрание.⁸¹ Там же находилась и Первая академическая гимназия.⁸² Почти пятьсот книг из биб-

лиотеки бывшего вице-канцлера вместе со старинными рукописями легли в основу Академической библиотеки.⁸³ Тем не менее вряд ли следует считать финансовое состояние Шафирова безвозвратно подорванным конфискацией, поскольку после его смерти с публичных торгов продавались закупленные им кожи, а также почти шесть с половиной тысяч пудов ворвани по 30 копеек за пуд.

Следует указать, что вице-канцлер входил в ближайшее петровское окружение, как теперь называется – «элиту» государственной власти, состоявшую из 15-20 человек. В Государственном совете (*Ближняя государственная канцелярия*) заседали: царь, канцлер граф Г.И. Головкин, вице-канцлер П. Шафиров, боярин Н.М. Зотов. Тайный военный совет включал царя, А.Д. Меншикова, фельдмаршала Б.П. Шереметева, боярина Ф.М. Апраксина, боярина Н.М. Зотова, канцлера Г.И. Головкина и вице-канцлера П. Шафирова. Сведения относятся к 1710 г.⁸⁴ Советская историческая энциклопедия пишет: «Ближайшими сподвижниками и помощниками Петра I были А.Д. Меншиков, П.П. Шафиров, П.И. Ягужинский, Б.П. Шереметев, Г.И. Головкин, Б.И. Куракин и др.».⁸⁵ Совершенно ясно, что это объективный список, где вслед за Светлейшим идет барон еврейского происхождения, а на третьем месте «неподкупный» П.И. Ягужинский, вероятно, также еврейского происхождения.

С.М. Соловьев, перечисляя окружение царя, указывает среди нескольких фамилий и на Шафирова, и добавляет знаменательную фразу: «Дела было много, рук мало и члены дружины должны были заниматься многими делами, по примеру своего вождя...».⁸⁶

Шафиров не оставил после себя ни дневников, ни мемуаров. То была эпоха действий. Век воспоминаний лишь брезжил на историческом горизонте (*сколько их написали шафировские потомки!*). Поэтому трудно понять его внутренний мир, «заглянуть в его душу». И тут нам на помощь приходит Лев Николаевич Толстой. В ходе работы над незавершенным романом из эпохи Петра I великий писатель, заинтересовавшись Шафировым, сделал некоторые выписки из «Словаря достопамятных людей Русской земли», составленного Д.Н. Бантыш-Каменским. Что же привлекло его внимание? «Шафиров. Хотя он был малого роста, чрезвычайной толщины и едва передвигал ноги, но соединял ловкость в поступках с великою приятностью в лице. Толстый, жидовской породы. Во время похода Петра Великого в Персию произошла в Москве между Шафировым, обер-прокурором сенатским Скорняковым-Писаревым и князем Меншиковым страшная ссора.

Писарев дал предложение сенату, исполненное желчи, в котором называл барона Шафирова сыном одного боярского холопа, прозванным Шаюшки, и притом жидовской породы. Шафиров, со своей стороны, доказывал, что дядя родной Писарева за воровство повешен. Обер-прокурор представил тогда жалованные грамоты и просил не принимать более от Шафирова подобных прежним ябеднических, бездельных, многоглаголивых и из лжи сплетенных доношений. Язык, знание, цепкость. Шафиров оказал великую твердость во время своего несчастья».⁸⁷

Из многогранной и насыщенной событиями жизни Шафирова писатель обратил внимание на скандал в Сенате, указав на единственное обвинение – в еврейском происхождении, кстати, так и не попавшее в обвинительный акт. По-видимому, именно в происхождении Шафирова Толстой увидел генерализирующую причину нападков на него. А из черт характера писатель выделил «язык, знание, цепкость», между тем как у Бантыш-Каменского стоит не «цепкость», а «ловкость».⁸⁸

На наш взгляд, это не случайная описка, особенно если мы обратим внимание на последнюю фразу в выписке Толстого, касающуюся поведения Шафирова перед лицом обрушившихся на него бед. Вот где лежит ключ к пониманию его характера! Жизненная твердость и цепкость! Это ли не наследие его еврейских предков?!

Именно эти качества и позволили Шафирову перенести все выпавшие на его долю удары судьбы. Император сохранил жизнь, но не помиловал – и Шафиров вместе с семьей отправился в ссылку, правда, не в Сибирь, а в Новгород, где и обрелся до смерти Петра I.

Можно привести цитату из «Истории Петра I» А.С. Пушкина, относящуюся к 1723 году: «Петр застал дела в беспорядке. Он предал суду между прочих князя Меншикова и Шафирова; последний обвинен и осужден на лишение чинов, имения и жизни. В чём заключалось их преступление? Одна ли непослушность и высокомерие? Должно исследовать. **А за то, что Шафиров при всем сенате разругал по-матерну обер-прокурора Скорнякова – Писарева (31 октября 1722), кажется, на смерть осудить нельзя.**

Обвиняли его в том, что брата своего произвел он в чин и дал ему жалование без указа государя, что не записывал всех своих определений в протокол, что, будучи главным управителем почт, установил прибавочные деньги на письма etc., но все это в то время было бы еще весьма неважно. **То ли делал Апраксин!**».⁸⁹

Сочувствие Александра Сергеевича к несчастному барону очевидно: Пушкин прекрасно понимал, какая мощная личность подверглась жесточайшему наказанию. Не так много было политических деятелей уровня П.П. Шафирова, судьба которого заинтересовала двух величайших писателей России: А.С. Пушкина и Л.Н. Толстого. Но и не только. Как я писал, Шафиров появляется и на страницах своего потомка Алексея Толстого в романе «Петр I». Но и этого мало – он герой исторических романов Д.Л. Мордовцева «Идеалисты и реалисты» и «Царь и Гетман». В романе Д.С. Мережковского «Антихрист» («Петр и Алексей»), написанном в 1904 году среди действующих лиц, завязанных на деле царевича Алексея, действуют барон Шафиров и Авраам Веселовский.

Но даже в советское время писатель Константин Георгиевич Шильдкрет (1886–1965), автор «антисионистского» романа «В землю Ханаанскую» (1926 г.) и повести «Крылья холопа» (1927 г., 1956 г.), написал роман о времени Петра Великого «Кубок орла» (М., 1935 г.), где одним из главных героев является Шафиров. Причем барон показан личным другом императора. Но, несмотря на товарищескую близость, место свое еврей знает: «Шафирова не очень обрадовал резкий переход этот от уныния к веселью и бодрости. Кто-кто, а уж он знал, как часто резкие переходы кончались звериным гневом, жестоким припадком. «Будет бить. – горько подумал Петр Павлович. – Обязательно будет».⁹⁰

Любопытно, что перед ожидаемым наступлением Карла XII, когда казна государства была пуста, Шафиров советует государю разбить Россию на губернаторства. Смысл очевиден: так легче собирать налоги. Кроме того, Шафиров советует царю военный план отступления из Литвы. Понятно, совет не его, а генеральский, но быстрый ум еврея уловил соль маневра и настаивает на нем, находясь с глазу на глаз с повелителем. Речь идет о тотальном уничтожении дорог и посевов, о разорении края, ожесточая мирное население, но, заставляя врага двигаться «яко иудеи по пустыни».

Стоит вернуться еще раз к суду над Шафировым и услышать голос современников с небольшими комментариями.

Каков суд и предъявленные обвинения?

Всего обвинение состояло из 6 пунктов.

1. *«В слушании изданному Монархом закону, повелевающему выходить из присутствия всем тем, которых дела слушаются и судятся.*

2. *В противном толковании Шафировым сего закона.*
3. *В нарушении порядка и благопристойности, которые все господа Сенаторы строжайше обязаны наблюдать в первом присутственном месте, долженствующем служить примером в том для других мест.*
4. *В присвоении знатной суммы почтовых денег, и в наложении таксы на письма не только без указа, но и в противность правил, данных его предшественнику 2-ну Виниусу.*
5. *В нарушении установленного порядка определением выдачи жалованья брату своему его.*
6. *В необъявлении им в предписанной указом Государевым срок беглых, нашедшихся в его деревнях».*⁹¹

Если внимательно прочесть обвинения, то легко установить, что первые три пункта можно было объединить в один: речь идет не об уголовном преступлении, а о гражданском обывательском скандале. Иначе говоря, о нарушении общественного порядка на заседании Сената.

Следующие два пункта относятся к уголовным преступлениям, связанным с незаконным присвоением денег. При чем выяснилось, что младший Шафиров получил «лишних» порядка 300 рублей. Сумма большая, но не запредельная. Намного больше Шафиров потратил денег из казны, путешествуя с императором в 1717 году в Париж. Но это почти узаконенное до сего времени залезание в карман государства, так называемые «подъёмные». Между прочим, эта поездка привела к заключению соглашения России и Франции, что совершенно изолировало Швецию на континенте. Договор заключен 4 августа 1717 года. В 1718 году Шафиров заключил с прусским правительством конвенцию, гарантирующую и Пруссию, и Россию от попыток шведов вновь овладеть прибалтийскими землями. Пруссия обязалась в этом случае вступить в войну.

Наконец, шестой пункт – сомнителен. Ибо беглые крестьяне появлялись не случайно в деревнях Шафирова: им просто было намного лучше при радетельном хозяине, а об их числе сам Шафиров мог и не знать. Это больше относится к его управляющим. А в самом Судном деле об этом сказано таким образом, что необъявление позволяет «держат у себя таких беглых и служит к разорению бедных помещиков». (*Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым, Журнал Министерства Юстиции, СПб, 1859, сентябрь, отдел I, с.10*).

Итак, максимально, даже по законам того времени Шафиров мог-ла ждать ссылка с конфискацией имущества, но ни в коей мере не наказание смертной казнью с отсечением головы. Петр Алексеевич внес личный мотив в несоразмерность наказания. В чем причина?

Судьи были единогласны в своем решении: «...за выше показанные вины, его Шафиров, по содержанию вышеописанного Его Величества указу, по отнятию чинов и кавалерии, казнить смертью...»

На приговоре Шафирову внизу собственноручная запись императора Петра I, как тогда говорили и писали «конфирмация»:

«Учинить все по сему, кроме действительной смерти, и сослать на Лену».

На следующий день, 14 февраля (1723 г.), составлено было за «подписом» секретаря Петра Ижорина объявление следующего содержания:

«По нынешнему суду, который был на Генеральном дворе, имеет быть над некоторою знатною персоною в Кремле на площади близ Сенатской Палаты экзекуция сего февраля 15 дня, то есть в пятницу; того ради Его Императорское Величество указал в Москве публиковать всенародно, с барабанным боем, дабы о том всяких чинов люди ведали и на означенное место вышеписанного числа по утру смотреть оной экзекуции сбিরались».

«Такого рода объявления прибиты были в Кремле на воротах Спасских, Никольских, Троицких, Предтеченских, у Чудова монастыря и Благовещенского собора, в Китае городе у ворот: Воскресенских, Никольских Ильинских, Варварских, Москворецких и на площади у столба, в Белом городе: у ворот: Тверских, Никитских, Арбатских, Пречистинских и у Каменного моста: у Петровских, у Сретенских, Мясницких, Покровских и Яузских».⁹²

Можно предположить, что Петр с самого начала не хотел казнить столь ценного сотрудника, но наказать – да! Бивал же он своих ближайших палкой, даже Светлейшего князя, «мин херца» Меншикова. Но брал ли Петр Алексеевич в расчет то, что во время процесса казни 52-летний тучный человек просто мог скончаться от разрыва сердца или кровоизлияния в мозг? Маловероятно. Сильные мира сего об этом не думают, хотя наверно не раз бы пожалел о «самой умной голове» империи. И еще. Почему Шафиров столь неистово крестился на Лобном месте? Время было читать: «Шма Исроэль». Но у него были заложники: семья. И выставлял себя Петр Павлович «всамделешним» православным.

Вот описание казни в Москве из записок Гольштинского Обер-Камергера Беркгольца: «15 февраля (1723 года) ездил я поутру в семь часов в Кремль, чтобы видеть происходившее там наказание барона Шафирова. Лобное место наполнено было бесчисленным множеством народа и солдатами. Когда преступник, сопровождаемый конвоем, из Преображенского Приказа привезен туда на простых санях, то прочитан был ему приговор, состоящий из лишения его жизни отсечением головы. После сего сняли с Шафирова парик и ветхую шубу, в коей он тогда находился, взвели его на место казни, где, по Российскому, оборотясь к церкви, крестился он различным образом; а потом преклонил колени свои и положил голову на плаху; палачи протянули ему в то время ноги, и один из них, подняв тогда вверх большой топор, ударил оным по плахе, при чем объявлено Шафирову Макаровым, от имени Государя, отменение, за оказанные им Государству услуги, смертной казни на ссылку в Сибирь. (Однакож барон оставлен был по близости Петербурга, и, как видно из писем его к Бассевичу, первому Гольштинского Министру, находился под караулом в Новогороде). После сего Шафиров приподнялся на ноги и сошел с эшафота с заплаканными глазами. В то время повели его в Сенат, где многие Сенаторы жали ему руку и поздравляли его с полученною милостию. Потом Лейб-медиком Говн пущена была ему кровь, находившаяся у него в великом волнении, и Шафиров сказал в то время: «Лучше было бы, если б выпустили мне кровь из большой жилы, дабы прекратить мои мучения». В самом деле, многие, в особенности наш Двор и Министры иностранные, сожалеют о нем, как о весьма честном человеке. – В тот день Его Высочество Герцог обедал у себя дома и был невесел, по причине происходившего поутру наказания. Он лишился в Шафирове хорошего приятеля, а иностранные Министры вряд ли найдут в другом Вице-Канцлере такого человека, которым столько были бы довольны, как им; ибо хотя он несколько был спльщив, однакож очень легко соглашался на делаемые ему представления, и Посланники могли полагаться на данное им слово, что много делает чести Государственному Министру».

Обратим внимание, что в Судном деле Шафиров прямо называет своих обидчиков: князя Меншикова и канцлера графа Головкина; Писарев же говорит «глухо» о друзьях Шафирова. Сенат при Петре I состоял из 9 человек до 1722 года, когда состав был расширен. Можно прямо сказать, что «глухое» поименование друзей Шафирова связано с давлением, оказанным лично Петром, но все же нашлись сенаторы, которые подходили к несчастному и ободряли его.

Судьи и следователи состояли из трёх сенаторов: графа Брюса, Мусина-Пушкина и Матвеева. К ним добавили генерала Бутурлина, генерал-майора Головина, генерал-майора Дмитриева-Мамонова, бригадира Ивана Воейкова, полковника Семена Блеклова и двух капитанов от гвардии: Александра Бредихина и Алексея Баскакова.

В примечаниях к «Судному делу» можно обнаружить письмо императора к Макарову следующего, несколько странного содержания: «Г. Макаров, приказывал я тебе, чтоб Шафиров послал в Ярославль, но понеже по письмам я чаю быть розыску скорому, того ради лучше в Новгород привезь для близости. Петр «С Городни, 26 февраля 1723 года». Оригинал письма остался у Ал. В. Макарова – тайного кабинет-секретаря Петра I. («Судное Дело...» ...примечание на с.5).

Возвращаясь к началу «дела Шафирова», сошлемся на слова писателя-историка о придворной обстановке того времени. Не то, чтобы она отличалась от любой придворной жизни или парламентской обыденности нашего времени, но уж очень сочное описание.

«Зависть, злословие, какая-то перекрестная клевета, взаимное, друг под друга подкапывание, низкопоклонство, угодливость ради самой угодливости, сплетни, цепкая, как паутина, подлость для подлости, как искусство для искусства, все эти прелести царили в обширных ярко освещенных залах дворца Меншикова».⁹³

Конечно, и Шафиров был хитроумным царедворцем, иначе бы он не выжил в создавшихся обстоятельствах. Интересно, как Мордовцев описывает нашего героя в том же романе. Меншиков приветствует гостя на ассамблее в своем дворце:

– А, достойнейший Петр Павлович! Премного счастлив видеть тебя в моей избушке, – обратился он с приветом к одному гостю, живой, юркий тип которого обличал что-то еврейское. – Поправляешься?

– Нижайше благодарю вашу светлость, – был ответ гостя с еврейским обликом. – Как же мне не поправиться, когда вся российская держава, толико веков удрученная педагогическими и хирагическими немощами, воспрянула ныне от единого слова нашего великого монарха, рекшего расслабленной России: «Возьми одр твой и ходи».

«Говоривший эти высокопарные, в то время высоко стоящие на общественной и придворной бирже фразы, был Шафиров, деятель и птенец Петра. Еврейский облик говорившего свидетельствовал, что он знал цену слов на тогдашней бирже».⁹⁴

Князь П.В. Долгоруков, хорошо знавший из семейных преданий суть дела, писал без обиняков: «Быстрота возвышения Шафирова, его влияние при дворе, знаки внимания, которые ему оказывали представители всех европейских дворов, его огромное состояние, его родственные связи с самыми знатными фамилиями России вызывали зависть и злобу и создавали ему опасных врагов. Поставив свой дом на широкую ногу, расточительный в расходах, он не стеснялся высмеивать скупость своего шефа, канцлера Головкина, чьего места старательно домогался, даже не пытаясь слишком скрывать свои амбиции».⁹⁵ Я перечитал характеристику Шафирова, данную Долгоруковым, и вспомнил слова, сказанные в адрес французского министра иностранных дел Талейрана историком Абсхагеном, мало чем отличающиеся от шафировской характеристики: «Даже самые близкие друзья Талейрана не смогли бы уличить его в бескорыстии и самопожертвовании. Он был отъявленным эгоистом и вельможей до мозга костей и старался, насколько возможно, жить на широкую ногу, как подобают настоящему барину. ...он умел ценить такие реальности нашего мира, как недвижимость, положение в обществе, влияние на государственные дела и личная власть. Талейран неустанно заботился об увеличении своего состояния и не испытывал угрызений совести, когда использовал свое служебное положение для собственной выгоды».⁹⁶ Идентично. ..., но Шафиров был евреем, имел семью и, посему, ради близких, он готов был жертвовать и жертвовал всем, уже не заботясь о самом себе. А так все точно для всех времен.

А что думали современники о еврействе Шафирова? Действительно ли он искренне принял православие? Мы имеем почти достоверный ответ.

17 июля 1710 года посол Дании в России Юст записал в своем дневнике: «*(Желая)* стяжать дружбу вице-канцлера Шафирова и заручиться его (покровительством) для моих дел со двором, я предложил взять к себе в дом его сына *(с тем, чтобы)* мой личный секретарь Римус Эребо давал ему уроки. *(Маленький Шафиров)* переселился ко мне в тот же день и затем прожил у меня шесть месяцев. Обстоятельство это, действительно, оказало мне большую пользу по моим делам: с того времени вице-канцлер постоянно оказывал мне содействие во всем, в чем мог.

Выше упоминались о слухах касательно того, что вице-канцлер Шафиров втайне (*остается Жидом*). В моем мнении (*слухи эти*) подтвердились (*тем*) что, как мне много раз случалось замечать, у меня за столом сын Шафирова не прикасался к свинине, а однажды на мой вопрос, почему он ее не ест, отвечал, что ее не едят ни родители его, ни сестры, ибо считают это грехом». ⁹⁷ Эти строки не оставляют сомнений – вице-канцлер и его семья была маранами и по мере возможностей соблюдали кошрут. Обратим внимание на фамилию секретаря датского посла Эребо – мне кажется, что это анаграмма слова Эбрео, т. е. еврей. Если это так, то Римус Эребо, также был соплеменником Шафирова. Объяснить имя Римус я не берусь... В другом месте Юст Юль повторяет, что Шафиров, «хотя и выкрест, как и его отец, но втайне остается Жидом. Внешне он и дети похожи на евреев». ⁹⁸

В деятельности вице-канцлера следует отметить решимость в титуловании Петра I – императором. Как известно титул императора был поднесен сенатом и синодом государю после заключения Ништадтского мира в 1721 году. По словам Юстуса Юля, Шафиров подчеркивал в его присутствии титулование Петра I императором английским послам еще в 1710 году.

Историки отметили и такую черту Шафирова: умение смирять гнев Петра. Так, в 1707 году произошла ссора с прусским послом Кайзерлингом, едва не закончившаяся дуэлью, в которой царь решил участвовать самолично. Лишь вмешательство вице-канцлера остановило опасное столкновение: он разнял разгорячившихся дуэлянтов. ⁹⁹ Другой современник заметил, что вице-канцлер является любимцем царя. ¹⁰⁰ Плейер же утверждает, что в Государственном Совете (Ближняя Канцелярия) у Петра Павловича первенствующее положение. Испытываемое к нему уважение со стороны царя и князя Меншикова позволяет ему часто удерживать их обоих от принятых уже мер и даже останавливать приказы их к исполнению. ¹⁰¹

«Шафиров был, несомненно, человеком обширного ума, обладающий выдающимися дипломатическими способностями; способности эти выявились в целом ряде переговоров, в которых он выказал изумительную гибкость ума, находчивость и умение пользоваться слабыми сторонами противника, **но он всегда был послушным талантливым исполнителем чужой воли.**

Образцово поставленное им почтовое ведомство, целый ряд крупных коммерческих и промышленных предприятий, в которых он принимал непосредственное участие, указывают на недюженные административные, финансовые дарования и предприимчивость. Дипломатическая переписка вице-канцлера, его переводы и иные труды свидетельствуют о литературном таланте, его оригинальные произведения носят публицистический характер и дают нам возможность судить о дедуктивной способности ума и строго логического мышления автора»...¹⁰² Обратим внимание на фразу **«но он всегда был послушным талантливым исполнителем чужой воли»**. Это не совсем точно. Будучи приверженцем западных реформ Петра Великого, он, естественно, придерживался «генеральной линии», исходившей от сюзерена. Но тактическое исполнение требовало самостоятельности, гибкости, импровизации, и, зачастую, Шафиров должен был спорить с государем, что мы видим из записки Плейера. В большинстве случаев Петр Алексеевич воспринимал точку зрения своего вице-канцлера, гению которого он доверял.

Историк Георг фон Гелиобог писал, что барон пользовался славой человека проницательного ума, обладающего большими познаниями в государственном хозяйстве. Человек не сдержанный, он быстро остывал, но был способен выслушать основательные аргументы. Шафиров никогда не нарушал данного слова и всегда говорил правду, поэтому представители многих держав охотно вели переговоры с ним.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

С восшествием на престол Екатерины I в жизни изгнанника наступила светлая полоса. Императрица, хотя и благоволила к Меншикову, но сочла необходимым проявить снисхождение к человеку, который, по высказыванию одного из современников, «имел самую умную голову в царстве». Д.Н. Бантыш-Каменский в книге «Дейния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч. II, с. 129-136 писал: «Шафиров оказал великую твердость во время своего нещастия, которое не долго однакож продолжалось; ибо, по восшествии Императрицы Екатерины I на престол Ея Величество возвратило ему в Феврале месяце 1725 года, по ходатайству Герцога Голштинского, Баронское Российской империи достоинство».

Далее, со ссылкой на труд Христиана-Фридриха Вебера «Преобразование России», мы читаем следующие подробности: «27 Марта (1725 г.) Императрица призвала к себе Барона Шафирова и весьма милостиво словами изъявила ему, *чтоб он приписал претерпенное им нещастие врагам своим, а не покойному Императору, который даже перед кончиною Своею всегда хороших был об нем мыслей, противился ссылке его в Сибирь, намеривался даже возвратить ему прежнюю Свою милость; посему Она исполняя желание в Бозе почивающего своего Супруга, долгом поставляется уверить Барона в отличной Своей благосклонности.*

Шафиров отвечал *на сие с совершенною покорностию, говоря, что он поступил против воли покойного Императора и признает вину свою тем непросительнее, чем более Государь оказывал ему милости в его возвышении; почему вторично испрашивал у Ея Величества прощения себе и милостивого снисхождения.* Государыня прервала его речь словами: «*И Я помню ваши заслуги*» – потом пожаловала ему поцеловать Свою руку и велела принести его шпагу; но как оную долго не могли отыскать, то Ея Величество приказала принести из Своего кабинета золотую шпагу покойного Императора, которую генерал Батурлин и надел тогда, по Ея повелению, на Шафирова. Потом Монархиня подала ему бокал Венгерского вина, и велела Великим княжнам (Анне Петровне, в будущем матери Петра III, и Елизавете Петровне, в будущем – императрице. – С.Д.) взойти в комнату, в которой они находились, и поздравить Шафирова. Императрица дарила его прежним домом, но он отказался от оногo, представляя с чрезвычайной скромностию что для человека, не имеющего никаких средств

и услуги, непристойно будет жить в столь великолепном доме. Такой милостивый прием был весьма неприятен врагам Шафирова. Они не могли понять, как Меншиков допустил Императрицу простить Барона, но не думали о том, что Императрица вознамеривалась ознаменовать вступление на престол кротостью и снисхождением; **что во время Прутского похода, Она обязана была стараниям Шафирова жизнью Своею и свободою**, и что, наконец, Она весьма уважала представительство будущего Ея зятя Герцога Гольштинского...»

24 ноября 1714 года для лиц женского пола Петр учредил орден «Свобождения» (Освобождения) в память об избавлении из плена и унижений во время Прутского похода 1711 года во имя *св. великомученицы Екатерины*. Орден был учрежден специально для Екатерины Алексеевны. Как же императрице возможно было забыть Петра Шафирова-избавителя! Хотя забывается всякое...

И все же «реабилитация» была частичная и неполная. Шафирову **вернули баронский титул и он получил чин действительного статского советника (1725 г.)**, т.е. на две ступени меньше прежнего. Он стал президентом Коммерц-коллегии и получил орден *св. Александра Невского*. Но, конечно, Остерман, опасаясь нового возвышения своего бывшего начальника, придумал для опального дело, вполне безопасное и для Меншикова и для Остермана, а именно – писание истории Петра Великого. Ему выделили средства и разрешили пользоваться архивами, удалив от всех дел. Сохранился вопросник П.П. Шафирова с всевозможными просьбами, как-то разрешением пользоваться своей же конфискованной библиотекой и другими библиотеками. Но самое интересное это пункты, на которых он желал получить ответ:

1). *«Как содержан царь Петр Алексеевич, яко царевич, с матерью своею по смерти царя Алексея Михайловича.*

2) *Какою болезнию болел царь Федор Алексеевич перед смертью и задолго ль был болен до кончины? И по смерти его как избрание царя Петра Алексеевича воспоследовало и что чинилось по избрании мая по 15 число, когда главный бунт начался?*

3) *Что во время того бунту с его величеством от бунтующих случилось?*

4) *Какие внутренние интриги в том и от кого были?*

5) *Каким образом Хованский казнен и с какою случаю?*

6) *Какие интриги и умыслы на его величество до казни Шакловитого и от него были, и как они и от кого открылись, и каким образом та перемена учинилась и царевна в монастырь сослана?*

7) *«Каким образом царское величество охоту к военному делу и экзерцициям получил и набор Преображенского и Семеновского полков?»*¹⁰³

Историк Соловьев замечает, что постановка вопросов делает честь «смыслу вице-канцлера», но вместе с тем говорит о неподготовленности Шафировова к написанию истории. Соловьев здесь не прав. Шафиров – не ученый XIX века, многое для него в деле писания ново. Ведь даже на наше время часть вопросов осталась без ответа. Но свою задачу барон понимал.

В «Дедикации...» Петр Павлович после описания подвигов и учреждений Петра Великого, откровенно пишет: «И како может мое слабое и неискусное перо то описать и по достоинству прославить, чтобы и славному в краснословах Цицерону и премудрому в филозофех Аристотелю и великому в политиках Корнелию Тациту и славным историкам Квинту Курцию и Титу Ливию не без трудности учинить возможно было...»¹⁰⁴

Но и вплотную заняться «наукой» Шафирову было не суждено: его внезапно отправили в Архангельск для устройства китоловной флотилии. Это была почетная ссылка. Шафиров должен был уступить место Меншикову и его клиентуре. Но опять вмешалась судьба: в 1727 году Екатерина I скончалась, и на трон вступил мальчик Петр II, внук великого императора и сын умерщвленного царевича Алексея. Меншиков был сослан. Родственники Шафировова Долгорукие опять вошли в силу и опальный Шафиров, еще не успев доехать до Архангельска, был возвращен в столицу. Петр Шафиров сошелся с инокиней «Еленой», бывшей царицей Евдокией, матерью несчастного Алексея. Как раз здесь следует вспомнить о попытке Шафировова через Авраама Веселовского спасти наследника. Мне кажется, что это «дружба» была не случайной, а закономерной. Дело в том, что «невинно-пострадавший» Шафиров боролся со Скорняковым-Писаревым, среди «подвигов» которого числился и такой жуткий акт, как порка более пятидесяти монашек на глазах бывшей царицы. Посланный Петром в 1718 году в Суздальский монастырь, где пребывала инокиня, он прибег к такому бесчеловечному давлению на Евдокию. Она, естественно, ненавидела своего мучителя.¹⁰⁵ Впрочем, «бабушка» особого влияния на внука не имела, хотя ей оказывали царские почести и Петр II и, впоследствии, Анна Иоанновна, но вряд ли она могла многим помочь Шафирову. Это было нелегкое время: враги требовали его отъезда в Архангельск, а их было много и без «полудержавного властелина»: Головкин, Остерман и прочие. Тогда отчаявшийся Шафиров решил уйти в отставку по болезни: «подал челобитную об удалении от всех дел по болезни».

Мало изменилось положение Шафирова и с воцарением Анны Иоанновны. И она помнила услуги, оказанные бароном лично ей, при важнейшем для нее деле: сватовстве с курляндским герцогом, что в конечном итоге привело ее не только в Митаву, но и на русский престол. Но...поспешать с благодарностью и не думала. Тем паче, что зять Шафирова был Сергей Долгоруков, замешанный в составлении подложного завещания Петра II в пользу невесты юного царя, Екатерины Алексеевны Долгоруковой.

Анна Иоанновна, явно по совету Остермана, отправила Шафирова в Персию 30 августа 1730 года. Тщетно он отговаривался своей болезнью и отсутствием средств. Здоровья вернуть ему не могли, но средства на поездку изыскивали. А задача, стоящая перед великим дипломатом, была сложнейшая. Еще со времен Петра Великого Россия захватила у Персии значительные территории вдоль Каспийского моря. Состояние русских финансов не позволяло содержать там большую армию. Идея заключалась в том, чтобы вернуть персам захваченное, но сделать это следовало весьма осторожно. Дело в том, что Персия находилась в постоянной войне с Турцией и, с этой точки зрения, являлась стратегическим союзником России. Но, увы, персы терпели поражение за поражением от турецкой армии, и Россия боялась, что отданные территории перейдут к туркам. Таким образом, создавался заколдованный круг: уступка Россией территорий вела неминуемо к усилению турецкого врага. Остерман посылал Шафирову противоречивые инструкции, абсолютно невыполнимые в данных условиях. Персия проиграла войну Турции, заключила с ней договор и освободила руки для давления на Россию: за спиной персов стояли турки. Пришлось, во избежание войны, уступить часть Гиляни и заключить мирный договор (21 января 1732 года). В марте шах ратифицировал договор, но, в принципе, это не решало проблему, так как усиление турок могло повлечь за собой и уступки других земель. В марте 1732 года Шафиров получил разрешение на возвращение. Дело было не закончено. Шафиров предупредил, что без победы над Турцией невозможно было успокоить южные границы империи. Так оно и произошло: в 1735 году началась русско-турецкая война. К счастью для России, во главе её войск стоял гениальный и незаслуженно забытый полководец – фельдмаршал Бурхард-Христофор Миних (1683–1767). С этого времени перевес в многочисленных войнах с Турцией был неизменно на стороне России.

После возвращения из Персии, Шафиров стал подчинённым своего бывшего ученика Остермана и получил чин тайного советника. В следующем, 1733 году он вновь назначен президентом Коммерц-коллегии и сенатором, а уже в 1734 году участвовал в подписании англо-русского торгового договора и был вновь произведен в действительные тайные советники.

Историки отмечают и то, что несчастья, обрушившиеся на Петра Павловича, его ничему не научили: он продолжал «воровать». Конечно, не в прямом смысле слова, а в использовании своего служебного положения для извлечений выгод. Для нас интересно то, что, по свидетельству современников, Шафиров, заняв свое «законное» сенаторское место, оказался, по словам обер-прокурора Сената Анисима Маслова, «самым сильным»: он в течение трёх лет не отсылал отчеты в ревизию. (*Всё, как сейчас в несчастной России.*) Но и противников у Шафирова поубавилось – уже не было ни Меншикова, ни Скорнякова-Писарева... Для полноты картины укажем, что и граф Головкин, его недруг, был обвинен в еще более тяжких грехах...

Пришлось Шафирову еще раз проявить себя и на дипломатическом поприще. В 1737 году в Немирове собрался мирный конгресс представителей России, Австрии и Турции для прекращения военных действий. Цель России заключалась в возвращении Азова и выхода к Черному морю, а попутно в решении персидской проблемы. Победы Миниха способствовали реализации этих задач, но, к сожалению, Австрия была ненадежным союзником. Шафиров же не потерял мастерства ведения переговоров. Он предложил Турции заключить мир на условиях *uti possidetis (как владеете)*, иначе говоря, зафиксировать территориальное положение на данный момент. Но турки уперлись, требуя от Австрии возвращения Белграда и Темешвар и выплаты 10 миллионов гульденов. Аппетиты же «союзника» Австрии простирались и на Молдавию, и на Валахию. Но Россия, в свою очередь, считала эти области предметом русского интереса к единоверцам-православным. Поэтому Шафиров хотел решить вопрос компромиссом: приобретением Азова, Очакова и Кинбурна с «пристойными границами». Турецкие уполномоченные приняли предложение *ad referendum (иначе, до решения высшей власти)* с двухмесячным сроком для ответа. Ответа не последовало. Конгресс окончился крахом. Австрия, проиграв ряд сражений, заключила сепаратный мир, «кинув своего союзника».

Русско-турецкая война продолжалась и закончилась Белградским мирным договором в сентябре 1739 года, по которому Россия вернула Азов. Но к этому времени Шафирова уже не было...

У него было много достоинств государственного деятеля. И, среди прочего, из общей среды сановников Шафиров выделялся даром публициста, что не было свойственно ни одному из сподвижников Петра. Оно состояло в том, что знание иностранных языков позволило ему в начале своего жизненного пути заниматься переводами, среди которых были и опубликованные: «Иоанна-Гендрика Фохта королевства швейцарского математика гистории календарь на 1691 год», «Календарь о малобываемых вещах Ягана-Гендрика Фохта королевства Швейцарского математика на 1695 лето», «Исторический календарь Ягана-Гендрика Фохта... на 1696 лето», «Павел Галкен. Математических хитростных тонкостей календарь 1697-е лето...». Учитывая, что в конце XVII века календари носили более общий характер и знакомили читателя с самыми разными сторонами человеческой деятельности, можно без сомнения утверждать, что переводы молодого Шафирова внесли существенный вклад в пропаганду достижений западной культуры.

Его перу принадлежит и составленная для внука Петра Великого царевича Петра Алексеевича (*будущего малолетнего российского императора Петра II*) «Дедикация, или приношение царевичу Петру II о делах его величества государя Петра I».

Но главным публицистическим трудом его жизни стало «Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель всероссийский и протчая, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола XII Шведского в 1700 году имел...», – написанное в 1716 году по приказанию Петра I обоснование причин Северной войны. Шафиров столь мастерски решил поставленную перед ним задачу, что в 1722 году это сочинение было дважды переиздано невиданным для той эпохи тиражом – двадцать тысяч экземпляров!¹⁰⁶ Позже оно было переведено на немецкий язык. Помимо значительного вклада в историографию, этот шафировский труд ценен своим филологическим новаторством. Автор ввел в «Рассуждение» несколько новых слов, кото-

рые стали неотъемлемыми элементами словарного фонда русского языка. Так, он, вероятно, одним из первых употребил в современном значении слово «гражданин» (*«граждане российские»*). Еще более поразительно введение в русский язык слова «революция»: «Но дабы всяк яснее о последующих революциях (*отменах*) древних известие имел, и того надлежит до изъяснения того сие, что потом помянутого короля Эриха брата... учиня на него возмущение, с престола его низвергли». Шафиров не только создал русский эквивалент латинского слова, но и дал его очень точное толкование – «отмена», подчеркивая его основной смысл – отмену старого строя, образа правления, резкую перемену в обществе. В целом нельзя не присоединиться к оценке советского историка, написавшего: «Сила логики, широта образования, умелое использование первоисточников, талант полемиста позволили Шафирову создать труд, который, несомненно, оставлял глубокое впечатление у читателей».¹⁰⁷

Шафиров в «Рассуждениях о причинах Северной войны» впервые осмыслил значение петровских реформ. Успехи в военном деле, в политическом, духовном, в создании флота – все это способствовало развитию страны. Россия, находившаяся на задворках Европы – стала первоклассной страной и сделала большие успехи «в умножении художеств и рукоделия», иначе говоря, речь идет о развитии промышленности, устройстве каналов, успехах в просвещении и в администрировании: создание Сената. При этом Шафиров подчеркивает, что эти преобразования шли в годы изнурительной войны, вопреки «присловию латинскому: под звон оружия права гражданские молчат». Император Петр, по словам Шафирова, «может за лучшего политика почтен быть». Понятно, что кровавая цена всех преобразований, в том числе и при создании новой столицы, апологетом не учитывается. «Рассуждения» были переведены в 1722 году на английский язык и, как утверждает некий анонимный источник, **это было первое русское произведение, вышедшее в Англии!** Публикация этой книги и перевод ее на два европейских языка (*немецкой и английской*) являлись кульминацией карьеры Шафирова.¹⁰⁸ Вплоть до сегодняшнего дня историки прибегают к этому важнейшему источнику по изучению причин Северной войны.

Сошлемся на такую академическую работу, как труд Л.А. Никифорова «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадский мир». (*М., Из-во Академии наук, М., 1959*).

«Как культурная личность, Шафиров стоял гораздо выше своих современников: сам нерусского происхождения и хорошо зная Запад, при своем природном уме, он действительно любил образование, хотя, как многие другие русские люди его времени, смотрел на него не как на необходимость, а как на известный умственный комфорт; он много читал, завел хорошую по тому времени библиотеку, [приобрел] сравнительно солидные знания, преимущественно по государственным наукам и истории, обладал хорошим и ясным слогом, – короче, был вполне европейцем, одним из образованнейших людей своего времени».¹⁰⁹

В частной жизни интриган, порой заносчивый и необузданный, Шафиров умел быть и любезным, и предупредительным. Ассамблеи, которые он устраивал, славились в Петербурге. Шафиров окружал себя роскошью, его дом отличался особенными удобствами. Вообще говоря, эпикуреец в частной жизни, недостаточно развитый нравственно, образованный и начитанный, умный и деятельный, но хитрый и проницательный, Шафиров был типичным представителем русского общества первой половины XVIII века.

В последней части характеристика Шафирова нелицеприятна. Но все же, без этих «отрицательных» черт барон не мог бы выжить в ожесточенной борьбе с завистливыми конкурентами, не обладающими даже десятой частью его таланта и деловитости. А так – человек своего времени

Вкратце мы можем повторить, что за 14 лет после ссылки ему удалось многое вернуть, но, увы, не все. Он занимался дипломатией: вел переговоры с Персией, Турцией, – однако пост вице-канцлера был им утрачен безвозвратно. Его преемником стал его же ученик А.И. Остерман. Но это не означает, что ссылка стала непреодолимой преградой на пути Шафирова к «высочайшим» милостям и наградам. Царствовавшая с 1730 года императрица Анна Ивановна не забыла, чьей искусной политической игре она была обязана своим шансом на державную карьеру. В 1733 году Петр Павлович Шафиров вновь стал президентом Коммерц-коллегии и сенатором, а в 1734 году – действительным тайным советником. На этих постах его и застигла смерть в Петербурге 1 марта 1739 года на семидесятом году жизни.

ХРОНИКА ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ П.П. ШАФИРОВА.

В 1669 году родился в Москве, в семье переводчика Посольского приказа П.И. Шафирова.

Владея несколькими иностранными языками, он уже в 1699 году выдвинулся во время тайных переговорах с представителями польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного о заключении *Преображенского союзного договора*. Договор был направлен против Швеции. Интересно, что Август выступал лишь в качестве саксонского курфюрста, обещая в будущем участие и Польши в войне.

В 1701 году Шафиров принял участие в переговорах Петра I с Августом II в Биржах. В 1703 году Шафиров назначен секретарем к Ф.А. Головину и введен в курс всех дипломатических дел.

В 1709 году находился с Петром под Полтавой и получил чин тайного советника и звание подканцлера (16 июня 1709 года). В этом же году ему подчинили почту, со времен Алексея Михайловича находившуюся в ведомстве Посольского приказа.

Фридрих Прусский пожаловал ему орден Великодушия, а Август Сильный орден Белого Орла.

В 1710 году в день рождения царя – 30 мая Шафиров получает баронское достоинство – первое среди русского дворянства. Малороссийский гетман Скоропадский подарил ему два села: Вербу и Панурицу.

В 1710 году Шафиров участвовал в переговорах и подписании договора о браке между курляндским герцогом Фридрихом Вильгельмом и царевной Анной Иоанновной, что в будущем открыло Анне возможность стать русской царицей.

В 1711 году, в мае вместе с Петром подписал договор с герцогом Брауншвейг-Вольфенбюттельским Антоном Ульрихом о браке царевича Алексея с внучкой герцога Софьей Шарлоттой. Сын царевича Алексея и Софьи Шарлотты – Петр, внук великого деда, ненадолго стал русским царем под именем Петра II.

В 1711 году также, незадолго до Прутского похода, Шафиров подписал соглашение с Речью Посполитой о совместных действиях против Швеции. Вершиной дипломатической деятельности барона Шафирова было спасение русской армии, включая царя и царицу во время окружения русских на Пруте в 1711 году. Два с половиной года Шафиров находился в качестве посла-заложника в Стамбуле.

В 1714 году вернулся на родину и сразу же занялся дипломатией.

В 1715 году 20 июля подписал в Петербурге конвенцию с Данией о посылке русских войск в Померанию.

В 1716 году отправился вместе с Петром I за границу. Во время путешествия Шафиров вел переговоры с представителями герцога Мекленбург-Шверинского Карла Леопольда о его женитьбе на царевне Екатерине Ивановне.

В 1716 году в Гданьске Шафиров участвовал в переговорах с целью достижения компромисса между Августом II и выступавшей против него Тарноградской конфедерации.

В 1717 году 7 мая Шафиров вместе с Петром I прибыл в Париж, где принял участие в переговорах о заключении союзного договора с Францией и Пруссией, почти полностью изолировав Швецию на континенте. Также присутствовали Г. Головкин и Б. Куракин.

В 1717 году Шафиров вступил в переписку с шведским министром Гёрцем об условиях мира и перспективах сближения России и Швеции, что привело вскоре к организации официальных переговоров на Аландском конгрессе 1718-1719 годы.

При учреждении коллегии иностранных дел Шафиров был назначен её вице-канцлером.

В 1722 году он был произведен в сенаторы и действительные тайные советники.

В 1723 году, уличенный в казнокрадстве, был приговорен к смертной казни, с лишением чинов и конфискацией имущества. Смертный приговор в самый последний момент был заменен ссылкой.

В 1725 году Шафиров возвращен в Петербург и вскоре получил место президента Коммерц-коллегии.

В 1730 году Шафиров возвратился к дипломатической деятельности и был назначен послом в Персию, где пробыл 2 года.

В 1732 году подписал договор с Персией.

В 1734 году участвовал в подписании англо-русского торгового договора. В этом же году вновь стал сенатором и действительным тайным советником.

В 1737 году был одним из уполномоченных на Немировской конференции, обсуждавшей условия мира между Россией и Австрией с одной стороны и Турцией – с другой.

В 1739 году 1 марта скончался в Петербурге.

Это внешняя канва жизни и деятельности великого дипломата, не считая его литературной деятельности и предпринимательства.

О личной жизни Шафирова не известно ничего. Мы не знаем, каким он был мужем и отцом, как воспитывал детей, какова была обстановка в доме вице-канцлера. Но в книге, насколько можно объёмно, представлены словесные портреты всех детей Шафирова. Внимательный читатель по отношениям детей между собой, по взаимовыручке сможет сам сделать вывод о благоприятной атмосфере семьи Шафировых.

Можно привести лишь единственный, сохранённый историей случай: в суровой борьбе уже бывший царедворец, он, больной и умирающий, пытался добиться спасения жизни своего зятя, князя Сергея Долгорукова. И даже на смертном одре он умолял пришедшую к нему проститься императрицу Анну Иоанновну сжалиться, проявить милосердие...

Увы, черствое сердце не смягчилось.

СЕМЬЯ ШАФИРОВА

Петр Павлович Шафиров был женат на Анне Степановне (*Самуиловне*) Копиевой (*Копьевой*), не только своей землячке, но и, подобно мужу, принадлежавшей к одному из еврейских кланов Смоленска, принявших в тяжкую годину крещение.

Основатель рода Копьевых отец Анны Степановны Степан (*Самуил*) Иванович Копьев вступил в российское подданство после взятия русскими Смоленска в 1655 году. Один из его сыновей, Данило Степанович, стал впоследствии обер-комиссаром в Верхотурье (*на Урале*), а другой, Самойло Степанович – членом Ревизион-коллегии (*центрального контрольно-финансового ведомства Российской империи в XVIII веке*). Один из его потомков, Петр Данилович Копьев, был воеводой в Цивильске (*ныне Чувашской АССР*), где в 1771 году погиб от рук восставших крестьян и казаков, ставших впоследствии ядром пугачевской армии. Наибольшей известности среди Копьевых достиг Алексей Данилович (1767–1846), служивший в армии, при Павле I разжалованный в рядовые, но восстановленный в чинах и званиях Александром I и дослужившийся до генерал-майорского чина. Однако, он снискал известность не своими полководческими заслугами, а драматическим талантом. Его пьесы «Обращенный мизантроп, или Лебедянская ярмарка», «Что наше, того нам и не надо» с успехом шли на столичных сценах в конце XVIII – начале XIX веков. Помимо этого, Алексей Данилович прослыл одним из сильнейших русских шахматистов своего времени.¹¹⁰

ИСАЙ ПЕТРОВИЧ ШАФИРОВ

До сих пор не вполне ясно, сколько детей было у Петра Шафирова. Если число дочерей в количестве пяти признается всеми источниками, то в отношении сыновей данные расходятся: в основной массе исторической литературы, имеющей касательство к этому сюжету, упоминается лишь один сын Шафирова – Исай Петрович, однако в примечаниях к «Письмам и бумагам императора Петра Великого» говорится о двух сыновьях.¹¹¹ По-видимому, один сын – Яков, умер в раннем детстве.

Исай Петрович Шафиров – барон, статский советник») родился в Москве 9 мая 1699 года. *(Основные сведения о генеалогической ветви И. П. Шафирова взяты из «Русского биографического словаря» и уже упоминавшейся книги Е. Карновича «Замечательные богатства частных лиц в России Получил прекрасное образование (уж кто-кто, а Шафиров старший знал важность этого!), и не только дома, но и в Париже, под руководством русского резидента при версальском дворе барона Иоганна-Христофора Шлейница. Сохранилось письмо любящего отца к сыну, писанное 29 января 1717 года из Амстердама, следующего содержания: «Исаюшка, друг мой, здравствуй. Я я милостию Вышнего здрав. На последние твои письма отвечивал я на прошлой почте, только забыл тебе объявить, что я на твое счастье три лота положил в лоторею новую, которой кондиции к тебе присланы будут; за всякий лот заплачено 5 червонных, а нумера, под каким знаком билеты взяты, тому прилагаю тебе ведомость. Я и за себя пять лота положил, но есть ли хотя мне вымется, то я тебе же подарю, только учись хорошенько. Писал я ныне к барону Шлейницу, прося его совету, мочно ли мне послать брата твоего Якова к тебе, чтоб вместе учиться могли; и он ежели присоветует, то я велю привезти к тебе; только ты прежде времени о том не сказывай гофмейстеру своему, ибо я велел о том поговорить сперва ему, барону Шлейницу, чтоб не водорожился, хотя мочно что ему за труды и прибавить, только не вдвоеж. Его царское величество, слава Богу, от тяжкой болезни свободился, и приезда государыни из Везеля вскоре ожидаем. Много же к доношению не имею, но пребываю вам склонный отец барон Петр Шафиров и посылаю свое благословение».*¹¹²

Письмо замечательно тем, что мы чувствуем любовь отца к сыну. Попутно мы выясняем, что был еще брат Яков Петрович, как сказано в примечании «вероятно, умерший в молодых годах», и потому он не упоминается в родословной Шафириных. Из этого же письма мы ви-

дим, что Шафиров-отец способствовал развитию игорного порока своего отпрыска, да и сам попал под влияние жульнической «пирамиды» Джона Ло, как раз в то время процветающего в Париже и через несколько лет приведшего к краху финансовую систему Франции

Исай Петрович вернулся в 1720 году в Россию и в следующем году женился на Евдокии Андреевне Измайловой (1704–1750) – дочери ближнего стольника царя Ивана Алексеевича, ставшего впоследствии (в 1701/1707 годах) русским посланником в Дании (и, соответственно, непосредственным подчиненным Шафирова-старшего), а в последние годы жизни (он умер в 1714 году) – нижегородским губернатором. Сын барона Шафирова – Исай Петрович (иногда его называют *Евсей*), «был непомерно толст, так что сомневались в его супружеских способностях, и в день его свадьбы обычно циничный Петр превзошел самого себя в шутках».¹¹³ (*Ф. Аф. Бычков в своей статье о младшем Шафирове сослался на воспоминания современников о пышной свадьбе и вместе с тем выпустил циничные подробности первой брачной ночи.*)

Ссылка Петра Павловича в Новгород не только не навлекла опалу на сына, но, напротив, именно в это время Исай Петрович был принят на службу переводчиком (*вот когда пригодилось его прекрасное знание иностранных языков*) с небольшим окладом в 160 рублей в год. Вряд ли молодые жили только на эти деньги. Когда императрица Екатерина I помиловала Шафирова-старшего, Шафиров-младший был зачислен в **Герольдмейстерскую контору**, а позже был откомандирован в помощь собственному отцу в составлении истории царствования Петра I. В прошении старшего Шафирова было сказано, что сын ему нужен «для вспоможения в выписывании и переводе с иностранных языков из истории...». 5 мая 1725 года правительствующий сенат дал разрешение. Здесь к месту указать, что **до сих пор неизвестен баронский герб Шафириных, а ведь «Исаюшка» служил в Герольдмейстерской конторе.**

13 марта 1734 года Исай Шафиров был назначен советником Вотчинной коллегии, а в 1737 году он служил уже в Камер-коллегии. (*Вотчинная коллегия – ведала вопросами землевладения. Камер-коллегия – ведала государственными доходами.*) 22 марта 1741 года он, советник Камер-коллегии, был произведен в статские советники. Однако, поначалу неплохо складывавшаяся карьера Шафирова-младшего прервалась.

Причиной тому стала, как бы невероятно это ни выглядело в отношении пусть крещеного, но чистокровного еврея первой половины XVIII века, – «белая горячка». И опять виновником оказался старший Шафиров, славящийся тем, что его винный погреб не имел равных в России. Пока был жив отец, Исай держался, но дальше... Языком прошлого это выглядит так: «Вследствие явно обнаружившихся в нем признаков ненормальности умственных способностей, выразившейся сначала в пристрастии к спиртным напиткам и азартным играм, а потом в буйстве и «неслыханных и безумных шалостях».¹¹⁴ По высочайшему повелению, спившийся Исай Шафиров был в 1747 году заключен в московский Донской монастырь, откуда через два года освобожден, но так и не вылечился. Болезнь прогрессировала. В 1750 году умерла жена Исаия Евдокия Андреевна, после которой осталось три сына и пять дочерей. После смерти жены тот совсем опустился. Надо отдать должное императрице Елизавете Петровне, не позволившей (*вопреки предложению московского генерал-губернатора*) вторично заключить Исаю Шафирова в монастырь. Несмотря на все принимавшиеся меры, Шафиров-младший проиграл в карты все свое состояние, окончательно спился и в 1756 году умер в Москве. После его смерти семья осталась абсолютно без средств к существованию. А состояние, судя по некоторым документам, у него было большое. После смерти «старого» барона он получил по наследству «вотчину» в Пензенском уезде, село Ломовка. Хозяйство было огромное: около 5 тысяч десятин пашен и лугов, 5 мельниц, винокуренный завод, 96 голов крупного рогатого скота, 407 голов овец, 100 свиней, 13 лошадей. За рекой Сурой в деревушке Исаевке была построена маслобойня. В Ломовке Исай Петрович учредил Казанскую ярмарку, построив несколько торговых рядов. Он прекрасно понимал, что эта ярмарка, находившаяся на границе между Западом и Востоком, является связующим звеном между Европейской Россией и Сибирью, Уралом и Средней Азией. Ярмарка должна была приносить огромную прибыль. Видимо, был у него талант предпринимателя, но спиртное и игра в карты – страшный бич. Все-таки не верится, что он сумел спустить все состояние. Ведь была же установлена над ним опека. Как бы то ни было, он «ту деревню разоряет и бедному крестьянству несносные тягости и нестерпимые преогорчения чинит» (из указа императрицы Елизаветы Петровны от 6 апр.1747 г.). В 1747 году был выслан из Ломовки в Москву.¹¹⁵

Во владении, «вотчине», Исая Шафирова также было село Троицкое, славящееся своим яблоневым садом. Шафиры были пионерами садоводства в Мордовском крае.

В саду было всего 18 деревьев.¹¹⁶ Думаю, что число восемнадцать не случайное: на иврите этот счет соответствует слову «жизнь» – «хай». В Санкт-Петербурге, на нынешней обширной территории стадиона института физической культуры имени П. Ф. Лесгафта, что на Офицерской улице (*улица Декабристов*), когда-то находилась усадьба «старого» барона П.П. Шафирова. Она продавалась за долги Исая после смерти последнего. В «Санкт-Петербургских Ведомостях» можно было прочитать объявление: «Покойного статского советника барона Исая Шафирова желающих купить двory... первой каменный... второй деревянный на Адмиралтейской стороне... в купе с садом и прудами... явиться в вотчинную канцелярию». Как видим, состояние было, а продавалось оно, полагаю, из-за его дележа наследниками.

Ныне в Петербурге есть проспект имени П.П. Шафирова, а также Шафировский путепровод. Увы, этот проспект ведет к крематорию...

У Исая Петровича, как мы писали выше, было трое сыновей, не оставивших прямого наследника, и пять дочерей. Дочери: баронессы Анна Шафирова, Мария Шафирова, Марфа Шафирова, Настасья (Наталья) Шафирова, Екатерина Шафирова. Одного сына звали барон Петр Шафиров, другого Василий Шафиров. Имя третьего мне неизвестно. Кстати, одно время Ломовкой владел Василий Шафиров, но он не оставил наследника, как и двое других братьев.

В память о деде императрица взяла детей Исая под свое покровительство, дочерей сделала фрейлинами и определила замуж с приличным приданым. Они сделали, как говорили тогда, «блестящие партии». Одну из них – баронессу **Анну Исаевну Шафирову** (1726–1783) выдали за Петра Васильевича Власова (1726–1799), капитана императорской гвардии.

В генеалогии второй дочери **Марфы Исаевны Шафировой** (1729 – 1786 г.) произошло чудо: она вошла в семью императрицы, так как один из Петрово-Соловово – Григорий Александрович, будущий тесть Марфы Исаевны, породнился с императрицей Елизаветой Петровной, женившись на ее двоюродной сестре Агафье Симоновне Гендриковой. Сын от их брака – Александр, впоследствии генерал-лейтенант и действительный тайный советник, в 1759 году женился на баронессе Марфе Исаевне Шафировой, а их сын Андрей Александрович Петрово-Соловово (1760–после 1804) стал действительным

статским советником, присутствующим в Комитете об уравнении городских повинностей в Москве.¹¹⁷

А младшая сестра драматурга Сухова-Кобылина – Евдокия вышла замуж за тамбовского помещика Петрово-Соловова.¹¹⁸

О других дочерях Исаия Шафировва будет сказано чуть ниже, а сейчас поговорим о его сыне – Петре Исаевиче Шафирове. О нем известно, что он умер, не оставив потомства, а потому баронский род Шафировых пресекался. Права наследования перешли по женской линии к представителям дворянских родов Петрово-Соловых, Пассеков, Власовых, Ладыженских, князей Волконских. Эти линии потомков Петра Шафировва, к сожалению, проследить не удалось.

Имение внука «Большого Шафировва» – Петра Исаевича Шафировва перешло к его побочной дочери девице Фировой (*видимо «обрубленная» фамилия – Фирова – была создана по образу и подобию множества прочих фамилий внебрачных отпрысков родовитейших российских семейств: «Репнин – Пнин», «Трубецкой – Бецкой», «Селиверстов – Верстовский» и прочее*).

Эта побочная правнучка Петра Шафировва вышла замуж за своего двоюродного брата князя Александра Николаевича Ромодановского-Ладыженского. Дело в том, что **третья дочь** Исаия Петровича – **баронесса Мария Исаевна** (1736–1799 гг.) в 1763 году вышла замуж за князя Николая Ивановича Ромодановского-Ладыженского (1746 (?)–1803). Николай Иванович Ладыженский был возведен в княжеское достоинство императором Павлом I с добавлением фамилии Ромодановский. Мария Исаевна была старше мужа на 10 лет. От этого брака родился их единственный сын князь Александр Николаевич (год рождения неизвестен). Он воспитывался в Пажеском корпусе с 1770 г. и выпустился камер-пажом в 1783 г., а оттуда перешел поручиком в Конную Гвардию. В 1789 году Александр Николаевич был произведен в ротмистры. С 1 января 1795 был переведен полковником в армию. В 1800 получил чин генерал-лейтенанта. С 23 января 1798 года по 31 марта 1801 года, года смерти, был **шефом Кирасирского полка своего имени!** Он женился... внимание (!) – на внебрачной дочери (воспитаннице) бездетного своего дяди Петра Исаевича Шафировва – девице N.N.Фировой! От брака он имел двух сыновей, Константина и Юрия – и трех дочерей. К сожалению, по мужской линии этот род, ведущий свое происхождения от Рюрика, пресекался.¹¹⁹

Четвертая дочь барона И.П. Шафирова баронесса Наталья (Настасья) Исаевна Шафирова (1740–1796) вышла замуж за Петра Богдановича Пассека, одного из активных участников дворцового переворота 1762 года, генерал-аншефа и генерал-губернатора Могилевского и Полоцкого наместничества.

В правление Пассека произошло небезынтересное общественное движение евреев. Белорусские евреи подали петицию с просьбой уравнивать их права с прибалтийскими единоверцами, имеющими эти права. Прошение было передано генерал-прокурору Вяземскому. Нам не известен ответ Пассека, но он ратовал за изгнание евреев из местечек и передачу винокурения в руки дворян.

У Пассеков было двое детей. Сын – Петр Петрович (1775–1825), полковник, участник антинаполеоновских войн, был женат на Наталье Ивановне Олениной. Их дочь Варвара Петровна была фрейлиной при дворе императора. В 1820 году поселился в своем имении, где его посетил И.Д. Якушкин и принял Пассека в «Союз благоденствия». Пассек скончался 1 мая 1825 года.

Пятая дочь Исаия Шафирова, баронесса **Екатерина Исаевна** (1734–1795) вышла замуж за князя Михаила Сергеевича Волконского. Напомним, что князья Волконские ведут свой род от св. князя Михаила, князя Черниговского, потомка Рюрика.

Из детей Екатерины Исаевны отметим сына, князя Дмитрия Михайловича Волконского (умер в 1835 году) – генерал-лейтенанта и сенатора. По своим взглядам принадлежал к мыслящей части дворянства, был противником крайностей крепостничества и осуждал политику А.А. Аракчеева. У него были обширные семейные связи с крупнейшими древнейшими фамилиями России. По матери он родственник Долгоруковых, Трубецких, Хованских, Салтыковых, Петрово-Солововых, Пассеков. По отцовской линии он был связан с семейством отца декабриста и его матери – дочери фельдмаршала Н.В. Репнина, а также их зятя, крупнейшего деятеля военного управления империи князя Петра Николаевича Волконского. Но более всего Дмитрий Михайлович сдружился со своим дядей, братом отца, генерал-аншефом Николаем Сергеевичем Толстым, дедом «великого Льва». Дмитрий Михайлович часто посещал «колыбель писателя» Ясную Поляну. Скорбел по поводу безвременной кончины матери Льва Николаевича Толстого.

Женившись на дочери графа Мусина-Пушкина, известного собирателя старинных рукописей, Волконский породнился с Гагариными, Нарышкиными и другими. Он познакомился со своим дальним родственником через Шафириковых поэтом Петром Вяземским, историком Карамзиным; сблизился с поэтом Василием Львовичем Пушкиным, дядей Александра Сергеевича.

Более счастливо сложились судьбы других ветвей шафириковского рода. В приложении мы публикуем взятое из «Русского еврического журнала» генеалогическое древо Шафириковых по четырем старшим дочерям вице-канцлера, составленное и прокомментированное Ю.А. Нелидовым.¹²⁰ Нелидов справедливо отмечает, что нельзя считать род Шафириковых угасшим только потому, что по мужским линиям он пресекается, ибо его женские ветви бурно разрослись и скрестились с множеством самых родовитых российских фамилий, дав к двадцатым годам нашего столетия потомство, превышающее тысячу двести человек. Как мы видим, и в этом отношении род Шафириковых не уступает прочим дворянским фамилиям России – Толстым, Муравьевым, Аксаковым...

АННА ПЕТРОВНА ШАФИРОВА

Дочь Петра Шафиров – Анна вышла замуж за князя Алексея Матвеевича Гагарина, единственного сына генерал-губернатора Сибири, казненного при Петре I в 1721 году за «неимоверное лихоимство» и насилие. Надо отметить, что после смерти своей сестры Натальи, она взяла в свой дом и воспитала детей покойной.

Их дочь – Анна Алексеевна Гагарина (1722–1804) стала женой графа Дмитрия Михайловича Матюшкина и была первой статс-дамой императрицы Екатерины II, а позже – обер-гофмейстриной при дворе императрицы Марии Федоровны, супруги Павла I и матери Александра I. Можно сделать вывод, что еврейское происхождение братьев Шафировых не помешало их потомкам родниться с первыми фамилиями Российского государства, такими, как Рюриковичи (князья Долгоруковы, Гагарины, Кропоткины, Ромодановские-Ладыженские, Волконские) или Гедиминовичи (князья Хованские). Породнился Петр Шафиров и с канцлером графом Головиным (род Головиных известен с XIV века. Головины были связаны с семейством византийских императоров Комнинов). С Шафировыми породнились Салтыковы, известные с XIII века, Измайловы – с XIV века, Петрово-Соловово и Пассеки – с XV века; Баскаковы, Благово и Власовы – с XVI века.

Особо надо сказать о Матюшкиных. Род известен с начала XIII века. В XVII веке они резко выдвинулись благодаря тому, что через Стрешневых сумели породниться с Романовыми. Афанасий Иванович Матюшкин приходился двоюродным братом царю Алексею Михайловичу. Внук Афанасия Ивановича Матюшкина породнился с внучкой барона Шафирова. Таковы сплетения генеалогии!

Графиня Анна Алексеевна Матюшкина (1722–1804) – старшая дочь князя Алексея Матвеевича Гагарина и его жены Анны Петровны, урожденной Шафировой. Всего у Гагариных было трое дочерей. Все они были фрейлинами императрицы Елизаветы и состояли при великой княгине Екатерине Алексеевне. Одна из сестер умерла, а другая сестра, Дарья Алексеевна, вышла замуж за жениха покойной сестры – князя Александра Михайловича Голицына. Таким образом, из трех сестер Матюшкиных лишь одна осталась в трудное время около Екатерины. В «Записках» императрица с большой теплотой пишет о внучке Шафирова, которая не раз «прикрывала» ее от гнева Елизаветы Петровны, была самой преданной из окружающих Екатерину придворных дам. В будущем ее услуги не были забыты – она стала статс-

дамой в день коронации Екатерины, даже раньше княгини Дашковой! И сын Екатерины Павел очень любил эту некрасивую, но умную женщину. Спустя шесть дней после восшествия на престол, он возвел ее в достоинство обер-гофмейстерины. В день коронации Павел I пожаловал ее в «кавалерственные дамы святой Екатерины 1-го класса». И подчеркивая свое расположение, подарил ей для ношения миниатюры своей персоны и императрицы Марии Федоровны. Причины такого благорасположения императора кроются в особом такте Матюшкиной, умевшей внести материнское тепло, которого так нехватало несчастному «русскому Гамлету».

Екатерина устроила ее брак с Дмитрием Михайловичем Матюшкиным (1725–1800), который в 1762 году был возведен в графское достоинство Святой Римской империи. У них было двое детей.

Сын, граф Николай Дмитриевич, скончавшийся в 1775 году, был бездетным, а у дочери, урожденной графини Софьи Дмитриевны Матюшкиной (1755–1796), от брака с польским графом Юрием Вильегорским (Вьельгорский, Вьельгорский) родились два сына – Михаил (1788–1856) и Матвей (1794–1866), ставшие знаменитыми музыкантами, внёсшими большой вклад в развитие русской музыкальной культуры XIX века.

Братья Матвей и Михаил Вьельгорские

Их дом (сначала, с 1823 года – в Москве, а с 1826 года – в Петербурге) был одним из крупнейших музыкальных центров империи. Неоценима поддержка, которую оказали братья Вьельгорские Михаилу Глинке, Антону и Николаю Рубинштейнам. Старший брат, Михаил, стал автором оперы «Цыгане», двух симфоний, романсов; младший, Матвей, был выдающимся виолончелистом и одним из учредителей Петербургского Симфонического и Русского музыкального обществ. *(последнее впоследствии попало под высочайшее покровительство и получило право именоваться «императорским»)*.

Квартет братьев Вьельгорских

В числе ближайших друзей братьев Вильегорских мы встречаем А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, М.И. Глинку, Ф.И. Тютчева, Ференца Листа и многих других ярчайших деятелей русской и мировой культуры. Матвей Юрьевич остался в холостяках и жил интересами своего брата. Михаил Юрьевич женился на Луизе Карловне, урожденной княгине Бирон-Курляндской (1791–1853). На дочери Михаила Юрьевича Вильегорского – Софье Михайловне (1820–1878) был женат граф Владимир Александрович Сологуб, писатель, автор знаменитой в свое время повести «Тарантас». В одном из своих произведений («*Большой свет*») Сологуб вывел свою любовь под именем «Наденьки». На другой дочке Михаила Юрьевича был женат Алексей Владимирович Веневитинов (*брат знаменитого поэта Дмитрия*). Племянник известного поэта – Михаил Алексеевич Веневитинов (1844–1901), археолог, писатель, директор Московского публичного и Румянцевского музеев. Он написал стихи о доме своих дедушек Михаила и Матвея Вильегорских:

«С какою радостью наверх, на половину

Мы к дяде бегали на музыку тогда.

Какие слушали чудесные квартеты!

Бывало с кем их дядя исполнял!

Артисты славные, писатели, поэты, –

В гостеприимный дом кто, кто, не приезжал?» («*Дядя*» – домашнее прозвище Матвея Юрьевича Вильегорского. Стихотворение М.А.Веневитинова «*Звуки старины*» – цит. по статье «*Вильегорские*» – по энциклопедии «*Три века Санкт-Петербурга. Деятнадцатый век*», СПб, 2003, т. II, с.528).

Вторая внучка Шафирова по линии Анны Петровны – Дарья (1724–1798) – женщина крайне честолюбивая и умная, вышла замуж за фельдмаршала князя А.М. Голицына. Только что приведенную характеристику в определенной мере подтверждает принадлежащее ей ироническое замечание о том, что Голицыны в русской истории испробовали на своей шкуре все без исключения наказания: повешение, обезглавливание, четвертование, сажанье на кол, битье кнутом и прочие. Сохранился ее интересный рассказ о своей матери Анне Петровне, которая девочкой получила нагоняй от императора Петра I, отказавшись выпить предложенный им бокал вина. Историк К. Валишевский передает этот случай несколько иначе: дочь вице-канцлера отвернулась от поднесенной Петром чарки водки, на что государь крикнул: «Злая жидовская порода, я тебя научу слушаться!» и подкрепил восклицание двумя увесистыми пощечинами.¹²¹

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева

II	Баронесса А.П. Шафирова Князь А.М. Гагарин
III	Княжна А.А. Гагарина Граф Д.М. Матюшкин
IV	Графиня С.Д. Матюшкина Граф Ю.М. Виельгорский
V	Графы Михаил Юрьевич Матвей Юрьевич Виельгорские
VI	
VII	
VIII	
IX	

МАРФА ПЕТРОВНА ШАФИРОВА

Очень интересным было потомство Шафирово по линии его второй дочери Марфы Петровны (1697–1762), вышедшей замуж за князя Сергея Григорьевича Долгорукова и родившей ему сыновей Николая, Василия, Петра, Григория, Алексея и дочерей Марию, Анну, Екатерину и Анастасию.

Пожалуй, на судьбе семьи именно этой дочери особенно ярко проявилось истинно национальное качество Петра Шафирово: преданность семейным узам и борьба за свой клан. Как известно, вступление на престол императрицы Анны Ивановны было отнюдь не гладким. Среди прочих «камней преткновения» было там и дело о поддельном завещании Петра II. Замешанные в этой истории фактические правители России Долгоруковы, в недолгое царствование малолетнего внука Петра Великого, впали при новой императрице в немилость, и хотя Сергей Григорьевич Долгоруков не был замешан в этих околопрестольных интригах, ему по российской традиции была уготована ссылка в деревню. Шафиров умолил всесильного фаворита императрицы – Бирона вернуть зятя из ссылки и уже почти сумел добиться его назначения на дипломатический пост, как тут в борьбе против Шафирово присоединился пуще всего боявшийся нового усиления петровского вице-канцлера интриган А.И. Остерман, личный враг Долгоруковых.

Из записок князя П.В. Долгорукова можно извлечь семейное предание: «Хитрый и ловкий барон Шафиров выхлопотал у Бирона разрешение своему зятю Сергею Долгорукову, вернуться из ссылки (тот был сослан в деревню). Обсуждался даже вопрос об одном дипломатическом назначении для князя Сергея Григорьевича. Но Остерман, ненавидящий Шафирово и опасавшийся его возрастающего влияния, Ушаков – враг Долгоруковых, боявшийся их мести, наконец, Волынский, быстро сделавшийся влиятельным лицом и боявшийся усиления значения Шафирово – все соединились, чтобы убедить Бирона, что нет ничего опаснее, как вернуть семью, причиной несчастий которой был он сам, Бирон; ему указали на неотложную необходимость покончить навсегда с Долгоруковыми. Начальник тайной канцелярии Ушаков обещал доставить ему для этого необходимый предлог».¹²² К несчастью для Долгоруковых, единственный человек в Петербурге, который мог за них вступиться, старый Шафиров умер не задолго перед тем (1 марта 1739 г.). Умирая, он обратился к милости

и доброте императрицы и доверил ей судьбу своего зятя Сергея Долгорукова и своих внуков... Но Анна Иоанновна не знала ни милости, ни доброты... Предсмертная просьба еще более обострила ненависть врагов несчастной семьи».

К этому приложили руку А.И. Ушаков и также ненавидевший Шафирова «борец за русское дело» А.П. Волынский. Схватку с ними Шафиров проиграл. На смертном одре он умолял его посетившую и всегда благоволившую к сподвижнику Петра Великого императрицу Анну Ивановну обратить, как говаривали в те времена, «милость свою» на зятя и внуков, однако эта предсмертная просьба не возымела последствий и лишь обострила и без того лютую ненависть к Долгоруким. Зять Шафирова был обезглавлен, старшие внуки Николай и Петр – отданы в солдаты, а младшие – Григорий и Василий – в подмастерья, причем попавшему к кузнецу Василию навсегда запретили учиться грамоте.¹²³ Николай Долгоруков умер будучи ребенком в 1724 году, Петр (1726–1769), начавший свою карьеру простым солдатом в Азове, дослужился до чина генерал-майора (*по другим сведениям генерал-поручика*) и погиб во время русско-турецкой войны при взятии Хотина. О Григории (1729–1818) известны лишь даты жизни. К Василию (?–1803) судьба была жестока. Восемь лет он отработал в кузнице и стал замечательным мастером, но правильно писать по-русски не научился. Стал военным и вышел в отставку бригадиром. Женился на Анастасии Ивановне, урожденной Лодыженской, родной внучке князя-кесаря Ф.Ю. Ромодановского. При выходе замуж за «нищего кузнеца» она получила в приданное более 8 тысяч душ. У них были дети, правнуки Шафирова. Сын Павел Васильевич (1755–1837), генерал-майор. Дочь Елена Павловна (1788–1860) вышла замуж за генерала Андрея Михайловича Фадеева (1789/90–1867). Кроме того, правнуки Шафирова от Василия Алексеевича – Сергей Васильевич Долгорукий и Александр Васильевич Долгорукий. Павел Васильевич – один из самых благородных людей своего времени. С детства он дружил с будущим императором Павлом, но слепо следовать его повелениям, ужесточению военной службы отказался, чем вызвал гнев державного владыки и вышел в отставку в чине генерал-майора.

Александр I неоднократно предлагал ему вернуться, но князь уклонялся от этой «чести»: он слишком хорошо знал благодарность государей...

О дочери Долгорукова Анастасии известно, что она родилась в ссылке в Раненбурге Воронежской губернии 23 октября 1730 г. Сын Долгорукова Алексей родился 14 марта 1735 года, под конец заключения князя Сергея. *(О гибели князя С.Г. Долгорукова я рассказывал выше. Он был обезглавлен 8 ноября 1739 года, за год до кончины императрицы Анны Иоанновны...)*.

Напоминаю – все эти потомки барона Петра Павловича Шафирова вошли в элиту русского народа, навсегда прославив имя их пращура.

Почти сразу Долгоруковых вернули из ссылки, но вернуть их состояние государство было не в состоянии, так как оно было роздано в разные руки. По семейному преданию, до конфискации у них было двести тысяч душ крестьян. В Московской Грановитой Палате находятся старинные драгоценные вещи с их гербами.¹²⁴ Так вот, Анастасия вышла замуж за князя Щербатова. Её сестры – дочери Василия Сергеевича и Анастасии Ивановны: Мария в замужестве за князем Вяземским, дедом поэта, а Анна за князем Голицыным.

Среди потомков Шафирова по линии Марфы Петровны в первую очередь необходимо назвать выдающегося государственного деятеля царствований императоров Александра III и Николая II графа С.Ю. Витте (1849–1915). Специалисты по евгенике не случайно сопоставляли в двадцатых годах нашего века дипломатические и административные таланты пращура и потомка.

Граф С.Ю. Витте

К числу заслуг С.Ю. Витте следует причислить строительство Транссибирской магистрали и введение в России золотого рубля *(вспомним Осипа Эмильевича Мандельштама: «Когда в далекую Корею катился русский золотой»)*. Он же стал инициатором введения в империи винной монополии. Катастрофическое по своим военным и, главное, внутривосточным последствиям поражение России в русско-японской войне Витте сумел смягчить не столь уж катастрофическим по сравнению с масштабами поражения Портсмутским миром *(ну как не поддаться ассоциациям с Прутским миром Петра Шафирова?!)*.

Однако, основным достижением графа Витте, несомненно, является манифест 17 октября 1905 года о введении в самодержавной России гражданских свобод и созыве законодательной Государственной

думы. Наконец, именно Сергею Юльевичу Витте принадлежит разработка основных положений той аграрной реформы, которую потом стали называть «столыпинской» *(по имени последователя Витте на пути буржуазных преобразований полуфеодальной России Петра Аркадьевича Столыпина)*.

Выдающийся политик своего времени, Витте обладал несомненным даром политического прогнозирования. Судите сами. В 1900-1902 годах он прочел курс политической экономии брату царя, великому князю Михаилу Александровичу *(тому самому, который в феврале 1917 года, став после отречения Николая наследником престола, ввел в петлицу красный бант и передал бразды правления Временному комитету Государственной думы, тем самым расписавшись в политическом крахе романовской империи)*. В своих лекциях граф выдвинул и обосновал многие положения, не только подтвердившиеся последующим историческим развитием, но и оставшиеся действенными до наших дней. Суть концепции Витте такова: в нынешнюю историческую эпоху экономическая и культурная взаимозависимость государств настолько сильны, что четко разграничить их сферы влияния невозможно; всякое насильственное нарушение международного политического порядка и исторически сложившихся отношений на европейском континенте неминуемо ведет к столкновению всех заинтересованных государств, как больших, так и малых, то есть к мировой войне; милитаризм, подталкивая государства на гигантские капиталовложения в военную промышленность, приумножает класс заинтересованных в этой гонке вооружений людей и тем самым увеличивает вероятность вооруженного конфликта. Какой же видел Витте карту послевоенной Европы? Австро-Венгрия распадется, Венгрия станет самостоятельным государством, Австрия резко уменьшит свою территорию, Галиция и часть Буковины отойдут к России, другая часть Буковины и Трансильвания – к Румынии, Трентино и западная Истрия станут итальянскими, возникнут независимые Богемия *(Чехия)* и Югославия... Взгляните на карту современной Европы. Кажется, что спустя многие десятилетия и две кровопролитнейшие мировые войны она выглядит именно так, как ее предначертал граф Витте. Поразительное предвидение!

Граф Витте, увы, особо не пользовался расположением императора Николая II, который не внял наставлениям своей матери, вдовствующей императрицы Марии Федоровны: «Во всем слушайся Сергея Юльевича!».

Когда 28 февраля 1915 года бывший российский премьер скончался, ни один из членов царской фамилии не выразил сочувствия. Лишь Мария Федоровна через своего личного представителя обер-гофмейстера князя Г.Д. Шервашидзе отдала дань уважения памяти великого сына России. Но не следует думать, что император забыл своего бывшего первого министра: он направил к вдове Витте своего генерал-адъютанта с тем, чтобы заполучить мемуары покойного. К неудовольствию Николая, рукопись оказалась за границей, в Биаррице, где у Витте была вилла. Царские агенты ринулись туда, но обыск не принес желаемых результатов: рукопись хранилась в банковском сейфе и увидела свет уже тогда, когда рухнула Российская империя. Благодаря предусмотрительности автора ныне имеется возможность познакомиться с интереснейшими воспоминаниями, неоднократно переизданными и не только обладающими большими достоинствами исторического источника, но и несущими на себе отпечаток несомненного литературного дарования их создателя.¹²⁵

Вместе с тем Николай II отдавал себе реальный отчет в масштабах личности графа Витте (*как это было и с другим выдающимся государственным деятелем эпохи последнего царствования – Столыпиным: «посредственность на троне» не могла терпеть возле себя неизмеримо более одаренных людей*). Хотя в письме к матери царь утверждал, что никогда не поручит Витте ни одного дела¹²⁶, тем не менее в тяжелую минуту вспомнил о графе и в начале первой мировой войны хотел направить его в Соединенные Штаты для получения трехсотмиллионного займа. По состоянию здоровья Витте уклонился от выполнения этого поручения, однако составил памятную записку. Вот что в ней говорилось: «...для того, чтобы это совершить, нужны два условия:

1) заключить с Америкой торговый договор. Существующий мы нарушили из-за еврейского вопроса, так как Америка требовала беспрепятственного пропуска своих евреев в Россию, а мы не соглашались;

2) дать евреям всем (*подчеркнуто в оригинале – С.Д.*) льготы, так как в Америке евреи имеют громадное значение, и без них едва ли можно будет заключить выгодный и прочный заем».¹²⁷ Весьма современно, не так ли?! Здесь мы должны особо остановиться на отношении Витте к евреям.

Непреклонный сторонник еврейского равноправия, Витте заслужил в кругах националистически настроенных монархистов кличку «жидовский наймит».

Вторым браком граф женился на крещеной еврейке М.И. Хотимской. Зная нравы двора, Сергей Юльевич явился к императору Александру III с прошением об отставке, но Александр, ярый антисемит, но последовательный сторонник справедливости (*достаточно напомнить, что пребывание известнейшей и активнейшей революционерки Веры Николаевны Фигнер в Шлиссельбургской крепости за террористическую деятельность в «Народной воле» не помешало ее родному брату Николаю Фигнеру в то же самое время быть солистом Мариинского оперного театра в Петербурге, премьером императорской сцены и даже получить самое почетное в ту пору для артиста звание «солист его величества»*), так вот, Александр III отклонил отставку С.Ю. Витте с поста министра, указав, что брак – сугубо личное дело. Но шло время, на российском престоле воцарился император – отнюдь не чета своему отцу, да и общественная ситуация обострялась, и в 1911 году сначала в черносотенной газетке «Колокол», а на следующий год и на прилавках книжных магазинов, появился антисемитский роман Е.А. Шабельской «Сатанисты XX века», где в числе прочих «сил зла» выведены граф Помпей Вреде, не могущий покинуть Петербург для участия во всемирном жидо-масонском заговоре, и его жена графиня Малка. Среди членов Высшего верховного синедриона международных жидо-масонов, воображенных воспаленной фантазией сочинительницы, привлекает внимание образ: «Только один человек резко отличался своим нееврейским лицом, хотя в его жилах текло немало еврейской крови. Это был русский граф немецкого происхождения, влиятельный сановник, прославляемый за границей и ненавидимый в России. Сын и внук чистокровных евреев, граф Вреде походил лицом на русскую графиню, принесшую его деду дворянское имя, единственной наследницей которого она была, а своему сыну и внуку чистую русскую красоту, заставившую всех позабыть о том, что графы Вреде были только привитая ветвь на древнем родословном древе».¹²⁸ В числе прочего в этом сочинении устами Малки сообщается, что её муж обеспечит Японии победу в войне с Россией. И хотя намек и без того был весьма прозрачен, рижское издание этой книжонки 1934 года в примечаниях услужливо сообщает, что под именем «Помпея» «...автор романа показал русского премьер-министра графа Витте, масона высокого посвящения. Витте был женат на еврейке и сам не отличался чистотой арийской расы».¹²⁹

Вооруженная пером черносотенка несколько преувеличила, но в действительности процент еврейской крови у С.Ю. Витте был достаточно высок. И дело тут не в отдаленном родстве с Шафировым (*как-никак, графа отделяли от барона пять поколений*). Бабкой русского премьера по отцовской линии была урожденная Мария-Елена-Луиза Крамер, и, хотя в исследовании родословной С.Ю. Витте, проведенном С.В. Любимовым¹³⁰, прямо не говорится о ее еврейском происхождении, но указывается, что в Крамерах была сильна коммерческая и финансовая жилка, а происходил род из прибалтийских земель, где, как сказано в том же исследовании, торговля в городах была захвачена евреями. Одна из ветвей рода Крамеров владела торговым домом в Нарве, основанным еще в начале XVIII века и ликвидированным спустя столетие при правнуках основателя; другие Крамеры были таможенниками, а одна из представительниц фамилии была фрейлиной Екатерины I и даже любовницей Петра I, а, значит, и не могла не знать Петра Шафинова.

Граф С.Ю. Витте
с внуком Л. Нарышкиным

Сергей Юльевич был одним из немногих крупнейших государственных деятелей России, проложивших себе дорогу умом и талантом, поэтому вполне естественно, что еврейское неравенство ему представлялось ненормальным. Обсуждая положение евреев с философом Владимиром Соловьевым, Витте сочувственно воспринял высказывание выдающегося мыслителя о том, что беды и несчастья, выпадающие на долю тех или иных государств, находятся в определенной зависимости от той степени озлобленности и несправедливости, которые эти государства проявляют по отношению к евреям: **«Преследование нации, на коей лежит перст Божий, не может не вызвать высшего возмездия»**.¹³¹ В беседе со вторым в истории России лауреатом Нобелевской премии великим ученым И.И. Мечниковым (*наполовину евреем*), в знак протеста против антисемитизма покинувшим Россию и переехавшим во Францию, Витте категорически осудил национальную политику царского правительства вообще и государственственный антисемитизм в частности.

В первую очередь, по его мнению, необходимо уничтожить черту оседлости.¹³² Еврейская пресса царской России, откликнувшаяся на смерть бывшего премьер-министра, в числе прочих материалов опубликовала воспоминания о встречах с графом Витте друга Теодора Герцля – Н. Каценельсона. Из этих мемуаров явствует, что Витте позитивно отнесся к сионистскому движению, разрешив открыть в Петербурге и других городах империи отделения Еврейского колониального банка и распространять в России акции этого банка. В свою бытность главой правительства Витте заявил тому же Каценельсону: «Я не знаю, сколько мне еще придется сидеть на этом стуле: кажется, очень недолго, но если на нем останусь, то буду прилагать все старания, чтобы в Государственный совет был назначен хотя бы один еврей. Этого требует элементарная справедливость».¹³³ Вместе с тем известный еврейский общественный деятель М. Винавер в своих воспоминаниях, опубликованных в те же дни, обвинил сторонника еврейского равноправия Витте в неспособности провести это равноправие в жизнь.¹³⁴ Утверждение Винавера, несомненно, справедливо, но ответом ему может, увы, служить лишь рассказанный И.А. Клейнманом анекдот: граф Витте требует от еврейского цадика совершить чудо, дабы облегчить еврейскую участь!¹³⁵ Да, трезвейший и практичнееший Сергей Юльевич, по-видимому, считал, что лишь чудо могло разрешить еврейский вопрос. Витте был одним из немногих политических деятелей России, встретившихся с вождем политического сионизма Теодором Герцлем. Трудно представить себе более контрастные фигуры... С одной стороны – монархист, прагматик, строитель империи, железнодорожный делец и банковский воротила, а с другой – пламенный романтик, мечтатель, публицист, живущий в мире грез и предвидений. Герцль – красавец с ассирийской бородой и обликом пророка.

Витте?... Вот как острый профессиональный взгляд Герцля запечатлел российского премьера: «Это был высокого роста, некрасивый, неуклюжий, серьезный человек лет шестидесяти, со странным впалым носом и кривыми ногами, портившими его походку».¹³⁶ Кстати, именно таким изобразил Витте на своей карикатуре художник Мстислав Добужинский. В воспоминаниях Витте нет ни строчки, посвященной этой исторической встрече, и причины такого, несомненно, нарочитого умолчания вполне ясны. Граф в ходе беседы поддался «чарам» своего собеседника, но по здравому, как ему казалось, размышлению пришел к выводу об эфемерности доводов Герцля. Хотя с внешней стороны все выглядело вполне пристойно, но Витте не понра-

вился Герцлю: «Этот неприятный человек обещал мне... все, что я от него хотел. После беседы, длившейся час с четвертью, я встал. Он проводил меня до лестницы, несколько раз пожал мне руку, а это, видимо, считается у этого грубияна чем-то необычным: перед ним трепещут даже вельможи».¹³⁷ *(Для контраста следует отметить, что на увлеченно-наивного лидера сионизма большее впечатление произвел... вдохновитель кишиневского погрома, за свои преступления приговоренный революционерами к смертной казни, – Плева!).* О чем же беседовали Витте и Герцль? Граф утверждал, что в России антисемитизм носит многогранный характер и имеет различную природу. У некоторых это – дань моде, у других является следствием деловых интересов и конкурентной борьбы. У царя антисемитизм, по утверждению Витте, имеет религиозный характер. В числе прочего граф рассказал о некоем Г. – крещеном еврее-журналисте, издающем в Москве грязную антисемитскую газетку. *(Под инициалом «Г.» скрывался редактор «Московских ведомостей», черносотенный писатель-монархист Владимир Андреевич Грингмут (1851–1907.), для характеристики которого достаточно указать, что его преемнику на посту редактора Л.А. Тихомирову приснопамятный «Союз русского народа» пенял: хотя он русский по рождению, «а имеет не русское сердце, прежний же редактор Грингмут был не русский, а имел русское сердце».¹³⁸ Воистину разоблачительная похвала!).* О себе Сергей Юльевич сказал: «Трудно заступаться за евреев... не рискуя быть заподозренным в подкупе. Но с этим я не считаюсь. У меня хватит мужества. Кроме того, моя репутация порядочного человека настолько прочна, что мне опасаться нечего. Но нерешительные люди и карьеристы легко поддаются влиянию и ненавидят евреев».¹³⁹ Вместе с тем Витте отметил, что турецкое владычество над святыми местами в Палестине для христиан «менее невыносимо, чем если бы там были евреи».¹⁴⁰ Герцль упрекал Витте в своем дневнике за то, что называвший себя «другом евреев» российский политик за почти полтора десятилетия пребывания у власти ничего не сделал для достижения их равноправия. Это замечание еще раз подтверждает герцлевский идеализм: что – евреи, если Витте не смог удержать своего государя от самоубийственной войны! И тем не менее идеалист взял верх. Вот что писал после смерти Герцля великий поборник демократии и еврейского равенства В.Г. Короленко: «То, что казалось явной утопией и безумием, феерическая греза о новом возвращении в землю обетованную, о восстановлении Сиона и новом иудейском царстве – под влиянием страстной энергии нового пророка начало облекаться плотью...».¹⁴¹

Свой маленький экскурс в историю контактов Теодора Герцля с высшими сановниками Российской империи хочется завершить еще одной картинкой, взятой из его дневника. Глашатай сионизма едет на прием к всесильному министру и гонителю евреев В.К. Плеве. Как же он готовится к встрече? В экипаже на карманных шахматах он рассматривает вошедшую в историю партию Андерсен – Кизерицкий. Его спутник Каценельсон восклицает: «Сыграйте свою бессмертную партию!». ¹⁴² Что же привлекло Герцля в этой шахматной позиции? Чудо! Ничтожные силы белых, потерявшие к этому времени ферзя, обеих ладей и коня, дают тремя оставшимися фигурами мат. Кто знает, может, эта партия вызвала в голове Герцля ассоциации с историей еврейского народа, скажем, с победой маленькой Иудеи над империей Селевкидов? Трудно сказать... Витте и сам любил шахматы, хотя ни словом не обмолвился в своих мемуарах об этом увлечении. Но ему партия Андерсен – Кизерицкий вряд ли могла прийти по вкусу: уж слишком рискованно играли белые. Граф по натуре должен был предпочитать позиционную игру Стейница, основой которой было накопление преимущества, а уж потом его реализация. Что ж, в шахматах можно быть приверженцами разных стилей. Но в историческом плане романтик начисто переиграл реалиста. Нет на карте Российской империи, а на Святой земле возник и существует Израиль – воплощенное чудо, бессмертная «партия» Теодора Герцля!

Несложно заметить схожесть окончания активной деятельности на государственном поприще Сергея Витте (*сутью характера которого, по мнению академика Е.В. Тарле, являлся нафос труда.* ¹⁴³) с крахом карьеры Петра Шафирова. Разница состоит лишь в том, что Шафиров стоял при рождении Российской империи, а Витте – при ее закате.

Сергей Юльевич Витте воспитывался в доме своего дяди, генерала Ростислава Андреевича Фадеева (1824–1883 гг.) – известного военного историка и публициста национали-

Р. А. Фадеев

стического толка, прославившегося склонностью к самым невероятным авантюрам (*одно время генерал Фадеев даже командовал войсками египетского правителя – хедива!*). Именно Фадеев стал для М.Е. Салтыкова-Щедрина прототипом воеводы Полкан-Редеди, и, пожалуй, лучшую характеристику генерала, чем та, которую ему дал великий

сатирик, найти невозможно: «Начальство не особенно ценило подвиги Редеди и довольно медленно производило его в чины, так что сорока пяти лет от роду он имел только полковничий чин. Наскучив начальственным равнодушием, он переменял род деятельности и направился в качестве обрусителя в Западный край. Тут он сразу ознаменовал себя тем, что произвел сильную рекогносцировку между жидами и, сбив их с позиции, возвратился восвояси, обремененный добычей». ¹⁴⁴ Как видим, позиции дяди и племянника по еврейскому вопросу, мягко говоря, не совпадали. Тем не менее, именно в доме Фадеева будущий премьер Российской империи приобрел широту кругозора, вскормленную многочисленными повествованиями генерала о его бесконечных путешествиях по Кавказу, Туркестану, Балканам, Африке. Уже после смерти генерала Р.А. Фадеева в Петербурге в 1889 году вышло трехтомное собрание его сочинений. Философ Владимир Соловьев писал своей матери из Каира: «Часто выдаюсь с генералом Фадеевым – тип русского медведя, впрочем очень неглупый человек». ¹⁴⁵ В поэме «Три свидания» Соловьев так описывает свою встречу с генералом:

Кредит и кров мне предложил в Каире
Отель «Аббат», его уж нет, увы!
Уютный, скромный, лучший в целом мире...
Там были русские и даже из Москвы.
Всех тешил генерал – десятый номер –
Кавказскую он помнил старину...
Его назвать не грех – давно он помер
И лихом я его не помяну.
То Ростислав Фадеев был известный,
В отставке воин и владел пером.
Назвать кокотку иль собор поместный –
Ресурсов тьма была сокрыта в нем.
Мы дважды в день сходились за табльдотом;
Он весело и много говорил,
Не лез в карман за скользким анекдотом
И философствовал по мере сил. ¹⁴⁶

Владимир Соловьев еще раз вспомнил Фадеева в своем последнем и наиболее знаменитом философском труде «Три разговора», где он выведен под прозрачным образом «генерала». Как ни странно, взгляды Генерала на отношения мусульманского Востока и христианского Запада, увы, не потеряли актуальности.

У генерала Фадеева есть наивно-младенческая ненависть к евреям потому, что, видите ли, они занимаются торговлей. Наивность до предела и широкий спектр ксенофобии: поляки, немцы, евреи, французы... Но парадокс – всегда порядочно лично относился к инородцам, никогда не прибегал к давлению и поборам. Был любимым разноплеменными жителями Западного края. То диво!.. Т.е., писанина одно, а действие другое. В данном случае – благо.

Сестра Р.А. Фадеева и родная тетка С.Ю. Витте Елена Андреевна Ган (1814–1842 гг.) была известной в свое время писательницей, скрывшей свое настоящее имя под псевдонимом «Зенеида Р-ва». Прозу этой талантливой, но столь недолго жившей беллетристки современники сравнивали даже с произведениями Пушкина, Лермонтова, Жорж Санд. Так, И.С. Тургенев писал: «В этой женщине было действительно горячее русское сердце и опыт жизни женский, и страстность убеждений, – и не отказала ей природа в тех «простых и милых» звуках, в которых счастливо выражается внутренняя жизнь».¹⁴⁷

Елена Ган

И хотя, естественно, время расставляет всех по своим местам и зачастую крайне субъективные оценки современников начинают по прошествии времени отдавать иронией, тем не менее Елена Ган нашла свое место в истории русской словесности. Ее возрождение в читательских умах происходит буквально на наших глазах. Так, в вышедшем в свет в 1980 году в Москве сборнике «Русская романтическая повесть» произведение Елены Ган «Идеал» занимает почетное место, а во вступительной статье отмечается, что чтение сочинений этой писательницы, глашатая женской эмансипации, не может не увлечь и в наши дни, ибо именно с нее начинается «великая центральная тема русской классической литературы».¹⁴⁸ Наконец, столетие со дня смерти Елены Ган было отмечено прочувственной статьей в «Новом журнале».¹⁴⁹

Елена Блаватская

Крайне любопытной персоной была дочь Елены Андреевны Ган Елена Петровна (1831–1891), в замужестве Блаватская – писательница (*выбравшая себе псевдоним «Радда Бай»*) и оккультистка. Разъехавшись с мужем спустя несколько недель после свадьбы, она большую часть жизни провела за пределами России, став на склоне лет англоязычным автором. Более чем десятилетние

скитания Елены Блаватской по Индии, Цейлону и другим религиозным центрам Востока, познание мистических учений и оккультизма нашли отражение в ее путевых заметках «Дурбар в Лагоре. Из дневника русской», «Из пещер и дебрей Индостана. Письма на родину», «Загадочные племена. Три месяца на «Голубых горах» Мадраса». Ее тесные контакты с местным населением заставили правивших в то время на Индостане англичан даже заподозрить ее в шпионаже в пользу России. Обосновавшись в 1873 году в Нью-Йорке, два года спустя она основала Теософское общество. Позже главное отделение общества переехало сначала в Индию, а затем – в Лондон. По словам самой Елены Петровны, ее общество ставило перед собой три цели: во-первых, образовать ядро человеческого братства без различия пола, национальности и религии; во-вторых, изучить все философские и религиозные школы, дабы доказать единство скрытой во всех них Истины; наконец, в-третьих, исследовать таинственные стороны природы и развивать сверхчувственные возможности человека. Один из современников писал, что в трудах Елены Блаватской невозможно провести границу между концом сознательного обмана и вторжением в сферу бессознательного, понять, где присутствует самообман и начинается искреннее увлечение мистикой или просто шарлатанство.¹⁵⁰ Тем не менее время не остудило интерес к ее изысканиям, которые и по сей день вызывают бурную полемику. В этой связи становится особенно интересным опубликованное совсем недавно¹⁵¹ письмо Елены Блаватской ни много, ни мало, как... шефу корпуса жандармов, написанное в декабре 1872 года. В этом письме она не только сознается в мошенничестве при проведении спиритических сеансов, но и, что еще более занимательно, предлагает русскому правительству свои услуги в качестве шпионки, уверяя, что повальное увлечение спиритизмом и оккультизмом не только открывает перед ней все двери, но и развязывает языки самых сановных особ. В своем письме, стараясь придать себе цену, Блаватская ссылается на многочисленные факты неудачных вербовок ее лично представителями различных держав и даже Ватикана. Как видим, колониальные власти в Индии не случайно подозрительно отнеслись к этой особе, но русское правительство воспользоваться ее услугами не пожелало. Интереснейшую статью об основательнице теософского движения написал Всеволод Соловьев.¹⁵²

Помимо Елены Петровны Блаватской, у Елены Андреевны Ган была еще одна дочь – писательница и драматург Вера Петровна, в замужестве Желиховская (1835–1896). Потеряв в семилетнем возрасте мать, она воспитывалась в доме бабушки, известного публициста А.М. Фадеева, где не только была окружена любовью и заботой, но и получила прекрасное домашнее образование. В 1880 году Вера Петровна, вторично овдовев, осталась практически без средств к существованию, и с тех пор жила лишь литературным трудом. Довольно часто она пользовалась псевдонимами: «Игрек», «г-жа Игрек», и даже мужским – «Лиховский, Н.». Именно этот период оказался самым плодотворным в ее творчестве. Несомненен ее вклад в создание русской детской литературы: «ее задушевные рассказы, согретые неподдельной любовью к маленьким читателям, увлекали детское воображение занимательностью фабулы и в легкой форме сообщали много интересных сведений из жизни наших инородцев».¹⁵³ Основной темой ее творчества были завоевательные войны России на Кавказе и жизнь кавказских народов. Есть у ней и такая повесть, как «По закону Моисея». К числу лучших её произведений принадлежат сочинения, навеянные воспоминаниями детства («*Как я была маленькой*», «*Мое отрочество*»), которые запоминаются трогательной искренностью, изяществом стиля и глубоким проникновением в тайны психологии ребенка, открывающего для себя окружающий мир. Однако В. П. Желиховская была не только детской писательницей, но и незаурядным драматургом. Её пьесы «Кто преступница?» и «Назвался груздем, полезай в кузов» были удостоены премиями одесского Новороссийского университета. Как и сестра, Вера Петровна увлекалась мистикой. Пылко, хотя и не всегда удачно, вступалась за Е.П. Блаватскую против частенько нападавшей на нее прессы. Например, выступала против Вс.С. Соловьева (*брата философа, обвинявшего Блаватскую в шарлатанстве.*) Желиховская пыталась соединить теософию и христианскую доктрину. Впрочем, малоудачно. Творчество Желиховской чрезвычайно разнообразно. Она писала очерки о путешествии в Англию и в западно-славянские страны. Вера Петровна скончалась в Петербурге и стала единственным русским литератором, чьи останки были бесплатно перевезены для захоронения в фамильном склепе в Одессе. Хотя это мотивировалось литературными заслугами покойной, подобная акция

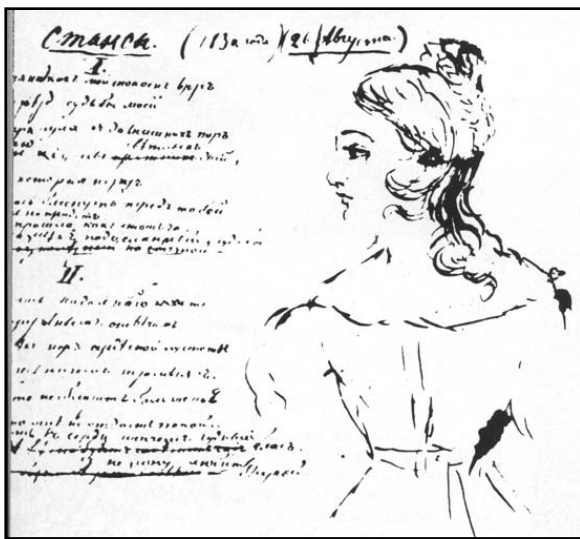

Вера Желиховская

Вера Желиховская была не только детской писательницей, но и незаурядным драматургом. Её пьесы «Кто преступница?» и «Назвался груздем, полезай в кузов» были удостоены премиями одесского Новороссийского университета. Как и сестра, Вера Петровна увлекалась мистикой. Пылко, хотя и не всегда удачно, вступалась за Е.П. Блаватскую против частенько нападавшей на нее прессы. Например, выступала против Вс.С. Соловьева (*брата философа, обвинявшего Блаватскую в шарлатанстве.*) Желиховская пыталась соединить теософию и христианскую доктрину. Впрочем, малоудачно. Творчество Желиховской чрезвычайно разнообразно. Она писала очерки о путешествии в Англию и в западно-славянские страны. Вера Петровна скончалась в Петербурге и стала единственным русским литератором, чьи останки были бесплатно перевезены для захоронения в фамильном склепе в Одессе. Хотя это мотивировалось литературными заслугами покойной, подобная акция

министерства путей сообщения позволяет предположить, что к ней приложил руку бывший ранее министром путей сообщения, в это время занимавший пост министра финансов, двоюродный брат Сергей Юльевич Витте.

Есть среди потомков Шафирова по линии Марфы Петровны и еще одно имя, которому также немало обязана русская литература. Екатерина Александровна Сушкова, в замужестве Хвостова (1812–1868 гг.), кузина Е.А. Ган и Р.А. Фадеева и, соответственно, тетка Е.П. Блаватской, В.П. Желиховской и С.Ю. Витте, была первой любовью Михаила Юрьевича Лермонтова, вдохновившей рождение так называемого «сушковского цикла» стихотворений поэта, к которому, по мнению специалистов, примыкает и «Еврейская мелодия».

Черновик стихотворения М.Ю. Лермонтова с портретом Е.А. Сушковой

Кроме того, многие факты романа с Екатериной Александровной были использованы Лермонтовым в «Княгине Лиговской».¹⁵⁴ Между прочим, и сам поэт был в дальнем родстве с потомками Петра Шафирова, поскольку по линии бабушки Е.А. Арсеньевой происходил из рода Евреиновых, основатель которого Матвей Евреинов был родственником Петра Шафирова.

Здесь необходимо на мгновение вернуться к Вере Петровне Желиховской и отметить, что она (*благодаря семейным связям*) оставила след и в лермонтоведении, опубликовав в 1885 году в «Ниве» запись воспоминаний Николая Павловича Раевского о дуэли поэта, а в 1887 году в «Русской старине» статью о своей матери Е.А. Ган, в которой предала гласности ее письма к родным, касавшиеся отношений между Е.А. Сушковой и М.Ю. Лермонтовым. По мнению В.П. Желиховской, известные записки Е.А. Сушковой, равно как и ставший их основой дневник мемуаристики (*утраченный, но виденный Верой Петровной*), содержат определенную долю вымысла.

Пётр Вяземский

По той же линии Марфы Петровны Долгоруковой (Шафировой) привлекает внимание еще один потомок вице-канцлера – князь Петр Андреевич Вяземский (1792–1878) – друг Пушкина, поэт, без которого немыслим пантеон русской словесности, академик, товарищ министра (*так до 1917 года именовали заместителя министра народного просвещения*), глава цензурного комитета. Потомок удельных князей из «Рюриковичей». От своего отца князя Андрея Ивановича Вяземского (1754–1807) Петр Андреевич унаследовал не только громкое имя, но и более чем внушительное состояние. Он увез из Ирландии замужнюю женщину Женни Квин (урожденную О'Релли), добился для нее развода и женился на ней, будущей матери знаменитого русского поэта. Судьба женщины, которая бросила свою родину ради любви к чужеземцу, волнует нас до сих пор. Один из молодых московских поэтов, Алексей Ефимов, написал прекрасное стихотворение:

«От ирландских, от осин непролазным русским лесом уезжала Дженни Квин за каким-то интересом. Неужели навсегда? Да куда несёт вас, леди? Там такие холода и свирепые медведи. Ажно юбка задралась у дурной гулящей сучки – ну, конечно, целый князь подхватил под белые ручки. Без накидки, без платка, босиком бежать готова от живого мужика, от родительского дома. Дженни, ты сошла с ума, иль его в тебе излишек? Похлабаешь там дерьма, нарожаешь там детишек – то-то позабавят всласть тамошних уродов свору, будет дыба им как раз, будет виселица в пору. Ох, намаешься, смотри – беспокойная земляца: бунтари,

шуты, цари, проповедники, убийцы, мудрецы и дураки...
Соглашайся, сделай милость!

Не раздумывай, беги и бери судьбу навыrost».

Отец поэта, бывший одно время нижегородским и пензенским местником, а позже сенатором, принадлежал к числу наиболее образованных людей своей эпохи – и эта культурная традиция также перешла по наследству к сыну. В родовой усадьбе Остафьево была прекрасная библиотека; в салоне Андрея Ивановича собирался цвет интеллектуального общества того времени. Среди прочих там часто можно было встретить находившегося в свойстве с Вяземскими знаменитого русского историка Николая Михайловича Карамзина, которому рано умерший Андрей Иванович Вяземский поручил перед смертью руководство сыном. Долгое время князь Петр Андреевич служил в министерстве финансов под началом знаменитого министра Егора Францевича Канкрин, о котором оставил интересные воспоминания.¹⁵⁵ Одним из первых в России Петр Андреевич Вяземский заинтересовался проблемой еврейского равноправия, решение которой приравнивал к отмене крепостного права.¹⁵⁶ Важно помнить, что подобная оценка была дана еще в 1818 году! Среди ближайших друзей Вяземского были уже упоминавшиеся братья Матвей и Михаил Вильегорские (*Михаил Вильегорский написал несколько произведений на стихи своего друга*). Петр Андреевич был русским националистом и не скрывал этого. Кстати, именно ему принадлежит ставшая поговоркой формула: «Что русскому здорово, то немцу – карачун!» Да и о самом себе он как-то выразился предельно однозначно: «Стыдно сесть в чужие сани коренному русаку».

И тем не менее глубоко верующий князь Вяземский, совершив паломничество в Палестину, нашел искренние слова для выражения переполнявших его эмоций после посещения Святой Земли:

Вот под сенью палаток
Быт пустынных племен;
Женский склад — отпечаток
Первобытных времен.
Вот библейского века
Верный сколок: точь-в-точь
Молодая Ревекка Вафуилова дочь...
Эпопеи священной
Древний мир здесь разверст:

Свиток сей неизменный
Начертал Божий перст.
На Израиль с Заветом
Здесь сошла Божья сень,
Воссиял здесь рассветом
Человечества день.¹⁵⁷

Вряд ли следует усматривать какое-то противоречие в том, что Петр Андреевич Вяземский сочетал взгляды русского националиста с резким протестом против антиеврейских гонений и уважением к древнему народу. Скорее напротив, истинный национализм, любовь к своему народу, предопределяет уважение к другим нациям и ненависть к грязному, животному шовинизму.

Сын Петра Андреевича Вяземского – князь Павел Петрович (1820–1887 гг.), историк, литератор, дипломат, долгое время работал в министерстве иностранных дел, народного просвещения и внутренних дел, а в 1881/1883 годах стал начальником цензурного ведомства. Ему принадлежит заслуга основания императорского Общества любителей древней письменности.

В родстве с потомками Шафирова был Николай Михайлович Карамзин, женатый на правнучке вице-канцлера Екатерине Андреевне Кольвановой. Необычна биография этой незаурядной женщины. Она была внебрачной дочерью А.П. Вяземского и, соответственно, сводной сестрой поэта Петра Андреевича Вяземского, а свою фамилию получила по древнерусскому названию Ревеля-Таллина – Кольвань. Екатерина Ивановна Карамзина (*урожденная Кольванова*) (1780–1851). У нее было четверо детей. Старший Андрей Николаевич Карамзин (1814–1854) в 1833 году окончил юридический факультет Дерптского университета; прапорщик лейб-гвардии конной артиллерии. С мая 1836 года по октябрь 1837 год находился за границей. Позднее отставной полковник. Он был близким другом М. Лермонтова и находился на прощальной вечеринке, данной поэту перед отъездом его на Кавказ. Его младший брат – Александр Николаевич Карамзин (1815–1888), так же окончил юридический факультет в Дерпте и также был прапорщиком лейб-гвардии конной артиллерии. Он был близок к литературным кругам, дружил с Пушкиным, Жуковским. Пробовал свое перо, написав повесть в стихах «Борис Ульянов» (1839 г.), а также ряд элегических стихотворений. Друг Лермонтова и, по мнению Эммы Герштейн, один из прообразов Печорина.

Младший сын Карамзиной – Владимир Николаевич (1819–1879), окончил юридический факультет, но уже петербургского университета. Стал крупным чиновником, сенатором. Был не лишен артистического таланта, играя в домашних спектаклях. Дружил с Михаилом Лермонтовым, передав в цензуру «Демона». После цензуры рукопись получил обратно.

Младшая дочь Карамзиной – Елизавета Николаевна (1821–1891), будучи совсем юной девушкой, встретила с Лермонтовым и вместе с ним участвовала в верховой прогулке. Разросшийся клан Карамзиных внес громадный вклад в русскую культуру.

Екатерина Карамзина

Высокообразованная и умная, Екатерина Андреевна была активной помощницей в трудах своего прославленного мужа. Известно, что наравне с ним она держала корректуру «Истории государства Российского». По мнению Ю.Н. Тынянова, именно Екатерина Андреевна была той «безымянной любовью» Пушкина, которую великий поэт пронес сквозь всю свою жизнь и которую первой захотел увидеть после своего смертельного ранения. Тынянов считал, что элегия «На холмах Грузии лежит ночная мгла» посвящена Екатерине Андреевне.

Как причудливо складываются порой генеалогические линии! Внук Карамзиных – князь Владимир Петрович Мещерский (1839–1914), публицист и беллетрист ультрареакционного, погромного толка, издатель-редактор газеты «Гражданин»! По этому поводу известный поэт-сатирик второй половины прошлого века Д.Д. Минаев, прославившийся поистине убийственной остротой своих эпиграмм, написал в 1877 году.

Я – внук Карамзина! –
Изрек в исходе года
Мещерский. Вот те на!
Пошел такого рода
Гул посреди народа –
При чем же здесь порода?
И в наши времена –
В семье не без уroda.¹⁵⁸

Среди авторов «Гражданина» наиболее значительной фигурой был, несомненно, Федор Михайлович Достоевский.

Это обстоятельство дало повод Д.Д. Минаеву создать в 1873 году эпиграмму «На союз Ф.М. Достоевского с князем Мещерским»:

Две силы взвешены на чашечке весов,
Союзу их никто не удивился.
Что ж! Первый дописался до «Бесов»,
До чертиков другой договорился.

Укоренившееся за князем Мещерским реноме мракобеса не сумели изменить даже наметившиеся в конце его жизни тенденции осознания необходимости эмансипации евреев. Некоторые сочинения Мещерского («*Тайны современного Петербурга*», «*Хочу быть русской*», «*Ужасная женщина*») пользовались в свое время определенным успехом у читающей публики.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО
Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева
 Часть I

II	Баронесса М.П. Шафирова Муж – князь С.Г. Долгоруков			
III	Князь С.Г. Долгоруков А.И. Ладыженская			
IV	Князь П.В. Долгоруков Г.А. де Бандре дю Плесси			
V	Е.П. Долгорукова А.М. Фадеев			А.П. Долгорукова А.В. Сушков
VI	Е.А. Фадеева П.А. Ган	В.А. Фадеева Ю.Ф. Витте	Р.А. Фадеев	Е.А. Сушкова А.В. Хвостов
VII	Е.П. Ган Н.В. Блаватский	В.П. Ган В.И. Желиховский	Граф С.Ю. Витте	
VIII				
IX				

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО

Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева Часть II

II	Баронесса М.П. Шафирова Муж – князь С.Г. Долгоруков	
III	Княжна М.С. Долгорукова Князь И.А. Вяземский	
IV	Князь А.И. Вяземский Е.И. Рели	
V	Е.А. Кольванова Н.М. Карамзин	Князь П.А. Вяземский Княжна В.Ф. Гагарина
VI	Е.М. Карамзина Князь П.И. Мещерский	Князь П.П. Вяземский М.А. Столыпина
VII	Князь В.П. Мещерский	Княжна Е.П. Вяземская Граф С.Д. Шереметев
VIII	Граф П.С. Шереметев	
IX		

НАТАЛЬЯ ПЕТРОВНА ШАФИРОВА

Третья дочь вице-канцлера – Наталья Петровна (1698–1728), вышла замуж за графа Александра Федоровича Головина, сына канцлера Ф.А. Головина, друга и покровителя Петра Шафирова. К сожалению, она умерла в 1728 году, и Головин женился вторично. Все дети Натальи Петровны перешли жить в дом ее сестры Анны Петровны.

Внучка Натальи Петровны – Анастасия Николаевна Головина (1754 – 1804) была девицей неугомонной. Ещё до женитьбы она сошлась с графом Николаем Петровичем Репниным (1734–1801), впоследствии генерал-фельдмаршалом. От этого союза родился С.И. Лесовский, сын которого, Степан Степанович Лесовский (1817–1884), стал знаменитым

Адмирал С.С. Лесовский

адмиралом-флотоводцем. По окончании кадетского корпуса и офицерских классов (*так называлось учебное заведение, готовившее офицеров флота*) он плавал на Черном море. В 1852/1855 годах принимал участие в экспедиции из Кронштадта через Атлантический и Индийский океаны в Японию на фрегате «Паллада» под руководством вице-адмирала Е.В. Путягина (*описанной в знакомой многим с детства книге И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»*). Затем служил в Николаевске-на-Амуре, где с годами приобрел репутацию видного ученого-гидрографа. В 1858 году стал начальником Кронштадтского порта, а с 1863 года под его командование перешёл Петербургский порт. В том же году С.С. Лесовскому поручили важную миссию – командование русской эскадрой в Северо-Американских Соединенных Штатах (*так еще до середины 1930-х годов российская традиция именовала США*), появившейся на Нью-йоркском рейде в самый разгар гражданской войны. Неожиданная военная демонстрация России в поддержку президента А. Линкольна произвела впечатление в Европе и, по мнению историков, предотвратила вступление Великобритании в войну на стороне рабовладельческих южных штатов. После той экспедиции прошло около 30 лет. Однажды при посещении Парижа наследника русского престола Георгия Александровича пригласили на представление ковбоев, а затем на завтрак, данный в его честь. Палатка была расщвечена флагами России, Франции и САСШ. Говорили о союзе великих стран, и руководитель труппы вспомнил знаменитую экспедицию адмирала С.С. Лесовского, оказавшего помощь его родине...

Еще в свою бытность в Кронштадте адмирал Лесовский проявил незаурядные административные способности и много сделал для благоустройства крепости: провел газ и водопровод, построил современные казармы... В 1876 году С.С. Лесовский был назначен управляющим Морским министерством, став «правой рукой» руководителя этого ведомства и одного из лидеров прогрессивного направления в российской администрации того времени, великого князя Константина Николаевича. Когда в 1880 году на Дальнем Востоке стал назревать конфликт с Китаем, адмирал был направлен туда командующим Дальневосточной эскадрой с обширными полномочиями и одновременно введен в Государственный совет. Во время своего пребывания на Дальнем Востоке он организовал тайную экспедицию русских клиперов к берегам Малайского архипелага для изыскания необитаемого острова, подходящего для создания русской военно-морской базы. Но, увы, каждый раз, когда русские приближались к желанной цели – на горизонте появлялась английская эскадра. Намек был понятен. Вернувшись в Петербург, адмирал Лесовский принял участие в переработке Морского устава. Высокую оценку деловым качествам и личной скромности адмирала и генерал-адъютанта С.С. Лесовского дал в своем дневнике отнюдь не щедрый на похвалы, но весьма откровенный П.А. Валуев.¹⁶⁰ Характерно, что большой любитель генеалогии, советский литератор В. Пикуль, выведя бравого адмирала в своем романе «Три возраста Окивы-сан», напропалую ругающего англичан и сующего матросам кулаки под нос, ни словом не обмолвился о его происхождении.

Теперь стоит опять вернуться к его любвеобильной бабке графине Анастасии Николаевне Головиной и продолжить ее биографию. Её выдали замуж за А.Ю. Нелединского-Мелецкого, но она от него сбежала и жила с графом Сергеем Петровичем Румянцевым (1755–1838), тоже сыном фельдмаршала, и родила трёх дочерей по фамилии Кгульские (т.е. Кагульские) – одна вышла за Дивова, вторая – за князя Мещерского, детей у неё не было. Третья дочка вышла замуж за Голицына. Эта линия дала полный генерала и вице-адмирала. Почему же дочери носили фамилию Кагульские? Да потому, что их дедушка фельдмаршал Румянцев одержал победу над турками при Кагуле. Сергей Петрович проявил себя талантливым человеком: он был послом в Пруссии, в Швеции, членом Коллегии иностранных дел, министром уделов, но самый главный подарок от фельдмаршала России: основание Румянцевского музея в Петербурге.

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО
Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева

II	Баронесса Н.П. Шафирова Граф А.Ф. Головин		
III	граф Н.А. Головин А.С. Лопухина		
IV	граф Н.Н. Головин княжна В.Н. Голицина	графиня А.Н. Головина А.Ю. Неледин-Мелецкий	
V	Графиня П.Н. Голицина граф Максим Фредро	<i>С.И. Лесовский</i>	
VI	граф Феликс Максим	граф И.Б. Фредро	С.С. Лесовский
VII			
VIII			
IX			

ЕКАТЕРИНА ПЕТРОВНА ШАФИРОВА

Четвертая дочь барона Петра Шафирова Екатерина Петровна. Даты рождения и смерти её остались неизвестными. Она вышла замуж за шталмейстера, князя Василия Петровича Хованского (1694–1746), который, в свою очередь, приходился родным внуком казненному в 1682 году начальнику Стрелецкого приказа боярина Ивана Андреевича Хованского, известного большинству читателей по опере Мусоргского «Хованщина». К началу XX в. их потомство превысило четырёхста человек. И тут мы находим множество имен, внесших большой вклад в русскую культуру. В первую очередь это семья известных славянофилов Самариных.

Внучка Петра Шафирова княжна Е.Н. Хованская вышла замуж за поэта Ю.А. Нелединского-Мелецкого (1752–1828), автора многих народных песен: «Ох, тошно мне На чужой стороне», «Милая вечер сидела», «Выду я на реченьку» и многих других. Он навсегда остался в истории русской литературы как создатель русского романа. (*не путать с мужем-рогоносцем А.Ю. Нелединским-Мелецким, «псевдоженатым» на Анастасье Николаевне Головиной. См. о них выше*). У Е.Н. Хованской было двое дочерей, которые вышли замуж за князя Оболенского и за Самарина, что видно в генеалогической таблице.

Разнообразной была деятельность Юрия Федоровича Самарина (1819–1876). Писатель-богослов и публицист, он принимал участие в разработке и реализации крестьянской реформы. Отметим, что он блестяще защитил магистерскую диссертацию в 1844 году по интереснейшей теме «Стефан Яворский и Феофан Прокопович». Защита стала событием в общественной жизни России, вызвав резкую реакцию А. Герцена, П. Чаадаева и других. Среди защитников были все столпы «славянофильства»: Н. Языков, А. Хомяков, С. Шевырев.

Е.И. Хованская (справа)
с подругой
Фрагмент картины Левицкого

Ю.Ф. Самарин

«Западников» особенно задевали нападки Юрия Федоровича на церковную деятельность Петра I. Заметим, что в то время это был политически смелый шаг: монархизм не любил критики, даже исходящей из рядов своих же сторонников. Любопытно, что национальный вопрос в Прибалтике стал точкой столкновения Ю.Ф. Самарина с его дальним родственником генералом Р.А. Фадеевым: в 1875 году Самарин издал за границей брошюру «Революционный консерватизм», где отметил талантливое истолкование позиции консерваторов в брошюре Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем», хотя и полемизировал с ним.

Племянник Федора Самарина – Александр Дмитриевич Самарин (1868–1939), продолжавший славянофильские традиции рода, был весьма популярен в среде московской интеллигенции. В 1912 году он стал членом Государственного совета, а в 1915 году четыре месяца занимал пост обер-прокурора Синода, сменив на этом посту выкреста В.К. Саблера. Однако его деятельность на этом поприще вошла в острое столкновение с «мафией у престола», поскольку А.Д. Самарин начал борьбу с Распутиным.¹⁶¹ После Февральской революции Самарин стал первым, за более чем девятисотлетнюю историю русской православной церкви, мирянином, баллотировавшимся на московскую митрополичью кафедру. В этом «соревновании» он сумел занять второе место, собрав триста три голоса из восьмисот возможных! При советской власти А.Д. Самарин неоднократно арестовывался, и, в конце концов, погиб в сибирской ссылке.¹⁶²

Отметим братьев Юрия Федоровича. Николай Федорович (1829–1892) был чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода, богородским уездным предводителем дворянства и мировым посредником. Другой брат – Дмитрий Федорович (1831–1901), публицист, сотрудник газеты «Московские ведомости», «День», «Москва», издатель сочинений своего великого брата Федора. Старший сын Дмитрия Федоровича (*о младшем Александре Федоровиче я писал выше*) – Федор Дмитриевич (1858–1920) был известным земским деятелем. Вся семья Самариных – богатейшие помещики Казанской, Самарской, Симбирской и Тульской губерний.

Внучка Петра Шафирова княжна Марья Васильевна Хованская вышла замуж за обер-гофмаршала князя Федора Сергеевича Барятинского (1742–1814), о чем сообщает Георг фон-Гелиобиг. («Русские избранные», Берлин, 1907, примечание на с.74) Барятинские – Рюриковичи; на конец XIX века XX поколение!

Потомки св. князя Михаила Черниговского. И, **кажется (?)**, знаменитый генерал-фельдмаршал князь Барятинский, завоеватель Кавказа, был потомок Шафирова. Привлекают внимание и далекие потомки Е.П. Шафировой (*пра-пра-пра-правнуки*) – братья Трубецкие.

Князь Сергей Николаевич Трубецкой (1862–1905), религиозный философ, последователь и друг Владимира Соловьева, с 1900 года был профессором философии в Московском университете, а незадолго до смерти стал первым выборным ректором университета. Многочисленные труды С.Н. Трубецкого, в том числе вошедшие в историю философии «Метафизика в Древней Греции» и «Учение о Логосе в его истории», собраны в вышедшем в 1906-1912 годах шеститомном собрании сочинений ученого. Подобно своему другу Владимиру Соловьеву, Сергей Николаевич тоже интересовался еврейством. Ему принадлежит несколько работ по этой тематике. В 1898 году он написал в журнале «Вопросы философии» статью о Филоне Александрийском. Впоследствии он в работе «Религиозный идеал евреев» с большим пиететом отнесся к излагаемой теме. Его смерть была встречена с глубокой скорбью еврейской общественностью. В некрологе, опубликованном в журнале «Восход» № 40 за 1905 год, указано, что первый выборный ректор Московского университета возбудил конкретно вопрос о процентной норме в смысле полной отмены ограничений для поступления евреев в высшие учебные заведения: «Я ни минуты не мирюсь с мыслью, чтобы еврей, окончивший восемь классов гимназии, не мог попасть в университет. Это какой-то абсурд».

С.Н Трубецкой

Князь Евгений Николаевич Трубецкой (1863–1920), также пошедший по стезе религиозной философии и учения Владимира Соловьева, в отличие от брата окончил юридический факультет Московского университета. Его главными произведениями являются «Мировоззрение В.С. Соловьева» и «Смысл жизни». Хорошо знавший братьев Трубецких Витте назвал Евгения Николаевича «настоящим русским человеком, в не загрязненном «Союзом русского народа» смысле слова,... наивным администратором и политиком, «Гамлетом» русской революции».¹⁶³

Семья Трубецких

Первый ряд (сидят на полу): Мария Николаевна (в супружестве-княгиня Гагарина) и Григорий Николаевич.

Второй ряд, (сидят): Сергей Николаевич; Вера Николаевна (по мужу Лермонтова); Николай Петрович, отец; Евгений Николаевич; Антонина Николаевна (по мужу Самарина).

Третий ряд (стоят): Елизавета Николаевна (по мужу Осоргина); Софья Алексеевна (мать, урожд. Лопухина); Ольга Николаевна; Ф.Д. Самарин; Александра Николаевна (по мужу Черткова).

Третий брат, Григорий Николаевич Трубецкой (1873–1929 гг.), был дипломатом и публицистом, часто печатавшимся на страницах парижских «Современных записок». В годы первой мировой войны он занимал важный пост российского посланника в Сербии. Его воспоминания о русской революции вышли совсем недавно.¹⁶⁴

Выдающимся лингвистом стал сын Сергея Николаевича Трубецкого – Николай Сергеевич (1890–1938). Окончив в 1913 году Московский, а затем и Лейпцигский университеты, он стал профессором филологии, крупнейшим теоретиком Пражской школы, одним из основоположников структурализма, создателем фонологии. В 1930 году за свои заслуги Н.С. Трубецкой был избран членом Венской академии наук. В нашумевшей статье о «туранском элементе в русской культуре» «евразиец» Трубецкой, проводя мысль о преемственности Мос-

ковского государства от Золотой Орды, писал: «Русский царь является наследником монгольского хана; «свержение татарского ига» свелось к замене татарского хана православным царем и перенесением ханской ставки в Москву».¹⁶⁵

Трубецкие были великой семьей. Их знаменитое подмосковное имение «Узкое» воспел гениальный поэт:

«Ворота с полукруглой аркой,
Холмы, луга, леса, овсы.
В ограде – мрак и холод парка,
И дом невиданной красы.
Там липы в нескольких обхватах
Справляют в сумраке аллея,
Вершины друг за другом спрятав,
Свой двухсотлетней юбилей.
Они смыкают сверху своды...»¹⁶⁶

В этом имении умирал Владимир Соловьев, который просил хозяйку дома: «Не давайте мне засыпать... Заставляйте меня молиться за Израильский народ... Мы так виноваты перед ним» И стал громко и отчетливо читать псалмы по-еврейски. Последними словами его были «Шма Исроэль» (*«Слушай Израиль» – мистическая форма обращения к Богу; т.е. в этот момент Соловьев считал себя иудеем...* На родословном древе Шафировых по линии Екатерины Петровны мы обнаруживаем и имя знаменитого писателя Алексея Николаевича Толстого (1882–1945), неоднократно выводившего в посвященных петровской эпохе произведениях своего пращура. На страницах романа «Петр Первый» Шафиров появляется то в качестве искусного дипломата и переводчика (*«прехитрый еврей»*), то удачливого дельца и влиятельного человека (*«ездил с царем за границу...», «видался с Петром ежедневно, и уже на него поглядывали как на сильенького»*). Вице-канцлер предстает в романе низеньким, до синевы выбритым, плот-

Владимир Соловьев
на смертном одре

Алексей Толстой

ным, «налитым» темноглазым человеком с широкой переносицей и ястребиным носом. Вот как через призму восприятия царя рисует А.Н. Толстой образ Шафирова: «Петр давно присматривался к нему – достаточно ли умен, чтобы быть верным, по-большому ли хитер, не жаден ли чрезмерно».¹⁶⁸

Трудно пройти мимо и такого потомка Екатерины Шафировой, как начальник Департамента полиции Алексей Александрович Лопухин (1864–1928), наиболее известный своим разоблачением гения политической провокации XX века Евно Азефа. В 1903 году Лопухин составил записку «Возникновение сионистского движения и его первоначальный характер». В своих неоднократных встречах с С.Ю. Витте он указывал на провокационную роль полиции в организации еврейских погромов и печатании антисемитских листовок. Тем не менее, Витте был в целом не очень высокого мнения о Лопухине, что и отметил в своих мемуарах¹⁶⁹, на что Лопухин ответил в 1923 году «контрвоспоминаниями», содержащими немало материалов по истории еврейских погромов в России.¹⁷⁰ Кроме того, еще в 1907 году он издал интересную книгу «Настоящее и будущее русской полиции. Из итогов служебного опыта».

Бросается в глаза на родословной «ветви» Екатерины Петровны и фамилия Строгановых. Мы остановимся лишь на одном представителе

Павел Строганов

этой известнейшей русской семьи – графе Павле Александровиче Строганове (1772–1817 гг.). Рождение в одной из богатейших семей империи позволило ему с детских лет воспитываться вместе с будущим императором Александром I. Посетив на исходе отрочества вместе со своим воспитателем революционный Париж, граф примкнул к якобинскому клубу, после чего был срочно отозван обратно в Россию императрицей Екатериной II и некоторое время провел в деревенском уединении. Его дружба с будущим императором окрепла в годы царствования Павла I. С восшествием на престол своего друга Строганов стал активным сторонником реформ, входил в «Негласный комитет».

С 1802 года он стал товарищем министра внутренних дел, а в 1806 году был направлен российским послом в Англию. Граф Строганов был участником всех войн России с наполеоновской Францией, начиная с Аустерлицкого сражения. За упорное сопротивление французам, которое оказала подчиненная Строганову сводная дивизия в Бородинской битве, граф был произведен в генерал-лейтенанты. Его солдаты громили корпус маршала Нея у Малоярославца и Красного. Но позже, уже в заграничном походе русских армий, погиб девятнадцатилетний сын графа, и эта утрата настолько подорвала его здоровье, что граф Павел Строганов вскоре скончался.

Александр Сергеевич Пушкин посвятил целую строфу «Евгения Онегина» Строганову и его сыну, погибшему в сражении под Красным на глазах отца. Эта строфа из VI главы не вошла в окончательный текст. Вот она:

*Но плакать и без раны можно
О друге, если был он мил,*

.....

*Но если жница роковая,
Окровавленная, слепая,
В огне, в дыму – в глазах отца
Сразит залетного птенца!
О страх! О горькое мгновенье!
О Строганов, когда твой сын
Упал, сражен, и ты один,
Забыл ты славу и сражение
И предал славе ты чуждой
Успех, одобренный тобой.*

Юрий Николаевич Тынянов, вдохновленный пушкинскими строками, создал свой последний рассказ «Гражданин Очер». Это было незадолго до смерти автора в эвакуации, в 1942 году, в Перми, тогда называемой Молотовым. Тынянова занимало становление личности Павла Строганова и его дружба с одним из вождей якобинства – Жильбером Роммом.

Наконец, среди далеких потомков Екатерины Шафировой мы видим и князя Феликса Феликсовича Юсупова, графа Сумарокова-Эльстона (1887–1967). Да, это – тот самый знаменитый убийца Григория Распутина, муж сестры последнего российского императора Николая II

великой княжны Ирины Александровны, модель прославленного портрета кисти Валентина Серова! Не лишенный

Феликс Юсупов
Картина В. Серова

артистического дара, князь Юсупов оставил после себя интересные воспоминания.¹⁷¹ Этот «убивец», кроме всего, был незаурядным живописцем и выдающимся балалаечником.

Его мать, также увековечена кистью В. Серова. О Зинаиде Юсуповой, соединившей с помощью брака три знаменитые фамилии и титулы княгини Юсуповой и графини Сумароковой-Эльстон. Она была единственной богатейшей наследницей рода и, среди прочего, владела великолепным подмосковным имением «Архангельское». Граф Игнатъев писал о ней:

«Она была не столь красива, сколь прелестна с седеющими с ранних лет волосами, обрамляющими лицо, озаренное лучистыми серыми глазами – словом, она была такой, какой изображена на знаменитом портрете Серова».¹⁷² Игнатъев, в отличие от рассказней, зафиксированных в Интернете, повествует о том, что княжна вышла замуж поздно – дело в том, что она была столь богата, что «потенциальные женихи» боялись свататься и получить отказ. По тому времени – сиё позор. Друзьям кавалергарда Феликса Сумарокова-Эльстона удалось уговорить человека красивого, но недалекого и уже обладавшего двойной фамилией, свататься за княжну. Отказа он не получил, и по своему этот брак был счастливым. Интеллектуальная княгиня вращалась в избранном обществе, а Феликс имел свою компанию солдафонов. Добавим, что старший сын Юсуповых – Николай погиб на нелепой дуэли в 26 лет. Существует легенда о проклятии рода Юсуповых, которые де несут наказание за переход из магометанства в православие. Чушь! Проклятие рода идет с того момента, когда один из Юсуповых, будучи слугой Лжедмитрия II, убил своего сюзерена. Он мстил за своего брата, наказанного за воровство... В отличие от своих современниц, потерявших голову и отчаявшихся после революции в эмиграции, Зинаида Николаевна занялась общественной и благотворительной деятельностью. В Риме она создала бюро по «приисканию работы» и бесплатную столовую для русских людей, оказавшихся в эмиграции без гроша. Кроме того она организовала белошвейную мастерскую для снабжения эмигрантов носильным бельем. «Короче говоря, не только приняла как неизбежное создавшееся положение, но

и старалась облегчить другим выход на новую дорогу, дать возможность заработать себе кусок хлеба».¹⁷³

Валентин Серов с удовольствием работал над портретом Зинаиды Николаевны и в частных письмах к своей жене писал: «...славная княгиня, её все хвалят очень, да и правда, в ней есть что-то тонкое, хорошее».¹⁷⁴ Прошли десятилетия и советский коллекционер И.С. Зильберштейн обратился к Феликсу Феликсовичу Юсупову с просьбой написать воспоминания о художнике Валентине Серове. Растроганный князь сразу откликнулся на предложение, назвав Валентина Александровича превосходным человеком, оставшемся в его памяти самое дорогое и сильное воспоминание.

Зинаида Юсупова
Фрагмент картины В. Серова

Он также писал о дружбе между матерью и художником: «Будучи сыном З.Н. Юсуповой, я лично не могу описывать все её очарование, но, побуждаемый желанием воскресить прошлое, должен, однако, это сделать. Моя мать была стройная, изящная, грациозная, очень черные волосы оттеняли её голубые сверкающие глаза. Она была не только умна, воспитана, артистична, но была также воплощением душевной доброты. Никто не мог устоять перед её очарованием. И наряду с этими исключительными качествами она была сама скромность и простота. Многие политические деятели ценили прозорливость моей матери и обоснованность её суждений... Сам большой артист, Серов не мог не заметить дара моей матери к сценическому искусству. Он искренне восхищался тонкостью её игры на сцене нашего театра...».¹⁷⁵

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО
Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева
 Часть I

II	Баронесса Е.П. Шафирова Муж – князь В.П. Хованский		
III	Князь А.В. Хованский Графиня А.В. Головина	Княжна А.В. Хованская Князь П.Н. Трубецкой	
IV	Княжна А.А. Хованская Н.И. Арсеньев	Княжна Е.П.Трубецкая Граф А.С. Строганов	
V	С.Н. Арсеньев Н.В. Камынина		<i>В.Н.Ладомирская</i> И.Д. Нарышкин
VI	В.С. Арсеньев Княжна Н.Ю. Долгорукая		З.И. Нарышкина Князь Б.Н. Юсупов
VII	С.В. Арсеньев Е.В. Шамшина	Ю.В. Арсеньев	Графы А.С. — Г.С. Строгановы Князь Н.Б. Юсупов Графиня Т.А. Рибопьер
IX			

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО
Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева
 Часть II

II	Баронесса Е.П. Шафирова Муж – князь В.П. Хованский				
III	Князь Н.В. Хованский М.Н. Щепотьева				
IV	Князь С.Н. Хованский Е.А. Наумова	Княжна Е.Н. Хованская Ю.А. Нелединский-Мелецкий			
V	Княжна М.С. Хованская А.Ф. Багговут	А.Ю. Н-Мелецкая Князь А.П. Оболенский	С.Ю. Н-Мелецкая Ф.В. Самарин		
VI	Е.А. Багговут Л.Б.Тургенев	Княжна А.П. Оболенская А.А. Лопухин	Ю.Ф. Самарин	Д.Ф. Самарин В.П. Ермолова	М.Ф. Самарина Граф Ф.Л. Соллогуб
VII	А.Л. Тургенева Граф Н.Н. Толстой	А.А. Лопухин Е.Д. Голохвастова	С.А. Лопухина Князь Н.П. Трубецкой	А.Д. Самарин	Граф Ф.Л. Соллогуб
VIII	Граф А.Н. Толстой	А.А. Лопухин	Князя С.Н. Е.Н. Г.Н. Трубецкие		
IX					

МАРИЯ ПЕТРОВНА ШАФИРОВА

Мария Петровна была пятой дочерью Шафирова. Ее даты рождения и смерти, как и годы жизни ее сестры Екатерины, также остались неизвестными. Она вышла замуж за сенатора, д. ст. советника и президента Коммерц-коллегии Михаила Михайловича Салтыкова, от брака с которым родила двоих сыновей – Бориса (1723–1808) и Александра (1725–1782). Ее потомки также не остались незамеченными в русской истории.

Старший сын Марии Петровны Шафировой – Борис Михайлович Салтыков (1723–1808), писатель, учился в сухопутном шляхетском корпусе. Служил агентом И.И. Шувалова в Женеве. Участвовал в переговорах с Вольтером о покупке его библиотеки (вместе с Авраамом Веселовским). Его письма по этому поводу к И.И. Шувалову весьма любопытны. Как сказано в Энциклопедическом словаре – они «настоящие депеши о действиях Вольтера». Занимал должность ученого секретаря в Московском университете. Из трудов его отметим: «Доказательство тому, что ум без разума беда». (*СПб, 1806*) Название напоминает нам бессмертное произведение Грибоедова. Другое произведение «Совет весьма нужд и полезный родителям, учителям и студентам педагогических институтов» (*СПб, 1807*) и др. По религиозным вопросам сохранилась его переписка с митрополитом Филаретом, опубликованная в 1869 году в «Чтениях Московского Общества Истории и Древностей».¹⁷⁶

Второй сын – Александр Михайлович (1725–1782), первый конференц-секретарь Академии художеств, дед А.В.Чичерина. Начал службу в 1744 году поручиком Тобольского полка. Живя в Москве, занимался также переводами, из которых известны: роман Мариво «Жизнь Марианны» (1762 г.), изданный в 3-х частях в количестве 800 экземпляров, что для того времени очень большой тираж. Кроме того, известен перевод пьесы «Обычай нынешнего света» (1764 г.). В присутствии Екатерины II произнес «Речь» в Академии художеств (1765 г.) на французском языке. Но следует заметить, что он часто любил залезать в карман казны, за что был «отречен» от должности. Был женат на Марии Волчковой, дочери директора Сенатской типографии С.С. Волчкова. Имел детей, которых иногда «оставлял в залог» для поиска средств на покрытие растраты.¹⁷⁷

Две внучки М.П. Шафировой – Екатерина (?–1813) и Мария (*даты рождения и смерти неизвестны*) – в 1785 году окончили институт благородных девиц, после чего вышли замуж. Екатерина Александровна стала женой Василия Николаевича Чичерина, от брака с которым родились братья Александр (1793–1813). и Николай (1801–1860).

Александр Васильевич Чичерин в двенадцатилетнем возрасте был определен в Пажеский корпус. Живя в Петербурге, он часто бывал в доме своей дальней родственницы П.Н. Голицыной и в салоне ее дочери С.В. Строгановой, где регулярно бывали Г.Р. Державин, В.А. Жуковский, Н.М. Карамзин... Крепкая дружба связывала Александра Чичерина с внуком княгини Голицыной Александром Строгановым (*тоже потомком П. Шафирова*) и Владимиром Апраксиным, чья сестра – Наталья стала его первой и единственной любовью. В восемнадцатилетнем возрасте Александр Чичерин ушел воевать с вторгшимся в Россию Наполеоном. Уже в ходе заграничного похода 16 августа 1813 года под Теплиц-Шенау против войск маршала Вандома двинулся Егерский полк, но вскоре оказался в затруднительной позиции. Тогда ему на выручку пришел Семеновский полк, в котором служил А.В. Чичерин. Участник сражения Н.М. Муравьев-Карский писал позднее в своих воспоминаниях об этой битве: «Никогда не видел я что-либо подобное тому, как батальон пошел на неприятеля. Небольшая колонна эта двигалась скорым шагом и в ногу. Они отбили орудия, перебили французов, но лишились всех своих офицеров».¹⁷⁸ Там же мемуарист описывает, как Александр Чичерин личным примером ободрял солдат. Среди материалов Пажеского корпуса сохранился документ с описанием героического поведения Александра Чичерина перед гибелью: «В продолжение всего сражения постоянно находился среди храбрейших воинов, поддерживая в них дух храбрости и мужества, сохраняя совершенный порядок в рядах их примером собственной неустрашимости».¹⁷⁹

Графиня П.Н. Голицына

Александр Чичерин похоронен на русском кладбище в Праге. Со временем о нем напомнили лишь надписи на надгробном камне, черных мраморных досках Пажеского корпуса да находящиеся сейчас в московском Историческом музее кубки богемского стекла, чьи грани хранят имена семнадцати гвардейских офицеров, павших в сражении при Теплиц-Шенау.

В 1966 году был опубликован дневник Александра Чичерина, который он вел в дни Отечественной войны, и, несмотря на то, что об этой эпохе нам уже ранее немало рассказывали и воспоминания, и дневники (*достаточно вспомнить имена таких героев войны 1812 года, как А.П. Ермолов, Д.В. Давыдов, Ф.Н. Глинка*), дневник молодого офицера Семёновского полка не затерялся. У автора был собственный «голос» и хочется отметить в дневнике два необычных момента.

Александр Чичерин с лошадью Арапкой.
Рисунок А. Чичерина 30 ноября 1812

Стало уже традиционным отмечать патриотизм русского народа, поднявшегося на борьбу с Наполеоном. Однако из дневника Чичерина с удивлением узнаем, что часть населения Белоруссии не только не воспротивилась наступлению войск Наполеона, но и более того – присягнула императору французов и снабжала его армии продовольствием и фуражом! После вступления русских войск в Могилев не замедлило «возмездие»: губернского прокурора... уволили, а приводившего население к присяге архиепископа лишили сана. Поистине остается только развести руками от изумления перед этой патриархальностью нравов и терпимостью по отношению к «изменникам Родины»! Вот уж действительно – «век нынешний и век минувший!».

Столь же поразительным представляется интерес автора дневника к еврейству. Не было местечка в Западном крае Российской империи, в городках Германии или Австрии, где бы он не заходил в еврейское гетто, синагогу, не отметил бы у своих знакомых-евреев. Этот необычный для дворянина того времени интерес носит характер не праздного любопытства, а скорее пристального внимания к духовной жизни своих далеких предков. В главке «Синагога в Плоцке» Чичерин подробно описывает свое пребывание в среде евреев: «Сегодня утром евреи ожидали пришествия мессии, а я, руководимый давно подстрекавшим меня любопытством, решил заглянуть к ним в синагогу». Далее он находит проникновенные слова, которые не устарели и в наше время: «Ведь всякий человек, все равно, кто он – русский, еврей или француз, – подобен тебе, и ты должен уважать его взгляды и самые его заблуждения, если он искренне убежден в их истинности». И это написано в разгар всеевропейской войны!

Сестры Шафировы были дружны, и всегда в несчастье помогали Марфе Петровне Долгоруковой. Особенно Марфа Петровна была дружна с младшей сестрой, Марией Петровной Салтыковой. Сохранилась их корреспонденция, представляющая большой интерес не только для истории семьи Долгоруковых, но и как образец эпистолярного наследия далекого прошлого... Боролся за своего опального родственника и брат Марфы, барон Исая Петрович Шафиров. Он обращался к начальнику тайной канцелярии А.И. Ушакову (*так сказать, Берия своего времени*) с просьбой послать к ссыльному князю Алексею Григорьевичу Долгорукову, который был очень болен, врача. Болел не только он, но и надорвавшаяся Марфа Петровна, утомленная вечными хлопотами и уходом за мужем и детьми. Болели дети: «Николашенька» беспрестанно кашлял, а у годовалой Насти была «короста» на головке. Марфа Петровна консультировалась с лучшими специалистами того времени доктором Францем в Москве и известным специалистом по детским болезням Тейлсом. Кроме того, сестры передавали ей всевозможные домашние средства и имеющиеся у них рецепты. Любимцами родителей и тети были пятнадцатилетний Николаша и старшая дочь Машенька двенадцати лет. Оба они умели читать и писать по-русски. Вот, например, небольшая приписка на письме матери сестрам: княгиням Гагариной и Салтыковой:

«Отдаю свой нижайший поклон государыне тетушке княгине Анне Петровне и Марье Петровне, благодарствую, государыня тетушка, за ваш гостинец – за платок. Племянница ваша Марья Долгорукова нижайше, государыня тетушка, кланяюсь. Княгиня Анна Петровна и государыня Марья Петровна благодарствую государыня за платок. Остаюсь князь Николай Долгорукой. Марта 27 дня 1732 г.». Тётки интересовались учебой племянников и племянниц и высылали книги для чтения и обучения: псалтирь и азбуки. На Новый год высылались Календари и девочкам «новомотные» ленты. Странно читать в таком правописании слово «мода».¹⁸⁰ Вообще клан Шафировых стоял стеной за своих несчастных опальных родственников. Мы писали, что счастье изменило барону Петру Павловичу Шафирову: он уже добился назначения зятя Алексея Долгорукова послом в Англию, как вновь всплыло подложное письмо... Приведем образец одного из писем Марии Салтыковой сестре Марфе Долгорукой, находящейся в ссылке:

«Милостивая моя государыня сестрица Марфа Петровна многолетно государыня здравствуй купно и с государем моим князем Сергеем Григорьевичем и с дарагими детками; всепокорно вас, матушка моя, прошу уведомить меня о вашем здоровье, и о князе вашем, и о детках ваших, есть ли легче Николаюшке и Катеньке от лихоратки; о себе доношу, что мы с Михайло Михайловичем оба не можем, однако ныне полегче и дети наши здоровы слава Богу. Покорно прошу, объяви мой низжайший поклон государю моему князю вашему и государыне моей княгине Марье Ивановне (*Мать князя Сергея Григорьевича Долгорукова, постриженная в монашество с именем Маргарита. – С.Д.*) пожалуйте объявите низжайший поклон и дорогим вашим деткам, любезно пожалуйте всех всех за меня. Поздравляю вас, моя матушка сестрица, и князя с новым годом, дай Вышней проправодить вам сей новый год счастливо и в добром здорovyи. Сим оканчаю, остаюсь всепокорная ваша сестрица Марья Салтыкова, низко кланяюся. Из Москвы января 2 дня 1731 г.»¹⁸¹

Все же, вероятно, фамилия Шафировых не исчезла в России. В семейном биографическом романе Валентина Катаева «Кладбище в Скулянах»¹⁸² рассказано, что дед писателя служил в полку, командиром которого был полковник Петр Васильевич Шафиров. Его портрет схож с портретом барона Петра Павловича Шафирова: такой же маленький и толстенький. Было это в 1865 году, по окончанию Кавказской войны. «Шафиров – немолодой полковой командир, холостяк, весельчак, любитель всяческих танцевальных вечеров, банкетов и полковых праздников, дамский угодник, обаятельный кавалер, что не мешало ему отлично воевать и быть хорошим командиром, любимцем, как офицеров, так и нижних чинов».¹⁸³ Между дедушкой – молодым офицером, трезвенником, аккуратистом и блюстителем офицерской чести и полковником Шафировым произошел конфликт. Дело в том, что некий подпоручик со странной фамилией Пехота, произведенный из нижних чинов, напился и подрался. Молодой дедушка потребовал офицерского суда чести и изгнания Пехоты из полка. Но полковник Шафиров с этим не согласился и даже «был разъярен». Слово писателю: «Шафиров подошел к делу не с высоты своего дворянства, а очень просто, по-хозяйски, прекрасно понимая характер провинившегося подпоручика Пехоты, который, будучи произведен в офицеры из нижних чинов за образцовую строевую службу, в сущности, продолжал оставаться все тем же солдатом. Ему захотелось вы-

пить – и он, как человек простой, не пошел к офицерам, а пошел шарить по семейным солдатским землянкам... Подобные истории случались с ним частенько, и дело его собственно, не стоило выеденного яйца: ну, пьяный мужик подрался со сварливой бабой, с кем не бывает. Посадить его на десять суток на гаупвахту – и дело с концом... Шафиров же правильно понял все это происшествие. Ему вовсе не хотелось, как рачительному хозяину, терять опытного офицера «из простых», то есть человека, знающего в совершенстве солдатскую душу. Таким офицерам цены нету!

А дедушка-чистюля этого не понял, и Шафиров чуть было не лишился такого в высшей степени полезного офицера, как Пехота, по сравнению с которым все эти франтики вроде дедушки немного стоили, ибо армия держится именно на таких сверхсрочных унтер-офицерах и фельдфебелях, из каких выбился в офицеры Пехота.

Разумеется, Шафиров вызвал к себе Пехоту и втихую дал ему хорошую взбучку, может быть, даже раза два съездил по уху, даром, что Пехота – господин офицер.

Дело обошлось как нельзя лучше, келейно. И подпоручик Пехота остался доволен, что его не турнули из полка, и Шафиров не потерял нужного человека. А дедушке пришлось перевестись из полка в штаб округа.¹⁸⁴ Кто же был полковник Петр Васильевич Шафиров? Титулом он не обладал. Фамилия по основной линии иссякла. Выскажем догадку, что сей Шафиров был потомком двоюродных братьев барона, о которых нам ничего неизвестно. Часто история знает лишь «вершки», «корешки» порой бесследно исчезают от внимательного взора исследователя.

Что же касается этого «случая», то он показателен для всего клана Шафировых – практическая сметка и компромисс, чему примеры самого барона и графа Витте...

ГЕНЕАЛОГИЧЕСКОЕ ДЕРЕВО
неполная линия родства
Барон Петр Павлович Шафиров – Анна Степановна Копиева

II	Баронесса Мария Петровна Шафирова Михаил Петрович Салтыков		
III	А.М.Салтыков жена Мария Сергеевна ?	Б.М. Салтыков	
IV	Е.А.Салтыкова В.Н. Чичерин	Мария ?	
V	Н. В. Чичерин		
VI			
VII			
VIII			
IX			

МИХАИЛ ПАВЛОВИЧ ШАФИРОВ

Младший брат барона – Михаил Павлович Шафиров (1681 или 1682–1733), в 1702 году окончил Кёнигсбергский университет, в 1705 году с правительственными инструкциями находился в Голландии, затем был советником Коммерц-коллегии, служил в Ревизион-коллегии (*Центральное контрольно-финансовое ведомство Российской империи XVIII века*) и в Берг-коллегии. В 1710 году был секретарем Петра I.¹⁸⁵ (*Из журнала «Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете», 1899, книга 3, М., 1899, с.224*).

Михаил Павлович был так же переводчиком с латинского и немецкого языков.

Его дочь – Марфа Михайловна, фрейлина двух императриц: Елизаветы Петровны и Екатерины II, а в промежутке и императора Петра III, который за ней «волочился», и, в конце концов, она стала его фавориткой. Марфа Михайловна участвовала в придворных интригах, о чем и рассказывает историк.¹⁸⁶ Позднее вышла замуж за Якова Баскакова.

Другие дочери Михаила Павловича Шафирова –

старшая дочь – Мария Михайловна

Прасковья Михайловна.

младшая дочь – Мария Михайловна (*вторая Мария. Возможно, старшая дочь умерла*)

Анастасия Михайловна. Вышла замуж за А.П. Благово.

Был ли брат вице-канцлера состоятельным человеком? Трудно сказать. То, что у него была собственность, видно из купчей дочерей М.П. Шафирова на недвижимое имение в Рязжской губернии, проданное секретарю Государственной вотчинной коллегии Н.И. Ключареву в 1747 году.¹⁸⁷

ВЕСЕЛОВСКИЕ *Родственники Шафирова*

Говоря о судьбе Петра Шафирова, невозможно обойти молчанием историю рода Веселовских. Эта одна из самых талантливых российских фамилий ведет свое происхождение из местечка Веселово. Известно, что один из Веселовских оказал услуги русской армии при взятии Смоленска в 1654 году, после чего вся семья крестилась. Как мы видим, и тут приход «москвитов» поставил евреев перед выбором, зловеющий характер которого становится особенно явственно видным в кровавых отсветах недавно пронесшейся «хмельнитчины».

Основатель рода Павел Веселовский был женат на Марии Николаевне Аршеневской, дочери крещеного еврея, бывшей в родстве с Шафировым. (*Сведения из неизданного в те времена тома Р.Б.С. – Русского биографического словаря, включающего фамилии от Вавила до Веселовский. Впоследствии изданный, этот том хранился в Государственном историческом музее. Копия этого корректурного экземпляра имела также в Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина*). Веселовские ведут свой род от крещеного еврея, женатого на дочери крещеного еврея Шафирова, родного дяди вице-канцлера. А отец Веселовских-дипломатов Павел был женат на Марии Николаевне Аршеневской, дочери крещеного еврея, также родственницы Шафировой. У историка С.Соловьева сказано, что в 1711 году немецкой школой в Петербурге руководил Павел Веселовский. Возможно, отец знаменитых дипломатов.¹⁸⁸ (*По одним сведениям М.Н. Аршеневская была родной теткой будущего вице-канцлера, по другим – двоюродной сестрой*). От этого брака родились четыре (а не три, как утверждают некоторые источники) сына и две дочери. Павел Веселовский довольно удачно выдал замуж обеих дочек – одну за Дурново (*знаменитый в далеком будущем министр внутренних дел, прославившийся своим консерватизмом, но не юдофобством Петр Николаевич Дурново (1845–1915 гг.) тоже из рода Веселовских*), вторую за Щепотьева.

Старший сын – Авраам Павлович, родился в 1685 году и воспитывался в доме своего дяди Петра Шафирова, где его, пятнадцатилетнего юношу, заметил Петр I. Авраам начал «государеву службу» в должности личного секретаря царя, выполняя обязанности переводчика иностранной корреспонденции.

По-видимому, жить в доме Шафирова и не знать иностранные языки было просто невозможно! Во время Полтавской битвы он состоял адъютантом при Петре, одновременно числясь дьяком Посольского приказа, и именно его 28 июня 1709 года царь послал в Данию с вестью о победе. В мае 1715 года Веселовский был назначен «резидентом» в Вену. (*Резидент – дипломатический представитель, по рангу ниже посланника.*) 3 сентября, буквально через неделю после приезда в столицу Габсбургской монархии, он был принят «цесарем».

Авраам Веселовский

Веселовский много сделал для организации антитурецкого союза, проявив при этом завидную ловкость и осведомленность. Сохранился любопытный рассказ о том, как ему удалось наладить один из «каналов» (*так в ту пору, как впрочем и сейчас, назывались источники информации*). Этим «каналом» оказался не более и не менее как обер-гофканцлер граф Цинцендорф. Русский «резидент» обратил внимание на страсть графа к картежной игре и через жену обер-гофканцлера, тоже картежницу, убедил того поступить на тайное иждивение русского правительства, после чего этот сверхценный агент стал получать ежегодную пенсию в размере шести тысяч ефимков. Огромная ежегодная сумма отпугивала царское правительство, но информация того стоила. Но как бы то ни было, Авраам Веселовский исправно выполнял свои обязанности. Одно время даже планировалось перебросить его в «Царьград» для помощи своему дяде П.П. Шафирову.¹⁸⁹ Другим интересным фактом являются переговоры Авраама Веселовского с великим полководцем принцем Евгением. Здесь интерес России состоял в том, чтобы Австрия в Северной войне была бы дружественно настроена к ней. Во многом это зависело от Евгения Савойского, настаивавшего на выводе русских войск из Мекленбурга, где население жаловалось на насилия и притеснения, нужду и голод – следствие пребывания там царских войск. Россия вывела войска из Мекленбурга, и Австрия была нейтрализована.¹⁹⁰

Помимо вербовки агентов, Веселовский занимался и наймом специалистов на русскую службу.

В декабре 1716 года Петр приказал резиденту в Вене Веселовскому приглашать на русскую службу приказных людей цесарской службы, знающих славянский язык. Была еще одна задача для Веселовского. Петр писал ему: «Сыщите книги лексикон универсалис, который печат-

тан был в Лейпциге у Симона, и другой лексикон универсалис же, в котором есть все художества, который выдан в Англии на их языке, и оной сыщите на латинском или немецком; также сыщите книгу юриспруденции; и как их сыщешь, тогда надобно тебе съездить в Прагу и там в иезуитских школах учителям говорить, чтоб они помянутые книги перевели на славянский язык и о том с ними договоритесь, по чему они возьмут за работу от книги, и о том к нам пишите; и понеже их речи несходны с нашим славянским языком, и для того можем к ним прислать из русских несколько человек, которые знают по-латыни, и оные лучше могут несходные речи на нашем языке изъяснить. В сем гораздо поставя, понеже нам зело нужно». ¹⁹¹

Авраам Веселовский не упускал случая помочь единоверцам своих предков, что особенно существенно, поскольку во время его пребывания в Габсбургской монархии там действовали весьма жесткие антиеврейские законы. В частности, он рекомендовал царю евреев-врачей, утверждая в своем письме Петру: «...евреи всегда отличаются своими познаниями в медицинской науке, и только благодаря еврейским врачам возможно было успешно бороться со многими лютыми болезнями, между прочим и с лепрой». Лепрой в ту пору называли сифилис. ¹⁹²

В ответном послании государь заявлял: «...для меня совершенно безразлично, крещен ли человек или обрезан, чтобы он только знал свое дело и отличался порядочностью». ¹⁹³

Рутинная деятельность Авраама Веселовского была внезапно прервана поступившим из Петербурга необычным приказом: срочно разыскать царевича Алексея. Веселовский успешно справился и с этой задачей: непокорный сын был представлен «перед государевы очи», но не стараниями Авраама Веселовского, а энергичной деятельностью графа П.А. Толстого. Однако это привело к дипломатическому кризису: отношения России с Австрией были прерваны, и Веселовский в восьмидневный срок был выслан из владений Габсбургов.

Вот тут-то и начинается весьма странная история. Петр потребовал от своего «резидента» немедленно вернуться в Россию, но Авраам Веселовский предпочел стать чуть ли не первым в русской истории невозвращенцем. *(До него – князь Курбский при Иване Грозном, русские студенты, посланные на учебу в Англию Борисом Годуновым, подъячий Посольского приказа при Алексее Михайловиче Григорий Карпович Котошихин и некоторые другие.)* Хотя конкретных обвинений ему и не предъявляли, но он, по-видимому, подозревался в соучастии в заговоре царевича Алексея и краже казенных денег. В бумагах царевича

Алексея найдена таблица с зашифровкой имен, иначе «персон». «Цифирь» была писана рукой А.П.Веселовского. Вряд ли это может служить доказательством участия Авраама в заговоре. Среди корреспондентов наследника были десятки крупнейших лиц империи, таких, например, как А.Д. Меншиков, преданность которого не подвергается сомнениям. Писали Алексею Петровичу по приказу царя многие высшие сановники, вводя его в круг современной политики. Понятно, что среди них были и заговорщики. Но почти несомненно, что Веселовский, то ли по своему почину, то ли по совету своего дяди Шафирова, получив по личному шифру вице-канцлера уведомление, передал на словах царевичу, чтобы тот ни под каким предлогом не возвращался в Россию. И, вероятно, посоветовал быстро покинуть континент, перебраться в Англию, которая никогда не выдает (*впрочем, как и до сих пор*) политических эмигрантов.¹⁹⁴

Поначалу Авраам Веселовский скрывался в Лондоне у своего брата Федора, в то время бывшего русским «резидентом» в Англии, но после предпринятых русским правительством усилий по заплучению беглеца (*между прочим, эту «тонкую» работу было поручено провести «корреспонденту», то бишь агенту, Самуилу Гольдену!*) переехал в Женеву, где принял протестантство и вторым браком женился на дочери богатого синдика (*цехового старшины*) Петра Фабри Марианне, от брака с которой имел четырех дочерей. В Швейцарии Авраам Веселовский нажил большое состояние коммерцией: после смерти осталось одними наличными деньгами почти триста семьдесят тысяч ливров.¹⁹⁵

Петр добивался выдачи непокорного до конца своих дней, однако, после смерти императора все русские правительства зазывали беглеца вернуться в Россию, но понапрасну: Авраам Веселовский был непреклонен. Императрице Елизавете Петровне он ответил, что вернется, когда в России утратят смысл три принадлежавшие ему и ставшие популярными среди опальных вельмож XVIII века пословицы: «Божье да государево», «Без вины виноват», «Хоть не рад, да готов». Скончался в глубокой старости, 97 лет от роду, 16 января 1783 года. Под конец жизни Авраам Павлович впал в детство и в буквальном смысле слова дрожал, проходя мимо подаренного ему когда-то самим Петром портрета своего государя. Имя Авраама Веселовского встречается в переписке Екатерины II с Вольтером: великий француз поддерживал с ним дружеские отношения и с большой похвалой отзывался в своих письмах императрице об его образованности.

Любопытно, что одна из дочерей Веселовского дожила до царствования Александра I, и 15 декабря 1803 года ей был назначен пансион, сохранный и за младшей внучкой Авраама Павловича.

Второй из братьев Веселовских, Исаак Павлович, родился в 1688 году, и после окончания московской школы Глюка начал службу в Посольском приказе. Кроме того, он был придворным учителем у дочерей Петра I. *(Любопытно, что в школе Глюка Исаак оставил по себе память как о большом проказнике, не раз подвергавшемся наказаниям, а тут перед нами старательный педагог!).* 13 февраля 1720 году он был назначен секретарем экспедиции Коллегии иностранных дел.¹⁹⁶ После смерти императора Петра в марте 1726 года, Исаак Веселовский в качестве секретаря сопровождал князя **Василия Владимировича Долгорукова и послан был в Астрахань и Персию – в Гилянь, Дербент, Баку.** *(В первом издании книги «П.П. Шафиров» в мою работу вкралось несколько ошибок, на которые указал В.О. Серов, кстати говоря, ошибки, относящиеся к командировке Исаака Веселовского.)*

Нет никакой информации, свидетельствующей об участии Исаака Веселовского в последовавших за смертью Петра I дворцовых интригах; во всяком случае, крах Долгоруковых стоил ему суший пустяк – дипломатической ссылки в город Гилянь (Персия). В 1732 году Высочайшим указом от 22 июля он в должности секретаря канцелярских дел уже снова направился в Персию вместе с генералом Лефортом и генерал-майором Бибиковым. Ему был пожалован чин ассессора. В марте 1741 года Исаак Павлович ушел в отставку по прошению «за не мощию», причем просил о ретроспективной выдаче ему жалованья за бытность его в Персии и в Царицыне. К счастью для России и, в частности, для Исаака Веселовского в империи произошел переворот. С восшествием на престол Елизаветы Петровны все для него изменилась. Помнила своего учителя императрица, да и А.П. Бестужев-Рюмин вошел в силу. И уже к зиме его вновь вернули на службу, причем из ассесоров был сразу произведен в действительные статские советники, перемахнув тем самым, ни много, ни мало, четыре ступени в «Табели о рангах!» Для сравнения укажем, что этот поразительный скачок равен в военных чинах производству из армейских майоров *(или гвардейских капитан-поручиков)* непосредственно в армейские генерал-майоры *(или гвардейские полковники)*. В титуловании же подобное изменение возносило баловня судьбы из заурядного «вашего высокоблагородия» в почти «небожителя» – «ваше превосходительство». Кроме блистательного взлета в чинах, по возвращении на службу Исаак Веселовский по-

лучил пост члена коллегии иностранных дел. Кому же был обязан недавно почти опальный дипломат своим возвышением? Покровителем его оказался ставший при царствовании императрицы Елизаветы Петровны сначала кабинет-министром, а затем и канцлером А.П. Бестужев-Рюмин, другом которого с давних пор был Исаак Павлович, и пострадавший в 1727 году не только из-за родства с Долгорукими, но и из-за этой дружбы. По роду службы он принимал активное участие в мирных переговорах со Швецией в 1742-1743 годах и с Англией в 1744-1756 годах. Принимал активное участие в высылке французского посла, маркиза Шетарди: «считался одним из лучших дельцов в данной области».¹⁹⁷ Исаак Веселовский был активным «западником»; известно, что он энергично содействовал снятию ограничений на ввоз иностранных книг в Россию.

Вскоре после возвращения на службу Веселовский сблизился с вице-канцлером М.И. Воронцовым, оказавшись в оппозиции к своему благодетелю Бестужеву-Рюмину. Можно без сомнения утверждать, что эта оппозиция носила не личный, а принципиальный характер. Канцлеру очень не хотелось терять талантливого сотрудника, а потому Бестужев-Рюмин неоднократно пытался уладить конфликт, но тщетно: Исаак Веселовский оставался непреклонным. Тогда, по российской традиции (*дело было уже в конце 1740-х годов*), Бестужев-Рюмин направил императрице «Записку» (*сиречь донос*), в которой утверждал, что на одном из дипломатических приемов Исаак Павлович отказался пить за здоровье государыни: «...один только Веселовский полон пить не хотел, но ложки с полторы и то с водою токмо налил и в том упрямо перед всеми стоял, хотя канцлер из ревности к Ея Императорскому Величеству и из стыда перед послами ему по-русски и говорил, что он должен сия здравие полным бокалом пить, как верный раб, так и потому, что ему от Ея Императорского Величия много милости показано пожалованием его из малого чина в столь знатный».¹⁹⁸ Таковы российские нравы: совершенно очевидно, что Веселовский был болен, и только это было причиной его отказа пить полной мерой за здравие императрицы. В России трезвость – порок!

Следует отдать должное императрице: она проигнорировала донос своего канцлера. Испытывая особое доверие к Веселовскому, именно его она и назначила учителем русского языка к наследнику престола великому князю Петру Федоровичу (*будущему недолгому императору Петру III*). Таким образом, Исаак Веселовский продолжил тра-

дицию пребывания крещеных евреев на посту придворного учителя, которую открыл Никита Зотов.

Исаак Веселовский, как и его брат Авраам, всегда старался облегчить судьбу своих бывших единоверцев. Так, он предпринимал серьезные усилия для отмены принятого Елизаветой в 1742 году решения о высылке евреев из Малороссии, но, увы, безуспешно – фанатичная императрица ответила ему вошедшей в историю фразой: «От врагов Христовых не желаю интересной прибыли!».¹⁹⁹

Сохранившийся в памяти современников как блестящий каламбурист и остролов, Исаак Павлович Веселовский умер в сентябре 1754 года.

Младший из братьев Веселовских, Федор Павлович, дата рождения которого осталась неизвестной, по окончании той же школы Глюка пошел по стопам старших братьев и начал службу в Посольском приказе. В 1707 году Петр I назначил его секретарем посольства, отправленного под началом князя Б.И. Куракина в Западную Европу. Но в РБС читаю, что в 1707 году Петр назначил Федора секретарем посольства при князе Борисе Ивановиче Куракине в Рим.²⁰⁰

Далее: в Дании вместе с Куракиным был опять-таки Федор, а не Исаак, и все это есть в Р.Б.С. Там просто сказано, что, начиная с 1707 года, Федор везде сопровождал князя Куракина. Все же я верю больше Русскому Биографическому словарю, чем Серову.

Роль Федора Веселовского в этом посольстве видна хотя бы из того факта, что он «купно» с самим князем Куракиным был принят в Ватикане папой римским Климентом XI и был допущен к целованию ноги главы римско-католической церкви. Выполняя функции «ока государева», Веселовский сопровождал главу посольства и участвовал в переговорах, целью которых являлась реализация плана Шафирова – полностью изолировать Швецию на европейском континенте. Когда Б.И. Куракин был отозван в Россию, Федор Веселовский получил возможность самостоятельных дипломатических действий – сначала на посту русского резидента в Копенгагене, затем в Брауншвейге и, наконец, в Лондоне, куда он прибыл в 1716 году в качестве секретаря посольства. С февраля 1717 года Федор Павлович становится русским резидентом в Лондоне, занимаясь не только чисто дипломатическими проблемами, но и охраняя торговые интересы России, отвечая за поведение русских студентов в Англии (*любивших по пьянствовать и пошуметь*) и даже... ведя переговоры о слиянии англиканской и православной церкви. Вот уж воистину «неисповедимы пути Твои, Господи!».

Потомок выкреста и генетически стопроцентный еврей выступает в роли представителя православия! И точно так же, как на дипломатической арене ему удалось добиться блестящей победы, почти начисто нейтрализовав франко-шведскую «партию», так и на стезе ревнителя христианской ортодоксии он весьма преуспел, добившись возведения в английской столице православного собора. Вот тут-то стремительно набравшая скорость карьера Веселовского и потерпела крах, поскольку именно в его доме обрел пристанище старший брат Авраам. Пришлось становиться невозвращенцем и Федору. Англия отказалась выдать России обоих братьев.

В июне 1727 года Федор Павлович просил Верховный тайный совет разрешить ему вернуться в империю, но получил отказ, и только при императрице Елизавете Петровне Федору Веселовскому было разрешено вернуться на родину, где его ждал недавно учрежденный придворный чин церемониймейстера, равный по «Табели о рангах» армейскому бригадиру или гвардейскому подполковнику. Если к этому прибавить, что вплоть до 1731 года Федор Веселовский находился в переписке с вице-канцлером А.И. Остерманом и являлся одним из основных источников информации российской дипломатии об общественных настроениях Англии, то трудно отрешиться от ощущения, что отказ «верховников» диктовался отнюдь не гневом, а национальными интересами: такой человек, как Федор Веселовский, был нужен правящей верхушке именно в Лондоне. Тут и награждение придворным чином V класса выглядит вполне обоснованной наградой за долгое и усердное выполнение, скажем мягко, «щекотливого задания». В Петербурге Веселовский сближается с фаворитом императрицы И.И. Шуваловым и вице-канцлером М.И. Воронцовым, что также свидетельствует об отсутствии в высших кругах Петербурга какого-либо предубеждения в отношении бывшего «невозвращенца». Умер Федор Павлович Веселовский в 1780-х годах уже на исходе девятого десятка лет столь насыщенной перипетиями жизни.

Резидентом он был замечательным. Положение русских несколько пошатнулось, в связи с завершением войны за Испанское наследство. Англичане боялись усиления России на Балтийском море, в связи с «лишением» одного из источников обогащения английского народа – торговли на море и в Азии. Появился ряд антипетровских памфлетов, где царя изображали воинственной и грозной фигурой. Обстановка была сложная: Россия сблизилась с Испанией и в этот момент у России были хорошие отношения с Францией.

Англия интриговала, как в Мадриде, так и в Париже. Но со своей работой Веселовский справлялся отлично, о чем неоднократно сообщает кн. Б.И. Куракин: «Также при мне обретающийся Федор Веселовский, который прилежность в делах его величества имеет немалую...» Речь шла о прибавке жалованья Веселовскому, и Куракин обращался по этому вопросу к канцлеру Г.И. Головкину и к вице-канцлеру П.П. Шафирову.²⁰¹ Впрочем, хорошие отношения не помешали князю Куракину откеститься от своего протеза, что видно из письма графа Г.И. Головкина к кн. Б.И. Куракину и его ответа.²⁰²

У Федора Павловича, связанного с братом «невозвращенцем», возникли «ожидаемые» неприятности. В 1720 году Петр I сменил Веселовского в Лондоне, назначив на его место М.П. Бестужева, а Веселовскому было приказано выехать в Копенгаген. Если же тот будет медлить, то арестовать его и отправить в Россию. На приказном языке это выглядит так: «...трудиться пристойным образом, дабы Веселовский в Англии заарестован был, объявля причину, что он многие наши деньги имел при себе, а отчету не учинил». Формулировка понятная – Федор Павлович объявляется уголовным преступником и посему «на законном основании» Россия требует его выдачи. Веселовский хорошо знал нравы царских ищек, крадущих за границей не только своих подданных. (*Тимофей Акундинов, Григорий Герцик, Осип Соловьев и др.*). Получив от Бестужева приказ ехать в Данию, он ответил письмом: «Очевидно видно, что отзыв мой от сего двора и посылка меня в Копенгаген ни для какой причины, ниже в иное намерение чинится только для брата моего Авраама, за которого определен быть страдателем и вижу явно, что намерение положено по прибытии меня в Копенгаген, бросить на корабль и отвезти в С-Петербург, и через жестокое и страдательное истязание о брате моем – хотя сведом или неведом – спрашивать. Ныне, государь мой, откровенно объявляю, что страх сей видимой и бесконечной моей беде привел меня в такое крайнее отчаяние, что я, отрекшись от всех благополучий сего миру, принял ныне резолюцию ретироваться в такой край света, где обо мне ни памяти, ни слуху не будет, и таким образом dokonчаю последние бешастные дни живота моего, хотя в крайнем убожестве и мизерии, но спокойною совестью и без страдания... Обо всем о сем прошу вас, государь мой, сообщить ко двору донести, также и князю Василию Лукичу (*Долгорукову*) о том знать, что же принадлежит до вас – прошу, государь мой, принять от меня чрез сие вечное адио».²⁰³

В одном старинном лексиконе об этом рассказано близкими словами: «...поелику его отзывают не для того, чтобы отправить в Данию, а для того, чтобы лишить его свободы за брата Авраама; то, чувствуя себя невиновным, он никогда не выйдет из Англии. Возвратился Федор Веселовский на родину уже после смерти императора Петра.²⁰⁴

Четвертый брат Веселовский, Яков Павлович, был самым младшим, и о нем сохранились лишь отрывочные сведения: известно, что в 1719 году он состоял при князе Меншикове и слыл его любимцем.

Говоря о судьбе братьев Веселовских и их связях с Шафировым, невозможно обойти молчанием документ, по непонятным причинам выпавший из поля зрения исследователей – депешу господина Лави аббату Дюбуа, датированную 5 апреля 1720 года. Вот что в ней говорится о Веселовских: «Один был в Вене в качестве резидента, другой в том же звании в Лондоне, третий – поверенным по иностранным делам, четвертый издавна состоял при князе Меншикове в качестве секретаря. Не знаю, вследствие чего, два первые бежали с царской, их Государя, службы. Может быть, так как они исполняли всегда лишь предписания вице-канцлера (*Шафирова – С.Д.*), они опасались, как бы его падение (*если таковое последует*) не увлекло их, и желали поэтому избежать тех печальных последствий, которым часто подвергаются в этой стране люди среднего состояния».²⁰⁵

Рассуждая о причинах невозвращения братьев Веселовских в Россию, можно усмотреть и следующее. Шафиров знал, что ожидает царевича Алексея на родине. Вполне возможно, движимый «гуманностью», а, если вам не нравится это слово из другого века, то – «жалостью», каким-то образом (*по своим каналам*) сообщил Аврааму Веселовскому об этом и попросил его передать наследнику совет: ни под каким соусом не возвращаться на родину и возможно быстрее покинуть Австрию и перебраться в Англию. Косвенно это и зафиксировано в депеше г-на Лави. (стр. 106). Царь Петр писал Ягужинскому, что ему не надобен сам Веселовский, а дело его; государь предполагал, что «не один он; но нет ли иных кого в России лучше его».²⁰⁶

Веселовский не решился вернуться на родину. Но как бы то ни было, с этого момента Петр охладил к своему вице-канцлеру. В деле царевича Алексея была обнаружена переписка шифром с несколькими лицами, в том числе и с Шафировым. Часть корреспондентов были казнены. Часть, вероятно, осталась под подозрением.

Полагаю, что для царя Петра главным была уверенность в абсолютной личной преданности ему сановников, а в случае с П. П. Шафировым – Пётр усомнился в нём.

Хотя переписка царевича Алексея с отцом и сыном Головкиными и Шафировым имела деловой характер (*они уведомляли наследника в политической и военной ситуации страны, что им и приказывал делать царь Петр*) и к заговору не имела никакого отношения. И вновь возвращаясь к суду над своим сподвижником – подчеркнем, что жестокость царя не соответствовала вине Шафирова. Вице-канцлер воровал несоразмерно **меньше, чем Меншиков (каламбур)** и другие сановники. И Петр был прекрасно осведомлен об этом. Да и как можно было забыть то, что сделал Шафиров на Пруте?! Одно это деяние перекрывало все грехи «самой умной головы России».

Важное свидетельство г-на Лави проливает свет не только на положение «среднего состояния», то есть служилой интеллигенции, в самодержавной России, но и выявляет недюжинные аналитические способности его автора, предвидевшего возможность падения всесильного и в ту пору еще обласканного (*хотя и внешне*) монаршей любовью царедворца и связывавшего это падение с бегством Веселовских. Не в этом ли кроется несоразмерная суровость наказания, столь неблагоприятно обрушенного Петром I на Шафирова? В бегстве своих доверенных людей Петр усмотрел измену и, не сомневаясь в том, что вице-канцлер был осведомлен о действиях своих свойственников и подчиненных (*а, может, и сам подтолкнул их на это*), отомстил своему самому выдающемуся сподвижнику. Ведь, как известно, ссылка Шафирова сопровождалась государевым запретом ходить в церковь, что вряд ли следует объяснить вспыхнувшим антисемитским чувством. У Петра Великого был своеобразный юмор: среди прочих египетских казней, павших на барона – запрет ходить в церковь: царь хорошо знал истинную веру своего вице-канцлера и «деликатно» напомнил ему об этом... «Нехристу» ходить в православный храм не обязательно.

По-видимому, именно этим запретом Петр хотел подчеркнуть свое недовольство Шафировым. «Нет тебе веры! Мне соврал, и на исповеди соврешь!» – вот как, думается, следует трактовать эту кару. И, может быть, именно здесь следует искать квинтэссенцию судеб множества евреев галута. Как бы ни сложились их судьбы, в конце концов, они вспоминают, к какому народу принадлежат, и это чувство определяет линию их поведения в решающий момент.

Есть пробел, который хотелось бы заполнить. Вне всякого сомнения, хочется указать на обширный род потомков Веселовских. Этот род был необыкновенно талантливым и оставил громадный (*это не преувеличение!*) след в русской культуре.

В отличие от Шафировых, они сохранились по мужской линии. Достаточно сказать, что члены этого клана дали нескольких академиков Российской и Советской Академии наук! Аналогий – нет. Упомянем лишь несколько имен.

Веселовский Александр Николаевич (1838–1906), академик Российской Академии наук, литературовед, историк литературы, основатель исторической поэтики. Родился в семье генерала – военного педагога. Александр Веселовский человек громадных знаний, фундамент которых основан на глубоком знании византийской, славянской, западноевропейской литератур и мирового фольклора. В общей сложности им написано порядка 280 статей. А собрание сочинений Веселовского, предпринятое в 1908 году Российской Академией было рассчитано на 26 томов! Поразительная трудоспособность.

Александр Николаевич оставил след и в еврейской энциклопедии. В обширном исследовании о взаимном влиянии литературы Запада и Востока нашлось место и влиянию Библии на русский фольклор. Такова работа «Сказания о Соломоне и Китоврасе и западные о Морольфе и Мерлине» (1872 г.). Ученый подробно останавливается на талмудических преданиях о Соломоне и Асмодее. В дополнение к этой работе, Веселовский через 10 лет написал статью «Новые данные к истории Соломоновых сказаний» (1882 г.). Имеются еще несколько статей, связанных с еврейством: «Жидовин богатырь», «Легенда о Вечном Жиде и императоре Траяне» и др.

К 150-летию рождения великого ученого я прочел в юбилейной статье воспоминание одного из учеников: «В нашей отдаленности он казался каким-то сказочным существом. В нашем представлении создавался образ какого-то чародея, сидящего где-то там далеко, в волшебном замке, куда простым смертным вход воспрещен, окруженно-го массой фолиантов, из которых он черпает трудную для простых смертных свою мудрость».²⁰⁷

Веселовский Степан Борисович (1876–1952), историк, академик АН СССР, специалист по социально-экономическому развитию России XIV-XVII веков. Степан Борисович человек неординарного мужества. В момент возвеличивания в сталинской пропаганде Ивана IV, когда вышел псевдоисторический роман В.И. Костылева «Иван Гроз-

ный» (1-я книга 1942 г.) и съемок фильма Сергея Эйзенштейна, Веселовский написал разгромный отзыв, камня на камне не оставив от личности тирана, с вольными или невольными ассоциациями на сталинскую эпоху.

Отзыв пролежал в архиве Веселовского почти 30 лет и был опубликован другим мужественным ученым – Александром Александровичем Зиминым.²⁰⁸

В последнее время многократно переиздается «Курс русской истории» великого историка В.О. Ключевского. Так вот, первое гектографическое издание лекций Василия Осиповича было осуществлено благодаря их записи В.М. Веселовским в 1884/1885 г.г. Дело в том, что щепетильный Ключевский на просьбы публикации отвечал, «что курс его – непрерывно идущая вперед работа, нуждающаяся в постоянной обработке и переработке, [и] что он не сказал в ней своего последнего слова».²⁰⁹

Веселовский Алексей Николаевич (1843–1918), брат Александра, историк литературы. Сначала учился в кадетском корпусе, выпущенный прапорщиком, немедленно вышел в отставку и поступил в Московский университет на историко-филологический факультет. После окончания ун-та в 1863 году несколько лет прожил за границей: в Германии, Австрии, Венгрии и других странах. Алексей Николаевич занимался историей литературы, музыки и театра. Его литературное наследство громадно. Оно охватывает славянскую литературу и музыку, историю русской литературы и исследования творчества западных писателей и мыслителей: Д. Дидро, Дж. Свифта, Байрона, Мольера и мн. других. С 1881 года профессор Лазаревского института восточных языков. Последние годы преподавал в Народном университете им. А.Л. Шанявского и в театральной школе при Малом театре. Председатель Общества любителей русской словесности при Московском университете (1901/1906). С 1906 года почетный академик по разряду изящной словесности. Автор многочисленных статей в «Новом энциклопедическом словаре» Брокгауза и Ефрона.

Алексей Николаевич Веселовский был женат на Александре Адольфовне Панк (1840–1910), дочери врача. Она получила известность как писательница Веселовская. Кроме оригинальных беллетристических работ, она неустанно переводила с английского, французского, итальянского, немецкого и других языков.²¹⁰

Веселовский Юрий Алексеевич (1872–1919), поэт-переводчик, литературовед. Сын Алексея Николаевича и Александры Адольфовны.

Окончил гимназию при Лазаревском университете (отделение восточных языков), а затем историко-филологический факультет Московского университета. Преподавал в гимназиях и в народных университетах. Занимался переводами с армянского и западноевропейских языков.

Для нас он интересен тем, что испытывал тягу к еврейству. В первых он сотрудничал в еврейской прессе,²¹¹ а во вторых – опубликовал обширное исследование об образе еврея в западной литературе.²¹² Второй том полностью посвящен еврейству. Том озаглавлен «Западноевропейские писатели и еврейство». Следует отметить его интерес к проблемам ассимиляции и сионизму. В «Литературных очерках» Веселовского имеется глава «Мечтатели и идеалисты современного еврейства». В конце анализа автор добавляет слова, не потерявшие значение для наших дней (*и для будущих*): «Конечно, есть люди, которых нельзя переделать, нельзя ни в чем убедить... Вы будете им говорить о Спинозе, Гейне или Антокольском, а они вам ответят анекдотами...».²¹³

Веселовский Борис Борисович (1880–1954), историк, экономист, доктор экономических наук. Труды по истории земства, экономики горного хозяйства и краеведения. Профессор Московского университета. Будучи студентом Московского высшего технического училища, по своим политическим взглядам примыкал к социал-демократам. В 1915/1917 годах занимал пост ученого секретаря «Вольного экономического общества». После революции работал в Центрархиве, Госплане СССР. В 20-40-е годы преподавал в Московском университете и в в Московском инженерно-экономическом институте.

Веселовский Николай Иванович (1848–1918), археолог и ориенталист, профессор, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1914 г.) и Российской Академии наук (1917 г.). Вел раскопки в Южной России: раскопал сотни скифских и сарматских курганов, среди них богатейшие Майкопский и Солоха. При раскопках исчезнувших городов в Средней Азии открыл городище Афрасиаб. Подготовил альбом древних мечетей и памятников Самарканда. Одна из его работ посвящена преподаванию еврейского языка в России.²¹⁴

Веселовский Константин Степанович (1819–1901). Образование получил в Царскосельском лицее, по окончании которого в 1838 году поступил на службу в министерство государственных имуществ, в 3-й департамент сельского хозяйства. Впоследствии он занял должность начальника статистического отделения и члена ученого комитета министерства. Экономист, непререкаемый секретарь Академии наук (1857/1890), почетный член Академии художеств.

Одновременно принимал участие в издании «Журнала государственных имуществ», с 1852 года редактор этого журнала. В 1857 году избран адъюнктом Императорской Академии, в 1855 – экстраординарный академик, а в 1859 году – ординарный.

В течение 32 лет занимал должность секретаря академии. В день своего пятидесятилетия 22 ноября 1869 года произведен в действительные тайные советники. Большую известность принесли ему работы по статистике России, преимущественно сельскохозяйственной. В 1855/1856 годах им была издана первая по времени почвенная карта Европейской России, а затем первый «Хозяйственно-статистический атлас России». Издание осуществлялось на русском и французском языках.

К.С. Веселовский был первым организатором и руководителем метеорологических наблюдений в русских сельскохозяйственных учебных заведениях. На основании наблюдений опубликовал ряд монографий, касающихся климата отдельных областей России и разработал некоторые вопросы климатологии. Итог: в 1857 году вышел обширный труд «О климате в России», награжденный Императорским русским географическим обществом Константиновской золотой медалью.

АРШЕНЕВСКИЕ И ДРУГИЕ

Выше упоминалось, что отец дипломатов Веселовских Павел был женат на Марии Николаевне Аршеневской, дочери крещеного еврея, в свою очередь, также родственнице Шафириковых.

Род Аршеневских известен в русской истории. Родословная книга указывает весьма осторожно об их литовском происхождении. Здесь правда лишь в том, что Аршеневские родом из Смоленска и где-то с этого момента начинается их российская биография. Один из Аршеневских оказывал помощь русским войскам при осаде Смоленска.

Отметим некую тягу к библейским именам у новокрещеных: Исай, Исаак, Яков. Что касается Исаея, то в доносе Скорнякова сказано, что отцом братьев Шафириковых был некий «Шаюшка» – это форма имени Исай. После крещения «Шаюшка» стал Павлом...

Напоминаю, что смоляне, вступившие в русское подданство в 1654 году, были огромным еврейским кланом, связанным друг с другом не только общностью происхождения, но и, как бы мы сейчас сказали – «общим бизнесом» – торговлей, промышленностью. Это были: Шафириковы, Веселовские, Евреиновы, Исаевы, Копьевы, Григорьевы, Аршеневские и множество других, о которых ничего не известно.

Аршеневский Исаак (или Исай) Захарьевич в царствование императрицы Елизаветы был смоленским генерал-губернатором с 1760 г. В царствовании Екатерины II, ложно обвинялся в «лихоимстве».

Аршеневский Петр Исаевич, его сын (1739–1803). Военная энциклопедия («*сытинская*»), вышедшая в 1912 году, даёт другие годы жизни: (1731–1804). Образование получил в шляхетском корпусе и в 1750 году в звании поручика был определен в армию. Во время начала 1-й турецкой войны, имел звание капитана Архангельского пехотного полка. Участвовал в сражении при Ларге (1770 г.), где отличился при взятии Измаила, за что получил чин секунд-майора и стал командиром егерского батальона. За участие во главе батальона при штурме крепости Браилов и взятие Бухареста, получил чин премьер-майора. Далее – в 1771 году штурм Журжи – одним из первых ворвался в ее укрепления. Затем участие в боях при Цимбре и Турно. Прославился же Аршеневский в сражении у Бухареста, когда во главе охотников (*на нашем языке: «добровольцев»*) опрокинул турецкую батарею и занял главный «ретрашмент» укреплений Бухареста. За указанный подвиг он получил орден св. Георгия 4-й степени. За участие в кампании 1773 года – чин подполковника. В следующем году принял

участие в разгроме «скопищ» Пугачева. Во главе небольшого летучего отряда он участвовал в разгроме пугачевцев в крепости Татищевой и при взятии «столицы» повстанцев Берды. В сражении под Каргалою он захватил все пушки мятежников. Сразу же был направлен в Подмосковье «зачищать» от шаек разбойников дороги, ведущие к первопрестольной. За участие в усмирении бунта был пожалован обер-кригс-комиссаром и получил пожизненную пенсию по чину и одновременно 500 червонцев. *(Обер-кригс-комиссары – военные чиновники, занимавшиеся хозяйственной и административной деятельностью войск, а также ведавшие денежным и вещевым довольством войск, следящие за порядком и преследующие казнокрадов, выявлявшие всевозможные нарушения).* В 1778 году он стал полковником прославленного Апшеронского полка. У солдат-апшеронцев были красные ботфорты – символ одного из кровавых сражений, когда пролитая кровь доходила до колен (!?). Медленно, но верно Аршеневский двигался к генеральскому званию: в 1783 году получил чин бригадира, в 1786 году – генерал-майора. С 1788 *(по некоторым данным с 1790 г.)* года также занимал пост Смоленского генерал-губернатора. В 1793 году получил чин генерал-поручика, в 1797 году был определен в тайные советники и в ноябре по состоянию здоровья уволен по прошению и через шесть лет скончался.

Аршеневский Яков Степанович. *(Отчество его в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона «Семенович». В РБС также сохранено два отчества: Семен и Степан. Пусть читатель оценит эту двусмысленность).* Родился в начале XVIII века на Смоленщине. В 1730 году поступил на государственную службу «в звании дворянина посольства». Затем перешел в армию и в 1755 году был обер-кригс-комиссаром, а затем губернатором в Риге. При императоре Петре III находился в отставке, но в правление Екатерины был вновь призван на службу. В 1764 году был произведен в чин генерал-лейтенанта и назначен генерал-губернатором в Нижний-Новгород; там и скончался в 1771 году(?). Он имел трех сыновей.

Аршеневский Петр Яковлевич (1748/1750–1811/1812), сенатор, тайный советник, московский гражданский губернатор. Получил домашнее образование в Риге, где отец был губернатором. В 1759 году в 11-летнем возрасте был зачислен капралом артиллерии и отпущен в отпуск «до окончания наук». Год спустя в чине сержанта взят в штат генерал-аншефа князя Голицына – переводчиком. Это, кажется, семейная профессия клана Шафировых. В 1764 году был переведен

подпоручиком в Ярославский пехотный полк. С этим полком он участвовал в турецкой войне, отметился при взятии Хотина и разгроме 120-ти тысячной турецкой армии. В 1772 году Аршеневский, по согласованию с генерал-фельдмаршалом графом Румянцевым-Задунайским, был вызван чрезвычайным послом Обрезковым в Бухарест и во время мирных переговоров состоял дежур-майором. Внезапная смерть отца заставила Аршеневского выйти в отставку и поселиться в родовом имении Поповка Смоленской губернии. Здесь он прожил шесть лет.

Аршеневский Николай Яковлевич (умер в 1802 г.) Тайный советник. Вершина его карьеры: астраханский генерал-губернатор с 1797 г.

Аршеневский Илья Яковлевич (1755–1820). Тайный советник. Председатель Мануфактур-коллегии, а потом сенатор и почетный опекун петербургского Воспитательного дома. (*Мануфактур-коллегия: аналогия министерства промышленности*).

Сохранилась в роду Аршеневских одна загадочная история: 10 июля 1801 года «дозволено» московскому губернатору Петру Аршеневскому в согласии со своими братьями Николаем и Ильей передать имя и герб Аршеневских воспитаннику Петра Яковлевича – Илье Городецкому. По-видимому, Илья Городецкий был внебрачным сыном Петра Аршеневского.

БАРОН АШ.

Барон **Федор Юрьевич Аш** (1683–1783!) стоит несколько особняком от евреев-выкрестов. Родился в Прусской Силезии. В 1707 году поступил работать секретарем к генерал-поручику Рейну, находившемуся на русской службе. Во время военных походов был при русской армии под Полтавой в 1709 году, в 1711 в турецком походе и при взятии Браилова. Взятие Браилова – единственный отрядный момент в этой несчастной компании. На Аша возлагалась вся ответственность за корреспонденцию русской армии, но его карьера двигалась медленно. Он был флигель-адъютантом при генерале Бауере, а затем до 1719 года находился в Митаве при дворе вдовствующей герцогини курляндской – будущей царицы Анны Иоанновны. В 1719 году был командирован в Вену с секретным поручением. Ему протезировал Шафиров, рекомендовавшего его генералу и обергофмейстеру Бестужеву-Рюмину, как прекрасного чиновника, специалиста по секретной корреспонденции. Видимо, Аш был хорошим шифровальщиком. Вся переписка по весьма деликатным делам велась Ашем собственноручно. Ему удалось в Вене «возобновить добрые отношения между обоими дворами», пошатнувшиеся после дела царевича Алексея. Ашу удалось склонить гостившего в Австрии герцога Шлезвиг-Голштинского к более тесному союзу с Россией. Петр наградил усердного специалиста 1000 рублей наградных и назначил секретарем, а затем он с 1716 года был почт-директором Санкт-петербургского почтамта.

Уже после смерти Петра Великого, в царствование его старой знакомой Анны Иоанновны, Аш, по-видимому, участвовал в заключении мира со Швецией и был награжден полковничьим рангом и пожизненным владением мызы Хотинец в Ямбургском уезде. Баронский титул Римской империи был получен от австрийского императора Франца I, с согласия императрицы Екатерины в 1762 году и этот титул был передан по смерти его сыновьям императором Леопольдом II в 1783 году. Оба сына Аша сделали прекрасную карьеру.

Барон Иван Федорович Аш родился в Санкт-Петербурге в 1726 году. Он сделал карьеру дипломата. В 1749 году был определен юнкером при бывшей Коллегии иностранных дел; в 1754 году коман-

дирован в Вену, где состоял при римском императорском дворе. В 1783 году император Иосиф II выдал ему диплом и утвердил герб на баронское достоинство, пожалованное ещё его отцу Федору Юрьевичу императором Францем I. Из Вены Аш был переведен в Польшу. Завершил жизнь в 1807 году на посту полномочного министра русского правительства. Одно время даже он был пленен поляками и томился в заключении «за энергичные дипломатические действия против них».

Барон Егор Федорович Аш (1727–1807), доктор медицины, генерал-штаб-лекарь. Был послан отцом в Геттингенский университет, где получил медицинское образование и защитил диссертацию в 1750 году под руководством знаменитого профессора физиологии Галлера. Диссертация Аша привлекла внимание специалистов того времени. После учебы стажировался в лучших медицинских центрах Бельгии, Англии, Франции, Германии, Голландии. Вернувшись в Россию, Аш был принят на службу с обязательством «разъезжать по разным местам немецкой империи, где открываются целительные колодцы минеральных вод». Задача Аша заключалась в определении лечебной ценности вод и их закупке и отправке в медицинскую канцелярию, которой было предоставлено исключительное право продажи иностранных минеральных вод.

* * *

Итак, перед нашим взглядом прошел клан, чьи представители на протяжении более двух столетий вносили весомый вклад в самые различные сферы российской жизни. Пожалуй, именно разнообразием интересов и дарований род Шафировых отличается от многих других семейств российского дворянства. Какие только «побеги» не встретишь на их родословном древе! Государственные деятели и публицисты, военачальники и поэты, ученые и музыканты, богословы и филологи, археологи и нумизматы... И, пожалуй, последний парадокс: внучка Алексея Толстого и, следовательно, прямой потомок Петра Шафирова – Елена Толстая – преподает филологию в Иерусалимском университете.

Воистину «все возвращается на круги своя!»

ЯГУЖИНСКИЙ ПАВЕЛ ИВАНОВИЧ

Павел Иванович Ягужинский или Ягушинский (1683–1736), граф ,

русский государственный деятель, «око государево», дипломат. Имел чин генерал-аншефа с 1722 года. Родился на территории Польши в семье «литовского» органиста.²¹⁵ Волею неизвестных обстоятельств отец переехал в Москву и был музыкантом в лютеранской кирхе в Немецкой слободе. Павла Ягужинского приблизил к себе фельдмаршал Ф.А. Головин. Царь Петр обратил внимание на образованного молодого человека и зачислил его в гвардию. Павел Иванович обладал привлекательной

внешностью, умел ясно и образно изъясняться не только в устной речи, но и в документации. Молодой Ягужинский с 1701 года служил в Преображенском полку, состоя при Петре I, довольно часто исполняя дипломатические поручения. Ягужинский перешел в православие из лютеранства, «чтобы угодить новой среде». В 1706 году на реке Яузе у Москвы повелением Петра он получил в вечное владение остров.(!) В 1710 году он уже камер-юнкер и капитан Преображенского полка. Был момент, что казалось, фавор Ягужинского затмевает полудержавного властелина. Он женился на богатейшей невесте Анне Федоровне Хитрово, сразу став одним из самых влиятельных людей своего времени. Брак оказался неудачным, в связи с психическим заболеванием жены. В Прутском походе Ягужинский всегда рядом с царем и получил чин полковника, а 3 августа 1711 года был произведен в генерал-адъютанты. Он путешествует с царем за границей. В 1712 году Павел Иванович, один из самых близких людей императора, присутствует среди немногих на свадьбе царя с Екатериной Алексеевной. Петр ценит в своем сотруднике – образованность, владение несколькими иностранными языками, начитанность, проницательность, тонкий ум. Петр использует его в многочисленных дипломатических поручениях, требующих недюжинного таланта. В 1719 году Ягужинский участвовал в Аландском конгрессе, в 1720/1721 г.г. – посланник в Австрии. С января 1722 года генерал-прокурор Синода. Ягужинский был абсолютно честный и неподкупный человек. Именно он удалил из обвинения Шафировва пункт «о сокрытии еврейства», о чем писано выше. Интересно и то, что постоянные вояжи Ягужинского и болезнь жены не позволяли ему заниматься своим хозяйством, что

поставило его, как ни странно, на край финансовой катастрофы. После смерти императора вынужден был «лавировать» между различными группировками. В 1726/1727 годах посол в Польше. В январе 1730 года участвовал в заговоре «верховников», пытавшихся ограничить самодержавную власть в пользу крупной аристократии. По совету Ягужинского, императрица Анна Иоанновна разорвала «кондиции», навязанные ей «верховниками», и стала править «самовластно». Впрочем, по решению Верховного тайного совета Ягужинский был арестован, но вскоре освобожден. В 1731/1734 годах он посол в Пруссии, с 1735 года – кабинет-министр.

В отношении еврейского происхождения обер-прокурора П.И. Ягужинского, я ссылаюсь на материалы писателя и историка Мордовцева. История вкратце такова. Ягужинский родился на той части Украины, которая принадлежала Польше. Его отец крестился и перешел в католичество, разом став изгоем своей среды, как еврейской, так и православной и, конечно же, католической. Отец с сыном переехали в Москву, где Ягужинский-старший работал в кирхе органистом. Вероятно, там и перешел в лютеранство. Далее известная история: Павлуша становится «миньоном» у канцлера Головкина и делает карьеру. Павел Иванович в действительности был неподкупным прокурором, что является редкостью и в наши времена. Теперь хочется привести цитату, касающуюся биографии Ягужинского:

«На царском катере, на низеньком сиденьи, почти у самых ног царя сидит Павлуша Ягужинский и грустно смотрит на эти неприветливые берега, на эту красивую, но холодную природу. И ему вспоминается другая природа, другая зелень, другое солнце... Как ни молод он, но у него уже есть свои воспоминанья, свои могилы на сердце. Жизнь его, начавшаяся где-то далеко на юге, в Польской Украине, среди чубатых и усатых казаков, и как нитка, оборвавшаяся там полным забвеньем, потом жизнь в шумной, толкучей Москве, перенесшая его словно на ковре-самолете сюда, в эту холодную Карелию, эта жизнь оставила в его памяти какие-то клочки воспоминаний, смесь ощущений сладостных и горьких, смешение веры в людей и глубокого к ним недоверия, эта жизнь научила его думать, задумываться, вспоминать..

Да, Павлуша Ягужинский рано начал думать. Еще там, на далекой, теплой родине, которая вспоминается ему как сонная греза, он начал уже задумываться.

Чем-то сиротливым, чужим рос он среди родной природы, которая была ему более близка, более отзывчива, чем люди. Эти гордые, надутые маленькие польские панки, его сверстники, чуждались его, как неродовитого шляхтича, у которого не было ни хлопов, ни быдда, ни грунту, ни палаца, ни богатых маентков, хоть его, Павликов, татко был такой же благородный, как те надутые паны, но только не был ясновельможным паном, а учителем и музыкантом. И эти черномазые хохлята, отцы и матери которых работали на панов как быддо, тоже избегали Павлушу Ягужинского... «Жидовиня», «лядский недовирок», «перекинчик», «собачья вира», «свиняче ухо» - вот что он слышал среди этих чумазных хохлят, и недоумевал, за что они его не любят... «Жид», «жид»... нет не жид, потому что и жиденята бегают от него, как от чужого...

Вот что помнится ему из далекого детства... Еще помнится ему его отец, вечно грустный и задумчивый, сидящий над какими-то старинными книгами или в тихий летний вечер играющий на скрипке... Что за плачущие звуки лились тогда изпод горького смычка татки! Слушает, бывало, маленький Павлик эти всхлипыванья смычка, слушает, и у самого польются слёзы, неведомо от чего... И становится маленькому Павлику жаль всего, на что он взглянет, хочется ему обнять все плачущее, утешить...

Татко говорил потом, что когда они жили еще в Польше, за Днепром, то Павлику пошел только пятый год...

Потом он помнит себя уже в Москве. Помнит, как с татком ходил он в немецкую кирху, где татко тоже играл, но уже не на скрипке, а на органе. На скрипке он продолжал играть только дома, да и то осторожно, потому что нередко слышал, как москвичи говорили: «вон немецкий пёс – себе на похороны, на свою голову...». А московские мальчишки дразнили Павлика «нехристом» и нередко бросали в него камнем. За что? Павлик и об этом часто думал. Но чаще и чаще до слуха Павлика начинают долетать слова: «какое красивое чертово отродье», «какой хорошенький жиденок»...

Павлик учится читать, писать, чертить, рисовать... Татка его так много знает и сам учит Павлика...».²¹⁶

Известный историк Н.И. Павлов-Сильванский не говорит о еврейском происхождении ни Шафирова, ни Ягужинского, ни Девиера, но

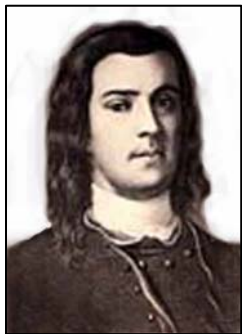
располагает их фамилии вместе следующим образом, что не оставляет сомнения в их едином еврейском происхождении: «Виднейшие деятели второй половины петровского царствования: первый генерал-прокурор граф Ягужинский, вице-канцлер барон Шафиров, граф Девиер, первый генерал-полицмейстер, были иноземными выходцами низкого происхождения».²¹⁷

Добавим, что Лев Николаевич Толстой, задумав написать роман из петровской эпохи, обратил внимание на Ягужинского, дав такую характеристику: «Граф Павел Иванович Ягушинский, высокого роста, приятной наружности, знал многие иностранные языки; с добрым сердцем соединял нрав веселый, пылкий; любил музыку и отличался честолюбием и неумеренным употреблением горячих напитков. Тогда вежливость и любезность его исчезали, и он переступал границы должного приличия. Пьяница, красив, ловкий, образованный, развелся с женой по причине задумчивого и странного ее нрава. Она грустна».²¹⁸

Такова история жизни Павла Ивановича Ягушинского, этого незаурядного человека, возможно, родившегося не в своё время.

ПЕРВЫЙ ГЕНЕРАЛ-ПОЛИЦМЕЙСТЕР САНКТ-ПЕТЕРБУРГА

В дополнение к биографии первого Санкт-Петербургского полицмейстера графа Антона Мануиловича Дивьера (di Viera (1682–1745).

Антон Девьер –
первый полицмейстер
Санкт-Петербурга

Иногда указывают 1673/1674 год рождения, что мало вероятно. Правписание его фамилии на русском языке самое разнообразное: Девьер, Дивьер, Девьер, Дивьер, Де Виер, Де Вийера; отчество писалось, как Эммануилович, так и Мануилович и Мануйлович. Он родился в Голландии, куда его отец-еврей бежал из Португалии, спасаясь от лап инквизиции. Иногда указывают профессию отца – оружейник, но это маловероятно. После смерти отца, оставшись круглым сиротой и без средств существования, он поступил юнгой в голландский флот. Волею обстоятельств, он находился в 1697 году на том корабле, которым командовал во время пребывания в Нидерландах Петр I на маневрах, устроенных специально амстердамскими властями для державного гостя. Петр обратил внимание на юного и стремительного подростка, ловко крепившего паруса и, словно кошка, лазящего по мачтам. Царь предложил тому перейти в русскую службу, пообещав за усердие протекцию. Антонио Вер с радостью согласился и был зачислен в штат царской прислуги. Существует и другая версия знакомства Петра и португальца. Однажды Петр, пребывая инкогнито в Голландии, был опознан неким Цизмером, который громко и «ехидно» (*так в тексте*) сказал: «А мы знаем, что ты не плотник, а русский царь!». Взбешенный Петр по московской привычке отвесил «разоблачителю» полновесную оплеуху. Назревал скандал, когда наблюдавший за сценой Девьер рассмеялся и, похлопав по плечу Цизмера, объяснил ему, что он «рукоположен в рыцари» его царским величеством. Царь в свою очередь рассмеялся и пригласил присутствующих в ближайший кабаk, где и завербовал находчивого юнгу в Россию.²¹⁹

Карьера Девьера была стремительна. Обязан же он ей своим неустанным трудолюбием, находчивостью, неутомимостью и... бескорыстием, и, что не последнее в петровских глазах, веселостью и остроумием. А честность и неподкупность возвышала его в глазах царя, окруженного сплошным воровьем, и делала Девьера неуязвимым для интриг врагов...

Он без труда овладел русским языком, на котором говорил свободно, с едва заметным акцентом. Девиер, как заметил один историк, был членом державной семьи, ибо долгое время проводил с детьми царя и Екатериной Алексеевной. Он был то, что мы называем «свой человек». Впоследствии он выступал как бы в роли воспитателя и наблюдателя за царевнами Анной Петровной и Елизаветой Петровной, а также за царевичем Петром Алексеевичем. Но у молодого и расторопного полуслуги, почти члена семьи, были вполне серьезные обязанности. Будучи вначале царским денщиком и посыльным, Девиер постоянно участвовал с Петром во всех военных переделках: под Нарвой и у Нотебурга, а возможно, и при захвате шведских кораблей у Гангута. К 1708 году Девиер получил первый офицерский чин – он находился среди девяти членов царской свиты... Постепенно Петр усложнял поручения своему протеже. Так, после боев в Эстляндии Петр приказал срочно укрепить Ревель и построить крепость и военную гавань – Девиер мчится в Прибалтику и с группой приданных ему солдат и нанятых местных жителей выполняет приказ царя. Задание было исполнено за год, и эта крепость сыграла в дальнейшем важную роль в обороне России. Поручения были совершенно разные. Так, Девиер был срочно отозван из Ревеля и направлен с караваном судов в Копенгаген для покупки хлеба для Петербурга. Антон Мануилович совершает выгодную сделку и через короткое время доставляет товар в Петербург. К 1711 году он получает звание генерал-адъютанта, что по уставу того времени равнялось полковничьему чину. В том же году произошло знаменательное событие в судьбе португальца. Пустяк – он послан царем к своей любимой сестре Наталье Алексеевне предупредить ее, что вечером Пётр будет у ней ужинать и присутствовать на театральном представлении. В этот момент Девиер решил просить руки Анны Даниловны Меншиковой, служившей у сестры императора фрейлиной. Русский биографический словарь (Р.Б.С.) утверждает, что еврейское происхождение Дивиера препятствовало его браку с какой-нибудь знатной особой старого аристократического рода. Смеею думать, что это не соответствовало духу эпохи, где крещеные евреи породнились с самыми прославленными фамилиями – стоит вспомнить Шафировых, Евреиновых, Григорьевых, Исаевых и других. При желании – у красавца и любимца государя проблем не было бы. Дело в том, что историки не могут объяснить причину того, почему красивый португалец обратил внимание на девицу Анну Меншикову, сестру полудержавного властелина.

Она была в возрасте и некрасива и влюбилась в красивого и мужественного Антона. У самого же Александра Даниловича были другие виды на замужество сестры (*он втайне мечтал женить на Анне самого царя!*), и на просьбу руки Анны он жестоко, до крови избил Дивиера с помощью своих клеветников – «гайдуков» – таковы были нравы эпохи. (*Здесь следует указать, что несмотря на своё низкое происхождение, на мой взгляд, и весьма подозрительное, а так же на патологическое стяжательство, родственное стереотипу корыстного иудея, Светлейший не любил евреев вообще: Шафиров и Девьер не исключение. Правда, его домоуправителем – «маршалом» был человек, возможно еврейского происхождения, Федор Соловьев, принадлежащий к клану Соловьевых – Осип, Дмитрий, Афанасий, Федор – все предприниматели и участники общих дел со Светлейшим. Их генеалогия покрыта завесой таинственности. Известно, что они происходят из мещан. Трое братьев Соловьевых: Осип, Дмитрий и Афанасий получили также «еврейский» – баронский титул, с патентом на который тоже произошла история. Федор не получил титула барона и от него происходит один из дворянских родов Соловьевых. Иезуиты считали Соловьевых евреями.*) Меншиков, будучи фактически главой правительства, после смерти Петра I в секретных пунктах о выборе сотников и других чинов по Малороссии добавил: «Кроме жидов», притом же рассуждать изволил, что полковник Лубенский, шурина гетмана Скоропадского, из жидов, и много от него народу в полку тягости...».²²⁰

Находчивый Дивиер сразу же после истязаний в растерзанном виде бросился за помощью к Петру, который обожал устраивать браки и заставил строптивного князя уступить. Не надо говорить, что Дивиер в лице Александра Меншикова приобрел беспощадного врага. Даже уже шурина тот не простил увод сестры... Моё же мнение о женитьбе Антона Мануиловича сводится к тому, что, как ни странно, это был не брак по расчету: он просто полюбил Анну Даниловну. Может быть, это был фрейдистский (*эдипов*) комплекс – вспомним, что он был сиротой, не знавшим домашней материнской ласки. Дивиер сохранял верность своей семье в самых разнообразных обстоятельствах. Брак был по-своему счастливый: у него было трое сыновей: Петр (*в будущем генерал-аншеф*), Александр (*гвардии капитан*) и Антон (*гвардии поручик*) и дочь Анна, которая, будучи фрейлиной при Екатерине I, умерла совсем молодой. Молодожёны поселились в собственном двухэтажном доме на набережной реки Мойки, близ Зеленого моста. В советское время мост назывался «Народным», а как ныне – не разу-

мею. Новейшая энциклопедия указывает и другой адрес дома Дивиера на Миллионной улице – двухэтажный деревянный дом на Красном канале. Ныне участок дома № 5 на Марсовом поле.²²¹ Лишь в 1710 году, когда царь с семьей перебрался из Москвы, Петербург стал столицей государства. Сюда же переехала высшая администрация. По приказу царя 15 тысяч мастеровых должны были прибыть в новый город. Для них были построены жилища за казенный счет. Через несколько лет население, которое по составу было очень пестрое, составляло 35 тысяч человек, среди которых был силен уголовный элемент, а также было множество авантюристов-иностранцев, женщин легкого поведения и прочие язвы приморского города. Грабежи, разбой, насилия – обычное явление того времени. Антисанитарное состояние новопостроенной столицы было ужасно. Каждый год ждали эпидемии или наводнения. Устройство внешнего и даже внутреннего быта требовало особого учреждения, наблюдавшего за точным исполнением мер. Должность, которую получил Антон Дивиер, называлась генерал-полицмейстерской и требовала неустанной энергии в борьбе со всевозможными обстоятельствами. При нем же была образована канцелярия. Судя по статусу новой ветви власти, идея была заимствована из западных столиц, где полицейская служба имела длительную историю. Обычно указывают на германские города. Должность требовала абсолютной честности и распорядительности, которой и обладал португалец. 27 мая 1718 года состоялся следующий высочайший указ сенату:

«Господа сенат! Определили мы для лучших порядков в сем городе генерал-полицмейстера, которым назначили нашего генерал-адъютанта Дивіера; и дали пункты, как ему врученное дело управлять. И ежели против оных пунктов чего от вас требовать будет, то чинить. Также всем жителям здешним велите публиковать, дабы неведением никто не отговаривался. Петр».²²²

Но Антон Эммануилович был на своём месте. По свидетельству голштинского камер-юнкера Беркгольца, пребывавшего в России в конце царствования Петра I, одно упоминание имени генерал-полицмейстера приводило в трепет обывателей.

Петр составил инструкцию для деятельности генерал-полицмейстера, состоявшую из 13-ти пунктов. Главнейшие из которых: смотрение за правильностью новостроек и ровностью улиц, как тогда писали и говорили, следить «за регулярством» застройки; берега рек должны быть укреплены и вода должна была оставаться проточной;

улицы и дома должны содержаться в чистоте. Настоящий бич тогдашних городов – бойня. Как таковой бойни в новопостроенной столице не было и мясники резали скот где придется, бросая внутренности где попало, от чего «мерзостный дух происходит и нечистота». Пройти или проехать мимо Красного моста, где происходила продажа мяса и рыбы, было просто невозможно: нужно было зажимать нос. С невероятным трудом Девиер добился того, что на современном языке называется «санитарией». Борьба была нешуточная. Девиер отвел место за городом для бойни. *(Написав об этом, отмечу для объективности, что знаменитые чикагские бойни смердели немилосердно. И это было в 30-е годы XX столетия. А знаменитое «Чрево» Парижа закрыли в 60-е годы того же XX столетия с большим трудом.)*

Продажа недоброкачественных товаров запрещалась немедленно, а виновные строго наказывались. Весы, меры – должны быть точными, «заорленными», т.е. гербовыми, а цены – «добросовестные», т.е., выражаясь современным языком, не спекулятивными. Все продавцы должны были носить «белый мундир» по образцу (!?), т.е. белые и чистые фартуки. Не современно ли это выглядит? Но это так. Подобно голландцам, предлагалось владельцам домов содержать в чистоте те части улицы, которые прилегают к их владению. Чуть ли не первым распоряжением Девиера было требование мощения улиц:

«Каждому жителю против своего двора посыпать песком и камнем мостить гладко, как будет показано от мастеров, и чтобы стоки были вдоль улиц к дворам ближе, а по концам улиц делать к рекам и прудам, чтобы были твердо утверждены, дабы весною и в дожди не заносило».²²³

Наводнения происходили чуть ли не ежегодно. Девиер требовал, чтобы обыватели делали полы выше уровня подъема воды на современную меру в 2,2 метра. Это высшая точка подъема воды, отмеченная 5 ноября 1721 года. Увы, добиться стопроцентной победы над стихией генерал-полицмейстеру не удалось. Естественно, требовалось немедленно прекращать уголовные «разборки», подвергая драчунов крупному штрафу и зверским наказаниям за тяжкие преступления, свойственным тому времени. В моих руках находится факсимиле донесения генерал-полицмейстера Девиера в Правительствующий Сенат от 8 февраля 1724 года по поводу указа о «вынимании ноздрей у каторжных невольников». Обывателям предлагалось внимательно следить за печами, каминами, печными трубами в предотвращение обычных для того времени пожаров. За неисправность – штраф в пер-

вый раз 10 рублей, во второй – 20 рублей, в третий – 30 рублей. Сумы совершенно страшные, зато пожары были сведены к минимуму. Игорные дома и притоны немедленно закрывались. Людей беглых, неработающих и нищих преследовали нещадно и употребляли на черные работы. Для охраны жителей предлагалось из самих мещан образовывать дежурных караульчиков. Улицы на ночь закрывать шлагбаумами. В разных местах были установлены 600 фонарей. На случай пожара – в каждом доме должны быть ведра. И понятно, что из Голландии выписали заливные медные трубы на средства государства. *(По постановлению Сената)*. Был и чисто «советский» пункт о немедленном доносительстве в полицию на подозрительных лиц.²²⁴

Вставал Девиер в пять часов утра, а ложился спать уже ночью. В день пешком и верхом проделывал десятки километров. Бесподобная работоспособность! В общем, с этой тяжелой работой Девиер справлялся, развернув широкую деятельность по благоустройству столицы, хотя и были «встряски», которые время от времени применял к своему верному слуге самодержец. Работал же «Хозяин столицы» непосредственно под началом «Хозяина земли русской.» Как писал историк С.Н. Шубинский, можно было наблюдать такую картину: однажды Петр в сопровождении генерал-полицмейстера объезжал в одноколке город и, приблизившись к мосту через канал у Новой Голландии, заметил, что новопостроенный мост неисправен: кто-то украл из него несколько досок. Государь приказал устранить неисправность и тут же в присутствии горожан отсчитал Девиеру несколько ударов дубинкой, приговаривая «это лучше тебе прибавит памяти о попечении и содержании мостов в порядке: будешь сам все осматривать». Потом, как ни в чем ни бывало, сказал наказанному: «Садись, брат» и поехал дальше, продолжая прерванный разговор. «Поощрительная царская дубинка далеко не один только раз похаживала по Дивиеру.²²⁵ *(Лично мне повезло. Я был знаком с писателем Елизаром Юрьевичем Мальцевым (1917–2004). Он был автором романа «Белые гуси на белом снегу», где среди героев романа о Петре Великом, нашлось место и Девиеру. Я долго беседовал с ним во время пребывания в Москве в 1994 году. Несмотря на возраст и болезни, Елизар Юрьевич живо рассказывал о своей жизни и о своем последнем романе. Я многое почерпнул из общения с ним. Только прошу не путать Елизара Мальцева, человека порядочного, с его однофамильцем и антиподом Орестом Мальцевым, автором «Югославской трагедии»)*. Не откажу себе в удовольствии процитировать разговор царя и полицмейстера из романа Мальцева. Обходя столицу и найдя непорядок, государь

публично «обработал» тростью спину Девиера. И вот внезапно царь задает вопрос генерал-полицмейстеру: «Знавал ли ты раньше батоги и кнут?», неожиданно спокойно поинтересовался Петр. «После Голландии, чай, несвычно?»

Вопрос таил в себе некую опасность – неведомо было, что хотел услышать государь, поэтому прежде, чем ответить, Девиер задержал в себе дыхание, пожал плечами.

«Бивали... Тот же Светлейший (А.Д. Меншиков. – С.Д.) не раз заманивался...» Он выжал на свои губы улыбку и неожиданно решился на дерзкую шутку: – «Сегодня я счастлив, что великий государь удостоил меня такой чести...»

Петр покосился на Девиера, но глаза полицмейстера не таили насмешки, смотрели преданно, без скрытого лукавства.

«А в Голландии и Португалии, где был рожден, не колотили тебя?»

«То не в счет, государь... В малые лета отец и мать наказывали за баловство».

«Зачем же от нас побою терпишь?»

«Все терпят, а я чем лучше? – Девиер отвечал с искренней готовностью, не чувствуя в голосе царя никакой угрозы, а лишь один живой интерес. – Конечно, я мог бы покинуть вашу страну, но за те годы, что я живу здесь, она стала моей... Россия – особая страна, может, другой такой нет, и не будет, и я привык думать, что я здесь вроде и родился...»

«А чем тебе Россия любезна?»

«Мне любопытно жить в стране детей, потому как в России люди пока не стали взрослыми... Народ ваш, как глина в руках гончара, – он мнется, как вашей душе угодно, ими легко править...»

«По твоему разумению, в России легко быть царем?»

«Быть в России царем нетрудно» – отважно ответил полицмейстер, не ведая, что толкает его на такую откровенность, граничащую с безрассудством. – «Но вашему величеству править тяжело...»

«Чем же я отличен от тех царей, что были до меня? Или токмо льстишь мне, чтобы быть в милости?»

«Нет, ваше величество, я и не помышлял о том...» Девиер вдруг почувствовал, что приблизился к кромке обрыва и достаточно сказать неверное слово, как он полетит в неведомую бездну.

«Вы хотите перестроить державу на новый лад, а это не всем по нраву... Вы обрядили и знатных людей, и простолюдинов в европейское платье, но – из-под палки...»

«Власть, на то она и власть, чтоб ее боялись», сурово насупясь, оборонил Петр. – «Если не будет пугала на огороде, то что останется от тех огородов... Токмо страхом и повинением можно добиться покорности, заставить людей делать то, что выгодно державе...»

«Я не хотел, ваше величество, вызвать ваш гнев... За нерадивость и недогляд вы дали мне полезный урок. Сейчас мне лучше умереть, чем сказать вам ложь... Но для таких людей, как я, трость – не наука...»

«Отведи страх», – нетерпеливо бросил Петр. – «Ты не в розыске и не на пытке, чтобы меня бояться...»

«Вы хотите, ваше величество, чтобы рабы работали, как свободные люди, а сие невозможно... Народ ваш ныне младенчески темен и неразумен, он мирится даже с тем, что им торгуют, как скотом. Но так нельзя прожить вечно...»

«Я повелел оную продажу пресечь», – оборвал Петр. – «Хочу, чтоб семьи не разоряли, чтобы продавали не порознь, а семьями.»

«То малое утешение, государь, и для любого вельможи такие люди – не люди, а лошади, которые тянут подводку, для них нужны вожжи и кнут, чтобы подгонять, когда они ленятся...»

«Я всю жизнь воюю, мне некогда было думать, чем я могу заставить служить себе тех же бояр, как не суля им новые вотчины... Да и их холопами я могу распорядиться, как собственными, и поставить под ружьё...»

«Однако Светлейшего вы вытащили с самого низу, и он воспарил, яко орел, и великую пользу принес державе... Или Шафиров, которого вы, ваше величество, выгнали из мелкой лавки и вывели в государственные мужи...»

«Это так», – глухо согласился Петр. – «Вовремя попались на глаза...»

«А может среди простого люда тысячи таких? Выгодно ли держать их в темноте и невежестве, государь?»

«Народ не песок, его не просеешь, чтобы выбрать твердые камушки.»²⁶ Это не модернизация разговора, а пересказ сочинения Ивана Тихоновича Посошкова «О скудости и богатстве», за которое, уже после смерти Петра, автор был посажен в крепость, где и скончался. Существование таких людей, как Иван Тихонович Посошков, оправдывает надежду России на спасение.

Доскажем вкратце судьбу генерал-полицмейстера. Пока был жив император Петр I, португалец находился в безопасности. После смерти его покровителя к власти пришла Екатерина I, многим, если не всем, обязанная Меншикову. Однако, Екатерина очень хорошо отно-

силась к генерал-полицмейстеру, имевшему свободный доступ к императрице в любое время, считаясь в царской семье своим домашним человеком. Он был обаятельный и веселый человек, быстрый на словесные шутки. Будучи генерал-полицмейстером, Девиер получил 21 мая 1725 года вновь введенный орден св. Александра Невского – в числе первых 10 человек. 24 октября 1726 года был возведен в графское достоинство, а 27 декабря того же года получил чин генерал-лейтенанта. Кроме основных обязанностей, он выполнял по приказу Екатерины различные «деликатные» поручения. Совершенно блестяще он провел военно-дипломатическую операцию в Курляндии, отстаивая русские интересы. До него Меншиков потерпел там неудачу. *(Светлейший пытался получить курляндскую корону для самого себя)*. Девиер сумел изгнать из Митава уже избранного местным сеймом, претендента на герцогскую корону знаменитого полководца Морица Саксонского. За помощь от русского представителя тот предложил графу Девиеру взятку в размере 10 тысяч экю. Но мы знаем – Девиер был неподкупен. Один из историков добавляет, что в то время политическая взятка не считалась предосудительной. Тем ценнее представляется личность Антона Мануиловича. Сохранился ответ на немецком языке самого Девиера, отправленный Морицу Саксонскому:

«Полученное мною сего числа письмо повергло меня в удивление и чувствительное волнение, тем более, что, благодаря Бога, все мое предшествующее поведение может служить доказательством, что я неспособен не только за несколько тысяч рейхсталеров, но и за сокровища всего света сделать хотя самомолейшее отступление от поручения, возложенного на меня инструкцией моей всемилолюбивейшей государыни. Это странное предложение, равно как и тому подобные искушенья, предполагающие подлые и низкие чувства в том, к кому они относятся, оскорбительны для честного человека. В вышеупомянутом деле, в котором ее величество удостоила меня избрать мелким орудием своей воли, я буду без всякого уважения к видам частных лиц и чуждым интересам, равно как и без всякого постороннего вознаграждения, исполнять свои обязанности, как следует честному человеку. Но если бы дело это обратилось и в вашу пользу, то всякий и без того должен получить то, к чему приличие обязывает. Ваш почтительный и покорнейший слуга граф Девиер».²²⁷

Это была пощечина самолюбивому сыну Августа Сильного. *(Граф Мориц Саксонский гениальный полководец, во многом опередивший свое время, и человек, осмысливший свою жизнь в воспоминаниях. Интересно, нашлось ли там место этому неприятному эпизоду?)*.

Вернувшись из Митавы, Девиер застал императрицу в последней стадии болезни. Хитроумный Меншиков никого к ней не подпускал, фактически став регентом. Екатерина подписала завещание в пользу внука Петра I от сына Алексея, при условии, что он обязан жениться на дочери Меншикова. Девиер вступил в направленный против все-сильного временщика заговор, в который были втянуты многие лица, включая графа Толстого, Бутурлина, Ушакова, князя Долгорукова, Нарышкина, и бывшего друга Меншикова Г.Г. Скорнякова-Писарева. Последний, как помним, был причиною падения П.Шафирова и играл на стороне Меншикова. «Оппозиция» решила уведомить царицу о замыслах Меншикова и просить короновать цесаревну Елизавету Петровну или Анну Петровну или *(весьма спорный вариант)* обеих вместе. Но Меншиков упредил своих противников, подав умирающей императрице ложные обвинения. Эти пункты обвинения против Девиера были опубликованы в «Вестнике полиции». ²²⁸ Вот они:

1. Понеже объявили нам их высочества, государыни цесаревны, что сего апреля 16 дня, во время нашей, по воле Божией, пружестской болезни пароксизмуса, все доброжелательные наши подданные были в превеликой печали, а Антон Дивиер, в то время будучи в доме нашем, не только не был в печали, но веселился и плачущую Софью Карлусовну *(Скавронскую, племянницу императрицы)* вертел вместо танцев и говорил ей «не надобно плакать».

2. В другой палате сам сел на кровать и посадил с собою его высочество великого князя и нечто ему на ухо шептал; в тот час и государыня цесаревна Анна Петровна, в безмерной быв печали и стояв у стола, в той же палате плакала и в такой печальный случай он, Дивиер, не встав против ее высочества и не отдав должного рабского респекта, но в злой своей предрозости говорил ее высочеству, сидя на той кровати: «о чем печалишься: выпей рюмку вина». И говорил то, смеясь, и пред ее высочеством по рабской своей должности не вставал и респекту не отдавал.

3. Когда выходила в ту палату государыня цесаревна Елисавета Петровна в печали и слезах, и пред ее высочеством по рабской своей должности не вставал и респекта не отдавал и смеялся о некоторых персонах.

4. Его высочество великий князь объявил, что Дивиер в то время, посадя его с собой на кровати, говорил ему: «поедим со мною в коляске, будет тебе лучше и воля, а матери твоей не быть уже живой», и притом его высочеству напомнил, что его высочество стоворился жениться, а они за его невестою будут волочиться, и его высочество будет ревновать».

Вздорность оговора очевидна: Девиер, как близкий «член семьи», пытался отвлечь мальчика-цесаревича и молодых девушек от печальных мыслей – любой психолог или любой чуткий человек легко поймет глупость доноса. Но не за это Девиер был схвачен.

Он был немедленно арестован и на основании этих вздорных обвинений Девиера подвергли ужасным пыткам. Арсенал их прост и эффективен. Во-первых его подвесили на дыбу и после двадцать пятого удара он «повинился» во всем и назвал своих единомышленников. В течение 10 дней шел процесс, где преступникам вменялась сопротивление воле государыни по поводу сватовства цесаревича. 6 мая 1727 года, за несколько часов до смерти Екатерины, ее слабеющей рукой подписан указ о наказании виновных. Наказаны были все, но не в равной степени. Хуже всех пришлось Скорнякову-Писареву и Девиеру – их сослали в Сибирь. Но и этого оказалось Меншикову мало. Меншиков опустил до последней низости: он велел приписать к указу о наказании шурина следующие слова: **«Девиеру, при ссылке, учинить наказание, бить кнутом»**. Наказание зверское, так как на теле Девиера не зажили еще следы «допросных» пыток. Кнutoбойцем был назначен человек, который был не раз бит батогами за разные действительные проступки по приказу генерал-полицмейстера: тот случай, когда негодяй выместил на бывшем начальнике свою злобу, как сказано в одном источнике «с особым зверством». Меншиков не пощадил и свою родную сестру, повелев ей ехать с четырьмя маленькими детьми в деревню. А пожалованную Девиеру самим Петром Великим за «отменную» службу деревню Зигорицу в Ямбургском уезде отобрать у сосланного и передать другому лицу.

Ненависть Александра Даниловича Меншикова была неутолима – место ссылки для Девиера и Скорнякова-Писарева было указано Жигановском зимовье в Якутской области, на пустынном берегу Лены, в 9 тысячах верстах от Петербурга и в 800 от Якутска. От берегов Невы до берегов Охотского моря проделал этот невероятный путь в кандалах Антон Мануйлович. Но силу его духа лишения и несчастья не сломили. Друзья по несчастью Скорняков и Девиер даже не могли встречаться друг с другом – караулу строго-настрого запрещалось допускать общение их не только друг с другом, но и с кем-либо другим. Питались несчастные лишь хлебом и рыбой, нуждаясь во всем – они голодали и «понемногу дичали».

Далее следует историческая загадка. Дни временщика Меншикова были сочтены: он был сослан в Березово. Но почему Анна Иоанновна

не вспомнила и не облегчила участь сосланного Девиера? Возможно, ей было неприятно вспоминать давление, которое оказал на нее Девиер при сватовстве Морица Саксонского. Она и действительно была когда-то влюблена в красавца Морица и, вероятно, со временем «образ его не угас». Но сейчас, получив не герцогство, а империю в свою власть, она могла лишь благодарить Девиера. Но «счастливые глухи к добру». Другая догадка: зная близость Девиера к цесаревне Елизавете Петровне, может, Анна Иоанновна боялась призрака переворота? Трудно сказать. Ссылка продолжалась. Косвенным подтверждением этого следует считать облегчение участи Скорнякова-Писарева. В 1731 году ему было поручено основать в устье реки Охота порт. Это было после 1-й экспедиции Беринга, который указал на Скорнякова-Писарева, как человека опытного и в свое время участвовавшего в сооружении Ладожского канала. *(Как раз за нерадивость в этом деле Скорняков-Писарев попал в немилость к императору)*. К сожалению, кандидат не соответствовал уровню поставленной задачи и к тому же был нечист на руку, он не справился с поручением и обрекал экспедицию Беринга на неудачу. Скорняков-Писарев предавался пьянству и разврату, *(у него был обширная женская прислуга, превращенная им в свой гарем)*, брал взятки, а с несчастных инородцев взымал двойной ясак, был вздорен и неуживчив, а с подчиненными жесток до зверства. Слухи дошли до императрицы Анны Иоанновны и 13 апреля 1739 года Скорняков-Писарев был отстранен от занимаемого места и арестован, а на его место назначен Девиер.

Первое донесение из Охотска в Петербург пришло в ноябре 1740 года, накануне смерти Анны Иоанновны. Девиер был честный и справедливый начальник. Он нашел охотский порт и команду в самом бедственном состоянии: «люди претерпевали голод малым пропитанием едва для живота своего препровождали».²²⁹ Девиер проявил себя как опытный администратор с присущими ему энергией и добросовестностью. Он устранил все беспорядки и злоупотребления. Все средства были брошены на строительство порта, общественных зданий и судов, он сумел полностью снарядить вторую экспедицию Витуса Беринга. Он даже основал школу, которая впоследствии стала штурманским училищем Сибирской флотилии. Школа просуществовала более ста лет, оставаясь единственным учебным заведением в Восточной Сибири. Одновременно, чувствуя доверие императрицы, Антон Мануйлович пытался помочь своей семье. Прошение возымело действие: Анне Даниловне Меншиковой-Девиер были пожалованы «на пропитание детям» отписные Мусина-Пушкина деревни в Кексгольмском уезде.

Писарев был арестован. Его конфискованное имущество Девиер продал с аукциона, а вырученные деньги употребил на уплату жалования команды, которая не получала их в течение нескольких лет. При следствии выяснились отвратительные злоупотребления Скорнякова-Писарева. Девиер донес об этом в сенат. Донесение было получено за несколько дней до воцарения Елизаветы Петровны от давнего знакомого Девиера. Императрица тут же вспомнив и Антона Девиера, и Скорнякова-Писарева, обоих вызвала в Петербург. 7 декабря 1741 состоялся именной указ сенату: «Обретающимся в Сибири Антону Девьеру и Скорнякову-Писареву вины их опустить и из ссылки освободить». Указ получен в Иркутске 3 марта 1742 года, а в Охотск прибыл лишь 26 июня 1742, а уже 11 июля Девиер сдал свою должность и выехал в Европейскую Россию. Его муки длились свыше 15 лет. Елизавета Петровна тепло встретила своего давнего друга. Указом от 14 февраля 1743 года ему был возвращен чин генерал-лейтенанта, орден Александра Невского и графское достоинство с назначением снова генерал-полицмейстером Санкт-Петербурга. 15 июля 1744 года Девиеру был присвоен следующий высший военный чин генерал-аншефа. Кроме того, императрица пожаловала его 1600 душами крестьян из конфискованного имения Меншикова и подарила ему Ревенгунский погост – 180 дворов. Главное же, что он вновь увиделся со своей семьей, которую очень любил. 15 лет страданий не могли пройти даром: это был уже не весельчак, балагур, кутила и душа общества. На вершине карьеры произошло несчастье: лишения и страдания подорвали его здоровье, он стал постоянно хворать и скончался 24 июля 1745 года. Вся его свобода продолжалась два года и два месяца. Девиер был погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры Петербурга. Могила «хозяина» Петербурга – так называли его историки, затерялась еще в XIX веке.

Публикация статьи о «хозяине» Санкт-Петербурга в «Вестнике полиции» имела продолжение. В редакцию пришло письмо от пристава Вс. Попова с просьбой обратиться к чинам полиции с предложением собрать деньги на восстановление могилы и установление на ней памятника. Пристав Попов прислал в редакцию первый рубль. Но, увы, дело не сдвинулось с места.²³⁰ Обидно...

НЕМНОГО О ЦАРСКИХ ШУТАХ

Следует добавить, что крещеных евреев в окружении Петра I и его преемников было намного больше. Часть мы знаем, а часть нет. Кроме упомянутых Евреиновых, Исаевых, Григорьевых, графа Девиера, шута Лакосты, стоит вспомнить и другого шута – Педрилло. О Лакосте написано много. Все отмечают удивительную начитанность шута Лакосты в богословии. Петр любил с ним спорить по различным теологическим вопросам.

О Педрилло написано намного меньше. На его итальянско-еврейское происхождение прямо указывает специалист в этой области князь Н.Н. Голицын.²³¹ Ряд антисемитов также не оставляют его вниманием.²³² Обычно рассказываются вульгарные, скабрзные анекдоты о нем, при цитировании которых возникают проблемы нравственного характера.²³³ Но солидные источники утверждают, что эти похабные байки ни в коем случае не принадлежат Педрилло.

Оказывается, Педрилло, Адам (Pedrillo) – Пьетро Миро или Мира – известный музыкант, родом неаполитанец (из Monte Scaglioso), сын небогатого скульптора Альвиаго Пьетро, появился в России в качестве бутафора, а также подвизался на оперной сцене в качестве первой скрипки. Существует мнение, что его завербовали в Варшаве в 1730 году, но, по-видимому, это не так. Итальянский источник по истории музыки в городе Лукка опровергает это обстоятельство. Время его появления в России точно неизвестно: то ли он прибыл в последние годы жизни Петра I, то ли чуть позже. В солидном источнике указано, что еще с 1725 по 1733 год он служил городским музыкантом в г. Лукка и лишь в 1733 году вместе с другими итальянцами прибыл в Петербург. Вначале он выступал как скрипач в оркестре, а также на сцене в ролях «буффо в интермецах». Не поладив с капельмейстером, не остался без работы. Благодаря покровительству Бирона, которому Педрилло оказал неизвестную услугу, он оказался среди придворных шутов с жалованьем 100 рублей в год. Он сочетал в себе черты коммиссионерства по разным закупкам для двора за границу, так ска-

Рис. 103. Скрипач Пьетро Мира (шут Педрилло при Анне Иоанновне).

зять, «Поставщик Двора Ея величества» и игру в карты, где зачастую играл за Анну Иоанновну. *(К характеристике императрицы, которую не жалуют историки, отметим два положительных качества: она не любила игры в карты и не любила пьяниц.)* Анна Иоанновна его очень любила и как музыканта, и как шута. Кстати, Педрилло вел в 1736 году весьма деликатное дело о приобретении знаменитого тосканского алмаза у полуумного герцога Гастона Медичи. Через Пьетро Мира приглашались иностранные актеры, певцы, певицы, музыканты. Вкус его ценили и часто посылали покупать драгоценные камни и ткани. Естественно, по натуре человеческой, он не забывал себя, но все в пределах комиссионных. Педрилло нажил большое состояние и «благоразумно» покинул Россию. Он был отпущен 17 декабря 1740 года «по прошению» в свое отечество вместе со служителем Франческо Пиколи. Впоследствии служил опять в оркестре в Саксонии, в дрезденской капелле (около 1747 г.), и, по-видимому, в конце жизни стал владельцем гостиницы в Венеции. Имеется портрет Мира-Педрилло со скрипкой в руке.²³⁴ Повторимся: анекдоты, приписываемые «Адамке Педрилло», не имеют действительной основы. Они «глупые, тупые, скучные и жалкие», как выразился рецензент «Северной пчелы». И не забудем, что он остался в истории русской музыки, как один из первых музыкантов, «гастролировавших» в России.

ПОМЕНЯВШИЕ ВЕРУ

О КРЕЩЕНИИ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

История взаимодействия еврейского галута с Древней Русью неоднократно анализировалась, но элемент крещения, однако, был слабо исследован. Поэтому автор решил внести свою скромную лепту.

Одно из первых имен выкрестов известных в истории – это св. Лука Жидята, второй по времени епископ новгородский, живший в первой половине XI века. Князь Ярослав Мудрый предоставил ему Новгородскую кафедру, вопреки давлению Византии. До Луки Жидяты высшие духовные иерархические места занимали греки. Таким образом, Лука был первый уроженец Руси, удостоенный столь высокой чести. Большинство серьезных ученых считают его евреем-выкрестом. В 1051 году он освящал Софийский собор в Новгороде – чрезвычайно высокая честь. Но Лука попал в опалу, которая длилась три года: епископ киевский поверил доносу холопа Луки – Дудику и его «злым» советчикам – Козьме и Демьяну. Однако истина восторжествовала: доносчик был пытан: «холопу же Дудеке оскомины беша: урезаша ему носа и обе руке отсекоша, и побежа в немцы; еще же его лукавым советникам, Козьме и Демьяну, достойное воздоша по злодеянию их ...» (*Никоновская летопись*). Это произошло за год до смерти Жидяты, в 1058 году. Однако жестокое было время...

Единственное его произведение, дошедшее до нас в списках XIV-XV веков, «Поучение к братии». Оно представляет значительный историко-литературный интерес. По-видимому, святитель новгородский произносил свое поучение при вступлении на новгородскую кафедру – это первое собственно-русское произведение духовной литературы. Для историка нравов древней Руси интересны в поучении указания на недостатки современной проповеднику русской жизни – пьянство, сквернословие, лихоимство... Пожалуй, с этой точки зрения «Поучение к братии» не потеряло своей актуальности...

В нашем распоряжении чрезвычайно мало документов, относящихся к древнему периоду, но все же иногда попадаются удивительные страницы. В исследовании боярских родов Древней Руси, располагающейся в границах Великого Литовского княжества, имеются сведения и о крещеных евреях. Вот три боярских рода – Огроновичи, Новокрещенские, Семашковичи. Историк ограничивается только

этими фамилиями, которые вымерли. Можно предположить, что он знал и ныне существующие роды, но скрылся за фразой «и другие».²³⁵ К этому малочисленному списку с большой вероятностью можно добавить еще один род и к тому же весьма знаменитый. При Ярославе I приехал служить «из немец некто Шимон Африканович», сделавшийся родоначальником трех прославленных семейств: Воронцовых, Вельяминовых и Аксаковых.²³⁶ Вероятность, что Шимон Африканович еврей из Магриба, весьма велика – сочетание распространенного имени в сефардийском варианте: Шимон, а не Симон, которое он получил при крещении,²³⁷ с местом исхода – Африка, предполагает, что путь Шимона вёл из Марокко через Европу на Русь. Ничего сверхъестественного в этом не было.²³⁸ В последнее время появились утверждения, что предок Аксаковых появился из Скандинавии и что они были потомками норвежского короля Гакона Смелого.²³⁹ Возможно, хотя большинство норманских имен носило северогерманские корни, что видно из истории: Аскольд – др. сканд. Hoskular, Олег – Ольга – др. сканд. Helgi – Helga, Игорь – др. сканд. Ingvar и т.д.²⁴⁰ Имя «Шимон» резко выпадает из этого ряда. В одной старинной работе я прочитал следующее: «Воронцовы вышли из Германии. Предок их Симон Оффрикович, поселившийся с сыном своим Георгием в Киеве (1027 г.), поступил на службу В. Кн. Ярослава; **потом принял христианскую веру...**».²⁴¹ Здесь совершенная нелепость: почему выходец из христианской Германии должен был воспринять христианство? Речь идет не о православии, а именно о христианстве: до разделения церковей есть еще несколько десятилетий. «Еврейский» вариант наиболее вероятен, а все остальное для «прикрас» генеалогии.

Одно из самых интересных средневековых религиозно-культурных движений, возникших на Руси и затронувших даже верхушку московского общества, носит название «ереси жидовствующих». Её основоположником считается еврей Схария, прибывший из Литвы в свите князя Михаила Олельковича. К жидовствующим, несомненно, примыкала интеллектуальная элита того времени, включая думного дьяка Федора Васильевича Курицына, автора известной повести о «Дракуле, воеводе волошском» и «Лаодикийского послания». Движение было жестоко подавлено, его вожди были сожжены в декабре 1504 года и вряд ли можно усомниться в том, что подчеркнутая автором жестокость Дракулы, сделавшая его имя нарицательным, была навеяна реальными образами той тяжелой поры.

О соотношении между собственно иудаизмом в этом протестантском течении и христианством много написано. Но, собственно говоря, все сведения о ереси и ересиархах мы имеем лишь из-под пера сторонников ортодоксии, в первую очередь Иосифа Санина, объективность которого не следует преувеличивать. Реконструкция учения жидовствующих в общих чертах сводится к признанию Единого Бога, отрицанию троичности, не признанию Иисуса Христа – ни сыном Божиим, ни Мессиею, отвержению церкви и церковной иерархии. Им вменялись в вину «насмешки» над христианскими таинствами и обрядами, почитанием Божией матери и угодников. Сектанты уподобляли христианство языческому политеизму, иконопочитание называли идолопоклонством, монашество называли установлением, противным самой природе человека и т.д.²⁴² Мы хотим отметить лишь несколько фактов.

1. Массовость движения. Названо более 30 лиц высшего эшелона духовной и светской власти.

2. Культурный и интеллектуальный перевес еретиков над их противниками.

3. Очевидная связь с еврейством и связь с Западом.

4. Признание самого Ивана III о своей близости к еретикам. При чем высший сюзерен прекрасно разбирался в теологических разногласиях сектантов, что он и объяснил Иосифу Волоцкому.

5. Сильное сопротивление Ивана III расследованиям и казням.

Ко времени репрессий прошло 33 года с момента появления жидовствующих. Уступил великий князь лишь после сильнейшего воздействия духовных лиц. В споре с ортодоксами он был не одинок. Его поддерживали заволжские старцы во главе с Нилом Сорским. Возможно, что кроме сектантов, спасшихся бегством за границу, часть жидовствующих схоронилась в заволжских скитах. Вплоть до движения декабристов такого процента представителей высшей власти в оппозиционном движении не было.

Иван III был знаком с евреями и даже вел переписку с еврейским князем из Кафы, предлагая последнему переселиться в Московию и породниться с ним: он сватал своего сына за дочь кафского еврея.²⁴³

И, наконец, главнейшее, – связь с движением стригольников. Так, считается, что предшественником ереси жидовствующих является сектантская агитация в Пскове и Новгороде в конце XIV века, называемая сектой «стригольников». Слово «стригольники» ученые по разному интерпретировали, но имеются веские доказательства считать это сло-

вообразованием из древнееврейского языка (Satar) – делать тайным, скрывать, тайное место, укрытие, секрет и (Galah) – открывать, раскрывать, снимать покров, обнажать, эмигрировать, быть изгнанным, стать изгнанником и т.п. – отсюда «стригольники» по смыслу «хранящие тайну» или «тайные изгнанники», наконец, «скрывающиеся в диаспоре». Этой точки зрения придерживается габраистка М.М. Елизарова.²⁴⁴ Вероятно, это предположение имеет под собой реальный факт. Если версия Елизаровой верна, то и на «ересь жидовствующих» следует смотреть несколько по-иному. В XV в. остатки стригольников, по видимому, примкнули к «жидовствующим».

Русские субботники, обнаруженные в центральных губерниях России (*Воронежской, Орловской и даже Московской*) в последние годы царствования Екатерины II и Павла I, утверждали преемственную связь с мучениками времен Ивана III. Этой точки зрения, например, придерживался князь Н.Н. Голицын.²⁴⁵

Обширнейший анализ всех точек зрения на «жидовствующих» XVI – начала XVI века и вопроса о роли иудаизма произвел А.И. Клибанов.²⁴⁶ К сожалению, к научной критике примешивались политические факторы сиюминутного времени. Так некий В.В. Колесов в комментариях к «Посланию старца Филофея», пишет о содомии, как о пороке, специально распространяемом еретиками среди светских лиц: «у еретиков, по предположению некоторых исследователей, он выполнял роль ритуального действия».²⁴⁷ Цель этой и подобных публикаций очевидна: с одной стороны попытаться доказать полное отсутствие влияния евреев на *единственное гуманистическое массовое движение Средневековой Руси*, а если это не удастся, то просто очернить его. Однако, даже из поучения Епископа Стефана против ереси «стригольников» явствует, что еретики пользовались репутацией порядочных людей, которые «не грабят и имения не збирают», в отличие от современного духовенства, погрязшего в пьянстве: «Сии учителя пьяницы суть». В противоположность этому, «стригольников» отличала высокая нравственность, что признавал и Стефан Пермский, наивно объясняя строгость их жизни лицемерием: «аще бо бы не чисто житье их видели люди, то кто бы не веровал ереси их?». Наивность Пермского церковного иерарха видимая – важнейшее у «стригольников» не норма поведения, вполне пристойная, а главное – они антихристиане, а посему хуже убийц: «Гати и разбойницы убивают человека оружием, а вы, стригольницы, убиваете человека разумною смертию, удаление ради от пречистых таин тела и крови Христовы. Не покоряетея Христу Богу...».²⁴⁸

Это было жестокое время, костры инквизиции горели в Москве. Приведем редчайший пример свидетельства современника. Бывалый человек, тверской купец Афанасий Никитин, в своем замечательном «Хожении за три моря», говоря о своей родине, должен был прибегнуть к тайной записи на тюркском языке, смысл которой в переводе звучит так: «Русская земля да будет Богом хранима; Боже сохрани! На этом свете нет страны, такой, как эта, хотя вельможи Русской земли несправедливы. Да станет Русская земля благоустроенной и да будет в ней справедливость!».²⁴⁹

К какому из тюркских языков относятся вставки путешественника, до сих не выяснено. Профессор-тюрколог А.К. Боровиков полагает, что это хорезмийский диалект. В поволжских городах этот язык был торговым арго. Предположим, что торговым жаргоном Поволжья служил хазарский язык, а о связях Хазарии и Хорезма написано достаточно много... Может быть, в записях Афанасия Никитина мы слышим единственный дошедший до нас отголосок хазарского каганата.

Русские субботники, обнаруженные в центральных губерниях России (*Воронежской, Орловской и даже Московской*) в последние годы царствования Екатерины II, утверждали свою преемственную связь с мучениками времен Ивана III. Так считал, например, князь, Н.Н. Голицын.²⁵⁰ Сектант Феодосий Косой, сравниваемый своими последователями с апостолом Павлом, бежал из темницы в Литву и там женился на еврейке-вдове. Он, безусловно, признавал примат Ветхого Завета, отрицал божественность Христа. В новейшее же время все без исключения «жидовствующие», приехавшие в Израиль, исповедуют ортодоксальный иудаизм.

И ещё один прелюбопытнейший факт новейшего времени. Как сообщает исследователь современного сектантства Михаил Эпштейн, несколько десятилетий тому назад появилась секта, именующая себя наследниками древних хазар. Дефиниция, которую дает он этой секте следующая: «Хазаряне (*хазариане*) – приверженцы единоверия, которые опираются на религиозные традиции хазарского каганата и считают своим долгом соблюдать преемственную связь с иудаизмом как основой всех монотеистических вер».²⁵¹

Сектанты принимают тезис, что в истоках русской государственности, в глубине русского самосознания лежит «тайна духа иудейского». «Хазаряне» гордятся несомненной веротерпимостью Хазарского каганата, в социальном срезе которого вершиной пирамиды был иудаизм, исповедуемый каганом и высшей знатью; затем шли христиане, и основу пирамиды составляло тюркоязычное большинство.

Более того, богоизбранничество древнего Израиля возродилось в России идеей «народа-богоносца» не случайно – она была генетически связана с иудаизмом древней Хазарии. Новые сектанты гордятся прошлым своей страны, давшей миру пример высочайшего гуманизма и веротерпимости. «Хазаряне» не придерживаются иудейских обычаев, например, не делают обрезанья. Для них иудаизм – «образ грядущего объединения всех вер».²⁵²

В дополнение к сказанному, сектанты уверены в хазарском происхождении Малуши: «По достоверным источникам, матерью князя Владимира и, следовательно, супругой Святослава (*по крайней мере, его любимой наложницей*) была хазарка».²⁵³ Среди них распространен апокриф под названием «Видение Святослава», якобы секретно хранимый киево-печерскими монахами, как особо опасный для христианской Руси, затем переданный Феофану Прокоповичу. (*Появление фигуры Феофана Прокоповича не случайно. Он был автором пьесы о св. Владимире, где называл Киев «Новым Иерусалимом»*).²⁵⁴

Ареал распространения новой секты был весьма обширен: Нижнее Поволжье, Северный Кавказ, Приазовье, Крым – территории древней Хазарии и места расположения её столиц: Итиля и Семендера. Московские «хазаряне» устраивают коллективные паломничества в эти места, а также археологические раскопки. В частной московской квартире расположен музей под названием «Хазарский Каганат на перекрестке вер и культуры». При нем проводятся еженедельные чтения и семинары.²⁵⁵

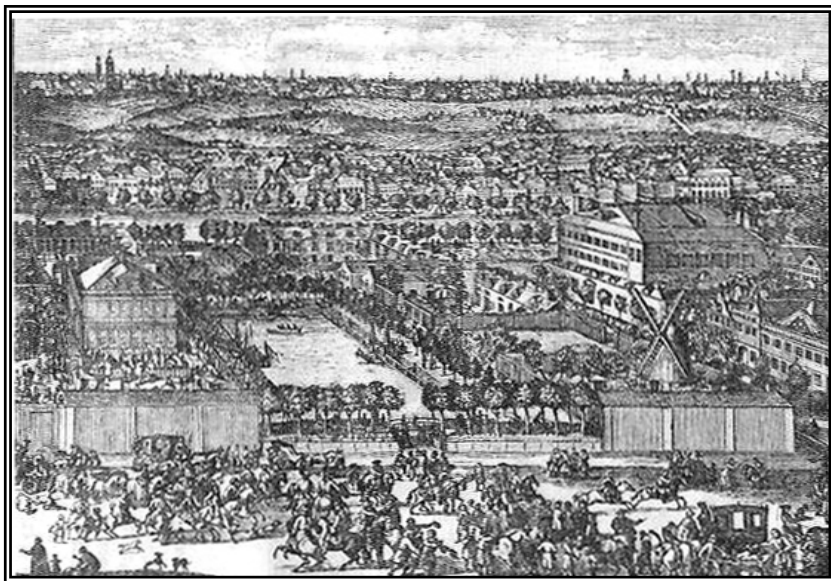
Любопытно, что потомки древних хазар сохранили до сих пор фамилию Казаринов или Хазаринов. В качестве примера приведу Казаринова, советника Берг-коллегии, который стоял во главе следственной комиссии по поручению Синода о хлыстовской секте. Дело относится к царствованию императрицы Елизаветы.²⁵⁶ Потомок иудаистов блюдет православие... Некоторые исследователи (*Ал. Гатцук, Лев Успенский*) считают, что такие дворянские фамилии, как Халдеевы, Казариновы, восходят к хазарским корням. Ал. Гатцук указывает на упоминание в летописи под 1146 г. о «муже Владимировом, воеводе в Звенигороде Иване Халдеевиче».²⁵⁷ В романе И.А. Гончарова «Обыкновенная история», например, упоминается дворянская фамилия Хозаровы.

Есть любопытная семейная история, на мой взгляд, имеющая отношение к хазарам. Речь идет о старинном дворянском роде Бибиковых, ведущем свой род от выходца из Синей Орды **Жидимора**. Первый достоверный представитель этого рода был **Давид**, руководивший посольством Ивана III в Пскове в 1464 году.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЕВРЕЕВ В РОССИИ

В 1670-1671 годах выходцы из Польши и Литвы основали в Москве так называемую Мещанскую слободу. В те времена термин «мещане» применялся исключительно к выходцам из Речи Посполитой и лишь в 1775 году он распространился и на русских посадских людей.

Был среди них и основатель столь много давшей русской культуре фамилии Евреиновых «Матюшка Григорьев – еврей», Федор Иевлиев, Давид Тимофеев, Степан Иванович Копьев, Владимир Израилевич Елисеев, Иван Костянтинов, Яков Самойлов, Семен и Иван Яковлевы, их зять Павел Степанов²⁵⁸. Как мы видим, уже в ту пору имена и фамилии зачастую ничего не говорили об истинном происхождении человека! Большое число евреев в московской Мещанской слободе отмечает В. Снегирев²⁵⁹, и среди них – такие в будущем видные деятели петровской эпохи, как вице-президент Главного магистрата Илья Исаев, завязавший прямую торговлю с Китаем Матвей Евреинов и устроивший в Москве шелкоткацкую фабрику его сын Яков. Жили в то время в мещанской слободе и караимы. Евреи находились и в московской Немецкой слободе, свидетельством чему служат результаты

Немецкая слобода
Гравюра Генриха де-Витт, начало XVIII века

облавы, проведенной там в середине 1650-х годов, в ходе которой были обнаружены спрятавшиеся пленные евреи. Не принявших православию ждала ссылка в Сибирь «на вечное жилье».²⁶⁰

Евреи очень быстро достигли видного положения среди московского купечества. Так, Федор Григорьев и Афанасий Самойлов в апреле 1695 года были «выборными»: их подписи имеются в «протоколах» мирских сходов того года. Нес также «мирскую» службу один из двух тезок Иванов и однофамильцев Исаевых.²⁶¹

В чём причина преуспеваания купцов из евреев? Ответ дает историк Н.Чечулин, пришедший к выводу, что общий уровень знаний и развития купцов был почти такой же, как у крестьян: очень немногие из них умели читать, писать и механически считать на счетах. Автор статьи, на которую я ссылаюсь, добавляет, что наличие таких купцов, как «Евреинов, Исаев, Крестинин, Фомин, Баженин, образованность и широта кругозора которых не подлежат сомнению, расценивалось как редкое, исключительное явление».²⁶² Как легко можно заметить, большинство упомянутых выше талантливых купцов были еврейского происхождения. И не случайно купец из Архангельска В.В. Крестинин в 1764 году стал автором первого в России проекта по созданию коммерческого училища.

Следует отметить, что допуск иностранцев в Россию даже при Алексее Михайловиче был ограничен: в Москву и внутренние города допускались только те иноземцы, которым удавалось обзавестись специальной государевой грамотой «за красной печатью» (*выражаясь современным языком – получить визу*). «Жиды в царствование Алексея Михайловича умели добыть себе такие грамоты за красной печатью; они приезжали в Москву с сукнами, жемчугом и другими товарами и получали комиссию от двора; так, в 1672 году шкловские евреи Самуил Яковлев с товарищами отпущены были из Москвы за рубеж для покупки венгерского вина».²⁶³ Но евреи в Московии не только торговали.

Здесь прежде всего следует указать на гигантскую фигуру Симеона Полоцкого, крупнейшего поэта XVII века, без которого немыслим «семнадцатый век русской литературы». Поскольку обойти вопрос о происхождении Симеона (*настоящее имя – Самуил*, отчество, по видимому, Гавриилович) Полоцкого невозможно, он затрагивается, но весьма туманно. Однако завеса уже приподнята: журнал «Вече» подчеркнул еврейское происхождение основных гонителей старой веры – Симеона Полоцкого и Арсения Грека (*ближайшего сотрудника пат-*

*риарха Никона, прибывшего на Русь для исправления богослужебных книг и ставшего основателем московской Славяно-греко-латинской академии).*²⁶⁴

Не только писатель, но и воспитатель старших детей царя Алексея Михайловича, Симеон Полоцкий написал для будущего первого российского императора Петра Алексеевича букварь, а также составил его гороскоп, в котором с большой точностью предсказал будущее преобразователя России.²⁶⁵ По народному преданию, Симеон Полоцкий предрек рождение Петра еще до того, как у его матери Натальи Кирилловны обнаружили первые признаки беременности, за что был взят под стражу, но вскоре освобожден. Он же экзаменовал будущего дядьку (*воспитателя*) Петра Никиту Моисеевича Зотова, по сведениям современников, вероятнее всего, белорусского еврея. Наконец, именно Симеоном Полоцким была основана в Заиконоспасском монастыре в Москве первая русская дипломатическо-шпионская школа для дьяков Тайного приказа. Вполне допустимо, что в числе ее выпускников был и Зотов.

Немного об Арсении Греке. Церковная реформа, проведенная патриархом Никоном, требовала образованных людей, способных перевести книги с греческого языка на русский, равно и знающих древнееврейский и латинский языки или, как тогда говорили, человека нужного для исправления церковных книг. Такого сотрудника Никон нашел. Им был **Арсений Грек**, основатель Славяно-греко-латинской академии в Москве. Большинство источников утверждает, что Арсений родился в иудаизме и постепенно мигрировал через католичество и даже магометанство в православие. Как бы то ни было – современники называли его евреем и «презренным обрезанцем».²⁶⁶ В серии ЖЗЛ, в книге о жизни Аввакума так же утверждается еврейское происхождение этого незаурядного человека. Никита Добрынин Пустосвят на патриарха Никона «изрыгал хулы и клеветания», как на принявшего «зловерие жидовское» от «ведомого вора... Арсения чернеца».²⁶⁷

Поскольку на Западе в то время врачебное дело находилось преимущественно в еврейских руках, то и на Руси именно евреи стали первыми профессиональными врачами. Их имена — «лекарь жидовин мастер (*мессер*) Леон» и «врач некий немчин Антон» (*по мнению некоторых исследователей, тоже еврей по фамилии Эренштейн*²⁶⁸, которого И.И. Лажечников в своем историческом романе «Басурман» без каких бы то ни было оснований выдал за «чешского дворянина»).

Увеличению еврейского населения Москвы способствовал и личный врач царя Алексея Михайловича доктор фон Гаден, он же Данило Евлевич, или Данило Ильин, или Данило Жидовин – тоже родом смоленский еврей, пользовавшийся полным доверием государя. Алексей Михайлович позволял ему навещать оставшуюся в Смоленске мать и даже одарил его жену перед одной из поездок соболями. Принятие православия было у фон Гадена, по всей видимости, чисто внешним актом. Один из современников, по происхождению немец, писал: «...евреи с недавнего времени очень размножились в Москве и при дворе, пользуясь покровительством придворного лекаря из евреев».²⁶⁹ Большая дружба связывала фон Гадена с одним из просвещеннейших бояр своего времени Артамоном Сергеевичем Матвеевым. Их не разлучила даже смерть: вместе со своим другом и покровителем фон Гаден был убит во время стрелецкого мятежа 1683 года. О трагической гибели фон Гадена до нас дошло несколько интересных воспоминаний. Андрей Матвеев в своих «Записках» так описывает происшедшее: «В ту же неделю два доктора, природные иноземцы, один Даниил фон-Гаден, жидовской породы, муж в делах своих по докторской науке и практике zelo искусный, другой же немец, Иван Гутменш, не меньше перед другим вышеупомянутым в докторстве искусен, за одну ненавистную антипатию против чужестранных иноземцев, по вымыслам ложным и составным, будто бы те доктора царя Федора Алексеевича лекарствами отравили. Того доктора Даниила поймали в Немчинском самом платье, в Немецкой слободе и сына его большого Михаила; а другого доктора Гутменша в доме его на Поганом пруде, что ныне называется Чистой, те же бунтовщики стрельцы нашли и привели его в Кремль, на Красное крыльцо, откуда с великим многолюдством вывели на вышеупомянутое место Красной площади, и, подняв на копыя, варварским же тиранством рассекли их...».²⁷⁰ Во время бунта царица Наталья Кирилловна умолила стрельцов не убивать жену несчастного доктора.²⁷¹

Здесь трудно пройти мимо прямо-таки бросающейся в глаза легкости, с которой обоих лекарей заподозрили в отравлении царя Федора Алексеевича. Как не вспомнить при этом черные дни января 1953 года и простых советских людей, шарахавшихся от «врачей-отравителей»?! Прошло почти три столетия, но время, по-видимому, не властно над дремучей психологией толпы. Обратим также внимание на фамилию второго врача: «Гутменш», что в переводе с немецкого или идиш скорее выглядит прозвищем, а не фамилией – «хороший человек». Не исключено, что и он был еврейского происхождения и просто скрывался

под обличьем «немца». Мы уже говорили, что до определенного времени (*и гораздо более позднего, чем то, к которому относятся описываемые нами события*) все иноземцы на Руси именовались «немцами», а в Немецкой слободе находили убежище скрывавшиеся от властей евреи, и крестившиеся, и сохранившие веру предков.

Вторые воспоминания принадлежат перу любимого ученика Симеона Полоцкого поэта Сильвестра Медведева, кстати, обвинявшемуся в отходе от православия. Со слезами и горечью описывает он те страшные события: «..доктора Яна Гутменша, стольника Михаила Данилова, сына докторова, с красного крыльца с верху бросили на землю и, на земле такожде наругательно убив, иссекли, и нагих на ту же площадь выволокли... доктора Данила фон-Гадена, родом Жидовина, выдали им предати ругательной смерти. Ох, беды, увы жалости!.. Таже доктора Данила, иже в крещении Стефан, в застенке ж крепко пыташа, биша и огнем жгоша и потом такожде выведше на Красную площадь, иссекоша на мелкие части».²⁷²

В респонсах люблинского раввина Мордуха Зискинда Роттенберга приведены показания свидетеля гибели сына фон-Гадена, Цеви-Гадена, принявшего христианство. В этом документе группа евреев, проживающих в Москве, названа «онусим», т.е. насильственно-обращенные. И эти русские мараны в окрестностях Москвы участвовали в погребении «по царскому велению» Даниила и его сына. Причем из текста явствует, что часть «онусим» впоследствии вернулись в иудаизм, тогда как другая, почти наверняка большая, осталась христианами.²⁷³

К слову сказать, в Москве вождем жидовствующих был дьяк Федор Васильевич Курицын – человек высокой культуры, выдающийся дипломат, посетивший Западную Европу, писатель. Он умер накануне повальных репрессий (*вероятно, около 1500 г.*), но его брат, тоже дьяк, Иван-Волк Васильевич Курицын был сожжен 27 декабря 1504 года.²⁷⁴

Дьяк Федор Курицын открывает собой галерею русских государственных деятелей, в которых качества интеллигентов-«западников» сочетались с судьбами реформаторов-неудачников, продолженную впоследствии боярином А.Л. Ордин-Нащокиным, князем В.В. Голицыным, графами М.М. Сперанским, П.А. Валуевым, М.Т. Лорис-Меликовым, С.Ю. Витте. Характерно, что объединяющей их чертой, помимо прочего, был филосемитизм. Следует отметить, что, несмотря на все гонения, ересь жидовствующих не исчезла, и спустя

почти три столетия была обнаружена в Воронежской, Тамбовской, Орловской, Курской и других губерниях Центральной России. Жидовствующие начала XIX века настаивали на своей преемственной связи с жидовствующими эпохи Ивана III, что вполне допускалось исследователями того времени. Так, Н.Н. Голицын считал ересь начала XIX века отголоском далеких веков ереси жидовствующих Схария, «предания о которой таились где-нибудь в народе».²⁷⁵

Советские историки всячески препарировали сущность ереси жидовствующих и, естественно, в первую очередь переименовали её, заменив застревающее в их глотках исторически правильное название иным: «московско-новгородская ересь». Не вдаваясь в подробности относительно места иудаизма в идеологии этого религиозного течения, хотим лишь отметить один факт: все оставшиеся в живых после репрессий и бежавшие на Запад сектанты, подчеркиваю – все без исключения, приняли ортодоксальный иудаизм.

Движение жидовствующих вызвало большой интерес у русских писателей XIX века. Я хочу остановить внимание читателя лишь на двух произведениях: историческом романе И.И. Лажечникова «Басурман» и драме Н.В. Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский». Иван Иванович Лажечников был не только автором популярной и по сию пору исторической прозы (*достаточно упомянуть роман «Ледяной дом»*), но и крупным администратором, занимавшим значительные посты (*вплоть до поста витебского вице-губернатора*). Наблюдения за еврейской жизнью подсказали ему сюжеты некоторых сочинений, в том числе написанной в 1849 году пьесы «Дочь еврея». Роман «Басурман», повествующий о времени «жидовствующих», воссоздает перед нами и трагическую историю растерзанных в Москве еврейского врача мессера Леона и врача-«немчина» Антона Эренштейна, и Федора Курицына, и главу секты – еврея Схарию: «...в тогдашнее время не было выгодной должности, которую не брали бы на себя потомки Иудины. Они мастерски управляли бичом и кадуцеєм (*жезл церемониймейстера – С.Д.*), головой и языком... Особенно на Руси, несмотря на народную ненависть к ним, в Пскове, в Новгороде и Москве шныряли еврей-суконники, извозчики, толмачи, сектаторы и послы. Удача вывозила из Руси соболей, неудача оставляла там их голову»,²⁷⁶ и далее – «Антон привез в Москву жидок. Воображал ли молодой бакалавр, что сам привозит в русский стольный город основателя секты на Руси. Извозчик его не иной кто был, как Схария.

Правда, он успел дорогой заметить в своем возничем необыкновенный ум, увлекательное красноречие, познания химические и редкую любознательность...». ²⁷⁷

Из этой весьма объективной характеристики чувствуется симпатия автора к своим героям. Одним из главных действующих лиц пятиактной драмы Нестора Васильевича Кукольника «Князь Даниил Васильевич Холмский», написанной в 1851 году, является богатый псковский купец Захарий Моисеевич Ознобин, на деле оказывающийся главой секты жидовствующих Схарией. При ярко выраженном антисемитском характере драмы следует признать, что автору, безусловно, удалось отобразить серьезность ереси, да и описания сектантов и евреев выполнены не одной лишь черной краской (*в частности, драматург подчеркивает широкую благотворительную деятельность Ознобина*). Наконец, в уста его дочери Рахили Кукольник вкладывает проникновенную симпатией песню о Сионе:

С горных стран
Пал туман
На долины,
И покрыл
Ряд могил Палестины.

Прах отцов
Ждет веков
Обновленья.
Ночи тень
Сменит день
Возвращенья.

Загорит,
Заблестит
Свет денницы.
И орган,
И тимпан,
И цевницы,
И серебро,
И добро,
И святыню
Понесем
В старый дом
В Палестину ²⁷⁸

По словам автора, эта песня, написанная в 1840 году для представления на сцене Александрийского театра и положенная на музыку М.И. Глинкой, отражает «мистическое пророчество народа, жаждущего родины».²⁷⁹

Ф.М. Достоевский подробно интерпретировал песню Рахили в «Дневнике писателя» за март 1877 года.²⁸⁰

Разбирая свой архив, обнаружил в журнале «Нива»²⁸¹ ксерокопию картины «Врач Антон Эренштейн у ложа больного татарского царевича Каракача, любимца Великого Князя Ивана III». По-видимому, картина принадлежала кисти художника Моисея Львовича Маймона (1856–1902), который создал несколько исторических полотен на тему русской истории, в том числе весьма популярные полотна «Смерть Иоанна Грозного» и, особо известную, «Император Александр I у Серафима Саровского», растиражированную народными открытками...

Картина раскрывает краткую и кровавую запись в «Истории России», относящаяся к концу правления Ивана III, прозванного Грозным. Впоследствии, его внук царь Иван IV, отнял у деда прозвище «Грозный» – все поддается сравнению. Эта запись такова: «26 марта 1479 года родился у Софии (*Палеолог*) первый сын Василий-Гавриил; в 1490 году старший сын Иоаннов, молодой великий князь Иоанн, разболелся ломотою в ногах («камчюгом»); в это время был в Москве лекарь, мистр Леон, жид, вызванный из Венеции; Леон объявил отцу больного: «Я вылечу сына твоего; а не вылечу, вели меня казнить смертною казнию». Великий князь велел лечить; Леон стал давать больному лекарство во внутрь, а к телу прикладывать стклянки с горячею водою; но от этого лечения Иоанну стало хуже, и он умер 32 лет...».²⁸² Понятно, несчастного врача казнили лютой смертью, но С.М. Соловьев добавляет, что ходили слухи, что Софья Палеолог отравила старшего сына Иоанна III, постепенно расчищая дорогу к трону своему сыну Василию. По крайней мере, это утверждает высоко осведомленный князь Андрей Курбский. Да и психологически ясно, что врач не принялся бы лечить больного, закладывая свою голову, если бы не был уверен в успехе. Византийская принцесса принесла из своего мира совсем другую мораль...

Вторая история похожая на историю жида Леона произошла с лекарем Антоном Эренштейном, выдававшим себя за немца. У Соловьева – оба лекари «немцы», но иногда Леона он называет «жидом». Антон пользовался большим почетом у Великого князя, но после неудачного лечения любимца князя царевича Каракучи, был выдан его

сородичам. Татары хотели получить выкуп за умершего, но не таков был Иоанн. Он потребовал казни. Тогда, послушные воле господина, они зарезали лекаря на Москва-реке под мостом, по словам историка, «как овцу». Все эти сюжеты были использованы в русской литературе и в живописи.

Но я бы хотел рассказать о повести Николая Петровича Аксакова (1848–1909) «Леон-врач», опубликованной в журнале русского еврейства «Восход». ²⁸³ Аксаков принадлежал к могучему клану. Родился он, как и его брат Александр Петрович, в деревне со знаковым именем – «Юдинка». В отличие от своих родственников, например, Ивана Аксакова, Николай – был филосемитом.

Его повесть рассказывает о трагической судьбе еврея-врача, заброшенного в Россию. Мессер Леон проживал в конце XV века в городе Мантуя, в Италии. Он занимал выдающееся положение среди современников – врачей. Но он также занимался теологией. Будучи глубоко верующими евреем, он «пытался осветить умом своим и все, что казалось еще в научной постановке религиозных вопросов». Как можно судить, мессер Леон занимался мистикой, изучая Каббалу и книгу Зогар. При этом Аксаков справедливо замечает, что и христианские подвижники интересовались религиозной философией евреев, как например, Пико де ла Мирандола (1463–1494). *(Граф Джованни Пико де ла Мирандола – гуманист, изучил иврит и арамейский языки у ученого еврея. Знал 22 языка! Преследовался за свои религиозные взгляды. Был захвачен папскими агентами и заключен в Веннсенский замок. Освобожден королем Карлом VIII. Вернулся во Флоренцию под защиту Лоренцо Медичи. На диспуте у папы Александра VI в 1493 году доказывал, что Каббала может служить полным подтверждением христианства. Этим он спас еврейские книги от сожжения. У современников он пользовался огромным авторитетом, его называли «чудом века», «фениксом гения», «человеком почти божественным». Психологическая загадка – в конце короткой жизни он стал последователем Дж. Саванароллы.)*

Но интриги врагов Леона, собравших под свои знамена как евреев-завистников, так и инквизиторов, вынудили его под угрозой отлучения покинуть родину.

Волею случая он принимает предложение ехать в Россию. Россия ему представляется страной, где евреи смогут найти отдохновение от постоянных преследований. В Новгороде и в Москве живут многочисленные сочувствующие еврейству люди. Также немногочисленные евреи, ранее проникшие в Москву, поддерживали самые

радужное настроение у прибывшего: «Быть евреем», – говорили они, «здесь не считается преступлением, а о том, какие именно верования и убеждения у евреев, здесь никто не заботится». Леон ставит вопрос так: «Может быть, этот новый и свободный от предрассудков народ не откажется дать приют подобным мне бездомным странникам». Все это было до поры, до времени, и действительность оказалась несравненно более жестокой. Партия, примыкающая к Софье Палеолог, церковники, заимствующие приемы испанской инквизиции – и, в конечном итоге, гибель не только еврея-врача, но и всей группы вольнодумцев, за исключением некоторых, которым удалось бежать на Запад.

Появление иностранцев на русской службе не могло, конечно, не вызвать ответной реакции. Прошли столетия, и уже с исторической перспективы переселение иностранцев на Русь, их просветительская деятельность, незаменимость, равно как и благотворность приобщения России к западной цивилизации получили качественно иную оценку из уст крупнейшего русского историка В.О. Ключевского: «Многие из этих пришельцев были люди образованные и заслуженные... и не были расположены порывать связей своего нового отечества с западно-европейским миром, а своим образованием и заслугами кололи глаза невежественному и дармоедному большинству русской знати».²⁸⁴ Как видим, Ключевский не стеснялся в выражениях по адресу своих соотечественников и при воздавании чести иностранцам, столько сделавшим для процветания его родины. Ключевский говорит о невежестве и дармоедстве собственно русской знати, и в противовес, в первую очередь, в качестве примера некоренного таланта дважды приводит фамилию Шафирова.

ЮДИНЫ

Фамилия Юдин старинная. Еще во времена Ивана IV «смолянин» **Афанасий Юдин** вел крупнейшие дела с англичанами: ему должны были в 1589 году английские купцы Ульян Фомин (sic! С.Д.) и Антон Марш огромную сумму – 6200 рублей!²⁸⁵ Неизвестно, был ли этот же Юдин в царствовании Михаила Федоровича при переговорах с английским послом. Во всяком случае, некий Юдин упоминается среди трех купцов, боровшихся с требованиями англичан.²⁸⁶ Во времена Смутного времени один из **Юдиных** был близким дьяком у Минина при организации ополчения.²⁸⁷ Мининым была создана особая канцелярия, во главе которой был поставлен дьяк **Василий Юдин**. Он был человеком опытным в канцелярском деле. Карьера его началась подъячим в Нижнем Новгороде, затем он стал дьяком, но в годы Смутного времени оказался не у дел. Юдин принимал участие в решении вопроса об ополчении в совете на «воеводском дворе», о котором рассказывает «Ельнинский хронограф». Грамоты писаны Юдиным, в том числе и обращение в Вологду. Справка о нем следующая: «Юдин Вас..., подъячий в 7103 г., потом дьяк в Нижнем в 7115 и 7116 гг.; в 7118 г. сидел в Большом Приходе; в 7120 г. дьяк при Пожарском».²⁸⁸ Изображение Василия Юдина мы можем видеть на картине К.Е. Маковского «**Минин** на площади Нижнего Новгорода, призывающий народ к жертвованиям». Интересно также и то, что одним из свидетелей трагической смерти царевича Дмитрия в Угличе был некий стряпчий **Семейка Юдин**. Его показания сводились к тому, что мальчик играл в «ножички» и накололся на острие во время внезапного приступа падучей – так называли тогда эпилепсию.²⁸⁹

Русский биографический словарь наполнен Юдинами. Вот их краткий перечень. Но до этого добавим, что при разделе наследства своим детям великий князь Василий Темный, среди прочих городов и местечек, выделил своей дочери «**Иудину слободу**».²⁹⁰

Василий Юдин.

Фрагмент картины К.Е. Маковского.

Из времен средневековых окунемся в XIX век, когда жидовствующие ссыльные основали в Сибири, в Минусинском крае село «Обетованное». Губернатор Сибири ничего не нашел более умного, как переименовать село с «предателями» в «Иудино». Позже название писалось более благородно – «Юдино». Лишь после Великой Отечественной войны село было переименовано в честь крестьянина-философа Давида Абрамовича Бондарева – в село Бондарево.²⁹¹ Но это было не единственное поселение с этим названием. Наиболее крупным поселком городского типа было Юдино в Уральской области в 89 км к западу от Петропавловска. Как ныне называется поселок, мне неизвестно. Но в 1931 году в нем было два завода: чугунолитейный и кожевенный.²⁹²

Юдин Самуил Юдич (1730, СПб – после 1800 года), медальер. Наиболее известный мастер времен Екатерины Великой. Выбил медали по случаю победного окончания русско-турецкой войны в 1774 и в 1790 годах. Ему же принадлежит оригинальная медаль по случаю учреждения ордена Андрея Первозванного, а также много памятных медалей – Петра Великого, графа Петра Шувалова и др.

Юден Яков (1781–1855), почетный доктор философии, литератор. Обратим внимание на правописание его фамилии, через «е».

Юдин Алексей Никитич – дьяк с 1676 по 1698 г.

Юдин Андрей Семенович – дьяк Серебряной палаты. 1676-1692.

Юдин Василий Иванович – дьяк в Ярославле, 1621-1629.

Юдин Василий Яковлевич – дьяк, 1692-1696.

Юдин Иван, гость в Москве, в 1603 году заведовал таможенным приказом.

Юдин Никита, дьяк Сибирского приказа, 1659-1677.

Юдин Иван, переводчик с французского и немецкого языков, 1768-1792.

Юдин Алексей, купеческий депутат в Комиссии по составлению Нового Уложения 1767, от граждан Архангельской губернии, города Чухломы.

Юдин Иван, купеческий депутат в Комиссии по составлению Нового Уложения 1767, от граждан города Калуги.

Юдин Иван, купеческий депутат в Комиссии по составлению Нового Уложения 1767, от граждан города Романова на Волге. (Возможно, что это одно лицо с калужаниным.)

Юдин Михаил Федорович, тайный советник, член Совета министерства иностранных дел, 1833 г. Умер в 1846 году.

Юдин Федор Михайлович, генерал-майор, с 1867 г. в отставке.

Юдицкий Я.М., коллежский регистратор, писатель по сельскому хозяйству и домоводству, 1839 г.

Юдицкий Осип Каллист., коллежский асессор, доктор медицины, член Виленского медицинского общества. Окончил Виленский университет в 1810 году со степенью доктора. Участник войны против Наполеона. Умер в конце 50-х годов.

К этой же группе без всякой натяжки можно отнести **Юденичей** (включая знаменитого генерала).

Юдичев Федор, купеческий депутат в Комиссии по составлению Нового Уложения 1767 года, от граждан Смоленской губернии, г. Вязьмы.

Обнаружен мной некий **Юдичев Петр Васильевич** (1875–после 1917), подполковник отдельного корпуса жандармов. После «успешной» работы на периферии, 25 августа 1911 года он был прикомандирован в СПб. губернскому жандармскому управлению. О нем давал сведения в Чрезвычайной следственной комиссии небезызвестный И.Ф. Манасевич-Мануйлов (*выкрест*), неправильно называя его подполковник **Юденич**. Знаменательная оговорка!²⁹³

Существуют и другие формы, вроде **Юдовин, Юдович, Юдкевичей и Юткевичей**. Они весьма многочисленны. Форма «Юткевичи», немного более «благородная», как и история фамилии «Житков» – «Жидков», о чем я расскажу ниже.

Удивительно и другое, что правой рукой мятежного князя Ивана Андреевича Хованского, псковского воеводы, начальника стрелецкого приказа, был некий **Алешка (Алексей) Юдин**, раскольник, выборный Воробина полка. Его историки иначе как зачинщиком не называют. Естественно он был казнен одним из первых.²⁹⁴

Один из ближайших друзей Пушкина по Царскоесельскому лицейскому лицею был **Павел Михайлович Юдин** (1798–1852). Директор лицея Е.А. Энгельгардт в записях «для себя» отметил о Юдине: «Он, хотя и медленно, сделал очень заметные успехи ... В его душе цветет прекрасный идиллический мир». По окончании лицея Юдин, как и Пушкин, был определен в Коллегию иностранных дел. Начав рядовым служащим, он достиг чина действительного статского советника и получил должность управляющего Санкт-Петербургским Главным архивом. Пушкин дружески относился к однокашнику, кстати, не чуждому и литературе. Немногим лицейским друзьям посвятил Пушкин стихи.

Среди этих избранных имеется послание, и весьма обширное (227 строк!), обращенное к Павлу Юдину:

«Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружеской внимать.

.....
Скажи, о сердцу друг бесценный,
Мечта ль и дружба и любовь?
Досели в резвости беспечной
Брели по розам дни мои;
В невинной ясности сердечной
Не знал мучений я любви,
Но быстро день за днем умчался;
Где ж детства ранние следы?

.....
В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, младых пецов удел...».²⁹⁵

Все сведенья о Павле Михайловиче Юдине я почерпнул из двух книг Л.А. Черейской.²⁹⁶

Следы общения Пушкина и Юдина можно найти в переписке Юдина. Так 10 февраля 1818 года Юдин писал А.М. Горчакову о болезни поэта и о своем желании посетить его. В последний раз Пушкин и Юдин встречались 19 октября 1836 года в день основания Лицея.

По любой телефонной книге можно обнаружить множество Юдиных, большинство из которых вряд ли знают о своем еврейском происхождении. Впрочем, возможно, и не хотят знать. Откроем Большой энциклопедический словарь 2000 года. Кроме уже известного сибирского библиофила **Геннадия Васильевича Юдина**, имеются следующие Юдины:

Юдин Константин Константинович (1896-1957), режиссер, заслуженный деятель искусств, Лауреат Сталинской премии.

Юдин Павел Федорович (1899-1968), ученый, философ, академик АН СССР, Лауреат Сталинской премии.

Юдин Сергей Сергеевич (1891-1954), великий хирург, академик АН СССР. Впервые (1930) произвел переливание трупной крови человека. Дважды лауреат Сталинской премии и посмертно присуждена

Ленинская премия. Прославлен знаменитым портретом М.В. Нестерова. Отец его был выдающимся предпринимателем и даже удостоился в 1909 году звания «личный почетный гражданин» и был купцом 1-й гильдии. Он был владельцем канительной фабрики, изготавливавшей офицерские золотые и серебряные эполеты, погоны, темляки и различные украшения. Фабрика приносила большую прибыль. На Никольской улице в Москве семья владела магазином военно-офицерских вещей. Кроме того отец (*также Сергей Сергеевич*) был директором Нижних торговых рядов (теперь ГУМ), затем директором металлоплетильной фабрики, техническим директором фабрики военного обмундирования и председателем купеческого клуба.

Юдина Мария Вениаминовна (1899-1970), знаменитая пианистка. О ней у нас отдельный рассказ. Здесь же интересен факт, что она единственная 100% еврейка в этом списке. Для полноты картины укажем, что она приняла православие.

ЖИДОВИНЫ – ЖИТКОВЫ

Фамилия **Юдин** или **Жидовин** – **Жидовинов** почти всегда связана с еврейским происхождением.

Совершенно неожиданно выяснилось, что главой московских стрельцов (*должность, по современным понятиям, выше командующего Московским военным округом*) был **Иван Васильевич Жидовин**,²⁹⁷ а одним из агентов П.П. Шафирова был капитан **Жидовинов**.²⁹⁸ В царствование Алексея Михайловича было несколько Юдиных – один из них подъячий, специалист по малороссийским делам.²⁹⁹ Не всегда носители этой фамилии были ангелами. Приведем два примера. Как ни странно это выглядит, но один носитель «позорной фамилии» принял участие в бунте Степана Разина. Историк пишет: «160 ярыжек пристало к Разину, и с ними патриарший сын боярский **Лазунка Жидовин**. (*Курсив С.М.Соловьева. Это почти единственный случай курсива у почтенного историка, так он был поражен этим фактом. – С.Д.*): «Ссылные были раскованы, и стали они всяким людям чинить всякое разоренье, мучить и грабить пуще прямых донских Козаков».³⁰⁰ Этот эпизод произошел в Астрахани.

Второй случай кажется еще более «диким». Некий **Сенька Жидовин**, по странному стечению обстоятельств, также родом из Астрахани, представлявший посла царя Алексея Михайловича, проник в Среднюю Азию и через Бухару добрался до Индии. Оказавшись при дворе Великого Могола, он неожиданно принял ислам и перешел на службу к правителю Индии. Никакой пересказ не в состоянии передать аромат языка подъячего из приказа XVII в., а потому процитируем отрывок из донесения толмача (*переводчика*) русского посольства Магомета Исупа Касимова о его злоключениях: «В 183 годы (1675 г. – С.Д.) приехал он Мамед в Индейский город Кабыл... И Мамет Исуп того Кабыла города воеводе говорил многожды по наказу, что послан он от великого государя к Индейскому шаху с ево государевою грамотою... И воевода Мекремет Мамет Исупу сказал: шах де ево к себе пропустить не указал и государевой грамоты принять и впускать не изволил... а в прошлом де в 167 годе (1659 г. – С.Д.) приходил в Индейскую землю русский посланник, Сенкою зовут, родиною Жидовин, и пришел в индейский город Кабыл бил челом шаху, чтобы его пожаловал в службу и учинил начальным человеком. И шах де ево пожаловал в службу и учинил ево у пяти сот головою и жалование де ему учинил большое. И буде он Мамет Исуп похочет служить шаху, и

ево де шах пожалует... И Мамет Исуп говорил, что он государев верноподданный и послан к шаху о их государских общих надобных дел, а шаху служить не будет. А Сенка де Жидовин своровал, забыл страх Божий и ево великого государя милость, ему великому государю изменил, назвался посланником, а он Сенька - торгового человека Шемахинца садовник купленной человек, и приехал из Астрахани для торгового дела с торговыми людьми в Бухары, а из Бухар в Индию, и назвался посланником, а то он Сенка своровал, его великого государя с Индейским шахом ссорил, и для того чает шах, что будто и он Мамет Исуп также облыгается, а он же подлинно прислан от великого государя, а не облыжно».³⁰¹

Архив **Жидовиновых** – помещиков Вологодского, Ярославского, Можайского, Галицкого уездов хранится в коллекции Н.П. Лихачева. Полагаю, что в ней имеются чрезвычайно интересные факты по генеалогии этой фамилии,³⁰² но, к сожалению, для меня недоступные,

Иногда «позорная» фамилия доживала до наших дней. И тогда с ней происходили удивительные метаморфозы. Один из самых прославленных командиров битвы под Сталинградом был генерал А.С. **Жадов**, командующий 66 армией. Его очень хвалил маршал Рокоссовский и генерал-полковник Л.М. Сандалов. Но вот в чем дело – до 25 ноября 1942 года Алексей Семенович носил фамилию ...**Жидов**. По требованию Сталина его фамилия была изменена. Нелегко согласился на замену привычного человек. Но... слово самому генералу:

«Поздно вечером командующий фронтом К.К. Рокоссовский заслушал мой доклад по итогам боев за истекший день... – «Васильев (*псевдоним Сталина*) очень доволен действиями армии», сказал мне... Рокоссовский. – «Однако ему не понравилась ваша фамилия. Он просил передать вам его пожелание изменить её. К утру доложите решение». Задача мне была поставлена щекотливая и необычная. **Поменять фамилию, с которой родился, прожил почти полжизни!** Но желание Верховного – больше чем пожелание. Это приказ! Я рассказал о ... разговоре члену Военного совета генералу А.М. Кривулину и начальнику штаба генералу Ф.К. Корженевчу. Стали обсуждать различные варианты. – «Не стоит вам, Алексей Семенович, ломать голову», сказал Феодосий Константинович Корженевич, – «Можно сохранить фамилию в своей основе и заменить лишь букву «и» на букву «а»... .. В донесении, направленном утром 25 ноября командующему фронтом, я просил впредь мою фамилию читать – «Жадов». Через несколько дней мне вручили резолюцию Верховного Главнокоман-

дующего: «Очень хорошо. И. Сталин».³⁰³ Думаю, что Сталин был поражен простотой решения вопроса. Что касается изменения одной буквы, то, мне кажется, память подвела генерала: с большей вероятностью эту идею можно было отнести не к Корженевичу, а к члену Военного совета Абраму Мойсеевичу Кривулину, еврей, видимо хорошо знавшему еврейский язык, где основа слова всегда составлена из согласных, а гласные – дело второстепенное... Понятно, что усматривать в этом факте антисемитизм Сталина трудно. Дело в том, что 66-я армия и её командир упоминался в приказах Верховного Главнокомандующего. Одиозность фамилии – очевидна, и Сталин по-своему был прав, не давая немецкой пропаганде лишнего козыря. В пользу этого говорит и тот факт, что в Красной Армии был носитель близкой по форме фамилии, но менее известный военначальник, генерал-лейтенант Е.И. Жидилов и, кажется, ему не предлагали избавиться от «первородного греха». **Евгений Иванович Жидилов** (1899–1977) – герой обороны Севастополя, герой Советского Союза, первый кавалер полководческого ордена Нахимова II степени.³⁰⁴

Жадов дослужился до чина генерала армии, стал героем Советского Союза и занимал должность первого заместителя Главнокомандующего Сухопутными войсками Советской Армии. *(Думаю, что не случайно генерал Жадов был тестем фронтового поэта Семена Гудзенко, еврея по национальности, который добровольцем ушел на фронт, был тяжело ранен и от последствий ранения молодым ушел из жизни в 1953 году.)*

Генерал-полковник Лев Михайлович Сандалов – автор совершенно уникальных мемуаров. Уникальных не только по содержанию, но по форме: большая часть воспоминаний составлена в форме рассуждений и диалогов. Так вот, Сандалов, упомянув генерала Жадова, непритязательно ввел в свою книгу отважного летчика лейтенанта **Г.Н. Жидова**. В первый день войны в числе 4-х истребителей Жидов вступил в бой с восемью Ме-109. Самолет Жидова был подбит и пошел на снижение, преследуемый тремя мессерами. Но товарищи не покинули друга и спасли ему жизнь. При этом Жидов поджег немецкую машину. Г.Н. Жидов дожил до конца войны и, будучи Героем Советского Союза, в чине полковника вышел в отставку.³⁰⁵ Нет сомнения: корни этих фамилий лежат в еврейском происхождении их предков.

Рядом с генералом Жадовым сражался подполковник **П.К. Жидков**. Именно его 45-я танковая бригада днем 23 ноября 1942 года закрыла кольцо у Калача. А о его фамилии мы и поговорим.

Б.О. Унбегаун, крупнейший специалист по этимологии русских фамилий, приводит аналогичный случай желания избежать прямого указания на еврейское происхождение: «**Жидков (Житков)**. Написание с *т*, вероятно, вызвано желанием избежать возможности понять эту фамилию как производное от *жидок*, «маленький еврей».³⁰⁶ Спорить бесполезно: думаю, что **Борис Житков**, племянник адмиралов, имел соответствующие корни. (*Мать его – Мария Павловна – была пианисткой, что ни о чем не говорит, но вот родная сестра писателя, Вера, уже носила фамилию Арнольд. Тяга, тяга... по закону Саввы Дудакова.*) Правда, Унбегаун несколько облагородил слово *жидок* – это синоним презрительный, нечто вроде «хлипкого жидка».

Кстати, известно, что вторым браком Сергей Прокофьев был женат на еврейке с музыкальной фамилией – Мирре Александровне Мендельсон (1915–1968). Но то, что у самого Сергея Сергеевича есть «тайна», он даже не догадывался. По матери Прокофьев происходил **из крестьянской семьи Житковых**. Настораживаемся, ибо сам композитор не желает сознаваться «в первородном грехе». Он пишет о том, что предки матери носили фамилию Шиловых и были родом из Тульской губернии. Правда, прадед музыканта был уже не крепостным, а хранителем кладовых с драгоценными металлами (золото, серебро) в доме графа Шереметева. Новый пируэт: **по неизвестным причинам** городские жители принимают фамилию **Житков**. Прокофьев в «Автобиографии» настаивает на том, что фамилия производная от слова жито, рожь. Трудно поверить в это, тем паче, что родственники в Саратовской губернии останутся Шиловыми. Но догадка ничто по сравнению с документами. Приведем две справки:

«Свидетельство»

«Сим свидетельствуем, что С. Петербургские церкви, что в Моховой улице, в метрических книгах в первой части о родившихся под №5 женского пола значится: графа Дмитрия Николаевича Шереметева у крепостного крестьянина дворового человека Григория Жидкова и законной его жены Анны Васильевны... дочь Мария родилась декабря двадцать пятого тысяча восемьсот пятьдесят шестого года...

1856 августа 6 дня. Подлинно подписали...»

Бракосочетание родителей С.С. Прокофьева состоялось 27 апреля 1877 года: «Предъявительница сего, дочь крепостного Григория Никитина Жидкова, девица Мария Григорьевна Жидкова».³⁰⁷

И лишь впоследствии семья «облагородила» правописание. Смешно, но, видимо, была тайна, о которой можно только лишь догадываться.

Кстати, Лев Николаевич Толстой в своем ненаписанном романе «Декабристы» решил использовать среди героев фамилию своего крепостного **Онисима Григорьевича Жидкова** (1823–1878), у которого было четыре сына: Дмитрий, Алексей, Григорий, Иван. Фамилия Жидковых писалась через «д». ³⁰⁸ У всезнающего автора я уяснил, что фамилия **Жидовцев**, производное от **жидовец**, обычная же форма **жид**. ³⁰⁹ Есть и такое правописание как **Жыдовіч** при обычной форме **Жидович**. Это на белорусском языке или при переводе с белорусского. Или производное от прозвищ **Жыдович**, иначе **Жыд** (*еврей*). ³¹⁰

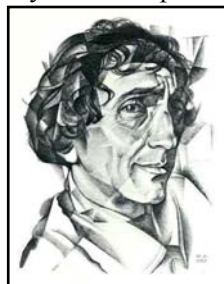
Но не только в новейшее время производились манипуляции с низменным прозвищем. В Записках голландского купца Симона ван Салингена (1591 г.) приводится необычная информация: в 60-х годах XVI века он встретился в Кандалакше с русским философом **Федором Жиденовым**, человеком большой культуры, европейского кругозора. Жиденов написал историю Карелии и Лапландии, а также составил письменность для карельского языка. Им была изобретена азбука для карелов и написан символ веры и молитва «Отче наш». Сведения, сообщаемые голландцем, не подлежат сомнению: Салинген хорошо знал русский язык и занимался торговлей на русском Севере более 20 лет: с 1566 по 1588 г.г. Побывал он и в Москве в качестве датского дипломата. Но не о нем речь. Фамилия Жиденова в немецком оригинале писалась – Feodor Zidenow, что не понравилось авторам «Очерков истории СССР. Период феодализма. Конец XV в. – начало XVII в.» (М., 1955). Была придумана «новая» фамилия – Чудинов. Автор статьи о Федоре Жиденове, из которой мы почерпнули эти сведения, даже потешается над фантазией авторов «Очерков». ³¹¹

ЕВРЕИНОВЫ

Множество евреев-выкрестов жило в Мещанской слободе. Некоторые из них даже сделали блестящую карьеру. Семейство **Григорьевых**, родом из Мстислава, было взято в плен в 1655 году. Сначала жили в Москве у некоего Кирила Волосатого из гостинной сотни, и, надо думать, работали на него в течение 15 лет. Были освобождены именем государя, поселились в Новомикитской слободе, а оттуда разрешено перейти в Новомещанскую слободу. Торговали в овощном ряду. Это данные из переписи 1676 года. А в 1684 году глава семейства еврей **Матюшка Григорьев** уже числится в мещанских старостах, через четыре года служил «на мещанских кружечных дворах головою». В том же году он был взят в гостиную сотню, и с этого момента ему не приходилось вести мещанскую службу и платить тягло.

Матвей Григорьевич Евреинов, как его называли «московский гость», был учредителем первой в России мебельной фабрики при Петре I; для выделки материи получал шелк из Китая. Не все гладко шло в экономическом процветании семьи. Так, старший Матвей Евреинов вел широкую торговлю с Востоком. И это было рискованное дело. В 1721 году в городе Шемахе (Персия) русские купцы были ограблены дочиста. «Русские купцы остались покойны..., что их грабить не будут, но вечером разграбили. Матвей Григорьев Евреинов потерял на 170000 [рублей], вследствие чего сей богатейший купец в России в конец разорился».³¹²

Семья Матвея увеличилась и его сын **Яков**, получивший фамилию «**Евреин**», впоследствии «**Евреинов**» (умер 24 октября 1772 года), был владельцем шелковой фабрики в Москве, одновременно был при Петре I – консулом в Кадиксе (1723-1725), при Елизавете Петровне служил дипломатическим агентом в Голландии, получил звание советника Мануфактур-коллегии. В 1742 году стал вице-президентом Коммерц-коллегии, а с 1759 по 1762 году – президентом! Блестящая карьера.³¹³ Род Евреиновых обогатил русскую культуру именами драматурга и теоретика театра **Николая Николаевича Евреинова** (1879–1953); **Анны Михайловны Евреиновой** (1844–1919), которая была первой русской женщиной, получившей степень доктора пра-

Н.Н. Евреинов
Рисунок Ю. Анненкова

ва, автора известной работы «Об обычном праве русского народа». Училась в Гейдельбергском и Лейпцигских университетах. В 1885 году основала знаменитый журнал «Северный вестник».

У Анны Васильевна Евреиновой было две кузины – **Анна Васильевна Корвин-Круковская**, по мужу **Жаклар** (1843–1887), «друг Ф.М. Достоевского», деятельница Парижской коммуны и **Софья Васильевна Корвин-Круковская**, вошедшая в историю, как великий математик – **Софья Ковалевская** (1850–1891). Их бабушка – урожденная **Евреинова**, замужем за почетным академиком Ф.Ф. Шубертом. Русской крови у Софьи Ковалевской не так много, если она вообще есть. Кроме математики, у Ковалевской было блестящее литературное дарование. Наиболее известна ее незаконченная повесть «Нигилистка», изданная как на русском языке, так и на шведском и французском. В основу сюжета положен один из эпизодов процесса «193», когда племянница Натальи Николаевны Пушкиной Вера Гончарова, чтобы облегчить участь одного из обвиняемых, вышла за него замуж. Бдите! Это был известный в будущем журналист и писатель **Иван (Исаак) Яковлевич Павловский**, выкрест. О нём писано подробно в моей книге «Этюды любви и ненависти». Этим же сюжетом воспользовалась и Э.Л. Войнич для одного из своих романов. Напомню еще два момента из «фантастической» жизни Софьи Васильевны. Первая деталь: она боготворила «вилюйского узника» и хотела изобразить его судьбу в незавершенной повести «Нигилист». А второе, вполне связанное с поклонницей Н.Г. Чернышевского: она была в 1889 году делегатом первого конгресса II Интернационала, как представительница «Женской лиги» и встречалась с Георгием Валентиновичем Плехановым ... *(Эпитет «фантастический», прилагаемый к жизни Ковалевской, я использовал потому, что более точного определения мне не удалось найти. Впрочем, кто знает о ее жизненном пути, должен будет с этим согласиться. Я не пишу ее биографии – она слишком известна. И цель моей работы – совсем иная).* В 1887 году она написала пьесу «Борьба за счастье» совместно со шведской писательницей А.Ш. Лефлер. Замысел пьесы необыкновенно интересен. Жизнь и судьба персонажей показаны в двух разрезах: «как оно было» и «как оно могло быть». Уже после смерти Ковалевской пьеса была поставлена в Москве в театре Корша и имела успех. Писательница **Т.Л. Щепкина-Куперник** (дочь крещеного еврея – крупного адвоката Л.А. Ку-

перника и правнучка великого русского актера М.С.Щепкина – реальное смешение двух талантов) вспоминала, что «каждая до тех пор не звучащая со сцены фраза возбуждала волнение и отклик...».³¹⁴

Мать всемирно известного балетмейстера **С.П. Дягилева** (1872–1929), также носила фамилию **Евреинова** – её звали **Евгения Николаевна** и она умерла во время родов своего гениального сына.

Прямой потомок **Якова Матвеевича Евреинова** – **Александр Григорьевич Евреинов** (1808–1885), обер-прокурор и сенатор. **А.Ф. Кони** был о нем дурного мнения: тот, ведя пустячные псевдополитические процессы, вроде обвинения в пропаганде

Сергей Дягилев

при чтении «Сказки о четырех братьях», «Сказки о копейке», вел себя раздражительно, злобно придираясь к словам подсудимых и вынося не в меру суровые приговоры.

Его сын **Григорий Александрович Евреинов** (1839–1914) – государственный деятель и писатель, сенатор, автор чрезвычайно важной книги «Пределы здравого русского национализма». (1912 г.). В 70-х – 80-х годах – прокурор Одесского окружного суда, затем Одесской судебной палаты и обер-прокурор первого департамента Сената. В 1889/1892 годах – товарищ министра путей сообщения, иначе говоря, был заместителем С.Ю. Витте. И опять тот же А.Ф. Кони о сыне отзывался, как «о вообще порядочном человеке», но не гнушавшемся просить помощи в выделении особой суммы для засылки агентов в студенческую среду, в еврейскую среду и т.п. для раскрытия политических преступлений. Конкретно речь шла о жесточайшем покушении членов «Народной Воли» на бывшего народовольца Н.Е. Гориновича (1855–?), давшего «откровенные показания». При вынесении приговора участвовало трое: В.А. Малинка (1854–1879), Л.Г. Дейч (1855–1944) и Я.В. Стефанович (1853–1915). Во время покушения 11 июня 1876 года Горинович был обезображен: ранен в голову и облит серной кислотой. Во время следствия выдал участников покушения и членов революционного кружка. «Бесы» – писались не только с «нечаевцев». Но, Евреинов, по словам Кони, неоднократно просил начальство о смягчении наказаний.

Второй сына Александра Григорьевича – **Петр Александрович Евреинов** (1850–1886), управляющий канцелярией московского губернатора и мн. другие. **Евреиновы** породнились со многими аристократическими фамилиями в том числе и с **Шереметевыми**.³¹⁵ Русский биографический словарь приводит перечень представителей этой фамилии:

Евреинов, Авраам Федорович, московский купец, производивший, по примеру деда (*вероятно, Григория Петровича*), торговлю с Китаем. Умер в царствование Елизаветы Петровны.

Евреинов, Иван Федорович, московский купец, торговал с Китаем. В 1737 году получил привилегию беспошлинно ввозить шёлк. Видимо, брат Авраама Федоровича Евреинова.

Евреинов, Григорий Петрович, московский гость, при Петре I заведший прямую торговую связь с Китаем. Его дед Авраам Федорович Евреинов.

Евреинов Александр Григорьевич (умер 8 октября 1885г.), сенатор, действительный тайный советник, почетный опекун СПб. воспитательного дома.

Евреинов, Александр Михайлович, писатель и переводчик, действительный тайный советник, скончался 11 апреля 1858г.

Евреинов, Александр, (?–1816), был пензенским вице-губернатором и действительным статским советником.

Евреинов, Вячеслав Дмитриевич (? – 8 декабря 1868), генерал-майор, инженер путей сообщения, **строитель памятников Николаю I в СПб., и «Тысячелетия Руси»** (1862 г.) в Новгороде. Читая про строителя памятника «Тысячелетия Руси», не могу отнестись от мысли: как это проморгали славянофилы?

Евреинов, Дмитрий Иванович (1742–1814?), живописец-миниатюрист при Екатерине II, советник Академии Художеств в период 1777/1796 г.г. Последнее упоминание относится к 1814 г.

Евреинов, Иван Андреевич, генерал-майор. Умер 1 января 1793г. Находился на царской службе с 1762г.

Евреинов, Иван Михайлович, действительный статский советник, директор Технологического института в СПб. с 1835г.

Евреинов, Иван Михайлович (1694–1724), геодезист, путешественник, исследователь Камчатки и Курильских островов, писатель.

Евреинов, Михаил Григорьевич (1805 – 23 октября 1871), генерал-лейтенант.

Евреиннов, Павел Александрович (умер в 1857), служил в Москве в Опекунском совете.

Евреиннов, Павел Михайлович (1775–185?), статский советник, помощник Директора Оружейной Палаты, камергер, начал карьеру переводчиком коллегии Иностранных Дел.

Евреиннов, Петр Иванович (1812–1849), полковник корпуса горных инженеров, ученый химик, минералог, переводчик и писатель, начальник химической лаборатории в СПб. Думаю, что лишь ранняя смерть остановила такую блестящую карьеру.

Евреиннов, Дмитрий Павлович (умер в 1892 г.), орловский губернатор.

Евреиннов, Александр Александрович (1873–1928 или 1929), действительный статский советник в звании камергера Двора Его Императорского Величества. Окончил Пажеский корпус. С 1894 года подпоручик лейб-гвардии Преображенского полка. В 1910 году Эстляндский вице-губернатор. В 1914 году исполнял должность Пензенского губернатора, в 1916 году утвержден в этой должности. После революции эмигрировал и скончался во Франции.

Евреиннов, Владимир Николаевич (1876– после 1917), статский советник и землевладелец Сапожковского уезда Рязанской губернии (*имение «Протасьев угол»*), окончил Пажеский корпус. Был секретарем Санкт-Петербургского градоначальника, затем чиновником по особым поручениям при министерстве внутренних дел.

Евреиннов, Борис Алексеевич (1888–1933) – историк и общественный деятель. Окончил 3-ю петербургскую гимназию, а затем историко-филологический факультет Петербургского университета. Получив в 1911 году выпускное удостоверение, он поступил вольноопределяющимся в лейб-гвардейский кирасирский полк и был произведен в прапорщики и уволен в запас. Интерес представляет Государственный экзамен в университете весной 1913 года, когда Евреиннов получил диплом 1-й степени за работу «Преобразовательный план М.М. Сперанского 1809 года». Борис Алексеевич был членом кадетской партии. Весной 1919 года он вступил в ряды Добровольческой армии и в 1920 году был тяжело ранен под Ростовым. Вместе с госпиталем эвакуировался в Салоники (Греция). Некоторое время жил в Югославии, а затем переехал в Варшаву, где среди прочего занимал должность начальника канцелярии управления интернированных русских войск в Польше, председателя культурно-просветительской комиссии, управ-

ляющего делами Русского комитета в Варшаве, управляющего делами и члена правления Русского попечительского комитета в Польше.

Весной 1923 года переселился в Прагу, где занимался политикой в рамках бывшей кадетской партии. Попутно в 1927 году выдержал магистерский экзамен на кафедре русской истории при Русской академической группе в Чехословакии. В 1928 году получил звание приват-доцента. Борис Алексеевич чрезвычайно много работал, публикуя исторические работы. Особый интерес представляют его труды о пражской жизни М.И. Бакунина и о его идее создания **Всеславянской федерации**. К сожалению, подающий большие надежды ученый скончался в 45-летнем возрасте... П.Н. Милуков отозвался о его деятельности: «В Б.А. Евреинове мы потеряли молодую силу, которая обещала, если бы обстоятельства сложились благоприятно, развернуться в первоклассного исследователя».³¹⁶

Евреинов Владимир Алексеевич (1887–1967), брат Бориса Алексеевича – знаменитый агроном. В 1913 году закончил физико-математический факультет Петербургского университета, а после Октябрьского переворота получил степень магистра по естествознанию. В 1920 году – в эмиграции. Около 3-х лет преподавал естествознание и географию в сербско-русской гимназии Белграда. В 1923 году переехал в Чехословакию, где читал курс по плодоводству в Русском институте сельскохозяйственной кооперации. Его публичные лекции, собирали огромные аудитории. В Карловом университете защитил докторскую диссертацию, получив диплом «*gerum naturalium*». В 1926 году издал учебное пособие по плодоводству, ягодоводству и огородничеству, которая стала настольной книгой у многих людей. В 1928 году получил приглашение из Франции стать директором имения «Сомашез», владельцу которого принадлежали фруктовые сады и питомники на юго-западе Франции. Владелец не прогадал – имение приносило большой доход, а выдающегося ученого и практика стали приглашать на различные форумы и в различные учебные заведения. Его статьи переводились на французский, немецкий и чешский языки. В 1946 году Евреинов возобновил педагогическую деятельность. В 1965 году сельскохозяйственная Академия присудила ему премию «Ксавье Бернар». Коллеги отметили, что садоводство Франции очень многим обязано русскому ученому. А в России в это время жили и процветали Лысенко и Презент...

Евреинов, Виктор Николаевич (1908–1984), известный шахматный композитор, по профессии педагог. Жил в Саратове. Первый этюд опубликовал в 1940 году. Участвовал в Великой Отечественной войне, танкист. Удостоен 12 правительственных наград. Подполковник в отставке. Активно стал выступать в соревнованиях с 1956 года. В общей сложности опубликовал около 100 этюдов, 60 из которых получили отличия. Ф.Бондаренко, автор книги «Галерея шахматных этюдистов» (М, 1968) с восторгом отзывался о творчестве Евреинова: «Фейерверк ходов, захватывающих дыхание!». Замечательная характеристика работы мастера.

Известен еще один безымянный предприниматель **Евреинов**, живший в царствование Николая I, который первый в России построил 5 пароходов «для обеспечения коммерческого по реке Волге сообщения». Так, перевозка соли на пароходах Евреинова обходилась в полтора раза дешевле, чем доставка ее бурлацкой тягой. Будучи пионером внедрения пароходов в империю и добившись серьезных успехов, Евреинов хотел организовать большое акционерное общество волжского пароходства и надеялся на помощь правительства. Увы, как и сейчас, государство не желало своего собственного обогащения! Парусный флот России времен Крымской войны – не случаен.

К этим лицам можно добавить:

Еврейского, Михаила, рожденного приблизительно в 1812 году, по профессии – «рисовальщик перспективный», из воспитанников Императорской Академии. Его работа была на выставке 1830 г.

Существовали и другие фамилии, корень которых, было слово «еврей». Писалась она, как **Евреевы** и **Еврьевы** (через ять) и даже **Ефреевы**. Источник сообщает: «**Евреевы, Еврьевы**. В конце XV ст. владели поместьями в Шелонской пятине: **Митя, Михаль, Борис Васильевич, Матвей Васильевич, Иван Большой**, ранее 1539 г. **Елизар Васильевич**, в 1539 г. племянники Елизара Васильевича – **Василий и Горяин Борисовичи**, в 1550-годах **Петр-Баташ Кудашевич, Моисей Горяинович**, в 1570-х годах **Иван Баташев, Моисей Борисович, Иван и Денисий**...

Денисий Евреинов в 1595 году был губным старостой, **Моккей Денисович** в 1594 г. верстан новичным окладом...». Далее приводится генеалогическое дерево фамилии «**Евреев**», доведя их до конца XVII века, когда часть их служила патриаршими дворянами.³¹⁷ Затем также идут фамилии того же корня: **Евреинины** и стяженная форма – **Ерены**.

Один из них **Федор Ларионович** в 1676-1692 г.г. служил в московских дворянах. В документах, относящихся к 1712 году, встречается **вдова Федора Евреина - Матрена**.

Савелов упоминает и незнакомого нам **Евреинова – Якова**, который в 1678 году служил сотником астраханских конных стрелков.

Среди Евреиновых были и люди, принадлежащие к верхушке церковной иерархии. Итак: **Иракий** (1744–1815), в миру **Евреинов**, архимандрит, происходящий из малороссийских дворян. (*О количестве крещеных евреев на Украине мы много знаем.*) В 1764 году принял монашество. Был келейником московского архиепископа Амвросия, как известно убитого во время чумного бунта. В 1770 году посвящен в иеромонахи; состоял ризничим, казначеем. С 1774 года строитель Давидовой пустыни, с 1788 года игумен Знаменского монастыря. 21 ноября 1797 произведен в архимандриты московского Златоустового монастыря. В 1800 году переведен в Иосифов Волоколамский монастырь. Далее – в 1804 году по желанию митрополита Платона переведен в Московский Богоявленский монастырь. И, наконец, в 1811 – в московский Данилов Монастырь, где и скончался. Источник лаконически добавляет: «Отец Иракий был одним из ближайших помощников митрополита Платона по **хозяйственным делам**».³¹⁸ Как видим, наш герой делал успешную духовную карьеру. Напомним, что архимандрит – высший монашеский чин (перед) епископом; настоятель мужского монастыря. И, наконец, я обнаружил совершенно фантастическую форму фамилии, писанную, как Евреинов – им оказался царский генерал времен I Мировой войны – А.И. Евреинов.³¹⁹

Отметим, что множество пленных разных национальностей осели в Мещанской слободе, и среди них евреи и караимы.³²⁰ Как пишет исследователь, в слободе собрались те пленные, которым была предоставлена свобода, а также и те, которые находились в обладании у частных лиц, но затем избавились от зависимости. Несколько загадочная фраза может быть объяснена тем, что их выкупали из частных рук, но кто платил выкуп за пленных станет ясно, если перечислить места, где были захвачены пленные: Смоленск, Дубровна, Шклов, Могилев, т.е. места обширного еврейского поселения. Как известно, у евреев выкуп пленных был поставлен как национальная и первостепенная задача. (*Так было ещё во времена римские, когда после безуспешных восстаний, евреи выкупали несчастных пленных*)

Количество крещеных евреев в царствование Алексея Михайловича вряд ли поддается исчислению, главным образом из-за отсутствия документов. Но даже по отрывочным сведениям их было немало.

Патриарх Никон, который, как мы знаем, имел сотрудника – **еврея Арсения Грека**, находясь в опале (1671 г.) жаловался царю на своё окружение, состоящее из выкрестов, «тлетворно» влияющих на других монахов: «Да у меня же в Воскресенском монастыре были два жида крещеных, и, оставя православную веру, начали они старую жидовскую держать и молодых чернецов развращать; я, сыскав об этом подлинно, велел **жида Демьяна** посмирить и сослать в Иверский монастырь, а **Демьян другому жиду, Мишке**, сказал: не пробывать и тебе без беды, беги в Москву и скажи за собою государево слово; тот так и сделал..., а в это время молодые чернецы, бывшие в жидовской ереси, покрали у меня деньги, платье и тем жидам помогали, да им же помогал архимандрит чудовский...».³²¹

Один из ближайших сотрудников Алексея Михайловича боярин Артамон Сергеевич Матвеев (1625–1682) был не только в дружбе с врачом **Гаденом** и разделил свою участь с ним, но имел в своем «штате» некоего **еврея Ивана**. У сосланного Матвеева, после смерти царя Алексея – его друга, родственника и покровителя, потребовали выдачи еврея Ивана, а затем и его жены.³²² С какой целью – непонятно. Но так как требование шло с одновременной «конфискацией» некоего лечебника, писанного частично тайной «цифирью», то допустимо, что речь шла о допросе на предмет чародейства.³²³

Вообще Артамон Сергеевич был человек западной ориентации и глубокой веры одновременно. Как известно, Алексей Михайлович женился на его племяннице и воспитаннице Наталье Кирилловне Нарышкиной. Психологически понятно, что Матвеев смотрел на себя, как на ветхозаветного Мордухая, выдавшего свою родственницу за персидского царя и боровшегося с конкурентами – Ордин-Нащокиным и Хитрово. Хотя последних трудно соотнести с библейским Аманом. Отсюда понятно, что первая пьеса, поставленная в Москве, была о царице Эсфири и благородном её дяде.³²⁴ Да и «русских» актеров набирали в т.н. Новомещанской слободе, как раз начавшейся строиться в 1671 году и заселяемой «перемещенными лицами» из Литвы и Белоруссии. Как замечает исследователь, эти люди были менее затронуты религиозной нетерпимостью к лицедейству. Не надо говорить, что для части жителей слободы – «Пуримшпиллер» был знаком досконально. Из других пьес ставили также «Давид и Голиаф»

(«Голиадова комедия»), пьеса по «Книге Товита» – «Товия» и «Юдифь» или «Алофернова комедия», иначе говоря, переработка книги «Юдифь». Добавим, что возможно внешним толчком для постановки «Эсфири» для Матвеева послужил факт прихода в Архангельск английского корабля «Царица Есфирь», как раз в сентябре 1671 года.

Текст пьесы об Эсфири уникален. Автор не постеснялся ввести в русский текст куски на древнееврейском языке в ашкеназийском произношении, прежде всего из Псалмов Давида. Это части псалмов 43, 9, 13, 52 и т.д. Вот, например как приводятся строки 26-27 из 43 псалма:

«Шхахаг леафар нафх шхену.
дафеках лаарез битнелу!
Кунах езрафах лану
уфдену лемаан хаздеха!»

Славянский перевод:

«Яко смирися в персть душа наша,
прилпе земли утроба наша!
Воскресни, Господи! Помози нам
и избави нас, имени ради Твоего».

Русский перевод:

«Ибо душа наша унижена до праха,
утроба наша прильнула к земле.
Восстань на помощь нам,
и избавь нас ради милости Твоей».³²⁵

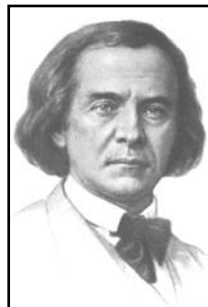
Много ли зрителей понимали древнееврейский язык? Вероятно, были и такие среди исполнителей и зрителей.

Самое же поразительное то, что автор провёл цензуру книги Эсфири. Главы IX и X библейской «Книги» не вошли в пьесу, кроме ликующей песни воинов-евреев, радующихся избавления от беды. Отказ от жестокой и бессмысленной концовки, когда евреи убивают ни в чем не повинных жителей Суз и провинций, логичен: в образ гуманного Мордехая и благородной Эсфири и их современных аналогий – царя Алексея Михайловича и царицы Натальи Кирилловны – расправа над десятками тысяч людей, отнюдь не вписывается. Ну и, конечно, автор считал своим долгом возвысить еврейство, а не вызывать неприязнь.

О СЕМЬЕ СЕРОВЫХ И СИМОНОВИЧЕЙ

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ СЕРОВ

Серов (1820–1871), по материнской линии внук крещеного еврея, барона К.И. Габлица (1752–1821), сенатора и естествоиспытателя, сподвижника Потёмкина. По своим музыкальным пристрастиям Серов был ярким вагнерианцем, а с Вагнером его связывали хорошие личные отношения. К еврейству у Серова была претензия. Он был убежден, что ему не дали преподавать в консерватории, поскольку его не признали за своего. Серов даже называл консерваторию синагогой из-за того, что почти все преподаватели в ней были еврейского происхождения. Но надо отметить – композитор помнил о своих корнях. Опера Серова «Юдифь» имела большой успех, обычно с неё начинался сезон Мариинского театра, но ставилась редко. В 1907 декорации были сделаны его сыном, художником Валентином Серовым. В советское время «Юдифь» была поставлена в 1925 г. (*Ленинградский театр оперы и балета*), в дальнейшем она была снята с репертуара, поначалу за пропаганду Библии, а впоследствии из-за обычного антисемитизма. Вклад Серова в русскую музыку высоко оценивали специалисты: «Сыграл крупнейшую роль в развитии научной музыкальной мысли в России». ³²⁶ Кстати, Серовым был введён в русский язык термин «музыказнание». Был женат на дочери крещеных евреев Валентине Семеновне Бергман.

А.Н.Серов

ВАЛЕНТИНА СЕМЁНОВНА СЕРОВА (БЕРГМАН)

Серова (Бергман) (1846–1924), родилась в еврейской семье, принявшей протестантизм. Её семья переселилась в Россию из Гамбурга. С раннего детства у девочки был абсолютный слух и тяга к музыке. Музыкальное образование получила в Петербургской консерватории по классу рояля у А.Г. Рубинштейна, а затем, порвав с консерваторией, училась у своего будущего мужа. Ей не было 18 лет, когда она решила выйти замуж. Семья Бергман была против брака:

Валентина Серова
Портрет М.И.Врубеля

из-за разницы в возрасте и вере. Девушке пришлось выдержать жестокую борьбу, кончившуюся переходом в лютеранство и замужеством. При этом Серову пришлось ехать в Москву и просить руки своей будущей жены у Бергманов. Он проявил свое необыкновенное обаяние и, не последним аргументом, как я полагаю, было то, что он указал на свои еврейские корни. Итогом этого союза был венец, необыкновенно счастливый: русская живопись получила титана кисти Валентина Серова, так сказать «почти полностью еврея», которого Андрей Белый называл «Толстой нашей живописи».

Валентина Семеновна написала несколько опер: «Уриель Акоста», «Илья Муромец», постановки которых имели большой успех в Московской частной опере. Как музыкальный критик она вместе с мужем издавала журнал «Музыка и театр», где пропагандировали Рихарда Вагнера, и печаталась в других изданиях. Была очень плодотворным музыкальным критиком. После ранней смерти мужа закончила его оперу «Вражья сила», издала партитуру «Юдифи» и собрала критические статьи мужа, изданные затем в четырёх томах. Всю оставшуюся жизнь она посвятила своему сыну и распространению музыкальных знаний среди крестьянской массы. Это было своего рода хождение в народ, вариант народничества. Кстати, именно в этой среде она пропагандировала творчество «Могучей кучки»!. Свою жизнь и жизнь мужа и сына она описала в блестящих воспоминаниях, где увековечила их образ.³²⁷

Родная сестра Серовой – Аделаида Семеновна Симанович, урожденная Бергман (1844-1933), приходилась родной теткой великому художнику. Она была видным педагогом, организатором первых детских садов в России. Ей принадлежит множество статей, в том числе и статья «О детском языке», а также книга «О детских садах». (М., 1896). Её муж – Яков Миронович Симонович (1840 или 1839-1883), выходец из правоверной еврейской семьи, родом из Одессы. Он готовился стать раввином, изучая Талмуд с пятилетнего возраста. Тайно от семьи подготовился сам к гимназии, кончил её, принял христианство лютеранского вероисповедания, уже обзаведшись многочисленной семьей, окончил медицинский институт, стал врачом, в последние годы жизни – заведующий тифозной палатой в Александровской больнице в Петербурге. Занимался естественными науками и педагогикой. Автор ряда научных работ. Семья Симановичей была связана крепкими родственными узами с Серовыми.

Старшая дочь Якова Мироновича и Аделаиды Семеновны – Мария Симанович (1864–1955), двоюродная сестра художника, скульптор. Впоследствии вышла замуж за доктора Соломона Константиновича (Кеселевича) Львова (1859–1939) и жила в Париже. Их сын – всемирно известный микробиолог Андрэ Мишель Львов (1902–1994), лауреат Нобелевской премии (1965 г.), приходился внучатым племянником Валентину Серову. За участие во французском Сопротивлении награжден орденом почётного легиона. Он приезжал в Израиль и прочитал лекцию в Институте Вейцмана по случаю открытия Французского Центра Культуры и Науки имени Г. Майера .

Средняя дочь – Аделаида (1872–1945) вышла замуж за В.Д. Дервиза – художника и общественного деятеля .

Младшая дочь – Нина Симонович-Ефимова (1877–1948), художница, график, скульптор и вместе с мужем скульптором-анималистом и графиком И.С. Ефимовым создала кукольный и теневой театр.

Об этом замечательном клане можно писать бесконечно. Лишь добавим, что художественный талант Валентина Серова сохранился у многих членов этой семьи. Выдающийся современный художник Дмитрий Дмитриевич Жилинский (1927) приходился внучатым племянником великому мастеру.

ВАЛЕНТИН АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕРОВ

Валентин Серов (1865–1911) – гениальный живописец, озаривший своими картинами серебряный век, доказавший известный постулат, что яблоко от яблони падает недалеко. После смерти отца был увезён матерью в Париж совсем в юном возрасте, где с ним занимался Репин. Работал Серов кропотливо и медленно. «Иначе писать не умею, – виноват, не столько не умею, сколько не люблю» – как-то признавался художник

Серов работал также в жанрах русского пейзажа, графики, книжной иллюстрации, анималистики, исторической и античной живописи. Сын талантливых родителей был особенно знаменит своей портретной живописью. Творчество Серова оказало огромное влияние на многие и многие поколения российских художников.

Валентин Серов
автопортрет

МАНАСЕИНЫ

Известная русская фамилия **Манасеины**, иногда писалось **Манассеины**. Известны с XVI века. Легко найти в фамилии еврейские корни: от Менаше – еврейское имя. В русской транскрипции Манасия, старший сын Иосифа, внук Якова, основатель одного из колен Израиля. Под именем Манасия известен 15-й иудейский царь. Особенно популярно было это имя в Нидерландах. Наиболее известные в XIX веке двое братьев Манасеиных:

Манассеин Вячеслав Авксентьевич (1841–1901), терапевт, профессор Медико-хирургической академии, редактор еженедельника «Врач». Он был великим врачом, человеком, не изменивший своим либеральным взглядам. Его принципиальная медицинская экспертиза, неоднократно приводила к конфликтам с властями. К евреям относился с высшей предупредительностью, и где мог, помогал им. Негодовал на министра И. Д. Делянова, введшего новый университетский устав с процентной нормой: «Тогда... [Делянов] ... был красный либерал, а теперь посмотрите, каких бед натворил: и этот университетский устав ввел, и процентную норму для евреев, и закрыл Высшие Женские Курсы! Я не хочу с ним встречаться; но когда он, вспоминая старину, зовет меня как врача, я иду к нему, ибо как врач, я не могу отказать никому в своей помощи».³²⁸

Манасеин Николай Авксентьевич (1834–1895), юрист, занимавший пост министра юстиции с 1885 по 1894. Будучи деятелем вначале либеральной эпохи, в должности министра во времена Александра III проводил политику притеснения свободы судов. Все же при нем были отменены телесные наказания для женщин, и приняты законы о ростовщичестве, об усыновлении и т.д.

Среди медиков попадались и другие лица еврейского происхождения, крестившиеся и достигшие крупных постов. Например:

Рафалович Артемий Алексеевич (1816–1851), д-р медицины, почетный член Медицинского Совета Министерства внутренних дел. Родился в Одессе в семье купца. Мне неизвестно – была ли эта семья связана с одесским банкирским домом, о котором ниже. Также нет данных когда крестился и какое имя носил до крещения Артемий. Учился он в Одесском Ришельевском училище, затем медицину изучал в Берлинском университете. Получил степень доктора медицины и хирургии – странная формула. Вернувшись в Россию, защитил докторскую диссертацию на степень доктора медицины и акушера при

Дерптском университете. Пионер в области судебной медицины: при юридическом отделении Ришельевского Лицея была учреждена кафедра судебной медицины, где Рафалович стал профессором. Он был пионером борьбы с чумой, изучая способы не только медицинские, но и карантинные ряда стран. В 1845 году его вызвали в Петербург и предложили участвовать в экспедиции на Восток, с целью исследовать причины возникновения чумы. Его экспедиция даже на сегодняшний день выглядит впечатляюще. Через Одессу, Стамбул, Смирну экспедиция прибыла в Александрию, далее в Каир и затем в Нижний Египет. Рафалович на верблюдах преодолел громадные расстояния от Нильской дельты до нижнего Египта и Нубии, объехал Сирию и Палестину и вернулся в 1848 году в Александрию. Здесь его пригласили участвовать в консилиуме ...по выяснению степени вменяемости египетского хедива Мехмед-Али. На обратном пути он посетил приморские города североафриканского и европейского Средиземноморья с целью выяснить способы организации карантина. Он посетил среди прочих городов: Геную, Марсель, Барселону, Ливорно и др. Кроме того, во время пребывания в Марселе была опубликована его работа на французском языке «О Нижнем Египте в медико-административном отношении». До этого она была читана Рафаловичем в Александрии (*Egunem*) в «Совете Здравия». За успешное выполнение порученного ему дела по возвращении в Россию был награжден орденом Владимира 4-й степени и оставлен при Министерстве Внутренних дел с поручением привести в порядок свои путевые записи и выпустить их отдельным изданием. Попутно он изучал старые карантинные уставы, для того чтобы выработать новый. 26 января Рафалович был избран действительным членом Императорского Географического общества в отдел этнографии, где занимался статистикой, а осенью 1850 года был избран в члены Медицинского Совета. Но дни его были сочтены: 3 мая 1851 года Рафалович скончался от «чахотки» (туберкулеза) – болезнь преследовала его со времен студенчества в Берлине. Литературная и медицинская деятельность Рафаловича столь обширна, что занимает многие тома. Все это он успел сделать до 35 лет.

Вообще в области медицины и некрещеные евреи достигали больших высот, и даже чина тайного советника – 2-го чина, после 1-го класса, действительного тайного советника. Таков **Давид Ильич Выводцев** (1837–1896).

Его главное достижение – разработка методов бальзамирования: на Филадельфийской выставке 1876 года в САСШ – представил способ сохранения трупов. *(Для американцев это было важно в связи с бальзамированием тела Авраама Линкольна)*. Его труд был учтен при бальзамировании тела В.И. Ленина. По основной специальности Выводцев был военным хирургом и работал в госпиталях. Во время русско-турецкой войны находился при штабе главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича Старшего. Как крупного специалиста, его часто посылали в заграничные командировки.

Мойза Фома Иванович – первый крещённый еврей (!) получивший степень доктора в Московском университете на медицинском факультете в 1794 году. Раз уж разговор идёт о российских врачах еврейского происхождения, не откажу себе в удовольствии рассказать об этом человеке. Мойза родился в Малороссии в 1768 году, умер в Москве в 1811 году. Первоначальное образование он получил в Киевской духовной академии, где составил свою фамилию Барсук-Моисеев, как анаграмму из слова «бурсак» и имени Моисей. Кто помнит Н.В. Гоголя и Н.Г. Помяловского тот знает, что бурсак – ученик духовного училища. Фамилия Моисеев – производное от имени Мойша или Мойза (Моисей). Учился Мойза блестяще и в 1788 году вступил в число «казенно-коштных» студентов Московского университета на медицинский факультет. Он защитил докторскую диссертацию под названием «De respiratione». В 1795 году он уже экстраординарный профессор, преподающий физиологию, патологию, терапию, и диететику(!?). Еще в 1785 году, семнадцатилетним юношей он написал философский труд «О превосходном блаженстве человеческого; философское рассуждение, подкрепленное св. Писанием». В этом же году труд был издан в Петербурге. В общей сложности «бурсак» издал 16 медицинских трудов и был первым русским врачом-педиатром, издавшим пособие по детским заболеваниям. Для меня же интересен вопрос: встречались ли два выдающихся бурсака: Мойза и М.М. Сперанский? Да будет благословенна их память!

КОЗЛОВЫ

О Николае Илларионовиче Козлове следует написать подробнее, хотя наши знания о нём не велики и извлечены из случайных источников. Например, Козлов был близким знакомым Н.С. Лескова. В своей «Автобиографической заметке» Лесков указывал, что Николай Илларионович в бытность свою в Киеве был среди тех доброжелателей, а в их числе был и С.С. Громека, которые «настояли», чтобы Лесков «писал».³²⁹ Козлов был врачом и государственным деятелем. Сын купца-еврея, он родился 14 апреля 1814 года в г.

Николай Илларионович Козлов

Оренбург. Энциклопедия, которая говорит о его еврейском происхождении – это Сытинская «Военная энциклопедия» (1912 г.). В её новейшем переиздании в разделе «Полководцы, военачальники и военные деятели России» попросту повторяется написанное прежде.³³⁰ Это тем более ценно, что, например, генерал-лейтенанты В.А. Гейман и М.В. Грулев красуются без национальности, хотя общеизвестно их еврейское происхождение. Козлов окончил Казанский университет в 1833 году со званием лекаря первого разряда и с золотой медалью, и тотчас же поступил в Дерптский университет, где защитил докторскую диссертацию в 1837 году. Его современник, лейб-медик, действительный тайный советник Ф.С. Цыцурин в речи, произнесенной в честь 50-летия трудовой и научной деятельности Козлова, говорит: «Девятнадцатилетним юношей, вы вступили в учебное состязание с вашими товарищами по казанскому университету и были удостоены награждением: золотой медалью за сочинение, написанное вами – по обычаю того времени – на латинском языке, на заданную факультетом весьма важную тему о «De Venenis» (о ядах). В Дерптский университет и за границу Козлов уехал **на свои средства, что и подчеркивает Цыцурин.** В отличие от других, получавших стипендии от государства Козлов был самостоятелен в выборе мест для обучения. В 1838/1839 г.г. путешествовал по Европе, слушая курсы лучших профессоров Вены, Цюриха и Парижа. Изучал он за границей «патологическую анатомию и объективную медицину» в клиниках

знаменитых ученых того времени: в Вене у Рокитанского и Шкоды, в Цюрихе у «гениального» профессора Шелейна, а в Париже у Андраля, Шомеля и Люи-Ру – все блестящие представители передовой медицины 40-х годов XIX века. В 1839 году он поступил в канцелярию военного министра. В 1841 году назначен экстраординарным профессором по кафедре анатомии в Киевский университет. Тот же лейб-медик Цышурин вновь подчеркивает: «Вам принадлежит бесспорно пальма первенства по устройству и организации юного медицинского факультета». В Киеве, в 1846 году Козлов издал сочинение «О главных видах патологических изменений», в 1848 году «О холере»; Козлов читал курсы анатомии, общей терапии, патологической химии и истории медицины.

В 1853 году он переведен в Петербург на должность вице-директора медицинского департамента министерства внутренних дел и с этого момента начинается широкая и плодотворная работа, как медика – администратора. Козлову удалось издать за четыре года один из важнейших документов о состоянии здоровья населения: «Отчет о состоянии здоровья общественного в Империи, 1853/1856 года». В 1858 году он вице-директор медицинского департамента военного министерства, в 1862 году назначен непременным членом военно-медицинского ученого комитета. Благодаря Козлову, безостановочно выходил «Военно-медицинский журнал». Это было ежемесячное издание с приложением особых руководств. И этим делом он руководил и редактировал свыше 30 лет. Труженик необыкновенный! Всего вышло 350 книг «Военно-медицинского журнала», а «Руководство для врачей» в виде особых прибавлений – 175 книг. Однако и на этом не кончается подвижническая деятельность профессора Козлова: начиная с 1859 года им было издано шесть больших отчетов о состоянии «здоровья» войск. Во время Русско-турецкой войны 1877/1878 им издано пять больших томов с медицинским отчетом. Извлечения были изданы в одном томе на французском языке. Имя Н.И.Козлова сделалось известным не только в Российской империи, но и за границей. Его избрали действительным почетным членом разных иностранных ученых обществ.

С 1869 года по 1881 год – он начальник медико-хирургической академии. В 1871 году он назначен главным военно-медицинским инспектором. Военно-медицинская академия обязана была генералу Козлову изданием систематического каталога («толкового словаря») огромной, по тому времени, библиотеки, насчитывающей 75

тысяч томов, пользование которыми было чрезвычайно затруднительно. Эта трудоемкая работа облегчила студентам и преподавателям использование литературы.

Во время начальствования Военно-медицинской академией, в конце 60-х начале 70-х годов происходили студенческие беспорядки. Любопытно, что Николай Илларионович горой стоял за Илью Фаддеевича Циона, гениального физиолога. Но, как известно, его защита и защита военного министра Милютина не помогла. «Союз» бездельников студентов и профессоров-антисемитов вытолкнули гения из науки... Я об этом подробно писал в биографии Циона, используя многочисленные материалы, в том числе и блестящий отзыв ученика Циона – Ивана Петровича Павлова.

Козлов принимал участие во множестве комиссий и комитетов и содействовал всем реформам и улучшениям по медицинской части в 50-е по 70-е годы. В 1865 году он был членом особого комитета для начертания положения об устройстве врачебной части в военное время. В 1866 г. – он член комиссии для изменения устава Медико-хирургической Академии; в 1872 г. – председатель комиссии для обсуждения мер к увеличению общего числа врачей в империи. По его предложению с 1859 г. издаются лучшие руководства по медицине, как переводные, так и оригинальные. Все это рассылалось всем военным врачам в количестве шести томов в год при одном проценте вычета из жалованья. Этим делом Н.И. Козлов руководил 25 лет. Благодаря его стараниям в 1859 и в 1882 гг. узаконены увеличения содержания военным врачам. Интересно, что это не единственное, чего добился Козлов. Наконец, написано подробно в главе «Эталон русской женщины», что при непосредственном участии Козлова в 1872 году открыты женские медицинские курсы, позволившие русским женщинам учиться у себя на родине. Таков удивительный трудовой путь заслуженного ученого.

Известный в будущем еврейский общественный деятель М.Г. Моргулис (1837–1912), учившийся в г. Бердичеве в казенном раввинском училище, в 60-е годы встретился с Н.И. Козловым. Он присутствовал на экзаменах. Небесполезно сказать, что среди начальства находился С.С. Громеко (1823–1877), бердичевский городничий, вполне доброжелательно писавший о евреях в 1858 г. в «Современнике», за что удостоился статьи в старой «Еврейской энциклопедии». Моргулис пишет о нем, что он был европейцем в полном смысле слова. Что же касается Козлова, то он был предста-

вителем медицинского ведомства. «Он отличался очень приятною наружностью, но что было замечательно в нем, это – его русская речь, которая отличалась особым московским акцентом и при том была настолько мелодична, что ее было приятно слушать. Впечатление этой речи было настолько глубоко, что, когда я смотрел в лицо Козлову, мне ужасно хотелось, чтобы он открыл рот и заговорил. **Это речь его делала русским между русскими**, и я бы ее назвал речью соловьиною. С тех пор по настоящее время мне не удавалось слышать такую речь. Для такой речи надобно иметь гениальное сочетание гортани, зубов, челюстей, языка и голосовых связок, которое бывает столь же редко, как гениальный ум, гениальный голос, гениальная фантазия и т.п.»³³¹ Можно побиться об заклад, что Михаил-Менаше Григорьевич Моргулис знал о еврейском происхождении Козлова, иначе к чему эта длинная вставка о красоте речи, делавшая, Николая Илларионовича «Русским из русских». А может быть и неуловимая ирония?! И немного о генах. Русский язык правнука Козлова – гениального писателя В.В. Набокова, так же уникален...

Н.И. Козлов имел все награды вплоть до ордена св. благоверного князя Александра Невского включительно. Орден, украшенный бриллиантами был вручен 30 августа 1879 года за заслуги во время русско-турецкой войны 1877/1878 г.г. «за неутомимую и просвещенную деятельность по управлению военно-медицинским ведомством и в особенности плодотворные труды по обширному развитию и отличному устройству военно-медицинской части во время минувшей войны с Турцией».³³² В бытность профессором в Киеве был удостоен следующих наград: орден св. Станислава 2-й степени – в 1844 году; св. Анны 2-й степени – в 1847 году; а также вновь св. Анной 2-й степени с Императорскою короною – в 1851 г.; кроме того награжден в 1850 году 800 рублями серебром.

Будучи руководителем крупнейшего медико-хирургического заведения страны, Козлов принял участие в дискуссии по поводу классического и реального образования. На заседании Государственного совета, состоявшемся 14 декабря 1873 года в присутствии Государя императора Александра II, разбирался вопрос о Медико-хирургической академии и военный министр Милютин «позволил директору академии Козлову прочитать бестактную записку и произнести бестактную речь, которыми как будто вновь возбуждался вопрос о классическом и реальном образовании. В ответ после не-

скольких возражений со стороны гр. Шувалова и гр. Толстого последовало высочайшее повеление рассмотреть другой вопрос о передаче самой Медико-хирургической академии в Министерство народного просвещения». ³³³ Суть конфликта, который окончился в пользу консерваторов, изъяснил сам Милютин:

«...в начале заседания, по приказанию государя, Ник. Ил. Козлов прочел доклад, в котором выказано было цифрами, как велик недостаток врачей не только собственно в военно-медицинском ведомстве, но и вообще в России, как недостаточны средства для пополнения ежегодно открывающихся вакансий, как ограничено число врачей, выпускаемых из медицинских факультетов пяти университетов, и затем разобрал состав последнего приема в Медико-хирургическую академию. Из приведенных цифр видно, что в числе 470 молодых людей, принятых в Академию в нынешнем году, было всего 95 с аттестатом зрелости классических гимназий, очевидно, что одним этим контингентом не было бы возможности пополнить академические курсы. Несмотря на приведенные красноречивые цифры, дело поведено было так, что государь, по своему обыкновению, не дав времени вполне выяснить дело, под влиянием иезуитских инсинуаций гр. Толстого, гр. Шувалова и Валуева, произнес резким тоном окончательный приговор: не только подтверждено, чтобы впредь Медико-хирургическая академия в приеме руководствовалась по всей точности одинаковыми правилами с университетами, но еще принято совершенно неожиданное решение – передать Медико-хирургическую академию в Министерство народного просвещения». ³³⁴ Из текста речи Козлова явствует, что в Академию принимались в большинстве люди, не имеющие аттестата классической гимназии. А это, собственно, находилось в противоречии с «Уставом гимназий и прогимназий ведомства Министерства народного просвещения от 30 июля 1871 года», что являлось детищем реакционера министра народного просвещения графа Д.А. Толстого, который был по совместительству обер-прокурором Синода. Этот устав утверждался императором вопреки мнению большинства Государственного совета, что практически отрезало от высшего образования широкие слои общества, сохраняя привилегии дворянства. Иначе говоря, это так называемый вариант «закона о кухаркиных детях».

Хотя Милютин и Козлов не собирались сдаваться, но, в конце концов, после двухлетней борьбы, Академия осталась в ведении Военного министерства.

Отставка Козлова в 1881 году явно носила следы политических изменений при Александре III, когда были изгнаны либеральные деятели прошлого царствования: великий князь Константин Николаевич, Лорис-Меликов, Милютин, Абаза, Валуев и другие.

Умер Николай Илларионович 29 сентября 1889 года.

Известно, что великий русский писатель В.В. Набоков приходился правнуком Николая Илларионовича Козлова по линии матери. Вот, что пишет о нем Владимир Владимирович: **«Гораздо ближе мне другой предок, Николай Илларионович Козлов (1814–1889), патолог, автор таких работ как «О развитии идеи болезни» или «Сужение яремной дыры у людей умопомешанных и самоубийц»** – в каком-то смысле служащих забавным прототипом и литературных и лепидоптерологических моих работ. Его дочь Ольга Николаевна была моей бабушкой... Его другая дочь, Прасковья Николаевна, вышла за знаменитого сифилидолога Тарновского и сама много писала по половым вопросам; она умерла в 1913 году...».³³⁵ А здесь интересно то, что предок, оказавший самое большое влияние на выбор жизненного пути Владимира Владимировича остается без национальности. Хотя говоря о своих корнях, он не стесняется называть и наличие в них немецкой крови вестфальцев-крестоносцев. Тут бы и вспомнить кому принадлежит Святая земля. Чем вызвано молчание Набокова – непонятно. «Другие берега» впервые опубликованы в 1954 году.

Александр Илларионович
Козлов

У Николая Илларионовича Козлова был младший брат Александр (1816–1895), также врач. Он учился в Казанском университете, откуда был выпущен лекарем. Продолжал обучение в Дерптском университете, где в 1848 защитил докторскую диссертацию.

В 1858 году Александра Илларионовича Козлова назначили профессором акушерства в казанский университет. Он считался автором многочисленных работ по медицинским вопросам.

Исторический интерес представляла статья «Новое средство (xanthid. Spinos) против водобоязни у укушенных бешеными животными» (1855 г.), перепечатанная многими журналами.

И коли мы говорим о медиках, стоит вспомнить великого русского врача Григория Антоновича Захарьина (1829–1897). О его еврейском происхождении сообщают разные источники. Наиболее солидный – это воспоминания Палеолога «Около власти» (*без пинации, но видимо около 30 года XX века.*) В главе «Вселенская держава» он вспоминает массу выдающихся людей России, верой и правдой служивших империи. Среди них он выделяет профессора Захарьина. По другим источникам известно, что фамилия матери врача была – Гейман. Находилась ли она в родстве со знаменитым кавказским генералом – неизвестно. Захарьин пользовал многих сильных мира сего, в том числе и царя Александра III, и антисемиты не постеснялись обвинить его в смерти государя.³³⁶

ДАНИЛЕВСКИЕ

Данилевский Александр Яковлевич (1838/1839–1923), био-

Александр Данилевский

химик, основатель первой научной школы. Великий ученый родился в семье крещёных евреев – часовщика Якова Петровича и его жены Елены Степановны Данилевских. Русские имена не должны нас смущать: так например, жена еврея вице-канцлера Петра Великого П.П. Шафирова, урожденная Копьева была тоже Степановна, хотя настоящее ее отчество было – Самуиловна.

Где родился Яков Петрович мне неизвестно, но он переехал в Харьков из Риги в начале 50-х годов XIX века. В период 1852/1853 годов покупает фотоателье у одного из первых фотографов России В.А.Зайцева. Во время Крымской войны Данилевский едет в Острогожск, где были расквартированы военные. Небольшое напоминание: первые фотографии появились в 1839 году, «дагерротипы», названные так по имени изобретателя Луи-Жака Дагерра. В России фотодело было совсем новым, и, по-сему, Яков Петрович надеялся заработать на фотографиях офицеров, уезжающих на войну. Стоимость снимков была очень высокой – от 10 рублей и выше. В это время у старшего Данилевского появляется помощник Иван Крамской (*не путать с художником*), ставший впоследствии знаменитым петербургским фотографом-ретушером. Его называли Богом ретуши. Вместе со своим юным спутником они объехали с фотоаппаратом всю глубинку Европейской России и Украины. Они побывали в Харькове, Орле, Курске, Москве, Туле, Казани, Нижнем Новгороде и т.д., во многих местах став первопроходцами фотографии. Яков Петрович в 1857 году остается один и продолжает разъезжать по градам и весям империи. За это время он усовершенствовал технику и технологию приготовления фотоматериалов. Много сил он потратил на поиски слюдового песка в Лебединском уезде. Слюдовый песок содержал серебро и был необходим для улучшения качества фотографического процесса. Работы Данилевского раритетны и находятся во многих музеях Украины и частных коллекциях. Он зафиксировал на пленку многих государственных деятелей, писателей, ученых. Менее известны фотографии с видами природы и городского пейзажа. Но

они существуют. В конце-концов Я.П. Данилевский поселился в Харькове, на Николаевской площади в доме Куликова. Фотоделом он занимался до начала 1870-х годов, воспитал талантливых детей-ученых: Александра Яковлевича, Василия Яковлевича и, менее известного, Константина Яковлевича.

По воспоминаниям родственников Яков Петрович был мастер на все руки и полон изобретательности и энергии. У его родственников в 50-х годах XX века хранились сконструированные им часы с различными замысловатыми механизмами. Часы исправно ходили. Его дочь – сестра великих ученых Антонина Яковлевна Данилевская-Александрович, вспоминала, что отец много времени потратил на проектирование снегоочистителя для Курско-Харьковско-Севастопольской железной дороги. Якова Петровича интересовали не только технические изобретения, но известно, что он потратил свои скудные средства на экспедиции по районам Курской и Орловской губерний. Эти экспедиции увенчались успехом – открытием залежей железной руды в Ливенском уезде Орловской губернии и прилегающих уездах Курской губернии. В маленькой тесной квартире, Яков Петрович оборудовал крохотную лабораторию, где он определял химический состав, обнаруженной породы. В этой же лаборатории старший Данилевский занимался не только химией и минералогией, но и модной, и новой тогда фотографией. И фотография стала основным заработком самородка. Первенец был Александр – великий ученый. В 1860 году родился седьмой ребенок – дочь Антонина, которая здравствовала до 1955 года!³³⁷

Итого четыре сына и три дочери. Все сыновья получили высшее образование и стали врачами. Это семье далось нелегко, но они преодолели невероятные трудности. Трое: Александр, Василий и Константин – заняли видное место в русской и мировой науке. Подобно отцу дети были разносторонними учеными и проявляли огромное трудолюбие. Поскольку они были и изобретателями, это помогало им при проведении весьма сложных исследований.

Наиболее разносторонним был Константин Яковлевич Данилевский, о котором известно очень мало. Свою деятельность он начал врачом-физиотерапевтом и электрофизиологом, а продолжил её, работая над усовершенствованием летательных приборов, пропиткой кож металлами и над многими другими изобретениями. В конце XIX века, а точнее в 1897 году, в Харькове проводил воздухоплавательные опыты: над городом появлялся удивительный летатель-

ный аппарат, по-видимому это был аэростат, имеющий вид вытянутого баллона, под которым на тонких тросах висело кресло с человеком, махавшим большими створчатыми крыльями. Свой аппарат он называл «махалетом», а жители города «воздушным велосипедом». Обыватели привыкли: все знали, что доктор Константин Данилевский проводит эксперименты. Это была досамолетная эпоха, а чудачу-доктору хотелось создать «уютный и доступный для всех летательный снаряд». В одной из научных статей Константина Яковлевича называют строителем первого в России управляемого воздухоплавательного снаряда, осуществлявшего систематические полеты. Конечно, в свете сегодняшнего дня эти опыты кажутся примитивными. Но вспомним благородные слова профессора Константина Яковлевича Данилевского: «Ничего нет легче вчерашнего, ничего нет труднее завтрашнего».

Старший из братьев, Александр Яковлевич, сосредоточил свое внимание на проблемах биологической химии и его законно называют основоположником этой науки в России. Александр Яковлевич сделал открытия в деле изучения природы белков и ферментов.

Окончил курс медицинского Харьковского университета в 1860г., после этого усовершенствовался в заграничных клиниках. В 1863 году защитил докторскую степень и в том же году начал работать экстраординарным, а вскоре и ординарным профессором «медицинской химии и физики» в Казани. В 1871 году вышел в отставку. Причина: вместе с группой «прогрессивных» профессоров пошел на этот шаг, протестуя против увольнения знаменитого ученого П.Ф. Лесгафта. С 1875 года работал в министерстве народного просвещения.

С 1878 года по 1885 почти без перерыва работал за границей. В 1886 году Данилевский был избран профессором «физиологической химии» в Харькове. С 1892 года он был переведен на ту же должность в Военно-медицинскую академию. С 1906 по 1910 – занимал должность начальника Военно-медицинской академии и достойно носил генеральское звание. Антисемиты вменяли ему в вину, что в Академии завышена процентная норма, хотя за три года (1907/1909) евреи составляли в ней всего-навсего полтора процента!³³⁸ Основные труды Данилевского – по биохимии питания, по химическому строению и обмену белков. В годы советской власти он являлся член-корреспондентом Академии наук СССР.

Из речи черносотенца Пуришкевича, произнесенной на заседании Государственной Думы 22 марта 1910 года можно извлечь многое. А при посещении Военно-Медицинской академии Пуришкевич беседовал с её начальником, генералом А.Я. Данилевским, на предмет создания черносотенной организации в стенах академии. На резонное замечание, что военное учреждение должно быть свободно от политических партий любого толка, черносотенец ретировался, но продолжал утверждать, что выпускники академии – их число достигало 130 человек, в громадном большинстве отказались присутствовать при исполнении смертных приговоров. Лишь девятнадцать человек были согласны участвовать в военно-полевых судах. Отсюда делался вывод, что Военно-Медицинская академия подвержена левому влиянию под «талантливым» руководством генерала Данилевского.

Во время посещения академии, член Думы Пуришкевич посетил библиотеку и обнаружил там крамолу: оказывается в ней отсутствовали газеты и журналы правого толка, вроде «Земщины», «Русского Знамени» и прочего подобного, но, о, ужас, в читальне отсутствовало даже и «Новое время»! А вместе с тем в военном учреждении висел портрет ...Л.Н.Толстого, «проповедующего непротivление». Как же так! Оказывается военное учреждение имеет «левые наклонности».

Пуришкевич продолжает: «...здесь было указано на то, что в стенах Военно-Медицинской академии имеются евреи. Я, господа, конечно, чужд того, чтобы приписывать пребывание евреев происхождению из евреев начальника Военно-Медицинской академии, генерала Данилевского, но тем не менее это наводит на некоторые размышления по поводу пребывания в стенах того учреждения, где евреев быть не должно. Я думаю, что раз существует такой закон, такие правила, то какого бы происхождения начальствующие лица ни были, они прежде всего должны помнить тот закон, который существует и быть его блюстителем... Я думаю, что если бы я был Военным Министром..., то я, обратясь к начальнику Военно-Медицинской академии и, ознакомившись с положением дела..., призвавши его сказал бы: Ваше превосходительство, вы вероятно понимаете, что при данных обстоятельствах вы не на месте».³³⁹ Генерал-лейтенант М.В. Грулев в своих воспоминаниях упоминает секретные циркуляры, где требовалось выискивать предков-инородцев вплоть до **третьего** поколения! До Нюрнбергских законов оставалось 30 лет... Но Россия и тогда была впереди «планеты всей». И все это напоминает советские тайные инструкции, устные приказы об изгнании евреев с государственной службы.

В качестве примера Грулев приводит «факт, звучащий диким анекдотом: начальник военно-медицинской академии, Данилевский, не мог зачислить в академию своего сына, потому что сам он был сын еврея».³⁴⁰

В защиту начальника академии выступили кадеты и еврейские делегаты. Среди них был депутат от Курляндской губернии Л. Н. Нисселович, который среди прочего ссылаясь на слова самого Пуришкевича, что генерал Данилевский человек «доблестный и талантливый», но, увы, у него лишь один единственный недостаток – он еврей. Это вопиющее противоречие, ибо евреи находятся в равном положении во многих странах мира, в т.ч. и в Германии.³⁴¹

Как ни нелепо обвинение Пуришкевича, поддержанное небезызвестным Марковым, Военное министерство уволило прославленного ученого с поста начальника Военно-Медицинской академии. Здесь вероятно следует предположить, что увольняли человека генеральского чина и, по-видимому, действительного тайного советника. По крайней мере, в таком звании был предшественник Данилевского на посту начальника Военно-медицинской академии Николай Илларионович Козлов, еврей-выкрест.

Можно рассказать об одном из эпизодов жизни и деятельности Александра Яковлевича, связанном с реформами в армии после русско-японской войны. Здесь пути начальника Военно-медицинской Академии генерала Данилевского перекрестились с выдающимся военным министром (1905/1909 г.г.) генерал-адъютантом Александром Федоровичем Редигером (1853–1920). Совместная работа сделала их друзьями. Во всяком случае, среди нескольких десятков лиц, присутствующих на свадьбе Редигера присутствовал и Данилевский.

Общая же работа сводилась к улучшению солдатского питания. Реформа, немного улучшавшая рацион, была проведена сразу после назначения Редигера министром, но она была явно недостаточна. Идея Александра Яковлевича сводилась к тому, чтобы резко разнообразить рацион питания. В военной академии была закончена крупная работа о питательности и усвояемости различных сортов дешевой рыбы. «Нижние чины» должны быть сыты. Накормить 1,5 миллиона солдат мирного времени для России всегда было большой проблемой. Данилевский обратил внимание на то, что усвояемость солдатского рациона неудовлетворительная. В первую очередь это относится к вареному мясу. Он предлагал чаще солдат кормить жареным или тушеным мясом, рыбой, сырами и ...белым (пшеничным) хлебом, как

более удобоваримыми продуктами. Но, увы, средств не хватало. Ибо пришлось бы менять всю систему полевых кухонь. Со своей стороны Данилевский в академии провел двухгодичные опыты с добровольцами-врачами и пришел к положительным результатам. Но, увы, к этому времени, царское правительство избавилось от единственного военного министра, который был на своем месте. Всю эту историю довольно подробно рассказывает в своих мемуарах сам Редигер.³⁴² Добавим от себя, что спустя год после отставки Александра Федоровича, в журнале «Разведчик» другой генерал, еврей-выкрест М.В. Грулев предлагал улучшить питание солдат за счет субпродуктов: рагу, котлет, студня и тому подобных продуктов. Предложение было отвергнуто с истинной откровенностью: «военное начальство признало, что если простолюдина в течение трех лет службы приучать к подобным яствам», доступным далеко не всем относительно зажиточным горожанам, то служба «развратит» крестьянскую молодежь, «ибо кто же после казенных рагу, котлет и студня захочет вернуться в деревню, где часто за недостатком средств едят хлеб с мякиной, а мясо видят не более двух раз в году».³⁴³

Данилевский Василий Яковлевич (1852–1939), физиолог, философ, действительный член Академии наук Украинской ССР, заслуженный деятель науки УССР. Как и брат, воспитывался в Харьковской гимназии, а затем учился в Казанском университете, но закончил медицинский факультет Харьковского университета на кафедре знаменитого физиолога И.П. Щелкова. *(В.Я. Данилевский, автор воспоминания о своем учителе)*. В 1877 году защитил диссертацию. В 1878/79 годы был командирован за границу, где работал в крупнейших лабораториях Фикка, К. Лудвига и Ж. д'Арсонваля. С 1880 по 1883 состоял преподавателем физиологии в Харьковском ветеринарном институте. С 1883 до 1910 года был профессором физиологии родной Alma Mater. Организатор Харьковского женского медицинского института, открытого в 1910 году, несмотря на яростное сопротивление властей. Он организовал Украинский институт эндокринологии и органотерапии. Его труды публиковались в русских и иностранных журналах и касались физиологии головного мозга, «животной теплоты», мускульной системы, гипнотизма у животных, физиологии сердца и многие другие работы.

Василий Данилевский

Всего им опубликовано 217 научных работ, в том числе трёхтомный капитальный учебник физиологии. В годы борьбы за приоритет русской науки В.Я. Данилевский удостоился «великой чести» – «забыли» о его еврейском происхождении. В это время году вышла книга «Данилевский В.Я., Сеченов И.М и Вериго Б.Ф. Первые отечественные исследования по электроэнцефалографии».³⁴⁴ Е.А. Финкельштейн писал: «Открытия Василия Яковлевича послужили исходным пунктом для ряда работ И.Р. Тарханова, В.М. Бехтерева, Н.А. Миславского, Д.Л. Романовского, Н.А. Сахарова, В.Л. Якимова и многих других передовых отечественных и иностранных ученых».³⁴⁵

Виктор Васильевич Данилевский (1898–1960) – сын Василия Яковлевича – русский историк техники, книговед, академик Академии Украинской ССР, профессор ленинградского Политехнического института. В годы борьбы за приоритет русской науки в 1947 г. издал книгу «Русская техника». Много места уделил истории отечественного книгопечатания. Главный труд В.В. Данилевского «Русская техническая литература 1-й четверти XVIII века» (*М, 1954*). Монография о русском первопечатнике Федорове оказалась незавершенной.

КЛАН БЕРТЕНСОНОВ

Среди могучего и очень талантливого семейства были люди мужественные, сохранившие веру своих предков – иудаизм, и люди, давшие «слабину» – крестившиеся и обретшие карьеру при помощи православия и другие, «избравшие компромисс» – лютеранство. Благо Териоки, где была протестантская кирха, находились рядом с Питером...

Бертенсон Иосиф, врач, дядя Бернарда и Иосифа Васильевичей Бертенсонов. Год и место рождения неизвестны. В 1832 году выдержал при петербургской медико-хирургической академии экзамен на ветеринара, в 1833 году – на лекаря. В 1835 году временно работал врачом в Богуславе Киевской губернии. В 1836 году обратился к гражданскому штаб-доктору с прошением, в котором доказывал, что положение о евреях 1835 года предоставило право на государственную службу всем евреям-врачам, а не только тем из них, которые имеют степень доктора медицины. Государь Николай I по доброте душевной утвердил это постановление, однако с тем, чтоб евреи служили только в Западном крае, иначе – внутри «черты оседлости». Иосиф Бертенсон в 1837 году был назначен уездным врачом в город Проскуров, Подольской губернии, затем перемещен в г. Литин. В 1844 году произведен в титулярные советники. Женат Иосиф Васильевич был на дочери М.П. Храповицкого, витебского предводителя дворянства. Не стоит говорить, что Храповицкие – один из старых дворянских родов, из которых, вышел и секретарь Екатерины Великой – писатель Александр Васильевич и его брат – поэт Михаил Васильевич и знаменитый митрополит Антоний Храповицкий – церковный деятель и духовный писатель.

Бертенсон (Бертензон) Бернард Васильевич. Родился в 1815 году в Николаеве, умер в 1871 г. в Одессе. Он был братом Иосифа Васильевича и отцом Василия и Льва. Обучался в одесском еврейском училище Штерна. Поступил в Харьковский университет на медицинский факультет, однако его не закончил, занявшись педагогической и литературной деятельностью. Сотрудничал в «Одесском вестнике», а также в еврейско-русских изданиях: «Рассвет», «Сион», «День». В 1842 году перевел с немецкого повесть Фебуса Филлипсона «Die Maranen» («Мараны», *Одесса, 1842*). О повести имеется отзыв в «Отечественных записках») на русском языке. В течение 28 лет служил в Одесской городской думе, где заведовал «еврейским столом», был секретарем «Труда».

Бертенсон Иосиф Васильевич, (1833–1895) почетный лейб-

И.В. Бертенсон

медик Высочайшего двора. Родился в городе Николаеве. В зрелом возрасте принял лютеранство. В 1855 окончил Дерптский университет со степенью доктора медицины. После четырехлетней практики в крестьянской среде Калужской губернии, отправился за границу. Начиная с 1861 года слушал лекции крупнейших светил того времени: Вирхова, Траубе, Шкоды, Гельмгольца и др. Побывал в Берлине, Гейдельберге, Вене, Праге, Париже. В 1865 году назначен редактором журнала «Архив судебной медицины и общественной гигиены». С 1866 года началась широкая врачебно-санитарная деятельность в борьбе с эпидемиями и заразными заболеваниями в столице. Его стараниями была создана постоянная Рождественская городская больница инфекционных заболеваний. С 1870 по 1876 год редактировал «Вестник Общества попечения о больных и раненых воинах». Во время франко-прусской войны совместно с Н.И. Пироговым были на театре военных действий, откуда Бертенсон присылал корреспонденции по вопросам военно-санитарного дела. По инициативе Бертенсона в Петербурге был открыт первый барачный лазарет, директором которого он был до 1894 года, и лечебница для проходящих больных имени герцогини Эдинбургской. Целью этих учреждений было улучшить качество работы и повысить научный уровень низшего медицинского персонала. С этой же целью он основал школу лекарьских помощников и фельдшерниц, т.н. «Рождественские курсы» при барачном лазарете. Он вел эти курсы 22 года подряд. Написал около 60-ти медицинских трудов и среди них «Гигиеническая сторона крестьянского вопроса», не потерявшая значение до нашего времени.

Бертенсон Василий Бернардович родился в Одессе в 1853 году, умер в 1933 году. Его мать была родной сестрой Р.С. Святловской, окончившей в 1875 году в Берне медицинские курсы, активнейшей участницы Сербско-турецкой войны 1876/1877 года и последующей Русско-турецкой войны. Она же организовала приют лицам профессионального женского образования, для обеспечения покойной старости. Василий Бернардович учился в Медико-хирургической академии в 1874/1879 гг. Арестован по подозрению в революционной дея-

тельности, но вскоре освобожден. В 1876 году отправился добровольцем на сербско-турецкую войну. Служил в Петербургском морском госпитале. Старший врач Отдельных гардемаринских классов. Работал в страховом агентстве «Эквитебль» и в турецком посольстве. Как и все семейство Бертенсонов испытывал тягу к миру литературы и искусства. Среди его многочисленных знакомств писатели, поэты, композиторы: В.А. Соллогуб, А.Н. Апухтин, братья Петр и Модест Чайковские, М.П. Мусоргский, Цезарь Кюи, Н.С. Лесков, С.Н. Шубинский, а также политические деятели, такие, как М.Т. Лорис-Меликов, П.С. Ванновский и другие. Автор воспоминаний, опубликованных в «Историческом вестнике». Для каждого из своих персонажей он нашел место в своей памяти и в сердце. Василий Бернардович был человеком правых политических взглядов и на медицину смотрел, как на точную дисциплину, которой теории Маркса и Каутского абсолютно не нужны, что не помешало ему прижиться в советское время.

Бертенсон Лев Бернардович (1850–1929), родился в Одессе, врач и гигиенист, лейб-медик, принявший лютеранство. По окончании курса медико-хирургической академии, занимался в клиниках профессоров Экка и Эйхвальда. Затем работал консультантом у своего дяди в «Рождественской» городской больнице и в Николаевском военном госпитале. С 1890 года член ученого комитета горной промышленности, с 1898 года непременный член медицинского совета, с 1903 года совещательный член военно-медицинского ученого комитета. По инициативе Бертенсона введено преподавание первой помощи при несчастных случаях и профессиональной гигиены в горных училищах и в горном институте. Бертенсоном была основана Всероссийская лига борьбы с туберкулезом, участвовал в принятии санитарных законов по защите рабочих. Автор многочисленных научных трудов. Один из первых борцов с проституцией в России.

Л.Б. Бертенсон

Бертенсон был связан личным знакомством со многими писателями: Тургеневым, Чеховым, Горьким. По просьбе Софьи Андреевны Толстой он срочно выезжал из Петербурга в Крым в связи с ухудшением здоровья писателя. После общения между Львом Николаевичем и доктором возникла переписка, а воспоминания Бертенсона о Толстом неоднократно издавались. Также дружил доктор со своим пациентом, гениальным композитором Модестом Мусоргским, но увы, спасти друга от тяжёлого заболевания ему не удалось.

Бертенсон возглавлял также группу врачей, лечивших П.И. Чайковского.

Два Льва – Толстой и Бертенсон

Революция застала Бертенсона в Одессе. Он бедствовал, как и большинство русской интеллигенции, но ему повезло в том, что его знал лично нарком здравоохранения Н.А. Семашко, и, благодаря усилиям того, старого «Льва» перевезли в Петроград. Поначалу его поместили в дом отдыха, а с 1922 года до смерти он жил в доме для престарелых ученых. Также знамениты двое сыновей Бертенсона – Михаил и Сергей.

Михаил Львович Бертенсон (1882–1938), моряк, профессиональный военный, капитан 2-го ранга. Служил в царской армии, а после революции служил в красной армии. Похоронен на Никольском кладбище. Судя по захоронению, не был репрессирован.

Сергей Львович Бертенсон (1885–1962), родился в Териоках, умер в Голливуде. Блестящий специалист по истории русского театра, историк русской литературы, автор голливудских сценариев. Сергей Львович, знакомый и друг множества деятелей русской культуры, работал в МХАТе, и в 1923 году вместе с труппой был на гастролях в США. Вероятно, тогда он и решил навсегда остаться в Америке. Конечно, порывать с родиной было тяжело, но если предположить, что ждало его в сталинской России, то следует признать этот шаг спасительным. Михаил Чехов в предисловии к своей книге «Техника актера» благодарит за помощь Сергея Львовича. С.Л. Бертенсон – автор многих воспоминаний о своих современниках и очень обидно, что они не собраны в одной книге. Часть я выудил из Нью-Йоркского журнала времен войны «Новоселье». Особенно блестяще эссе о композиторе Рахманинове. Свои воспоминания он назвал «Образы прошлого». Стиль его маленьких новелл блестящ. Со страниц старого журнала встают именно «образы» Бориса Львовича Модзалевского, Анатолия Федоровича Кони, пианиста Горовица и многих других. Жаль, что ему не удалось издать свои эссе отдельной книгой. Жаль... Хотя есть работа о Голливуде, вышедшая в 1957 году

под знаковым названием «Вокруг искусства». Из работ вышедших до революции следует отметить библиографию материалов о Н.В. Гоголе (1903 г.), работу о современнике А.С. Пушкина поэте, драматурге, театральном деятеле П.А. Катенине (1909 г.) и прекрасную работу о И.И. Сосницком – «Дед русской сцены» (1916 г.).

Бертенсон Василий Алексеевич был по профессии агрономом, возведенным в дворянское достоинство. Родился в Одессе в 1860 или 1861 году. Учился в Новороссийском университете и в Петровско-Разумовской академии в Петербурге. Был секретарем одесского филоксерного комитета и комитета шелководства при обществе сельского хозяйства Южной России. Сотрудничал в «Земледельческой газете», в журналах «Сельское хозяйство и лесоводство», «Вестник русского сельского хозяйства», в «Записках Императорского общества сельского хозяйства южной России». Позже занимался борьбой с филоксерой – мошкой, погубившей знаменитые французские виноградники, писал о мерах по развитию шелководства в Херсонской, Бессарабской и Таврической губерниях. Писал о виноградарстве на песчаной почве, о туркестанской люцерне и др. проблемах. Многие работы Бертенсона изданы отдельно брошюрами. С большой теплотой вспоминал в мемуарах о директоре Петровской лесной академии, крупном лесоводе профессоре Федоре Карловиче Арнольде (1819–1892). Бертенсон принимал участие в еврейских благотворительных организациях.

ЛЕОНАРД ЛЕОПОЛЬДОВИЧ ГИРШМАН

Леонард Гиршман (1830–1921), гений офтальмологии. Из семьи

Л.Л. Гиршман

крещеных евреев. После окончания Харьковского университета стажировался у виднейших немецких врачей. В последствии Гиршман стал заслуженным профессором и директором глазной клиники Харьковского университета, созданной на средства, собранные по подписке, и носившей его имя (1908 г.). Один из основоположников знаменитой харьковской школы медицины. Создатель харьковского общества попечительства о слепых и училища для слепых. Пятьдесят лет Гиршман вёл свою практику, жил скромно,

никогда не думая о гонорарах, которые оставляли ему на столе пациенты. Со всех мест к нему стекались больные. Имя Гиршмана было популярно на всем юге России. Если больной не обладал средствами, то Гиршман покупал ему лекарства. **Всего он принял около миллиона пациентов!** Академик Ковалевский говорил: «Не такие люди, как он, способны обострить наши отношения к «инородцам». Да ничего подобного этой племенной ненависти в то время нельзя было заметить ни в среде студентов, ни между профессорами. Были у меня товарищи поляки, евреи, караимы и черкесы, между ними мы не уснавливали различия. ...».

РАФАЛОВИЧИ

Рафаловичи – семья финансистов. Основатель банкирского дома «старик» **Федор Рафалович**, «который принял православие и был очень ревностным православным; ходил постоянно в церковь, состоял старостой в ней, находящейся недалеко от того дома, в котором я жил, т.е. от гостиницы «Неаполь». Это был в высокой степени почтенный человек; фирма его была одна из самых больших, лучших фирм в Одессе. Когда он умер, дело его унаследовали сыновья: **А.Ф. Рафалович**, старший сын был одесским банкиром; **Георгий (Герман) Федорович Рафалович**, младший сын – был нечто вроде парижского рантье – человеком, нажившим большое состояние и не занимавшимся никакими делами, вроде миллионера на отдыхе. Но и русский финансовый агент во Франции, как и его сын. Он был отцом **А.Г. Рафаловича**.

Министр финансов Российской империи Александр Агеевич Абаза информировал С.Ю. Витте: «Я вот с Рафаловичем постоянно имею различные дела; Рафалович мой банкир – я ему даю поручения, например, продажу всех продуктов из моих имений ему поручаю. Я эту фирму знаю давно и ей вполне доверяю».³⁴⁶ Чрезвычайно интересный диалог двух министров финансов о банкирском доме. С.Ю. Витте, потомок Шафировова, был самого высокого мнения о семействе Рафаловичей. Все это, однако, не помешало Абазе «принудить» Рафаловича играть незаконно на бирже. Рафалович в результате этого разорился и просил помощи у всесильного Витте. Витте исследовал дело и принял сторону Рафаловичей, рассказав об этой некрасивой истории Александру III. По требованию Витте, была создана правительственная комиссия, которая подтвердила выводы Сергея Юльевича. Благодаря «государственному вливанию» фирма Рафаловичей была спасена от разорения. Все, как сегодня...

Впрочем шантаж и угрозы от черной сотни в адрес Рафаловича и Витте продолжались, несмотря на то, что правительственная комиссия подтвердила правильность действий Сергея Юльевича. Племянник Абазы неоднократно угрожал дуэлью Витте.

Рафалович Артур Германович (1851/1853–1921) был выдающимся экономистом. Родился в еврейской семье в Одессе. С 1891 года издавал ежегодник «Финансовая биржа», в котором давал картину экономического развития стран. Считался крупнейшим экспертом по мировой экономике.

Во времена создания и усиления франко-русского альянса и вплоть до смерти жил в Париже. С 1894 года по 1917 год – агент Министерства финансов России во Франции. С.Ю. Витте был самого высокого мнения о Рафаловиче и посредством закулисных интриг и подкупа прессы добился через своего агента займа после русско-японской войны.

А.Г.Рафалович

Рафалович Карп Матвеевич (1793–1871), генерал-лейтенант. О его происхождении мы почти ничего не знаем, кроме утверждения, что он родился в дворянской семье. Карьеру он начал прапорщиком в Отечественной войне 1812 года. Затем участвовал в кампаниях в Западной

Европе. Его Черниговский полк участвовал во всех сражениях с Наполеоном. Во время Русско-турецкой войны 1828/1829 г.г. за боевые подвиги произведен в подполковники, а с началом восстания поляков в 1830 году был отправлен в Польшу во главе Кременчугского полка, отличившегося при взятии Варшавы. Награждён орденом св. Георгия 4-ой степени. В Венгерской компании отличился в сражениях под Вайценом и Дебречинем (28 августа 1848 года). В Крымской войне 1853/1856 г.г. в чине генерал-майора одержал блестящую победу над турками на Сомовом Гирле, за что получил орден св. Анны 1-й степени. Во время осады Севастополя находился в рядах Крымской армии. В 1857 году вышел в отставку, с производством в генерал-лейтенанты. Поселился в городе Житомире (*вряд ли случайно*). Скончался 25 сентября 1871 года.

ВАРВАРА АЛЕКСАНДРОВНА РУДНЕВА-КАШЕВАРОВА.

Говоря о первых женщинах-врачах в России, следует помнить имя доктора медицины Варвары Александровны Рудневой-Кашеваровой (1841–1899). Она родилась в Витебской губернии в еврейской семье бедного учителя (*меламеда*), где и жила до 12 лет. Мы не знаем ее девичьей фамилии, имени, отчества. В Синоде найден документ, где приводится девичья фамилия – Нафанова. Но, вероятно, это или искажение еврейского имени, или фамилия крестного. В автобиографии она указывает год рождения приблизительно 1848, но это, кажется, женское кокетство. Исследовательница жизни Кашеваровой – Е.Д. Заблудовская указывает другую дату – 1842 год. Если же принять ее собственную дату рождения, то выясняется, что она окончила акушерские курсы в 1858 году, т.е. в возрасте десяти лет, что, естественно, не соответствует действительности. Жила она у меламеда в г. Чаусы Могилевской губернии и лишь затем переехала в Велиж Витебской губернии. Трудно сказать, как появилось на свет это дитё: в воспоминаниях не сообщается никаких сведений ни об отце, ни о матери. Можно предположить, что меламед был ее отцом, но он, овдовев, женился вторично и привел в дом мачеху. И тут начались муки девочки. С восьми лет ее нагружали непосильной работой. С ней обращались плохо, грубо, часто били. «Меня никогда не покидало чувство полнейшего бесприютного одиночества».³⁴⁷ Ей дали понять, что она отрезанный ломоть.

Кашеварова В.А.

Здесь следует остановиться и задать вопрос: «Что же было в действительности?» У местечковых евреев отношение к детям было вполне чадолюбивым. Чадолюбие – это то, что резко отличало наш народ всегда. Конечно, в семье не без уroda. Но нежелание распространяться о своем детстве было тайной, унесенной ею в могилу. Она жаловалась, что до двенадцати лет не была грамотной. Но это вряд ли соответствовало истине. Ибо, по ее же словам, испытывая тягу к знаниям, она прислушивалась к урокам арифметики своих «названных» братьев. Почему названных – нам не понятно. Уроки арифметики шли, как мы можем предположить, на идиш, что требовало элементарного знания еврейской письменности. Как бы то ни было, девочка в уме решала задачи намного быстрее братьев.

Кашеварова пишет в воспоминаниях, что она бежала от негостеприимного крова в Петербург, но в пути заболела и попала в больницу Царского Села, в отделение тифозных. Проллежала там более трёх месяцев. Поскольку некрещеным евреям нельзя было находиться в столице, то, полагаю, в её судьбе приняли участие добрые люди и помогли ей пройти обряд крещения. Также они собрали средства на дорогу и отправили девушку в Петербург.

Обычный путь для таких несчастных – панель. Но совсем юная и неискушенная жизнью Варвара Александровна обладала железным характером. Она мечтала получить какую-либо специальность, чтоб зарабатывать кусок хлеба. Можно почти с уверенностью сказать, что до двенадцати лет она не умела ни читать, ни писать по-русски. На первой ее квартире в Петербурге сын хозяина, гимназист, стал учить ее чтению прямо по книге, а не по азбуке. Предположение, что она умела читать и писать на идиш, подсказывает, почему учеба шла споро. С тех пор она пристрастилась к чтению. Семейство, в котором она жила, было очень бедное и они нашли выход из положения, предложив ей перейти на жительство к бездетному военному топографу «вместо дочери». Кажется, история повторилась, ибо жена топографа невзлюбила ее. А практически она научилась писать при помощи крестьянина Прохора, который и сам не был силен в грамоте. До конца дней сохранила она теплые воспоминания о простом мужике-учителе и ... ужасный почерк. Спасаясь от домогательств своего опекуна, совсем молодой вышла замуж за богатого купца Кашеварова. Ему было 36 лет, он был лыс и беззуб – новобранной же едва исполнилось 15 лет (что, конечно, преуменьшение), но купец не постоял за взяткой. Вероятно, (я часто употребляю это слово, но информация почти нулевая) супружеских обязанностей она не исполняла. Вступила в конфликт со свекровью и всей новообретенной семьей и вскоре покинула мужа. С большим трудом поступила в повивальный институт. Затем, как стипендиат Оренбургского казачьего войска(!?) изучала сифилиологию, для того, чтобы лечить башкир-мусульман, закон которых запрещает мужчинам лечить женщин. Она была человек иной моральной школы – посему она отказалась от получения диплома, хотя ее знания были признаны достаточными. Она просила продолжить образование в Петербурге. Это предприятие было возможно лишь благодаря ходатайству начальника Оренбургского края генерала Александра Павловича Безака, героя Крымской войны.

В 1863 году Варвара была прикомандирована в медико-хирургическую академию, где проучилась пять лет. И это вызвало сенсацию в обществе. Женщина-еврейка должна была быть очень осторожной и избегать всякого, даже малейшего участия в студенческих движениях. Обстановка в Академии была тяжелой. Единственная женщина на 1000 студентов – не шутка! За ней зорко следило начальство и добровольные «доброхоты», но она научилась осторожности. Начальство было недовольно появлением «амазонки» в Академии. Перед самым выпуском из Академии она получила уведомление, что ее отчислили из университета, максимум, она может получить лишь свидетельство о прослушивании пяти курсов. Но ей было не привыкать, и она выиграла право сдавать выпускные экзамены. Сдала она их блестяще!

Выпуск врачей Академии состоялся 9.XII.1868 года старого стиля. Дата, которую можно занести в разряд выдающихся: первая гражданка России, ставшая врачом, окончив русское учебное заведение. До Кашеваровой лишь несколько русских женщин получили диплом врача, но в зарубежных университетах. Среди них были и еврейки.

Из 85 студентов, окончивших курс академии, лишь трое были награждены золотыми медалями. И среди них, повторимся, на втором месте была Варвара Кашеварова. Крупнейшее событие, на которое откликнулась русская и мировая пресса. Например, этот факт перелетел океан и 27 февраля 1869 года в «Gazette New-York» было об этом сообщение. Софи Джекс-Блэк в своей книге «Женщины-медики» (*перевод с англ., СПб, 1873, с.36-37*) подчеркнула важность факта получения медицинского образования женщиной. Она так описывает торжественность обстановки, в которой Кашеваровой был вручен диплом врача: «Когда ученый секретарь академии произнес ее имя, гром рукоплесканий студентов-мужчин огласил зал и шум продолжался несколько минут; затем, когда кончилась церемония акта, товарищи г-жи Кашеваровой, посадив ее в кресло, с триумфом и восторженными криками пронесли по всем залам». Сама Джекс-Блэк, одна из первых студенток-медиков, отметила тот факт, что для России это был триумф. Но, скажем, в Эдинбурге первых женщин-студенток встретили обструкцией, их забрасывали оскорблениями и комьями грязи.

Хочется отметить, что еврейки были пионерами докторских дипломов по всему свету. Так, первая женщина в Италии, получившая степень доктора, была Эстер Бономи. В далекой Индии, в Калькутте докторскую степень получила Матильда Кон.

В Австралии первопроходцем была Констан Эллис и т.д. В числе десяти отличившихся В.А. Кашеварова получила право защищать диссертацию на степень доктора медицины, без требовавшихся для этого специальных экзаменов. Но сплетня сопровождала её всю жизнь. Поначалу говорили, что ее работами пользуется ее муж, известный профессор-медик М.М. Руднев (1837–1878). За него она вышла замуж после окончания курса. Затем компас поменял направление и стали говорить, что она эксплуатирует работы Руднева. Отсюда к защите докторской диссертации она была не допущена, несмотря на публикацию ряда выдающихся работ в Германии в «Архиве» Вирхова. Звание доктора (*как мы бы сказали: 3-й степени*) она получила лишь в 1876 году. Но все равно преподавание на женских медицинских курсах ей было запрещено. Парадокс России: стипендию она получала от Оренбургского края, но зачислить её в штат местного военного госпиталя – чиновники отказывались. Её покровитель генерал-адъютант А.П. Безак скончался в 1868 году. Причина была в страхе прецедента, т.к ей следовало бы предоставить права государственного служащего. Надо понять, что не только еврейское происхождение, но и нежелание дать женщине равноправие, не позволяли Варваре Александровне получить чин, как минимум, статского советника! К несчастью для Варвары Александровны, она рано овдовела, что и явилось одной из причин атак на нее правой прессы. С 1881 года Руднева жила в основном на своем хуторе в Воронежской губернии, занимаясь сельским хозяйством и медицинской практикой среди крестьян. Затем переселилась в Старую Руссу. Публиковала научные работы у Вирхова и популярные работы о женской гигиене. Естественно, что «Новое время» не могло не заметить еврейки-врача и опубликовало пасквильную повесть «Самохвалова-Самолубова», что привело к процессу Рудневой-Кашеваровой против редактора М.П.Федорова. Эти небольшие сведения почерпнуты мною из энциклопедии Брокгауза и Ефрона.³⁴⁸ Громадную роль в ее судьбе сыграл профессор Вениамин Михайлович Тарновский (1839–1906), крупнейший специалист по сифилису, ученицей которого она была. В то время Тарновский был уже женат на дочери главного военно-медицинского инспектора Николая Илларионовича Козлова – Прасковье Николаевне. Благодаря давлению Кашеваровой и профессора М.М. Руднева, Прасковья Николаевна решила учиться медицине. Её отец, Козлов, стал хлопотать о создании женских курсов, правда, поставив условием, что его дочь не будет на них учиться.

Судьба посмеялась над ним – его дочь одержала победу и поступила на открывшиеся курсы. Напомним, что профессор Николай Илларионович Козлов, действительный тайный советник, выдающийся деятель военной медицины и его брат, Александр Илларионович также крупный медик, были еврейского происхождения, дети оренбургского купца, о чем любезно сообщает «Военная энциклопедия».³⁴⁹ Но и на этом нет конца «еврейской истории»: Николай Илларионович Козлов был прадедом великого русского писателя Владимира Набокова, в свою очередь, женившегося на еврейке Слоним! Все возвращается на круги своя... О своем прадеде с восторгом пишет писатель в автобиографии «Другие берега»... Итак, Прасковья Николаевна приходилась двоюродной бабушкой писателю.

На обеде, данном в честь окончания академии, Кашеваровой устроили прием в доме Тарновских. Сама героиня пишет об этом так: «...меня чествовали на все лады и ставили на слишком высокий пьедестал... Я не могу припомнить всех, которые присутствовали на этом знаменательном для меня обеде. Помню только, что здесь были Н.Ил. Козлов, доктор Сутугин с женою, профессор Флоринский, Руднев и проч. Во время обеда хозяйка дома, Прасковья Николаевна Тарновская, обратилась ко мне с речью, в которой отдавая мне дань справедливости, в то же время выразила сожаление по поводу того, что всем женщинам, желающим следовать по моим стопам, совершенно закрыт путь к этому. Я, разумеется, поблагодарила любезную хозяйку, но после обеда, за чашкою чая, заметила Прасковье Николаевне, что ее заявление, будто женщины лишены возможности учиться медицине, не совсем верно, что стоит только самой любезной хозяйке захотеть хорошенько попросить своего отца Н.Ил. Козлова, здесь же сидевшего, чтобы делу высшего женского образования был дан самый широкий ход. К этому присоединились профессор Руднев, Флоринский и другие. Все присутствующие, с Прасковьей Николаевной во главе, обратились к Козлову, и этот последний обещал хлопотать. Тут же профессорам Рудневу и Флоринскому было поручено выработать программу для женских медицинских курсов – и начало было сделано. Через некоторое время к нам (*Варваре Александровне и ее мужу Рудневу. – С.Д.*) приехали Тарновские, и Прасковья Николаевна заявила, что отец соглашается хлопотать о курсах, если она даст слово не поступать на них. Мы с М.М. Рудневым, напротив, настаивали, чтобы она училась, создавая, как много пользы, на первое время, может принести курсам пребывание на них дочери главного военно-медицинского инспектора.

Мы одержали победу, и Прасковья Николаевна поступила в число учениц на открывшиеся курсы. Я имела счастье помогать своему супругу в его занятиях со студентами на первом же курсе».³⁵⁰ Что же касается Прасковьи Николаевны, то она много писала по половым вопросам и скончалась в 1913 году. По словам Набокова, ее последними словами была странная фраза: «Теперь я понимаю: все – вода». Мать Набокова рассказывала много о своей тетке.³⁵¹ Нелишне отметить, что при открывшихся четырехгодичных курсах при С-Петербургской Медико-Хирургической Академии в 1872 году числилось 86 учениц, из которых лишь четыре были иудейского вероисповедания, одна – католичка, две – лютеранки. Все остальные православные.³⁵²

С авторством пасквильной повести «Доктор Самохвалова – Самолюбова», опубликованной в «Новом времени» в 1879 году, было некоторое недоразумение. Автор пользовался псевдонимом «Незнакомец». В словаре Масанова указано, что этим псевдонимом пользовался сам Суворин. Публикация, конечно же, не принадлежала Суворину, а была опубликована с его благословения. Руднева-Кашеварова была мужественной женщиной и немедленно обратилась в суд. За честь врача вступились самые разные люди, включая Н.К. Михайловского и М.А. Антоновича. Разгорелась весьма неприличная полемика, где г. Суворин облил Антоновича помоями, который также в долгу не остался. Но вот что интересно. Оказывается, Суворин видел Кашеварову-Рудневу во время торжественного акта в медико-хирургической академии и имел честь читать адрес, поднесенный женщинами, в котором среди прочего было сказано, что «она должна была уничтожить то нелепое мнение, что женский элемент может иметь развращающее влияние в среде учащейся молодежи».³⁵³ Вместе с тем, и здесь Суворин беспощаден к Кашеваровой, отрицая ее вклад в женскую эмансипацию: «Та русская женщина, которая действительно хотела учиться и училась, с большим тактом следила за выдающимися сестрами и предъявляла им серьезные требования: кто поставлен в исключительное положение, кто так или иначе является представителем прогрессивной идеи, тот должен высоко держать свое имя и во имя идеи, быть может, отказаться от многих личных наслаждений. Это своего рода крест, и от женщины требуется непременно значительная доля самоотверженности. Г-жа Кашеварова совсем не считалась пионеркой, но, получив, по каким-то соображениям, одна из массы жаждавших образования женщин, право к достижению докторского диплома, она является женщиной, к которой в праве предъявить

русские женщины большие требования. Исполнила ли она хоть часть этих требований? Я не знаю. Я знаю только то, что русские женщины-доктора не ведут своей генеалогии от г-жи Кашеваровой, которая осталась как бы официальным депутатом в области научного развития женщины и вне женского движения к научному образованию; я бывал в обществе русских женщин-докторов, я знаком с некоторыми из них, но никогда не видал в этом обществе г-жу Кашеварову и никогда не слышал о ней ни одного слова, ни дурного, ни хорошего, точно ее совсем не существовало. Свою генеалогию в этом отношении русские женщины ведут от г-жи Суловой, которая действительно выказала замечательное самоотвержение, терпение, настойчивость и – да простит она мне что я об этом упоминаю – чисто пуританскую строгость нравов».³⁵⁴ Да, Суворин действительно негодяй! Больше всего умиляет борьба сатира – за чистоту женских риз. Это-то прославленный развратник и продажное перо, поставленный на страже нравственности! Все, что о нем писали современники – все истинно. Сущий евангельский фарисей и христородавец. Что же касается Надежды Порфирьевны Суловой (1848–1918, по первому мужу Эрисман, по второму мужу – Голубева), то она действительно получила диплом врача в 1867 году в Цюрихском университете. Ее заслуга очевидна. В начале 60-х годов она была вольнослушательницей Медико-хирургической академии и была отчислена за участие в студенческих беспорядках. И после этого она училась в Швейцарии. *(Надежда Порфирьевна известна также, как сестра Аннолинии Суловой, подруги Федора Достоевского. Достоевский считал ее в своих друзьях. Он ее уважал, но считал ее идеалом русской женщины – он не считал... «Незнакомец» врет на каждом шагу, даже в его представлении «о нравственности». Как известно, Надежда Сулова была членом т.н. «Слепцовской коммуны». И здесь ни о каких пуританских нравах речь не могла вестись. Сам писатель В.А. Слепцов, естественно хорошо знавший Сулову, в статье «Первая русская женщина-медик» писал: «Надежде Прокофьевне Суловой пришлось перенести от нашего общества очень много неприятностей; ей противодействовали на каждом шагу, на нее сплетничали, ее оскорбляли, старались набросить тень на ее личность и на ее дело, и только глубокая вера в свои силы и в правоту своего дела помогли ей не смущаться придирками общества и твердо идти к своей цели».*³⁵⁵ Можно добавить, что Н.П. Сулова находилась под надзором полиции с начала 60-х годов. Ее крестный путь похож на путь Кашеваровой-Рудневой, в том числе в «области» разнужданной клеветы.).

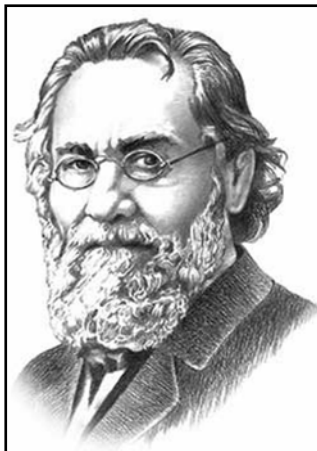
Суслова открыла двери для русских женщин в западных университетах. Так уже в зимний курс 1871/1872 в Цюрихском университете на медицинском факультете числилось 17 женщин из России (из 24), а летний курс 1872 года – насчитывал 44 русских студентки (из 51).³⁵⁶

Невозможность получить высшее образование тянула женщин из России в свободную Швейцарию, где Цюрих распахнул перед ними свои аудитории. Как выразился С. Степняк-Кравчинский: Цюрих стал Иерусалимом, откуда шел свет знаний. Но не только. Это была страна западной свободы, где социалистические идеи обсуждались в каждом кафе. Швейцария была наводнена русскими политическими эмигрантами. Шел обмен мнений и все эти новые идеи возвращались легально в Россию. Какие же меры приняла «разумная власть»? Как всегда: «Хватать и не пущать!» Правительство империи издало указ 1873 года, повелевавший всем подданным вернуться на родину под угрозой объявления их вне закона!³⁵⁷ Указ, конечно же, не достиг цели. В воспоминаниях В.А. Поссе есть небольшая справка: в 1890 году в Бернском университете училось 115 студенток, из них 75 было русских подданных. Большинство «великороссов», как пишет Поссе, были еврейки.³⁵⁸

Что же касается Кашеваровой – то она первая российская женщина, получившая диплом врача в России. А это – революция в женском равноправии! Умерла Варвара Александровна в городе Старая Русса на 51-ом году жизни от мучительных припадков сердечной болезни.

ИЛЬЯ ИЛЬИЧ МЕЧНИКОВ

Великий учёный И. И. Мечников (1845–1916) был вторым российским лауреатом Нобелевской премии в 1908 году. Отец Мечникова был родом из молдаван. Его предок после неудачного Прутского похода Петра I эмигрировал в Россию. При этом поменял фамилию Спфария на русскую кальку «Мечников», иначе, владеющий мечом. Мать – Эмилия Львовна, урожденная Невахович, дочь известного еврейского деятеля Иехуды Лейба бен Ноаха (Невахович Лев Николаевич; (1776/1778–1831), который в конце жизни принял протестантство и был похоронен на лютеранском кладбище в Петербурге. После крещения он был нобилитирован, получил дворянство и чин титулярного советника, стал состоятельным человеком, но находил время заниматься литературным трудом. Невахович был автором книги «Вопль дочери иудейской», призывал к еврейскому равноправию. Его сыновья, братья Эмилии Львовны: М.Л. Невахович (1817–1850) – знаменитый карикатурист, издатель первого российского юмористического сборника «Ералаш» (СПб, 1846/1849); другой брат – А.Л. Невахович (1819–1890) – драматург, заведующий репертуарной частью императорских театров. Старший брат великого ученого – Л.И. Мечников (1838–1888) – географ, публицист и социолог.

Илья Ильич Мечников

Из-за завистников и юдофобов Мечникову пришлось уйти из Одесского (Новороссийского) университета, который в настоящее время носит название Одесского национального университета имени И.И. Мечникова! После изгнания учёный с мировым именем был принят Пастером в его знаменитый институт в Париже

Мечников неоднократно встречался с С.Ю. Витте и искренне восхищался его государственным умом. При встрече с бывшим премьер-министром Мечников затронул вопрос еврейского равноправия. Граф Витте категорически высказался против политики правительства в отношении к «иногородцам» вообще и к евреям в частности. Раньше всего должна быть упразднена черта оседлости, а затем они должны быть уравнены в правах. Историк П. Берлин описал свою встречу с

И.И. Мечниковым в мае 1911 года в Москве. Разговор шел на медицинские темы, а затем перекинулся на еврейское происхождение ученого. «Да, мой дедушка был еврей Невахович». Илья Ильич отметил, что в семье матери о еврейских корнях не распространялись. «И напрасно – добавил он – Каждый человек должен знать какие в нем могут преломляться отражения...». ³⁵⁹ После смерти Мечникова из Парижа среди перечислений заслуг покойного, было упомянуто, что он первый раскрыл двери Пастеровского института русским евреям, не имеющим возможности найти работу в России из-за религиозной принадлежности. Это вызывало вой французских антисемитов, терзавших имя гения в связи с «еврейским засильем в научном центре». Достойный ответ дал им профессор Ру – директор института в газете «Figaro»: «... от тех, кто приходит работать в Институт, спрашивают не об их происхождении или религии, а талант и знания, и только по таланту принимаем. Такова традиция нашего учреждения». ³⁶⁰ Среди учеников Мечникова в Институте работали Безредка, Вольман – ассистент Мечникова, д-р Вейнберг из Одессы, бактериолог, великий учёный В.Хавкин, борец с холерой и чумой, чьим именем назван научный институт в Бомбее, д-р Шейн и др. Французские евреи также широко представлены в Институте Пастера. Когда Петроградский институт экспериментальной медицины предложил Мечникову место директора, тот отказался, опубликовав в печати письмо и предложив пригласить на этот пост молодых ученых, не считаясь с их национальностью и религией. Конечно, он знал, что призыв был «гласом вопиющего в пустыне». Любовь к еврейству у Мечникова была одним из проявлений желания справедливости. Он глубоко изучил Библию и Талмуд, еще во времена работы в Одессе, а сама идея о продолжительности жизни возникла у Ильи Ильича при чтении Библии, где патриархи жили 120-150 лет и «умирали сытые годами».

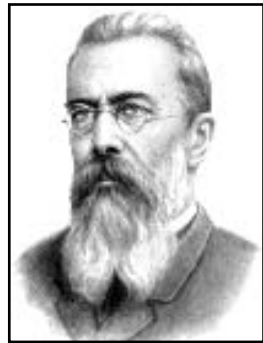
Любопытно, что по своим взглядам Илья Ильич был «консерватор» или точнее «постепеновец». Доктор М.Б. Слуцкий писал, что взгляды Мечникова не мешали ему дружить в Париже с русскими эмигрантами, вроде писателя и «социалиста» П.Л. Лаврова, историка культуры М.М. Ковалевского. Илья Ильич был идеалистом. В свое время он стоял у истоков франко-русского научного сотрудничества и мечтал о франко-германско-русском научном союзе. К счастью ему не пришлось познакомиться с коричневой чумой... Но, полагаю, война существенно сократила его жизнь...

Илья Ильич Мечников останется в истории научной мысли России, как один из самых великих сынов своей неблагодарной родины.

О РОДЕ РИМСКИХ-КОРСАКОВЫХ

В книге историка С.А. Бершадского³⁶¹ есть интересное упоминание о некоем еврее Шане: «Пан **Иван Корсакович** в 1502 году владел во Владимирском повете двумя селами, предком его был мытник, **жид Шан**, которому эти села были пожалованы великими князьями Витовтом и Швитригайлом (*в русской версии – Свидригайлло.*) То, что Корсаковы из этого рода, ясно из цитаты. Польские генеалоги считали, что Корсаки и дали русский род Корсаковых. Это подтверждают и русские источники: «Корсаковы – русский дворянский род, отрасль литовского герба Корсак...».³⁶² Из времен средневековых перенесемся в XIX век.

Композитор **Николай Андреевич Римский-Корсаков** (1844–1908) был женат на **Надежде Николаевне Пургольд** (1848–1919). Пургольдов называли немцами, но это ложь. Историк Е.П. Карнович считает их немецкими евреями.³⁶³ Основатель русской ветви Пургольдов – Иван Данилович приехал при Екатерине II, был профессором римского права в Московском университете в 1787/1790 г.г. В «Летописи моей музыкальной жизни» Римского-Корсакова можно прочесть о знакомстве с семейством Пургольд. Семья была большая. Состояла она из матери-вдовы, трех незамужних сестер и престарелого дяди, брата отца, чудесного человека. Сыновья жили отдельно, также как и вышедшие замуж дочери. Число их не оговаривается. Вообще все дочери нашли свое семейное счастье.

Н.А.Римский-Корсаков

Впервые дачу Пургольдов в Лесном Римский-Корсаков посетил в 1868 году вместе с Даргомыжским и семейством Кюи. Вскоре последовал брак. Надежда Николаевна была прекрасной пианисткой и занималась композицией. Она автор симфонической картины «Заколдованное место» по Н.В. Гоголю. Произведение посвящено М.П. Мусоргскому. В качестве пианистки принимала участие в музыкальных собраниях «Могучей кучки». Она была первым редактором и автором вступительной статьи к книге Римского-Корсакова «Летописи моей музыкальной жизни». Ей принадлежат блестящие статьи и воспоминания о А.С. Даргомыжском, статьи «Н.А. Римский-Корсаков и А.Н. Скрябин». П.И. Чайковский посвятил ей романс «Колыбельная песня».

Её родная сестра **Александра Николаевна Молас**, урожденная **Пургольд** (1845–1929), певица (*меццо-сопрано*). Принимала участие, как и сестра, в собраниях «Могучей кучки» и была первой исполнительницей романсов Мусоргского, Даргомыжского, Бородина, Римского-Корсакова, Балакирева, Цезаря Кюи. У себя дома устроила кружок для пропаганды композиторов «Новой русской школы», где исполнялись отрывки из опер и даже целые оперы. Молас обладала красивым голосом большого диапазона. Её пение отличалась необыкновенной интимностью, что на языке того времени называлось – задушевностью. Концерты давала редко, за исключением участия в «Бесплатной музыкальной школе». Посвятила себя педагогической деятельности. Потомки Римского-Корсакова и их жёны были необыкновенно талантливы.

Старший сын **Михаил Николаевич Римский-Корсаков** (1873–1951), зоолог-энтомолог, заслуженный деятель науки РСФСР, профессор. Окончил Петербургский университет и работал в Лесном институте. Благодаря ему, в 1919 году в Петроградском университете была открыта кафедра энтомологии, которую он возглавлял до 1930 года. Почетный президент Всесоюзного энтомологического общества.

Средний сын **Андрей Николаевич Римский-Корсаков** (1878–1940) музыковед, д-р философии (1903 г.). Играл на виолончеле, занимался философией в университете, учился на Западе: в Страсбурге и Гейдельберге. Вел музыкальные отделы в газете «Русская молва» и журнале «Музыкальный современник». Многочисленные статьи по творчеству русских композиторов, подписывал необычными псевдонимами, как «Гулливер». Издатель переписки своего отца с Чайковским, написал предисловие к книге «М.П. Мусоргский. Письма и документы», один из составителей «Летописи моей жизни» Н.А. Римского-Корсакова. Андрей Николаевич Римский-Корсаков **поддержал «семейную традицию», женившись на еврейке Юлии Лазаревне Вейсберг** (1879–1 марта 1942), погибшей вместе с сыном **Всеволодом Андреевичем Римским-Корсаковым** (1915–1942) в осажденном Ленинграде. Юлия Лазаревна была ученицей Н.А. Римского Корсакова, стала признанным композитором.

Владимир Николаевич Римский-Корсаков (1882–1970) – младший сын знаменитого композитора, скрипач, обучавшийся в том числе у Леопольда Ауэра в Петербургской консерватории. Затем в 1906 году окончил юридический факультет Петербургского университета. Автор многочисленных музыковедческих статей и один из организаторов Музея-квартиры Н.А. Римского-Корсакова.

Андрей Владимирович Римский-Корсаков (1910–?), внук композитора, доктор технических наук (1949 г.), акустик. Окончил в 1932 году Политехнический институт, работал в НИИ музыкальной промышленности. С 1955 года руководил отделом Акустического института АН СССР. Изобретатель и автор многих патентов. В соавторстве создал электромusикальный инструмент, названный *эмиртоном*.

Дочь композитора, **Надежда Николаевна Римская-Корсакова**, также поддержала «традицию» семьи и вышла замуж за композитора Максимилиана Осеевича Штейнберга (1883–1946). Их дочь – **Надежда Максимилиановна Штейнберг** (1914–1987), известный филолог.

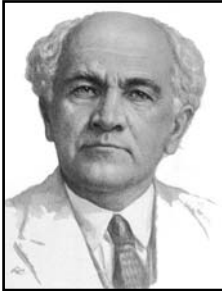
Георгий Михайлович Римский-Корсаков (1901–1965), внук композитора, окончил консерваторию по классу композиции у Штейнберга. В 1929 году занимался у Асафьева. С возникновением звукового кино работал в лабораториях «Ленфильма», научный сотрудник института театра и музыки. В годы войны преподавал в Томском музыкальном училище. Один из основателей Дома-музея Н.А. Римского-Корсакова.

В заключение рассказа об этом клане скажем несколько слов о великом композиторе **Николае Андреевиче Римском-Корсакове** и его отношении к еврейству. Женитьба композитора на Надежде Пургольд было не случайна. Он дружил с В.В. Стасовым, пламенным защитником еврейства, а своему ученику, еврею по национальности, принесшему опус под названием «Восточная мелодия», композитор сказал, что вещи нужно называть своими именами. Он перечеркнул слово «Восточная» и написал: «Еврейская». Римский-Корсаков говорил: «Еврейская музыка существует; это замечательная музыка, и она ждет своего Глинки».³⁶⁴ Можно сказать, что жениха для своей дочери Николай Андреевич выбрал среди своих учеников. По словам современника, композитор относился к своим студентам ровно и дружелюбно за одним исключением: у него был любимец – Максимилиан Штейнберг. Этот скромный юноша приехал из Вильно, чтобы поступить к Ауэру. Штейнберг хорошо играл на скрипке и также бойко играл на рояле, отлично читал ноты, сочинял, знал новые языки, помогал кому-то в редактировании перевода с греческого «Пира» Платона. В консерватории стал теоретиком, а в университете был на естественном факультете, кстати, случайно не получил золотой медали за работу «О сальных и потовых железах»: профессор Догель забыл заявить на факультете, что продлил еще год его работы. Н. А. радовался успехам Штейнберга...».³⁶⁵ Кстати, замечание Римского-Корсакова по поводу «Восточно-еврейской мелодии» относилось к его любимцу.

НИКОЛАЙ КАРЛОВИЧ МЕТНЕР

Метнер (1879–1951), забытый композитор, хотя и Сергей Рахма-

Н.К. Метнер

нинов, и Евгений Светланов считали, что Метнера недооценили в свое время, что его произведения должны находиться в репертуарах симфонических оркестров и исполнителей. Семья Метнеров была необыкновенно талантлива и внесла большой вклад в русскую культуру.

Просматривал «Книгу о русском еврействе» (Нью-Йорк, 1960 г.). Интересные и глубокие статьи людей, связанных еще с XIX веком. Отсюда знание реалией. Для меня интересны несколько имен,

складывающихся в «Еврейский пантеон». Николай Карлович Метнер (1879/80–1951), композитор, создатель фортепьянной сказки и пианист высокого класса. Он – еврейского происхождения.³⁶⁶ Его старший брат – Эмилий Карлович Метнер (1872–1936), музыкальный критик (*псевдоним Вольфинг, взятый напрокат у Вагнера*); руководитель издательства «Мусагет», редактор журнала «Труды и дни». Младший брат – Александр Карлович (1877–1961) – скрипач, альтист, дирижёр, композитор, преподаватель музыкально-драматического училища Московского филармонического общества (1902–1906). Четвёртый брат – Карл Карлович М. (1874–1919), единственный, бизнесмен, но все равно как-то был связан с искусством: он был доверенным правления акционерной компании «Московская кружевная фабрика», возглавляемой отцом Карлом Петровичем М. (1846–1921). В эту мужскую компанию затесалась сестра Софья Карловна, по мужу Сабурова (1878–1943). А.А. Сабуров (1874–1934) был известным юристом того времени. Стоит упомянуть и мать братьев Метнеров – Александру Карловну, урожденную Гебхардт или Гедике (1843–1918) – точно выяснить не удалось. Она была певицей, а её родная сестра – Минна Гебхардт, художница – миниатюристка, работы которой хранятся в русских музеях. Брат, Федор Карлович Гедике (1840–1916) был органистом и пианистом, преподавал в Московской консерватории. Племянник Минны Гебхардт – Александр Федорович Гедике (1877–1957), композитор, пианист, органист, профессор Московской консерватории; таким образом, он двоюродный брат братьев Метнеров. В доме появлялся родственник Метнеров – художник Виктор Карлович Штембер (1863–1920), двоюродный брат сей «могучей кучки».

Ну и, наконец, следует упомянуть Метнер Анну Михайловну, урождённую Бетиньш (1877–1965), скрипачку, бывшую поначалу женой Эмилия Карловича (с 1902 по 1904), а затем Николая Карловича. Мини-семейная драма. Это скрывалось от родителей и окружающих вплоть до 1909 года, и венчание произошло после смерти матери, лишь в 1919 году!

Без семьи Метнеров трудно представить русский Серебряный век. Большинство сведений об этом удивительном клане я почерпнул из воспоминаний Андрея Белого и из книги: Н.К. Метнер, «Письма» / (М, 1973 г.). Композитор Николай Метнер весьма редко исполняется, что вообще несправедливо. Конечно, ему не повезло: он был младшим современником Рахманинова и Скрябина, которые затмили его своей славой. А на подходе уже были Стравинский, Прокофьев... Но вот великий Рахманинов считал своего друга Николая Карловича выдающимся композитором и, где только мог, пропагандировал его творчество. В наш конкурентный век – вещь немыслимая. Николай Карлович был мыслителем высокого ранга. Он утверждал, что композитор несёт моральную ответственность за своё детище: «духовный смысл и сочинение музыки есть поступок, о последствиях которых художник должен думать». Под конец жизни Метнеру повезло – некий магараджа, влюбленный в музыку Метнера, издал в 1946 году в трёх альбомах фирмой «His Master Voice» почти все его произведения. Совсем недавно, в одном из интервью пианист Евгений Кисин рассказывал, что Е.Ф. Светланов советовал ему играть Метнера, которого, на его взгляд, недооценили.

СКРЯБИН

А.Н.Скрябин

Неизвестна генеалогия Скрябина, но его тетка, воспитавшая гения, Любовь Александровна Скрябина (1852–1941) по внешнему виду сушая «жидовка».³⁶⁷ Учтем тягу к еврейству Александра Николаевича: первая жена блестящая пианистка Вера Ивановна Исаакович (1875–1920), вторая жена Татьяна Федоровна Шлёцер (1883–1922), его ученица (пианистка) и подруга Мария Соломоновна-Лунц (1879–1954) и, наконец, принятие иудаизма дочерью Ариадной, женой поэта Довида Кнута – всё вполне возможно... Ариадна Александровна Скрябина (1904–1944), после перехода в иудаизм приняла имя Сарра. Во время оккупации Франции участвовала в еврейской боевой организации. При попытке перевезти группу еврейских беглецов в Швейцарию была убита в бою с коллабриционистами. Шел июль 1944 года. *(Союзники высадились в Нормандии, союзники были в середине итальянского сапога, русские стояли у ворот Германии, а подлая французская душонка служила тысячелетнему рейху. Великая нация, докатившаяся до того, что первыми борцами Резистанса – Сопротивления были русские эмигранты и евреи. Почти все правда, но не надо забывать Де Голя и его бойцов...)* Конечно, в Советской музыкальной энциклопедии можно написать, что клан Шлёцеров русского происхождения, но от этого истина не тускнеет. Итак: Борис Федорович Шлёцер (1881, Витебск – 1969 Париж), французский философ, социолог, музыкальный писатель и критик. Переводил на французский язык Достоевского, был французским поэтом. Место рождения выдает с головой. Да и где был с 1940 года по 1947 год – неизвестно. Скорее всего, бежал от нацистов в Америку, затем опять вернулся в Париж. Его мать – Мария Александровна – пианистка, дядя – Павел Александрович Шлёцер – пианист, профессор Московской консерватории. Вера Исакович была его ученицей. Сестра – Татьяна Федоровна – жена Скрябина. Недурно для одного клана из стольного града Витебска!

НОВИЦКИЕ

В военном деле известны трое братьев из потомков крещеного в XVII веке еврея Новицкого. Далекий предок этих Новицких – компанейский полковник Григорий Новицкий (умер в 1720 году). Он примкнул к Мазепе и вместе с 15-ю товарищами был доставлен в Москву и сослан в Тобольск и «там поверстан на службу». Сей Григорий Новицкий оставил после себя замечательное сочинение о Сибири, «отличающееся богатством сообщаемых сведений и наблюдательностью автора».³⁶⁸ Сочинение написано в 1715 году и имеет длинное название – «Краткое описание о народе остяцком иже в пределех полнощных Сиберского обретается с некоторым того же государства особеннейших вещей ведением, а наипаче о житии, обычаях и пребывании сего остяцкого народа, тожде их преждном злочестии кумирслужения, о обращении в православному благочестивую христианскую веру».

Евгений Федорович Новицкий (1867–1931), старший брат, русский генерал-лейтенант (1915 г.). Во время Мировой войны командовал пехотной дивизией. Спас архив и библиотеку румынского фронта. Находился в Добровольческой армии. После поражения белых армий эмигрировал в Югославию, где служил в югославской армии в инспекции пехоты, был инструктором в стрелковой школе. Один из руководителей выпуска «Вестника военных знаний», один из создателей Общества ревнителей военных знаний.

Василий Федорович Новицкий (1869–1929), генерал-лейтенант русской армии, участник русско-японской войны, редактор Военной энциклопедии (Сытинской), участник Первой мировой войны. Одно время заместитель военного министра. После революции командовал частями Красной Армии и преподавал в Военной академии РККА.

Федор Федорович Новицкий (1870–1944), генерал-лейтенант авиации (1943 г.). В Первую Мировую войну командовал дивизией. После революции добровольно вступил в Красную Армию: начальник штаба Красного воздушного флота, преподаватель в Военно-инженерной академии, заместитель командующего Туркестанским фронтом. Был репрессирован, посмертно реабилитирован.³⁶⁹ «Советские братья» упоминаются в СИЭ без указания на третьего брата и на репрессии по отношению к их семье.

ЮЗЕФОВИЧИ

Род Юзефовичей весьма древнего происхождения. До нас дошел интереснейший документ, относящийся к XVI веку, о том, как несколько московских купцов возвращались из Кафы (Крым) через Литву на родину: «...взял их из Кафы в Кимев на полмыта киевского и вышегородского Шан жидовин, Агронов зять, и дал им этот Шан жидовин за своею печатью грамоту, что им в Киеве платить половина мыта киевского и вышнеградского, а другой половины не платить... По Шанову слову по жидовскому и по его грамоте поехали они в Киев. Мытники Киева, Симха да Рябичка жидова насильно взяли через ту грамоту все мыто полностью».³⁷⁰

В 1513 году игумену и старцам Пустынного монастыря подле Киева присуждено «селище Борщовка... со всим с тым, как предок его Агрон, жид, настарины держал и после его сын его, *будучи в христианстве, на имя Миколай*, держал». Пожалование земли монастырю королем Александром последовало уже после смерти Николая.³⁷¹

О предках Езефовича упоминает «Энциклопедический словарь» Брокгауза и Ефрона. Это дворянский род Юзефовичей или Езофовичей. Тогда писалось так: Юзефовичи. Они происходили от еврея Абрахама Езефовича, бывшего великим подскарбием великого княжества Литовского при Сигизмунде – Августе. Небольшое пояснение: «подскарбий» – старинный польский и литовский чин, что соответствует современной должности «казначей». Подскарбий Езефович занимал пост, соответствующий министру финансов. Он назывался «подскарбий коронный». Дворянский род Юзефовичей имел герб Лелива, но были Юзефовичи герба Абданк. Последние известны с XVII века.

Вот два примера из этого обширного семейства.

Юзефович Ян Томаш (1669–1729) польский писатель, профессор Краковской академии. Автор многочисленных трудов и исторических исследований, в том числе и дневника об осаде Карлом XII Кракова в 1704 году.

Юзефович Михаил Владимирович (1802–1889) – председатель киевской археографической комиссии. Под его непосредственным наблюдением изданы несколько десятков томов «Архива Юго-Западной России», а также и другие памятники по истории Южной и Юго-Западной Руси. В этих трудах имеются и еврейские источники, необходимые при исследовании истории евреев.

И в Польше существовало несколько местечек с именем Юзefовъ, население которых в подавляющем количестве были евреи. Например: Юзefовъ Люблинской губернии по переписи 1897 года: всего жителей – 2674, среди них евреев – 2308!

Один из лучших русских генералов I Мировой войны- генерал-лейтенант **Михаил Яковлевич Юзefович** (1872–1929). В его официальной биографии сказано, что он происходит из дворян Гродненской губернии и родом ... из литовских татар. Возможно, возможно..., но вероятнее всего он происходит из литовских караимов, язык которых действительно татарский. Участник русско-японской войны. С начала Мировой войны работал в Генеральном штабе. Затем он был назначен начальником штаба Туземной (Дикой) конной дивизии, а позже командовал 12 армией. Можно добавить, что Юзefович активный участник Гражданской войны. Поначалу в Добрармии, а затем, во время болезни генерала Врангеля, заменял его. С апреля 1920 года руководил работами по укреплению Перекопа и строительством железной дороги Джанкой-Юшунь. Врангель пытался использовать талантливого сотрудника на дипломатическом поприще, послав его в сентябре 1920 года в Польшу. Но Польша успела заключить мир с «Совдепией». Умер в эмиграции.

К месту сказать, что один из караимов, глава луцкой общины, весьма богатый купец Батко Мисанович перешел в православие, а сын остался евреем. Было и такое!³⁷²

В 1495 году, под угрозой изгнания из Литвы, три киевских еврея приняли христианство: Федор, его зять Петр, и Иван – Новокрещенные.³⁷³

СУХОВО-КОБЫЛИНЫ

Знаменитый драматург **А.В. Сухово-Кобылин** (1817–1903). Вот его описание: «внешне он был похож на отца, в облике которого было что-то восточное: смуглый оливковый цвет лица и большие удлинённые глаза». ³⁷⁴ Но его отец полковник Василий Александрович Сухово-Кобылин (1782–1873), участник антинаполеоновских войн – был сын Алмазовой, т.е. внук бабушки, у которой были еврейские корни. У него было три дочери и сын. Старшая – писательница **Евгения Тур**, псевдоним графини **Елизаветы Васильевны Салиас-де-Турнемир** (1815–1892) и её сына – писателя графа **Евгения Андреевича Салиаса** (1842–1908). Средняя дочь – **Евдокия Васильевна Сухово-Кобылина**, в замужестве **Петрово-Соловова** (1819–1896), прославилась тем, что в неё был влюблен поэт Н.П. Огарев. Его стихотворные признания в любви любимая женщина прочла лишь после смерти поэта. Это было, по-видимому, после 1877 года, когда «Душеньке» (так называл её Огарев) было около 60 лет. Огарев написал цикл стихов, состоящий из 45 стихотворений под названием «Buch Der LIEBE» (*Книга любви*).

А.В.Сухово-Кобылин

«Как всё чудесно, стройно в вас –
Ваш русый локон, лик ваш нежный,
Покой и томность серых глаз
И роскошь поступи небрежной».

По преданию, Евдокия Васильевна, читая стихи покойного друга, плакала. Но семейная жизнь её была счастливой.

Младшая дочь **Софья Васильевна Сухово-Кобылина** (1825–1867), известная художница-пейзажистка. Она была ученицей Е.Е. Мейера, русского художника-пейзажиста, академика. К сожалению, жизнь художницы была недолгой. Почти все её работы, числом 174, представленные на посмертной академической выставке в 1878 году, были распроданы. Ныне они находятся в Третьяковской галерее и в частных коллекциях.

Как писатель Сухово-Кобылин прославился знаменитой трилогией и печально известной трагедией – убийством своей подруги. До сих пор ломают копыя исследователи о виновности или невиновности великого драматурга. Но как предприниматель он был мало известен.

Еще с юных лет занимался строительством стеаринового завода, и его записи, вплоть до смерти, хранят не только раздумья о своих пьесах, но его «мутила» мысль об устройстве того или иного завода. За пять лет до освобождения крестьян от крепостной зависимости Сухово-Кобылин показывал своим соседям-помещикам владения, где на полях по уборке свеклы работали по найму 500(!) крестьянок, а на заводах 150 слесарей, 50 котельщиков, 56 плотников, множество каменщиков и мастеровых – все вольные работники, а не крепостные. В ранней юности он записал «В старину свобода так же беспредельна, как и рабство». Откуда у Александра Васильевича эта предпринимательская жилка? Думаю, от купца Алмазова.

В РБС также упоминается генерал **Потапов Алексей Николаевич** (1772–1847), потомок Алмазовых. Его отец, генерал Николай Алексеевич (1731– после 1798 г.), а потом по статской службе тайный советник, происходил из купцов г. Переяславля – это важно, женился на **Марии Николаевне Алмазовой** и проживал в её имении в Кашире.³⁷⁶ Его родной брат – генерал **Иван Алесеевич Потапов** (1722–1791) знаменит тем, что «быв послан императрицей на Яик привести в повиновение казачество». Дело было в 1763 году. Прибыв на Яик, он пришел к выводу, что атаманы и старшины виновны, и поэтому назначил атаманом **премьер-майора Казанского полка Романа Новокрещеного**. Казаки остались довольны беспристрастием следствия – редкое явление того времени (*и нашего тоже!*). К сожалению, никаких сведений о судьбе казацкого атамана Новокрещеного мне не известно.

МАКСИМОВИЧИ

Предком Максимовичей Модзалевский называет **Максима Лейбу**. Но Максим Лейба не спустился с небес. Он потомок, как указывает Украинская Энциклопедия, двух гетманских родов: Мазепы и Самойловичей!? Та же самая энциклопедия осторожно пишет о мещанском происхождении этого, одного из самых известных, старшинских родов. Так Максим Василковский или Печерский (умер между 1694 и 1698 г.г.) был из Нежина, арендатор – по украински «орендар Печерский» (1676), «віскової індуктор» (1688–1690). Один из богатейших людей Украины, породнившийся с двумя гетманскими домами: Самойловичем и Мазепой. Начиная с 1690 году Иван Мазепа оказывал покровительство всему семейству Максимовичей. Трое его сыновей: Иоанн, Василий, Дмитрий сделали большую карьеру.

Иоанн Максимович (1651–1715) православный святой, канонизированный русской церковью в 1916 году, родом из Нежина, окончил Киевскую Духовную Академию. В Академии преподавал латинский язык. Затем постригся в монахи и «работал» экономом Киево-Печерской Лавры. В 1679 году ездил в Москву к царю Федору Алексеевичу, прося военной защиты против турок и татар. Обратил внимание царя и двора своим красноречием и умом. Был рукоположен игуменом Елецкого монастыря в Чернигове. По настоянию Ивана Мазепы и по желанию клира в 1697 году стал архиепископом черниговским. **В 1700 году создал первую по времени в России семинарию «коллегиум»!** В 1712 году (по Украинской энциклопедии – в 1711 году) Петр I назначил его митрополитом сибирским с кафедрой в Тобольске. Вероятно, это была почётная ссылка, связанная с близостью семьи с изменником-гетманом. На этом месте он проявил себя выдающимся организатором. Много занимался миссионерством среди малых народов Сибири. В 1714 году способствовал устройству русской духовной миссии в Пекине. Митрополит Иоанн оставил множество богословских и полемических трудов. Он являлся яростным сторонником и пропагандистом реформ Петра Великого, о чем «Энциклопедія українознавства», Львов, 1994 года не пишет ни слова.

Василий Максимович Максимович – полковник «компанейский и наказной переяславский». Погиб в 1698 на реке Кодим во время войны с татарами.

Дмитрий (Дмитро) Максимович Максимович, скончался в 1732 году. Государственный дьяк у Мазепы, с которым породнился, «войсковой экзактор» (1694), ведущий государственными поступлениями «Гетьманщины». Генеральный бунчужный (1703/1708), а затем генеральный есаул. После полтавского сражения попал в плен к россиянам и был сослан в Архангельск, где и скончался.

Иван Максимович умер в 1732 году. О нём ничего не известно

Михаил Александрович Максимович (1804–1873) ректор Киевского университета, прямой потомок арендатора. Человек эпохи Ренессанса: историк, филолог, этнограф, ботаник, поэт. Учился в Новгород-Северской гимназии, а затем в Московском университете. Сначала на словесном факультете, а затем на естественном. Защитил магистерскую диссертацию по ботанике. В 1832 году командирован на Кавказ, откуда привез богатую коллекцию. Напомним, что Кавказ еще не был усмирен. В 1833 году был избран профессором ботаники.

Иван Петрович Максимович (умер в 1861 году), профессор еврейского языка в Киевской Духовной академии. Начал перевод Библии с еврейского языка, но напечатал лишь 19 глав книги Царств. Потомок ли он Лейбы Максима неизвестно. Было несколько украинских родов Максимовичей и 20 русских родов позднейшего происхождения.

ДОЛИВО-ДОБРОВОЛЬСКИЕ

«Флор Осипович Доливо-Добровольский, человек самый деятельный и проворный, был полицмейстером в Могилеве, когда при обозрении сей губернии, Козодавлев узнал, оценил и понял его. Он его вытребовал в виде старшего адъютанта, когда ополчился против Саратовской чумы. Род Добровольских и Кршижановских в Польше и Западных губерниях и Евреиновых в России весьма многочислен; их названия ознаменованы крестом (*«кршиж» по-польски*) и будут гласить позднешему их потомству о **доброй воле, с какою Израильские предки их приняли христианскую веру.** (Текст выделен мною – С.Д.) Судя по красивым, но совершенно Иудейским чертам лица Флора Осиповича, можно было полагать, что святое миропомазание из семейства его, над ним первым совершено было. По происхождению его и по должности, которую он занимал, состояние его могло быть и родовое и благоприобретенное; денег было у него много, он не скуп был на них, но умел делать из них полезное для себя употребление...».³⁷⁷

На Феодосии Леонтьевне Доливо-Добровольской (1811–?), дочери Леонтия Леонтьевича Доливо-Добровольского, вероятно, родственника Флора Осиповича, был женат вторично Виссарион Савич Комаров, участник антинаполеоновских войн. Все трое сыновей отличились на военном поприще.

Генерал от инфантерии **Александр Виссарионович Комаров** (1830–1904) – участник Венгерской компании, Крымской войны и завоеватель Мерва: в 1885 году разбил афганцев при Кушке, был начальником Закаспийской области. Присоединил к России более 230 тыс. кв. км. У кого эти территории теперь? У Туркмен-паши...

Блестящий исследователь Кавказа. Свою палеонтологическую коллекцию передал в Кавказский музей. Ну и где коллекция теперь?... Автор множества этнографических трудов.

Его брат, генерал-лейтенант **Дмитрий Виссарионович Комаров** (1831–1881), герой Кавказской войны и Русско-турецкой 1877/1878 годов. Отличился у Зевина, где был тяжело ранен. Человек безумной личной отваги, неоднократно сам водивший свои полки в атаку. За боевые заслуги был награжден орденами св. Анны 1-й степени и св. Владимира 2-й степени. Если бы не тяжелые ранения и ранняя смерть, то вне всякого сомнения, достиг бы еще более крупных чинов. Умер он в Ставрополе, как тогда писали, в Кавказском.

Третий брат, **Виссарион Виссарионович Комаров** (1838–1907) дослужился до чина полковника. Его «учителем» был в то время Виленский генерал-губернатор К.П. Кауфман. Он вышел в отставку, по видимому, не по своей воле – из-за разногласий с Военным министерством. Во время сербского восстания в 1876 году был начальником штаба у генерала Черняева и произведен в генералы сербской армии. Один из самых крупных и талантливых военных журналистов своего времени. Однако по своим взглядам принадлежал к правой партии, выступая против военного министра Д.А. Милютин. Издавал газеты правого толка, не имеющие успеха. В том числе и газету «Русский Мирь». После краткого издания «Санкт-Петербуржских ведомостей» до конца своих дней издавал правую газету «Свет». Особое историческое значение имеет книга «Дневник событий с 1 марта по 1 сентября 1881 года». (СПб, 1882) Один из основателей и членов Славянско-го благотворительного общества.

Комаров Владимир Леонтьевич (1869–1945) великий ученый-ботаник, президент Российской Академии наук, а затем с 1936 года президент академии наук СССР. Его работы имели всемирное значение. В первую очередь известен, как создатель тридцатитомной энциклопедии «Флора СССР» (1930–1964), завершённой учениками после смерти ученого.

ОЛЬГА ДМИТРИЕВНА ФОРШ

Форш (1873–1961), родилась в ауле Гуниб – «столице» Шамиля, в семье генерала Д.В. Комарова, начальника округа Среднего Дагестана. Советский период её творчества сравнительно хорошо известен. Её лучшая книга – это редчайшие воспоминания о жизни писателей в доме Елисеева в Петрограде времен Гражданской войны и сразу после неё – «Сумасшедший корабль» (1931). Герои книги – великие современники, легко узнаваемые под едва прикрытыми псевдонимами: А. Блок, О. Мандельштам, Максим Горький и многие другие. Книга была изъята из основных фондов библиотек, и была переиздана за рубежом в постперестроечное время.

Ольга Форш

Дореволюционное творчество Форш практически неизвестно. Она занималась теософией, была ученицей Рудольфа Штейнера. Ее романы носили мистический характер. Самый знаменитый роман «Рыцарь из Нюрнберга». (1908 г.).

ГЕНЕРАЛ РОЗЕН

Василий Владимирович Розен (1821–1887), генерал, тайный советник, занимавший видное место при морском министерстве. Отца, польского генерала **М. Лукникера**, заподозренного в шпионаже в пользу России, повесили в 1831 году во время восстания. Заодно была казнена целая компания евреев, отправляющаяся на свадьбу в соседнее местечко. Поляки действовали безжалостнее русских и без всяких к тому оснований.³⁷⁸ Сохранив память о своем детстве, он пытался издать еврейский журнал на русском языке, но это успел сделать раньше О. Рабинович изданием «Рассвета» в Одессе. Брат Розена, как пишет историк, был менее одаренным человеком и жестоким цензором еврейских книг в Вильно. Что же касается В.В. Розена, то он поддерживал своих племянников: доктора **Эммануила Соловейчика** (умер в 1875г.) и доктора **Ал. Соловейчика**, а также **Эммануила Борисовича Банка** (1840–1891), который воспитывался матерью братьев Соловейчик. Все они стали видными общественными деятелями.³⁷⁹ «Тайный советник» никогда не забывал своего происхождения.

Р.Б.С. посвятил видному деятелю В.В. Розену гигантскую статью. Родился в 1821 году в еврейской купеческой семье. Вероятно, после гибели отца, принял православие и был определен в Духовное училище. Затем, в 1841 году по ходатайству профессора еврейского языка Левинсона (*это ошибка, думаю, что это был профессор Василий Андреевич Левисон, без «н» в середине слова, крещеный еврей, будущий русский консул в Иерусалиме*) поступил в СПб. Духовную Академию, которую он окончил со степенью кандидата в 1845 году. Началась феерическая карьера. Основные вехи: Департамент внутренних сношений министерства иностранных дел, затем с 17 июля его перевели в Департамент Сельского хозяйства министерства государственных имуществ с назначением исправлять должность производителя дел и одновременно заведующего библиотекой Ученого комитета этого министерства. 26 февраля 1852 года был прикомандирован для занятий при особой **Раввинской комиссии МВД**. После ряда перемещений с медленным, но постоянным повышением чина был назначен в Особый Комитет под председательством Государственного контролера генерала Анненкова. Оттуда – в 1856 году – чиновником особых поручений при Государственном Контролере.

Провел тяжелейшие ревизии в Хозяйственном департаменте Морского министерства, но занимался и большими, и мелкими делами – всегда с одинаковой честностью и старательностью. За все эти труды в 1857 году был назначен исправляющим должность обер-контролера Департамента военной отчетности. В 1860 году в Морском министерстве ввел новую отчетность. В 1861 году был послан с ревизией в г. Николаев по Морскому ведомству. По возвращении в Петербург, Розен назначается членом Особой комиссии при Государственном контролере для обсуждения представленных им мер по решению «Черноморских» дел, иначе по Морскому министерству. Наконец, 5 июня 1862 года, за особые труды он получил чин статского советника и назначен управляющим экспедиции по ревизии отчетности Морского министерства, а 15 августа 1862 года окончательно перешел на службу в Морское ведомство. За усиленные труды на этой должности 30 августа 1864 года произведен в действительные статские советники – генеральский чин по табелю о рангах. Для крещеного еврея это еще не потолок. Был награжден различными орденами: св. Владимиром 3-й степени и др. отличиями. В 1868 году его направляют за границу для собирания сведений по законодательству главнейших морских держав Европы, необходимых для внедрения в России. В 1870 году Розен награждается орденом св. Анны 1-й ст. и назначается заведующим кодификационными работами Морского Ведомства, начатыми еще вскоре после составления «Свода гражданских законов» в 1833 году ещё графом Сперанским. Работа, проведенная под руководством Розена, была громадная: к 1876 году он составил хронологический указатель всех морских постановлений в числе 11000, изданных с 1700 по 1875 г.г.! Начал работу по составлению «Свода морских постановлений», но работа застопорилась из-за реформ в Морском министерстве. 4 апреля 1876 года Василий Владимирович Розен был произведен в тайные советники. Скончался Розен в феврале 1887 года во французском городке По. Удивительно емкая жизнь...

ГРАФ НЕССЕЛЬРОДЕ

Граф Карл Васильевич Нессельроде (1780–1862), министр иностранных дел России с 1816 по 1856 годы, почетный член Петербургской академии наук с 1836 года. По происхождению чистокровный еврей. Ранее писали лишь о его матери-еврейке, но, «благодаря» Валентину Пикуллю пресловутый «карлик был разоблачен» в 100% еврействе.

Граф К.В.Нессельроде

Обычно на Нессельроде вешают все обвинения в изоляции России в Крымскую войну. Это – ложь! Он был категорически против войны, доводя до сведения императора Николая I, что Россия встретит коалицию западных стран, а надежды на Австрию и Пруссию необоснованны. Раздел Турции в данный момент неосуществим. Но, увы, Николай Павлович был упрям, как и его отец, император Павел. Нессельроде противопоставляют Горчакову. Александр Михайлович Горчаков – абсолютно дутая величина, но я об этом писал. *(Речь идет о личной ответственности князя Горчакова за провал России на Берлинской мирной конференции. У России вырвали плоды кровавой и тягелой победы над Турцией, благодаря старческому маразму канцлера.)*

«Русский Биографический Словарь» – издание необыкновенно интересное. Еврейский элемент представлен, но, конечно, не в полноте. Причины те же, что во времена советские: официальные органы скрывали обилие еврейских фамилий, но и евреи, «выбившиеся в люди», в основном благодаря крещению, не любили вспоминать свои корни. Редакция старой Еврейской энциклопедии, по словам моего покойного ленинградского знакомого, профессора Моисея Соломоновича Либкинда, была «атакована» выкрестами, умолявшими не вносить их в «реестр». Редакция придумала откупные: «презренный выкрест» подписывался на 10 (!) экземпляров шестнадцатитомной энциклопедии.

Итак, в Р.Б.С. все же вошли евреи, и множество врачей, без которых империя не могла существовать.

Писалось о жутком состоянии врачебных учебных заведений в России. Так, во все 34-летнее царствование (!) Екатерины не было получено ни одного диплома медика!³⁸⁰ Становится ясно, почему большинство врачей в империи были иностранцами. Думаю, немалая часть из них были шарлатанами.

ГЕНЕРАЛЫ ГЕРШТЕНЦВЕЙГИ

Интересна история жизни двух генералов **Герштенцвейгов**: отца и сына. К сожалению, оба кончили жизнь самоубийством. Внешность сына описана одним из современников следующим образом: «его лицо напоминало облагороженный тип семитической расы».³⁸¹ В примечаниях к воспоминаниям Антона Дельвига сказано, что это ополяченный немецкий род, что, на мой взгляд, не отнимает версию об их еврейском происхождении. Стоит только посмотреть на основу фамилии – «Герш» – популярное еврейское имя.

Герштенцвейг Даниил Александрович (1790–14 августа 1848), генерал от артиллерии, участник походов 1805 г. и 1809 г. Настоящее боевое крещение получил в Отечественной войне, был тяжело ранен, но остался в строю. За храбрость был награжден множеством орденов: св. Анны 3-й степени, св. Владимир 4-й степени с бантом. В 1813/1814 гг. принял участие в семи сражениях. За сражение под Фершампенуазом награжден золотой саблей и прусским орденом «За заслуги». С августа 1814 года стал ближайшим сотрудником Цесаревича Константина Павловича. Во время польского восстания 1831 года отличился под Гроховым и был награжден св. Георгием 3-й степени, за сражение при деревне Игане – Св. Анны 1-й степени, а затем после очередной контузии – орденом св. Владимира 2-й степени. Итог Польской компании – получение звания генерал-лейтенанта. В 1835 году командир Сводного кавказского корпуса. Историк пишет не только о его доблести, но и о том, что он был гуманным командиром, поощрял инициативу подчиненных и не вмешивался в их распоряжения. При инспекции частей никогда не чинил неприятности своим подчиненным. Конные учения проводил блестяще и с редкой стремительностью. Смотры обычно длились не более часа. Особенно наказывал за битье солдат. Любимой фразой было: «Битьем не выучишь, а испортишь». И это-то во времена императора Николая I! В 1848 получив в командование шесть дивизий, которые по соглашению с Турцией были введены в Молдавию для подавления начавшегося восстания. Ошибка, допущенная при переходе через реку Прут, привела к нервному срыву и желанию выйти в отставку. Командование, не желавшее лишиться талантливого военачальника, предоставило ему отпуск.

Уехав в Россию, генерал жил в еврейском местечке Лоеве, где, находясь в депрессии, застрелился 14 августа 1848 года.

Герштенцвейг Александр Данилович (1818–1861), сын генерал-адъютанта и сам генерал-лейтенант – «один из виднейших деятелей по преобразованию русской армии после Крымской войны». (*Военная энциклопедия Сытина*) Во время венгерской компании в 1849 году получил секретное задание, которое успешно выполнил, получил чин полковника и орден св. Владимира 4-й ст. с бантом и мечами. В 1854 году, вновь с секретным поручениями, был направлен в Финляндию, а затем в Дунайскую армию и в Севастополь. Во время реформ Александра II был членом комитета по преобразованию заведений военных кантонистов. В 1859 году получил чин генерал-адъютанта, а в 1861 год чин генерал-лейтенанта и был назначен Варшавским военным губернатором и главным директором и председателем правительственной комиссии внутренних дел царства Польского. На этом посту его жизнь трагически завершилась. Он вошел в конфликт со своим близким знакомым графом К.К. Ламбертом, наместником царства Польского. Конфликт носил политический характер и касался репрессий, предпринятых против поляков генералом Герштенцвейгом. У них состоялась американская дуэль – Герштенцвейг проиграл и по договору стрелялся дважды, но очень «неудачно» – он мучился 19 дней и не сообщил о причинах совершенного.³⁸²

МОЗАИКА ИЗВЕСТНЫХ ФАМИЛИЙ ДАЛЕКИХ ВЫКРЕСТОВ

ВВЕДЕНИЕ

Со времён патриарха Никона стоит обратить внимание на людей, носящих якобы вполне русскую фамилию. Например, один из «домовных людей» патриарха некий **Афонасьев**. Да, это был «выкрещенный» еврей.³⁸³ Тот же Карнович приводит некоторые прозвища евреев, попавших в Московию. Обычно они переделывали свои еврейские имена на русские фамилии. Таково происхождение **Яковлевых**, **Марковых** и, вероятно, других.³⁸⁴ Карнович рассказывает историю внедрения фамилий в Австрии во времена императора Иосифа II. Поскольку это происходило в конце XVIII века, то такими вещами стала заниматься полиция, которая немало поживилась. Богатые евреи, дававшие большие взятки, стали **Рубинштейнами**, **Пургольдами**, **Розенталями**; уплатившие менее значительную мзду получали географические «прозвания»: Винавер, Лембергер, Кашауер и т.д. Были еще две категории (*по Карновичу*), не сумевшие дать соответствующую мзду – их прозывали Фукс, Гун, Эссинг и даже ругательные – Эзелькопф, Лауффессер и даже Швейнссон. Понятно, что Австрия для писателя была синонимом России, где взяточничество приводило к тем же самым результатам. Фамилии начали давать во времена Екатерины, после разделов Польши. И среди крещенных и некрещенных евреев есть фамилии типа **Ильин**, **Прохоров**, **Филиппов** и т.д. Один из евреев, появившийся в Москве из Украины, прозывался Ирши Лазарев.

Кроме того можно констатировать тот факт, что русская аристократия в вопросе филосемитизма отнюдь не оказалась более передовой, чем другие сословия. Впрочем, утверждение о том, что в царской России евреям не давали делать карьеру, болезненно переживалось истинными монархистами, видевшими в империи идеал человеческого общества. Находясь в эмиграции, один из апологетов империи привел длинный список инородцев, сделавших карьеру на императорской службе. Правда, мемуарист, компетентный чиновник МВД России начала XX века С.Н. Палеолог подходит к проблеме еврейства, закрывая глаза на вероисповедание. Выкресты и иудаисты перечислены вместе в его книге; последних, впрочем, единицы: «Есть ходячее мнение, что у нас не давали хода евреям и угнетали их, не допуская на государственную службу. Надо признать фактом, что многие евреи выдвинулись на

поприще свободных профессий: в журналистике, адвокатуре, медицине, торговле. Но и на государственной службе многие пробили себе дорогу и заняли высокие посты. Знаменитый русский канцлер и министр иностранных дел времен Николая I граф Нессельроде родился от отца бельгийца и матери – франкфуртской еврейки. Его потомки были видными русскими государственными деятелями. Еврейская кровь была у министра финансов времен Николая I гр. Канкрин, министра двора гр. Фредерикса и у потомков по женской линии вице-канцлера Петра Великого графа, (барона – *С. Д.*) Шафирова (Шапира), обер-

П.П. Семенов-Тянь-Шанский

прокурора святейшего Синода Самарина, бывшего московского губернского предводителя дворянства, и у члена государственного совета, известного географа и путешественника, Семенова-Тянь-Шанского (1827–1914), что было заметно и в их внешности. Также у члена государственного совета статс-секретаря Перетца, директора Александровского лицея шталмейстера Саломона; сенаторов: Греедингера, Утина, Позена и товарища министра юстиции Гасмана; вице-директора министерства юстиции Гальперина; заведывающего церемониальной частью министерства двора гофмейстера Кониара; у ряда дипломатов с фамилией Гирс – один был министром; потомки придворных банкиров бароны: Штиглиц, Фелейзен, Капгер были тайными советниками; евреи члены суда: – саратовского Тейтель, архангельского Варшавский и пограничного Мейер достигли: первый – чин действительного, а два других – чинов статских советников; начальником канцелярии главного управления Красного Креста был А.Д. Чаманский; в департаменте полиции служили: Гурович и Виссарионов – оба занимали высокое положение; И.Я. Гурлянд был членом совета министра внутренних дел, а А.О. Немировский сначала был саратовским городским головою, а затем по выбору П.А. Столыпина – управляющим городским отделом министерства внутренних дел. Много было на государственной службе евреев-инженеров, в особенности гражданских. Среди инженеров путей сообщения выделялись: Верблонер, Абрагамсон, Богуславский, Нахман и многие другие. Лейб-медик Гирш, знаменитый харьковский окулист Гиршман; известные строите-

ли железных дорог: барон Кроненберг, Блюх, Поляков и Варшавский были тайными советниками. Солистом Его Величества был венгерский еврей Ауэр. Действительными статскими советниками были: Проппер, Нотович, Вейнер (*его сын служил в министерстве иностранных дел*); доктор Гордон, знаменитый проф. Захарьин, барон Гинцбург, профессор Лондон и банкиры – Манус и Утин. Бродские были предводителями дворянства в Екатеринославской губернии. Все перечисленные лица были талантливые люди, а большинство и достойнейшие деятели».³⁸⁵

Хочу заострить внимание на воспоминаниях Филиппа Филипповича Вигеля (1787–1856), у которого много упоминаний о крещеных евреях. Вигель писал об этом даже с «удовольствием». Например, о таких, как **Добровольские, Доливо-Добровольские, Евреиновы, Крыжановские** и других, которые в поколениях жили в провинции. Вот род **Крыжановских** или иначе **Кршижановских**. Мы знаем и правописание, как **Кржижановский**. Крест – признак еврейского происхождения. «Фамильное имя его заставляло подозревать, что он крещен не вскоре после рождения».³⁸⁶ **«Род Добровольских и Кршижановских в Польше и в Западных губерниях и Евреиновых в России весьма многочислен; их названия ознаменованы крестом («кршиж» по-польски) и будут гласить позднешему их потомству о доброй воле, с какою Израильские предки их приняли христианскую веру»,** иронизирует Вигель. И далее, говоря о **Флоре Осиповиче Доливо-Добровольском**, человеку деятельном и «проворном», бывшем могилевским полицмейстером, пишет: «Судя по красивым, но совершенно Иудейским чертам лица Флора Осиповича, можно полагать, что святое миропомазание, из семейства его, над ним первым совершено было».³⁸⁷

Приведем философские обобщения Вигеля. Одно время пензенским губернатором был **Александр Федорович Крыжановский**, а вице-губернатором **Александр Михайлович Евреинов**. И попали несчастные пензенцы, как современные филистимляне в руки племени иудейского. Крыжановский правил «тирански, деспотически», при этом обирая местных жителей неимоверно. Его заместитель взяток не брал, но не из-за принципа, а из-за трусости, посему завидовал своему соплеменнику. Крыжиновский был певцом мздоимства и нисколько этого не стеснялся. У всякого просителя он сразу же требовал денег. В случае же отказа, он ловко использовал силу закона против несчастного правдолюбца, заставляя того раскаиваться в своей «скупости».

Героев «Ябеды» Капнист и «Дела» Сухово-Кобылин не выдумали: они списаны с русской действительности, подобно дагерротипу.

Философское резюме педераста Вигеля: «Не надобно также забыть его происхождение: сребролюбие у Евреев течет с кровию. Нет в мире народа самолюбивее, нет в мире народа более униженного; в горькой участи его, золото – это утешение, его спасение, единственное его могущество. Он любит его более как средство, нежели как цель. Спасительная вода Св. Крещения может скоро смыть с Еврея кровавые пятна, на него и на чадах его положенные; но не скоро, разве через несколько поколений, в потомках его вымоет алчность к блестящим металлам». Характерно, что жители Пензы, не желали признавать Крыжановского законным губернатором и, за глаза, понятно, называли его **Лжедмитрием II** и Тушинским воров. Народная память: блестящее подтверждение еврейского происхождения Шкловского вора!. Вигель даже намекает, что выкрещенец празднует Субботу (*писано с заглавной буквы*), день Шабаша! (*тоже с большой буквы*).³⁸⁸ Сама по себе филиппика интересна не только тем, что в ней есть пересказ монолога Шейлока, но и полемика с Пушкиным. Речь идет о герое «Скупого рыцаря» Соломоне. Надо добавить, что сей Крыжановский был вскормлен потемкинским окружением.

К сим Крыжановским следует добавить и писателя антисемита **Всеволода Крестовского** (1840–1895). В фамилии есть «Крест», да по матери он – **Товбин** или **Товбич**. «Товбин» – еврейская фамилия – обозначает «Хороший сын», типа «Гутменш» на идиш, о чем я писал о враче **Гутменше**. Сюда же можно отнести и фамилию **Крестинины**. **Кржевские** также считается родственной фамилией.

В Польше к крещеным относят роды – **Новаковские**, **Навроцкие**, **Добровольские**, **Вольские**, **Крыжановские** и подобные фамилии.

В воспоминаниях Д.Н. Свербеева «Записки», изданных в 1899 году, есть упоминание о **Фурманах**. Они – крещённые евреи. Возможно, имеется в виду **Антон Федорович Фурман** (1783– после 1831), член совета департамента горных и соляных дел, директор Златоустовского завода «белого оружия». Его родной брат, **Роман Федорович Фурман** (1784–1851), сенатор, нечто вроде министра финансов Царства Польского.³⁸⁹ Оба брата окончили Горное училище в Петербурге.

Нахимовы. **Перекрестовы**, **Старицкие**. Старицкие: два варианта – от слова «старый» в значении старой веры, или слишком рано породнились с соседями – Нахименками и Перекрестами – вероятная версия.

В допетровское время известен род **Семягиных**, по прозвищу **Евреевы**, затем последнее прозвище отпало. Важно, что жили не в Западной Руси, а в Московии. Возможно, что из Семягиных они превратились в **Семякиных**. Один из потомков герой Крымской войны генерал-от инфантерии **Константин Романович Семякин** (1802–1867). Храбрец из храбрецов. Достаточно было его присутствия, чтобы влить уверенность в его войска.

Во времена Екатерины Великой известны: **Габлиц**, **Евреин** – тогдашний нарком торговли, **братья Турчаниновы**: кабинет-министр и глава инженерной службы русских войск.

Украина славилась родами: **Безбородко**, **Муравьев-Апостол**, **Кабалевский**, герой 1812 года - **Милорадович**. Интересно, что у многих сохранился еврейский корень в фамилиях: **Лейбы**, **Бороховичи**, **Герцики**, **Нахимовы**. **Дмитрий Прокофьевич Трощинский** (1754–1829), министр юстиции в 1814/1817 г.г., племянник Безбородко. Трощинский дружил с отцом Н. В. Гоголя – В.А. Гоголем-Яновским.

Хочу мельком остановиться на потомках выкрестов известных любому более-менее грамотному человеку, так или иначе оставших свой след в культурной жизни России.

Граф **Кайзерлинг Герман** (1880–1946), внук дочери **Е.Ф. Канкрин**, родился на территории российской Прибалтики, в Латвии. Как немецкий философ оказал громадное влияние на современное миропонимание.

Керн Анна (1800–1879), урожденная Полторацкая, из рода крещёных евреев Вульф или Вольф, одна из красавиц, воспетых в русской поэзии. Встречалась с Пушкиным в имении своей тетки П.А. Вольф-Осиповой. Об этой истории, полагаю, все всё знают...

Князь **Александр Илларионович Васильчиков** (1819–1881) – потомок **Марковичей**. Он интересный публицист, специалист по сельскому хозяйству. Автор книг «Сельский быт и сельское в России», «Землевладение и земледелие», «Самоуправление» и другие. Его родной брат генерал князь **Виктор Илларионович Васильчиков** (1820–1878), ветеран войны на Кавказе, участник Венгерской компании и Крымской войны. И, подобно брату, писал о сельском хозяйстве. Талантливые братья!

Герцен А.И. (1812–1870). Его мать по культуре – немка, по крови – еврейка, из семьи крещёных евреев. В России перешла в православие. Прав ли был Маркс, что не любил Герцена и среди разных «обвинений» звучало, что Герцен являлся агентом Николая, среди прочих есть и «обвинение» в еврействе... Марксу можно только сказать: «Чья

бы корова мычала...». Сознаюсь: для меня Искандер один из любимых писателей святой Руси. О еврейском происхождении своей бабушки говорил сын Герцена – доктор **Александр Герцен**.

Даль Владимир (1801–1879) Его отец – датчанин; мать – из рода крещенных немецких евреев – **Мария Фрейтаг**, отец её работал в ломбарде. Бабка выдающегося лексикографа, из рода французских гугенотов, адская смесь!³⁹⁰ Отца Даля вызвали в Петербург работать при дворе. Екатерина II требовала, чтобы библиотекарь обладал знанием древнееврейского языка, кроме прочих!

Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) из семьи кантонистов. Известный литературовед. К 1905 году приват-доцент Петербургского университета. После революции преподавал в Герценовском институте и жил переводами Р. Тагора, Г. Келлера, Ф. Геббеля, Дж. Лондона, О'Генри, Г. Уэллса.³⁹¹

Судковский Руфин Гаврилович (1850–1885), художник. Он был сыном крещеного еврея, священника, участника Крымской войны, дожившего до глубокой старости. В свое время семья не хотела отдавать мальчика в кантонисты и отрубила ему палец, но это не помогло – мальчика крестили и определили в семинарию. Так насильно крестили мой народ.³⁹²

О некоторых выкрестах, внесших существенный вклад в развитие многих наук и общественных деятелях, мне хотелось рассказать несколько подробнее

БРАТЯ ВИСТИЦКИЕ

Три брата Вистицкие, потомки крестившихся в XVII веке «Самойла Обрабова Вистицкого» и «Юрия Самойлова сына Вистицкого (*о них написано выше*): сенатор Григорий Степанович Вистицкий (1765–1836), профессор тактики Семен Степанович Вистицкий (1764–1836) и писатель Михаил Степанович Вистицкий (1768–1832). О «сказке» Самойлы Вистицкого более подробно написано в приложении.

Михаил Степанович Вистицкий участвовал в Швейцарском походе в чине полковника у генерала Римского-Корсакова. В 1801 году произведен в генерал-майоры. В начале Отечественной войны занимал пост генерал-квартирмейстера, но после вступления в должность главнокомандующего Кутузова уступил свою должность генералу К.Ф. Толю. Михаил Степанович оставил множество трудов, включая журнал военных действий Отечественной войны. Этот обширный рукописный труд занял 422 страницы. Он создал также выдающийся труд «Указатель дорог Российской империи...» (1804 г.) и

М.С.Вистицкий другие произведения.³⁹³ И коли мы говорим о медиках, стоит вспомнить великого русского врача Григория Антоновича Захарьина (1829–1897). О его еврейском происхождении сообщают разные источники. Наиболее солидный – это воспоминания Палеолога «Около власти» (*без пагинации, но видимо около 30 года XX века.*) В главе «Вселенская держава» он вспоминает массу выдающихся людей России, верой и правдой служивших империи. Среди них он выделяет профессора Захарьина. По другим источникам известно, что фамилия матери врача была – Гейман. Находилась ли она в родстве со знаменитым кавказским генералом – неизвестно. Захарьин пользовал многих сильных мира сего, в том числе и царя Александра III, и антисемиты не постеснялись обвинить его в смерти государя.³⁹⁴

БОРИС СЕМЁНОВИЧ ЯКОБИ

Б.С. Якоби

Якоби (фон Якоби Мориц Герман; 1801–1874) – родился в банкирской еврейской семье в Потсдаме (Пруссия). Великий «русский» физик, академик Петербургской Академии наук крестился, чтобы сделать карьеру. Родной брат знаменитого математика Карла-Густава-Якова Якоби (1804–1851). Прославился изобретением гальванопластики. Совместно с академиком Э.Х. Ленцем исследовал электромагнитные притяжения и законы намагничивания железа. Построил телеграф с подземными проводами между Петербургом и Царским Селом. Ученый, оставивший массу изобретений. Одно из изобретений Якоби сыграло большую роль в Крымской войне и помогло России и СССР в будущих Мировых войнах. Речь идет о подвижных минах, «зажигаемых электричеством». Эти мины были устроены в Финском заливе и в Черном море. Особенно устройство минных полей помогло в Финском заливе, где противники России не могли атаковать с моря Кронштадт.

ГЕНРИХ ФАДДЕВИЧ ВЕНЯВСКИЙ

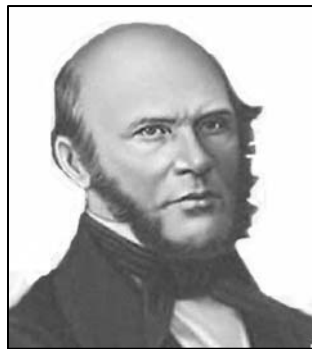

Г.Ф.Венявский

Венявский (1835–1880), великий скрипач, был родным племянником крещеного еврея **Маврикия Осиповича Вольфа**.³⁹⁵ Венявский – сын врача.³⁹⁶ Любопытно, что в дореволюционной Еврейской энциклопедии самого М.О. Вольфа – нет. Нет его и в книге Либровича. Но «хитрая» Еврейская энциклопедия ввела статью о шведском раввине Вольфе Маврикия (*род в 1824 г.*). Каково!!?? А ещё ссылка на стихи «Хуже нет жида Маврикия...». Думал, что стихи Минаева – из-за редкости рифмы, но не нашел их ни у Минаева, ни у Курочкина, ни у Щербины. Всезнающая «Российская еврейская энциклопедия» внесла Маврикия Вольфа (1825–1883) «в святцы». Ту же операцию старая Еврейская энциклопедия произвела с **Адольфом Федоровичем Марксом** (1838–1904), известным книгоиздателем. Понятно, что в энциклопедии его нет, зато присутствует композитор Адольф Маркс – музыкальный критик и композитор (1779–1866).

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ ПИРОГОВ

О великом хирурге и энергичном защитнике еврейства написано масса литературы. Но откуда идет утверждение его еврейского происхождения? Ни одна подробная дореволюционная, или тем паче советская биография, об этом даже не заикалась. Впервые я прочитал об этом в статье некоего М.П. «Николай Иванович Пирогов».³⁹⁷ В книге Д.А. Ровинского «Подробный словарь русских гравированных портретов» в третьем томе СПб, 1888, (стлб. 1778) указано еврейское происхождение со ссылкой на русского историка П. Бертенева, издателя журнала «Русской старины»: «По матери Еврейского происхождения». В книге Ровинского напечатана характеристика великого врача такой безапелляционности, что аналогий не помню, хотя прочитал сотни тысяч энциклопедических статей: «**Человек большого ума**». Со своей стороны могу предположить, что мать Пирогова, возможно, носила фамилию Новикова, что в известной степени указывает на еврейское происхождение.

Николай Иванович Пирогов

ПИРОГОВЪ (Pirogof), Николай Ивановичъ; знаменитый хирургъ и профессоръ; Членъ Кор. Акад. Наукъ (1847); по матери Еврейскаго происхожденія (ПБ); род. 13 Ноября 1810; 1843 издалъ полный курсъ Анатоміи; 1847 Академикъ; участвовалъ въ Крымской компаніи; † 23 Ноября 1881 г. Попечитель Кіевскаго и потомъ Одесскаго учебн. округовъ. Писалъ о педагогіи и оставилъ свою автобіографію. Человѣкъ большого ума.

РЕЙНГОЛЬД МОРИЦЕВИЧ ГЛИЭР

Р.М.Глиэр

Глиэр (1874–1956), знаменитый композитор, из бельгийских крещеных евреев. Англоязычная украинская энциклопедия в Канаде пишет об этом. В старой еврейской энциклопедии он упомянут в «качестве» еврея, что вызвало его страшное возмущение. Что ж, были и такие «герои». Он родился в Киеве в семье Морица Глиэра, переселившегося из Германии (г. Клингенталь), мастера по производству духовых инструментов, владельца музыкальной мастерской. Мать – Жозефина Викентьевна Корчак. *(Вспомним знаменитого педагога Гольдими́та-Корчака, убитого с детьми в Варшаве.)* Как утверждается, фамилия Глиэр встречается в Западной Европе во многих странах: Франции, Чехии, Германии, Польше, уходя корнями в глубокую старину. Как композитор, он сложился в русле русской классической музыки. Ученик Ипполитова-Иванова, Аренского, Конюса, Танеева. Окончил Московскую консерваторию с золотой медалью. Как сказано в одной старой энциклопедической статье, Глиэр «от излишеств новейшей русской музыки (*Скрябин, Стравинский*) – свободен». И действительно, он вошел в музыкальную историю знаменитым балетом «Красный мак» (1927 г.) и балетом «Медный всадник». Обожаю слушать увертюру из этого балета «Гимн Великому городу». В свете «отказа» Рейнгольда Морицовича от причисления к «избранному народу» интерес представляет его опера «Рашель», написанная в 1942 году, исполненная по радио в 1943 году и в концертном исполнении в 1947 году. Хочется напомнить, что 1942 год – это год массового уничтожения евреев. Полагаю, что этим он хотел солидаризоваться с народом, к которому принадлежал. Далее это вещь не исполнялась, но не из-за качества вещи – опера маленький шедевр, а из-за содержания. «Рашель» создана по рассказу Ги де Мопассана «Мадмуазель Фифи». Напомним, что рассказ посвящен еврейке – патриотке Франции, убившей немецкого офицера, оскорбившего её родину. Дело происходило во время франко-прусской войны в 1870 году. Нелишне добавить, что либретто было написано М. Булгаковым и М. Алигер, которая являлась автором знаменитых стихов в защиту евреев. Естественно, восхищение подвигом еврейки не входило в обязательный круг для исполнения в печальные годы борьбы с космополитизмом.

МОИСЕЙ МЕЕРОВИЧ ИТЦИГСОН

Моисей Итцигсон родился в 1870 году в г. Порхов Псковской губернии, что интересно – вне черты оседлости. Видимо, отец мальчика был кантонистом. Музыкальное образование поначалу получил в семье, так как отец был военным музыкантом. В 19-летнем возрасте в 1889 году окончил Петербургскую консерваторию по классу гобоя у профессора В.А. Шуберта и инструментовку по классу А.К. Лядова. Уже под новой фамилией, именем и отчеством – Владимиров Михаил Владимирович стал дирижером Панаевского театра, а чтобы пробиться в искусстве, принял православие. С 1897 года дирижировал знаменитым духовым оркестром графа А.Д. Шереметева, который был преобразован в симфонический. Владимиров (*Итцигсон*) работал в этом оркестре с перерывом 1900/1910 годы и с 1915 года до революции. С 1901 года Владимиров (Итцигсон) преподавал в Придворной певческой капелле и в организованной им музыкальной школе Балтийского флота. Вершиной жизни можно считать дирижирование в 1903 году Вагнеровским фестивалем, состоявшимся в Берлине и посвященным 20-летию смерти композитора-юдофоба. Труд Владимирова (*Итцигсона*) был отмечен золотой медалью и дипломом! Активно занимался общественной музыкальной деятельностью, а в Советское время, в 1920 году в Петрограде, создал военно-музыкальную школу сухопутных войск. Был известен как музыкальный критик, автор романсов и других произведений. Любопытная биография. Умер в 1932 году в Ленинграде.

ХОДАСЕВИЧ ВЛАДИСЛАВ ФЕЛИЦИАНОВИЧ

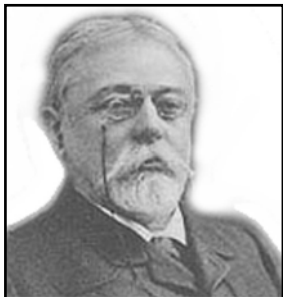
Владислав Ходасевич (1886–1938) – одна из ярких поэтических звёзд Серебряного века с необычной судьбой. Дед его, Яков Александрович Брафман (1825–1875), крестился в 50-х годах. Дочь свою Софью, мать будущего поэта, отдал в польскую семью. Печально прославился «Книгой Кагала», где евреи обвинялись в том, что они в любом государстве всегда остаются инородным телом, сохраняя «Status in statu». Эту книгу антисемиты перевели на многие языки мира и она стала весомым дополнением к «Протоколам Сионских мудрецов». Частично вину деда компенсировал внук, переведя на русский язык цвет ивритской поэзии начала двадцатого века, будучи из-за эмиграции долгое время неизвестен читателям России.

В.Ф.Ходасевич

ЛЕОНИД ЕВСТАФЬЕВИЧ ВЛАДИМИРОВ

Владимиров (1845–1917), криминалист, выдающийся ученый. Автор

Л.Е.Владимиров

не потерявших значения до нашего времени сочинений. Например: «Учение об уголовных доказательствах».³⁹⁸ Максим Максимович Ковалевский (1851–1916), – историк, этнограф, академик оставил воспоминания. О встрече на втором курсе университета с приват-доцентом Ковалевский писал: «Один из любимых лекторов был еврей, принявший протестантизм. Его звали Леонид Евстафьевич Владимирова.

Он был красив, хорошо владел словом, выступал иногда в уголовных процессах, и мы шли за ним в суд, чтобы слышать его, как и молодого товарища прокурора, также завоевавшего наши симпатии. Это был известный ныне всей России Анатолий Федорович Кони».³⁹⁰

Владимиров – автор «Курса уголовного права» и мн. других. Несколькими в стороне работа о видном славянофиле «Алексей Степанович Хомяков и его этико-социальное учение». (М., 1904) Потрясающий интеллект. Год смерти подозрителен. Мало известно, что Владимирова имел отношение вместе с Кони к пьесе Льва Толстого «Живой труп». В основу драмы положено дело дворянина Николая Гимера. Анатолий Федорович просил своего старого знакомого, еще по первым годам судебной реформы в Харькове, «талантливого ученого и мыслителя» профессора Л.Е. Владимирова помочь несчастной женщине Екатерине Павловне Гимер. Он ответил Кони полным сочувствием письмом, где сравнил г-жу Гимер с христианской мученицей скульптуры Марка (Мордуха) Антокольского. Благодаря стараниям и Кони и Владимирова, Екатерина Гимер содержалась в тюремной больнице, выполняя работу фельдшерицы.³⁹¹ Сам же профессор обратился ко Льву Толстому принять участие в судьбе несчастной и воздержаться от опубликования драмы, т.к. «мысль об этом тяжело отзовется на духовном настроении заинтересованной семьи».³⁹² По воспоминаниям современников принял протестантизм. Внуком Владимирова был **Гейман Леонид Евстафьевич**, (1887–1965) палеограф, ареограф. Сам ученый, как и дед, был Георгиевским кавалером.³⁹³

ДАНИИЛ САМОЙЛОВИЧ КОПИЕВ

Копиев, вице-губернатор Пензы. Он был из рода Копьевых, откуда была и жена самого Шафирова. Вигель был чрезвычайно высокого мнения о Данииле Копиеве. Вигель говорил, что ему даже нет дела до «Еврейского происхождения», ибо сей человек «принадлежал к нации благородно-мыслящих и действующих людей». По словам Вигеля Копиев был в высшей степени порядочным человеком. Под стать вице-губернатору была и его жена, урождённая Ельчанинова. *(Вполне возможно, что здесь наше ухо улавливает знакомую основу: Элька, Эля).* У этой четы было четверо или пятеро дочерей и сын – будущий знаменитый драматург, шахматист, повеса и генерал-майор Алексей Данилович Копиев, как писали через і десятиричное – Копіев, которому посвящена последняя глава в приложениях. Вигель отмечает у младшего Копьева черты «Еврейской алчности – не в пример отцу последнего. Вместе с тем, он отмечает его ум и успех пьес, напечатанных и поставленных при Екатерине: «Лебедянская ярмарка», «Княгиня-Муха» и др. Вигель помнил даже в старости его стихи.

АЛЕКСАНДР ФОМИЧ ВЕЛЬТМАН

Вельтман (1800–1870), известный писатель, фамилию унаследовал по отцовской линии, *(как сам утверждал)*, но поскольку шведского происхождения, то писался иногда как Вельдман. По внешности, видной на портретах – скандинавской расы мы не обнаружим. Зато по материнской линии он приходится родственником крещеного клана Еврееиновых, что видно на любых его изображениях. Вельтман автор гениального романа «Странник» (1831), где он демонстрирует, пусть и поверхностное, однако вполне реальное знакомство с бытом молдавских евреев. Роман содержал мистико-масонскую атрибутику и романтическую и приподнятую манеру повествования. На страницах книги появляются евреи и даже описание древнееврейской азбуки: алеф, бет, гиммель, далэт, хэ, вув, зайн, хэв, тэт, йот, кув, ламмэд, мэм, айн, заммэх, алль, пэй, фай,каф, рэш, шин». Вероятно, автор знал идиш и иврит в ашкеназийском произношении.

А.Ф.Вельтман

ЭРАСТ ПЕТРОВИЧ ПЕРЦОВ

Когда-то Е.Ф. Канкрин привез из Европы (Германии?) некоего **Перца**, своего родственника, который получил в России фамилию **Перцов**. Он стал известным откупщиком, женился на русской дворянке.³⁹⁴ Имел 12(!) детей. Распределились они поровну: шесть сыновей и шесть дочерей. Объевреили русское дворянство почище Шафировых. Отмечаю одного из Перцовых – среди декабристов был поэт **Эраст Петрович Перцов** (1804–1873). Воспитывался в Благодородном пансионе при Московском университете. Выпуск 1823 года. Он был интересным литератором и знакомым Пушкина. Знакомство состоялось, по-видимому, в конце 20-х годов. Особенно Александр Сергеевич любил читать наизусть «шаловливые» стихи из книги **Перцова** «Искусство брать взятки», в которых «много перца, соли, веселости». Запись в дневнике П.А. Вяземского от 15 июня 1830 года.³⁹⁵ Пушкин вообще в салонах расхваливал стихи Перцова, о чем писал Баратынский Киреевскому. Сам Пушкин в письме к Александре Андреевне Фукс, жене известного казанского врача, поэтессе и хозяйке литературного салона, писал, что имел удовольствие видеть Э.П. Перцова, забывшего ему передать письмо и сборник ее стихов. Но поэт великодушно прощает рассеянность приятеля, находящегося в неких стесненных обстоятельствах.³⁹⁶

Перцов посвятил Пушкину прочувственные стихи, сокрушаясь о его безвременной гибели:

«Ты злополучьем был украшен;
Гордись бедой своей поэт...
Тебе ль робеть? Ты свой удел
В стихах златых запечатлел».

Евгений Абрамович Баратынский высказывался о Перцове так: «Человек очень умный и образованный с решительным талантом».³⁹⁷

Дочь Э.П. Перцова вышла замуж за брата декабриста Каховского. Брат Эраста – сенатор и товарищ министра юстиции, другой Перцов друг и соратник Аксакова по «свинофильству», ведущий журналист в борьбе против немецкого засилья. О, Господи! Еще другой брат, вроде русского Обломова, сидел в своем поместье. Внук Перца – писатель, литературовед и историк Серебряного века **Петр Перцов**.³⁹⁸

ФЁДОР ФЁДОРОВИЧ КУДРЯВЦЕВ

Родословная Кудрявцева идёт издалека. Министром финансов России времен Александра I и Николая I был Егор Францевич Канкрин (1774–1845), потомок крещеного еврея – раввина Канкрейна или Канкринуса. О еврейском происхождении неоднократно упоминали современники, в том числе и Дизраэли (лорд Биконсфилд) в своем романе «Новая генерация» при перечислении крещеных евреев в правительствах европейских стран. Его потомка Виктора Канкрина, кирасира, генерал-майора, «кокнули», по жаргону того незабвенного времени, в качестве заложника в Петрограде. Сына же спасла родственница по фамилии Кудрявцева, давшая ему документы умершего сына, приходившегося Алексею двоюродным братом. Итак – ситуация: отец расстрелян большевиками, а его сын в Красной Армии. Так он и прожил обычную жизнь советского человека.

Е.Ф.Канкрин

Кудрявцев (*граф Алексей Викторович Канкрин*) (1903–1976), с 15 лет добровольцем пошел в Красную Армию на гражданскую войну. Окончил военную академию им. Фрунзе, и одновременно физико-математический факультет Ленинградского университета, а позже – Ленинградский инженерно-строительный институт. Получил профессию архитектора. Был чемпион Ленинграда по боксу. «Пережил» 1937 год, а в чине подполковника, во время Отечественной войны был арестован. Кудрявцев являлся специалистом по конному спорту и автором книг: О конном спорте – «Большой приз» (1980 г.), об архитектуре СПб – «Золотое кольцо» (выдержавшая четыре издания) и книги об истории и архитектуре Загорска. Уже в перестроечное время, в 1990 году, вышла изданная вдовой автора книга рассказов под названием «Мальтийские рыцари», на которой гордо красуется настоящая фамилия автор – Канкрин. Книга была восторженно встречена критикой.

АЛЕКСАНДР БОРИСОВИЧ ЛАКИЕР

Лакиер (1824–1870) – основатель русской геральдики, отец – из немецких крещеных евреев, врач, переселившийся в Россию. Работал карантинным врачом в Таганроге. Был близким другом поэта Аполлона Григорьева. Статьи, современный израильский историк и мой хорошо знакомый Вальтер Лакер, оказался его родственником!

ГРИГОРИЙ ФЁДОРОВИЧ КВИТКА-ОСНОВЬЯНЕНКО

Квитка-Основьяненко (1778–1843), прозаик, драматург, поэт – потомок Герциков. Один из «критиков», которыми переполнен Интернет, «обвиняет» меня в том, что я подчеркиваю «голос крови», якобы присущий потомкам крещеных евреев. Что сказать, Квитка-Основьяненко – замечательный писатель, в известном смысле предшественник Н.В. Гоголя и одновременно и ученик его же, да к тому же знакомый Григория Саввича Сковороды, который неоднократно останавливался в доме родителей. Но, увы, вот следующее маленькое воспоминание детства, из которого можно сделать разнообразный вывод

*«Отдавши челом батеньке и маменьке, нас высылали в сад пробежаться. Дворовые ребятишки нас ожидали – и началась потеха. Бежали взапуски, лазили по деревьям; ломали ветви, и когда были на них плоды (хотя бы еще в зародыше), то мы тут же их и объедали; разоряли птичьи гнезда, а особливо воробьиные. Птенцам их тут же откручивали головки, и старым, когда излавливали их, не было пощады. Нас так наставляли: маменька, не один раз нам изъясняли, что воробей между птицами – то же, что жид между людьми, и потому щадить их не должно. Маменька хотя и неграмотные были, но имели отличную память: и в старости не забывала историй, слышанных ими в детстве».*³⁹⁹

АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ ГАСМАН

Гасман (1844-1919), тайный советник, сенатор. Окончил Спб. университет. С 1867 г. по ведомству министерства юстиции. С 1886 г. юрисконсульт министерства юстиции. С. 1890 обер-прокурор межвевого департамента. С сентября 1906 по 1913 год товарищ министра юстиции.⁴⁰⁰ А.Ф. Кони был чрезвычайно высокого мнения о юридической компетенции Гасмана. Когда в 1906 году Кони предложили занять пост министра юстиции в правительстве Столыпина, он указал на нескольких лиц, по его мнению, могущих занять этот пост. Первым был назван Гасман. Понятно, еврею-выкресту, в столь одиозном правительстве было предоставлено место заместителя, что уже много.⁴⁰¹

НИКОЛАЙ АБРАМОВИЧ

Интересна фигура **Николая Абрамовича** (1778–1835), сына Иоахима, старосты Губского, Цытовьянского и Сераковского уездов. Род Абрамовичей произошел из выкрестов, а в конце XVIII века стал очень богат. Одновременно шло и личное общественное возвышение. После смерти отца остались два юных брата «прекрасных, как ангелы», Николай и Игнатий, по богатству принадлежащие к высшему кругу знати. Николай Абрамович член комитета Внутренних дел Временного Литовского правительства, образованного Наполеоном. Услуга, которую он оказал французам, заключалась в том, что, переодетый девицей, проник в расположение русской армии и доставил ценнейшие сведения о дислокации русских войск. Находился в Почетной Гвардии во время пребывания Наполеона в Вильно, в первых числах июля 1812 года. Пожертвовал много денег на снаряжение Конно-Егерского полка полковника Манюшко, имея чин майора. В ноябре 1812 года при отступлении находился в штаб квартире Наполеона. Принимал участие во всех компаниях 1813/1814 гг. По амнистии, вернулся в Россию, стал маршалком шляхты Виленского повета и **камергером Российского двора**. Выслуживался перед царским правительством и лично перед Н.Н. Новосильцевым во время дела «Филаретов» (*Адам Мицкевич и его друзья*). Во время восстания в 1831 году был ярим сторонником России. Жизнь окончил при загадочных обстоятельствах: возможно или самоубийство или убийство его польскими патриотами.⁴⁰²

В работе историка С. Я. Борового «Национально-освободительная война украинского народа против польского владычества и еврейского населения Украины», опубликованной в «Исторических записках»⁴⁰³ упоминаются трое казаков: **Иван Лейба**, **Трофим Коган**, **Иван Жидовин**. Другая солидная работа С.Я. Борового «Евреи в Запорожской сечи». «Исторический сборник»⁴⁰⁴ также содержит интересующий нас материал. Боровой работал с архивом, обнаруженным историком и публицистом А.А. Скальковским. Кстати, Аполлон Александрович недолюбливал евреев, о чем я уже писал. Тем ценнее его исторические заслуги перед нашим народом. Со ссылкой на книгу В. Антоновича⁴⁰⁵ Боровой приводит следующую цитату: «Среди гайдамаков мы встречаем довольно часто «выхрестов», т.е. крещеных евреев, которые, конечно, смотрят на гайдамачество исключительно, как на прибыльное занятие». Среди шаек разбойников, действующих на Украине после «колиивщины», мы можем найти и евреев во главе с Майоркой Шимановичем. На счету этой банды убийства и грабежи. Да, евреи не ангелы.

НИКОЛАЙ ГЕННАДИЕВИЧ КАЗНАКОВ

Казнаков (1824–1885), потомок Вольфов (или Вульфов) – генерал-адъютант, один из деятелей Великих реформ. По широте административного кругозора, объему знаний и энергии его сравнивали с великим Сперанским. «Строгая законность гармонически сочеталась в нем с удивительной мягкостью и корректностью». (*О нем подробнее в РБС и Сытинской военной энциклопедии.*) Его родной брат Казнаков Геннадий Геннадиевич (1833–1870) был генерал-майором в «свите его величества» и «прославился» действиями своего летучего отряда в борьбе с польскими инсургентами в 1863 году. В конце 1866 года получил назначение на должность вице-директора канцелярии Военного министерства, и, следовательно, работал под руководством «великого» Д.А. Милютина над военной реформой.

Есть одна странная деталь. Род Казнаковых, как я полагаю, имели фамилию Вульф по женской линии, но род Казнаковых более древний и известен с XV века. Они как бы выходцы из Золотой Орды со странной «татарской» фамилией **Казнаковичи**.

ВЕРНАДСКИЕ

Вернадские считаются потомками Крыжановских. Первый известный нам Иван Вернацкий (*так писалась тогда эта фамилия*) был сыном священника села Церковщина Черниговской губернии. Его предки якобы прибыли в Запорожье не то из Италии, не то из Литвы. Эта версия чрезвычайно интересна и сама по себе дает несколько путей поисков, но мы удовлетворимся иным. Иван Вернадский имел трёх сыновей и желал их видеть священниками. Но средний Василий предпочел светский образ жизни. Он получил тайное благословение своей матери и поступил в Московский университет. Мать Василия происходила из знатной казацкой семьи Забело и была потомницей известного полковника Крыжановского еврейского происхождения.⁴⁰⁶

По соседству с Вернадским, великим ученым, стоит упомянуть великого китаиста **Василия Михайловича Алексеева** (1881–1951). Родившийся в еврейской семье, он рано осиротел и был усыновлен русским рабочим. Таким образом, «классовое происхождение» помогло ему в недоброе время, хотя природный аристократизм тяжело было скрывать.⁴⁰⁷

РОМАН МИХАЙЛОВИЧ МЕДОКС

Медокс (1795–1859) знаменитый прохвост и авантюрист. Медоксы всегда скрывали своё еврейство, но «Русский вестник» вывел их «на чистую воду». Отец, **Михаил Георгиевич Медокс** (Майкл, Михаил Егорович; 1747–1822) был профессором математики в Оксфорде, в 1766 году получил приглашение преподавать математику и физику наследнику престола Павлу Петровичу. Затем занимался театральным делом и весьма преуспел. Был также выдающимся мастером по изготовлению часов. Имел множество детей и среди них наш «герой». За свои «проказы» тот просидел в общем десятки лет в Петропавловской и Шлиссельбургской крепостях. Выпущен был на свободу в 1855 году. До сих пор историки не пришли к выводу о причинах столь сурового наказания. Литературовед Соломон Яковлевич Штрайх (1879–1957) попытался проникнуть во внутренний мир этого странного человека.⁴⁰⁸

ПЁТР (ПИНХУС) ВАСИЛЬЕВИЧ СЕКЕРИНСКИЙ

Секеринский, начальник СПб. охранного отделения, кантонист.⁴⁰⁹ В книге А.П. Мартынова «Моя служба в отдельном корпусе жандармов», сообщалось: «генерал Секеринский был, что называется, «осколком прошлого»... Очень уже пожилой... Он принадлежал к той, уже отходившей в прошлое небольшой группе старших жандармских офицеров, с которыми был связан рассказ о том, как когда-то Варшавский наместник, граф Берг, во время своего объезда по губерниям Варшавского края, увидел группу барахтавшихся в грязи «жиденят» и, указывая на них, приказал окрестить и сдать в школу!» – т.е. в школу кантонистов. «Жиденята», а среди них и будущий жандармский генерал Секеринский были окрещены и понемногу, по мере способностей и как-то в обход общих правил, влились в Отдельный корпус жандармов... Петра Васильевича Секеринского мы, его подчиненные, звали за глаза попросту «Пинхусос». Я не исключаю, что к этой группе «жиденят» примыкал и подполковник **Г.П. Судейкин** (1850–1882), бывший в начале 80-х годов опять таки начальником Петербургского охранного отделения и убитый Дегаевым в декабре 1883 года. Уж слишком изощренным следователем был этот человек. Его сын – прославленный русский художник Сергей Судейкин (1882–1946). *(Был еще некий Судейкин, писавший о правах евреев.)*

ПЁТР ИВАНОВИЧ РАЧКОВСКИЙ

Рачковский (1853–1911) был помощником Судейкина, предупредившим шефа и Плеве о ненадежности Дегаева. На Рачковского есть «ксива» о его еврейском происхождении, хотя официально сообщалось о том, что он был сыном небогатого бессарабского помещика. Я в это не верю... В книге Антошевского о выкрестах присутствуют некие Рачке из Варшавы, принявшие святое крещение: «Рачковский Карл-Иван (*Сруль Рачке*) 14 лет, в Варшаве 1831 году. Сын Гершки Рачке и Фейги Юдель».⁴¹⁰ Учитывая отчество начальника ЗАГа – Иванович, похоже, что речь идет об отце нашего героя. В 1879 году Рачковский был редактором «Русского еврея» и именно с варшавским адресом. Конечно, редактор «Русского еврея» должен был знать, если не древнееврейский язык, то как минимум идиш. Большинство корреспонденций из черты оседлости поступало на жаргоне. В своей провокаторской работе он дошел до того, что предлагал сделать из «Русского еврея» – легальный орган народовольцев.⁴¹¹ «Русский еврей» не назван, а даже обозначен газетой. Дело происходило в конце апреля 1879 года, а именно с апреля, когда в журнале начал работать Рачковский. Народоволец и академик Н. К. Бух должен был опустить по цензурным соображениям название журнала. Более того, в его, вышедших отдельной книгой воспоминаниях, эпизод с Рачковским отсутствует. Заведовал Рачковский редакцией, понятно, с ведома Департамента полиции, и был не единственным осведомителем в редакции. Есть сведения и о другом агенте охранки, работавшем в этом же издании – выкресте П. Палетеле.⁴¹² Николай Константинович Бух рассказывает, что для придания достоверности революционности Рачковскому, он был посажен в тюрьму, где просидел три или четыре месяца. При этом его в тюрьме посещал «редактор другой газеты», видимо Палетель!

ИВАН ФЁДОРОВИЧ МАНАСЕВИЧ-МАНУЙЛОВ

Манасевич-Мануйлов (1869–1918), выкрест, известный аферист, журналист и агент русской охранки в письме к Л.А. Ратаеву доносит, что **Рачковский** скрывает свое еврейское происхождение, которое он хорошо знает.⁴¹³ В некрологе из «Нового времени» за 20.X., 1911 г. сообщалось, что умер Рачковский в чине действительного статского советника внезапно на станции Режица по Варшавской железной дороге, направляясь в свое имение. Думаю, что этих фактов достаточно...

СЕРГЕЙ ЕВЛАМПИЕВИЧ ВИССАРИОНОВ

Виссарионов Сергей Евлампиевич (1867–1918), вице-директор департамента полиции был евреем. Не то отец, не то дед его был крещен в православную веру, и Сергей Евлампиевич никогда не забывал осенить себя крестным знаменем до и после обеда или ужина. Он старался не пропускать торжественных богослужений, крестился, проходя или проезжая мимо храма, и, приезжая в Москву по делам из Петербурга, прежде всего заезжал к Иверской», иронически писал свидетель.⁴¹⁴ Такое подчеркивание своей веры наводит на мысль, что крещение произошло на уровне, конечно, не деда, и, вероятно, и не отца. Носил, по словам Мартынова, маленькие усы, не менявшие еврейской внешности. «В самой его фигуре, в выпиравшем животе, в манере ходить, в хитровой улыбке, в моргании глаз и, наконец, в настоящем еврейском носе было столь много типичных еврейских черт, что ни у кого не было сомнения в его происхождении» – почти карикатура, но Мартынов не антисемит. Он дает блестящую характеристику деловым качествам выдающегося криминалиста Виссарионова. Его дарование и работоспособность помогли добиться должности вице-директора Департамента полиции. Мастерски вел диалоги с агентами. Пределом его мечтаний, и вполне заслуженных, была должность директора. Но он был, по словам Мартынова, «не наш», как говорили тогдашние сановники. Его происхождение и предвзятость сильных мира сего не позволили ему подняться на высшую ступень. У Блока: «Сергей Евлампиевич Виссарионов. Бледный, черный, огромный лоб. Злой (сразу) взгляд... начинает говорить дельно... «Пушкин» – может вдруг блеснуть. Кудрявые волосы. Еврей... ..он умный. ...Еще он похож на Л. Андреева».⁴¹⁵ Последнее интересно: происхождение Леонида Андреева – туманно. Интерес писателя к еврейству почти патологичен...

В настоящее время интерес историков к фамилии Виссарионова связан с так называемой «папкой Виссарионова». Впервые об этой папке заговорили в печати в 1956 году. В этой сенсационной папке находились материалы о сотрудничестве Иосифа Джугашвили (Сталина) с Департаментом полиции в роли осведомителя о деятельности партии большевиков. Наличие этой папки послужило основанием для кровавых репрессий против всей элиты высшего состава Красной армии (Тухачевский, Уборевич, Якир, Гамарник и другие) в 1937 году.

ГРИГОРИЙ САВВИЧ СКОВОРОДА

Меня всегда интересовал образ знаменитого религиозного подвижника, «старчика» Григория Саввича Сковороды

М.С. Сковорода

(1720–1794): «И встретил камень я./ Был камень неподвижен/ И проступал в нем лик Сковороды».⁴¹⁶

Я всматриваюсь в ускользящий образ. Кто он? Откуда? Странная мысль зародилась давно в моей голове: Сковорода неопознанный еврей, и это не в том плане: «Что все поэты жида» (М.Цветаева), а в обыкновенном, житейском... Для моего умозаключения есть несколько фактов, которые можно систематизировать. Вот они:

1. Григорий Саввич родился в Полтаве. Полтава – город, в котором еврейское население в XVII-XVIII века было преобладающим. Если по переписи 1897 года они составляли более 20%, то во времена ранние их было значительно больше. Так, еще в начале XIX века городским головой Полтавы был богатый купец Абрам Моисеевич Зелинский (*один из главных выкупщиков из крепостной неволи актера Михаила Семеновича Щепкина*). Вообще мещанский класс в Малороссии был подавляюще еврейским. Великий современник и земляк Сковороды – Св. старец Паисий Величковский, годы рождения и смерти, почти удивительно совпадающие с годами жизни Сковороды (1722–1794), был уроженцем Полтавы. Историк пишет: «Немало было тогда в Полтаве и евреев, занимающихся торговлей и ремеслами. Они разъезжали по ярмаркам, торговали водкою... В родне самого старца Паисия со стороны матери, были и евреи, о чем он рассказывает в своих записках».⁴¹⁷

2. Григорий Саввич Сковорода в своих странствиях **никогда не расставался с еврейской Библией**. Ветхий Завет на древнееврейском языке постоянно лежал в суме «старчика». На это особое внимание обращают ряд биографов. (*Например, А.Ф. Лосев*).

3. По мнению крупнейшего исследователя русского раскола В.Д. Бонч-Бруевича, Сковорода склонялся к одной из форм сектантства. Русское сектантство имело сильнейшее влечение к Ветхому Завету. Примат Ветхого Завета был принят среди духоносцев, духоборов, молкан, жидовствующих разных толков.

4. Некоторые работы Сковороды свидетельствуют о знании им трудов его современника Бешта (Баал Шем-тов; 1699–1760), основателя хасидизма.

5. Метод толкования материала чрезвычайно близок к методу средневековых еврейских экзегетов. Знакомство Сковороды с этим материалом очевидно.

6. Сковорода приходился отдаленным предком Владимира Соловьеву. А.Ф. Лосев считает этот факт чрезвычайно важным, несмотря на отдаленность потомка. Как известно, антисемиты неоднократно указывали на еврейское происхождение философа-филосемита (*С.И. Уманец, М.О. Меньшиков*).

7. Существует некий общий психологический тип (*еврейский*), к которому принадлежит Сковорода, резко выпадающий из своей среды. Наиболее близок к нему его младший современник, тоже уроженец России – Соломон Маймон (1754–1800). Неистребимая жажда знаний – вот, что их объединяет!

По всем пунктам, кроме последнего, имеются фактические данные. Но психологический фактор – это необходимый фон исследования...

Меня интересуют документальные (*неопубликованные*) данные о возможном еврейском происхождении Сковороды. Следует изучить архив его ученика и друга – философа генерала Михаила Ивановича Коваленского (1757–1803), фамилия которого иногда пишется как Ковалевский... Возможно, кое-что можно обнаружить в фонде поэта Акима Николаевича Нахимова (1782–1814) и других «Слободских» помещиков, где останавливался философ.

ИКОНОПИСЦЫ-ЕВРЕИ

Мы коснемся темы, едва исследованной в русской **иконописи** в XVII веке. В прекрасной работе А.И.Успенского⁴¹⁸ упоминаются несколько живописцев-евреев. Иногда имена и фамилии нам не дают возможности догадаться кто они по происхождению.

Башмаков, Иван Дементьев, «жалованный» иконописец, ученик знаменитого Симона Ушакова, отданный ему в обучение по царскому указу от 1 марта 1664 года. Успенский не жаловал евреев, посему характеристика мастера звучит так: «Как истый жид, умел (он) извлекать денежные выгоды из своего положения и факт крещения в православную веру был для него прекрасной доходной статьей за все шесть лет его службы по оружейной палате». ⁴¹⁹ В челобитной царю Башмаков писал: «По твоему Великого государя указу отдан я холоп твой в ученье иконного письма к иконописцу к Симону Ушакову, а корм мне холопу твоему указан по 8 денег на день, а у меня... здесь на Москве нет ни отца, а взят я от отца и от матери в православную христианскую веру мал, и мне ... того поденного корму по 8 денег в день на корм и одеженку не станет. Милосердный государь... вели к тому прибавку учинить, чем мне у того дела сыту быть, и на одеженку, как тебе ...Бог известит». От этого прошения веет горем неизбывным – вероятно мальчик жертва войны, насильственно разлученный с родителями. Симон Ушаков с похвалой отозвался о его прилежании. Интересно, что в деле Башмакова упомянут окольный и оружейничий Богдан Матвеевич Хитрово, приказавший выдать ему дополнительное жалованье. Этот Хитрово известен тем, что к нему в холопы был записан отец Петровского вице-канцлера Шафирова. После 3 апреля 1672 года никаких записей о Башмакове не обнаружено.

Василий Познанский, которого Успенский считает евреем, вывезенным в Москву во время смоленского похода царя Алексея Михайловича, оставил несравненно более крупный след в истории русской иконописи. В архиве Министерства Иностранных дел между малороссийскими актами, хранится свидетельство от 14 октября 1691 о принятии неким **Иосифом Познанским** «святого крещения». Высказано предположение, что это какой-то родственник Василия Познанского. Имя Василия упоминается еще в 1670 году в качестве ученика «живописного дела». В 1672 году он с некоторыми иконописцами едет работать в Коломенское, где он «писал и золотил». В 1677 году, к пасхе,

Василий подарил государю вышитое знамя. К сожалению, оно не сохранилось до наших дней. В следующем, 1678 году Познанский расписывает золотом «Образ Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа». Для царя Федора Алексеевича в 1679 году он расписал золотом и красками по атласу плащаницу – образ Спасителя. Вершиной работ Познанского считается роспись иконостаса церкви Распятия Господня.

Успенский считает, что по своему дарованию Познанский не уступает Симону Ушакову. После 1710 года нет упоминаний его имени в документах. В общем, жизнь большого мастера была несчастливой, и Успенский с полным основанием писал: «При жизни удел был его несчастен, да и после смерти до сих пор, по удивительной и странной случайности (*ведь сколько бывало во дворце и ученых и археологов и художников!*) никто не обращал внимания на его знаменитые произведения. Через двести лет мы заговорили о Познанском и раскопали, что это был за человек. Такова иногда бывает судьба крупных талантов. Но ничего великого не пропадает, и рано или поздно – но истина восторжествует».⁴²⁰

С большей или меньшей вероятностью можно ещё указать на несколько евреев-иконописцев: **Исаак** и **Григорий Абрамовы** и трое **Юдиных** – **Даниил**, **Яков** и **Федор**. Был еще «кормовой» иконописец под двойной фамилией **Федоров Василий**, он же **Юдин** – для простого русского человека немного больше фамилий, чем нужно...

Захарий Самойлович или Самуйлович, киевский гравёр на меди живший в конце XVII – начале XVIII в.в., стоит несколько в стороне от этой группы. В годы 1691–1708 работал в Киеве и в Москве. Среди четырнадцати работ мастера имеется большой портрет гетмана Мазепы. На гравюре «Поклонение царей новорожденному» изображены обе царствующие особы: Петр Алексеевич и его брат Иван Алексеевич, а также малороссийские старшины. Это почти светские полотна. Остальные гравюры исполнены на евангельский сюжет: «Воскресение Иисуса», «Богоматерь» и т.д. Жаль, что мы почти ничего о нем не знаем. И вот что дополнительно. Меня просили указать некоторые малороссийские достопримечательности Святой земли. В Гробе Господнем, в приделе (часовне) Ангела, есть камень, который служит алтарем. Он покрыт серебряным столом, подаренным гетманом Иваном Мазепой. Русский путешественник XIX века генерал Д. А. Скалон считает, что это итальянская работа. Но я уверен, что рисунок образа черню сделан киевлянином Захарием Самуйловичем! Захарий был несомненно крупным мастером.

В следующую эпоху – Петровскую, новокрещенных евреев было значительно больше. А если добавить малороссийские старшинские фамилии, то число их резко увеличивается. Во всяком случае, украинское дворянство (*шляхетство*) очень пополнилось во время хмельничины, когда крещение было единственным способом сохранить жизнь. Наиболее известные малороссийские семейства, имеющие еврейские корни, крестившиеся в XVII веке следующие: **Бороховичи**, **Герцики** (*у них разное правописание: Герциги, Герцеки и т.д.*), **Марковичи**, они же **Маркевичи** (их потомок известный писатель и антисемит **Болеслав Михайлович Маркевич** (1822–1884), **Нахименко** (**Нахимовские**, **Нахимовичи**, **Нахимовы**), **Перекресты**, **Новицкие**. **Елена Юрьевна Новицкая** (род. около 1698 г.), дочь эконома Шептаковских» (1714–1717), в 1705 году жила в селе Гарцове. Её родная племянница **Елена Давидовна Новицкая** была замужем за бунчуковым товарищем Павлом Ивановичем Миклашевским (*Мазепа ввёл это звание, более декларативное, чем реальное. Бунчуковые товарищи не получали вознаграждения, в походах исполняли различные поручения гетмана в роли адъютантов. Одежда, как генерального бунчужного, так и его товарищей (заместителей) состояла из собольей шубы с рукавами, крытыми бархатом а шелковый кафтан выделялся среди прочих шитыми на груди золотыми позументам. – С.Д.*). Родная сестра Елены Юрьевны – **Ирина Юрьевна Новицкая** (род. около 1688 г.) была замужем за значковым товарищем Стародубского полка Родионом Ивановичем Яиченковым. (*«Киевская старина» – «Модзалевские»*). Сюда же мы можем добавить и **Самойловичей**. Основатель последнего рода – священник Самуил. Иван Самойлович (? –1692), будучи гетманом Левобережной Украины, присоединил к России Заднепровскую Украину и стал гетманом обеих сторон Днепра. Сам «великий гетьман» Иван Степанович Мазепа (1644 или 1639–1709), как утверждает «Энциклопедия украиноведения»,⁴²¹ окружил себя еврейскими выходцами. По женским линиям они породнились с **Орликами**, **Скоропадскими**, **Безбородко**, **Кочубеями**... Потомки породнились друг с другом и можно смело утверждать, что всю интеллектуальную элита Украины последних столетий составляют потомки выкрестов! Надо сказать, что «Энциклопедия украиноведения» в ряде статей упоминает еврейское происхождение того или иного деятеля. В этом отношении интересна статья **«Нахимовский Федір»** (1758), где она начинается словами: «Украинский дипломат жидивского рода». Он был сподвижником Мазепы и выполнял различные поручения гетмана уже в эмиграции

рации, а после его смерти выполнял дипломатическую работу при Григории Орлике. Был в Польше, в Швеции, жил в Турции и Крыму. Естественно – в поисках союзников против «московского ига». Обращаем внимание на корень фамилии – «**Нахим**», от еврейского **Нохим (Нахум, Наум)**. Никакие другие спекуляции по поводу возникновения родов **Нахимовых, Нахименко, Нахимовских** и подобных не могут приниматься во внимание.

В свете этого необыкновенно интересно утверждение польского историка Казимира Валишевского о самом Богдане Хмельницком. При этом мы должны учитывать необыкновенную ненависть к этой личности со стороны польского историка. Чтобы унижить гетмана указано на его низкое происхождение. Якобы отец его был мясником и даже... евреем. При этом Валишевский ссылается на польские источники. Что касается древней и тяжелой профессии мясника, то поляки этот факт использовали во время переговоров с москвитями, для уничтожения старосты мясного ряда Кузьмы Захария Минина. Нелепое обвинение, в котором больше сословного высокомерия, чем здравого смысла. Но вот что проморгали многочисленные историки. Как известно весь сыр-бор хмельнитчины начался с пустяка. Дворянин Чаплинский отнял у Богдана Хмельницкого родовой хутор. Обратим внимание на его название: **Суботово** или с двумя «б» – **Субботово**. У Костомарова двойное написание. И это может говорить о том, что в «обвинении» Валишевского (если считать обвинением еврейское происхождение гетмана) имеется отправная точка. Сёл с таким названием на территории России, Украины, Белоруссии было предостаточно. В России – это было названия поселений, где жили евреи, субботники, молокане и др. секты «жидовского толка». В Западной Руси, в местах большого скопления еврейского населения – названия сел Суботино, Суботова и т.п. связано с его обитателями иудейского вероисповедания. Ради Бога! Не думайте, что спорное приобретение такого негодяя, как Хмельницкий, делает честь моему народу. Уж пусть он остается малороссом...

Один из солидных источников утверждает, что крещения были и добровольные и что евреи, крестившись, примыкали к восставшим и их, в отличие от поляков, даже желавших перейти в православие – не убивали: «...жиды многие крестятся и пристают к их же войску, а лях, хотя и захочет креститься и примают, всех побивают...».⁴²² Вообще еврейское происхождение не редкость среди малороссийского дворянства. Генерал-губернатор Малороссии выдающийся военачальник

П.А. Румянцев-Задунайский, в письме императрице Екатерине II сетовал в 1766 году, что при выборах малороссийских депутатов в созванную Екатериной в рамках политики «просвещенного абсолютизма» «Комиссию» по выработке нового «Уложения» (свода законов) ни одно собрание не обходится без взаимных попреков в «худородстве», причем каждое обвинение тут же подкрепляется уже готовой генеалогией «самознатнейших вельмож из мещан и жидов».⁴²³ Кстати, императрица и сама это прекрасно знала: внуком еврея был не более и не менее, как сам прославленный министр, а в будущем канцлер, светлейший князь и граф Священной Римской империи **Александр Александрович Безбородко!** **Новицкие**, его корень – выкресты.

Федор Новицкий реестровый казак в 1649 году, сын – полковник (*один из высших чинов на Украине*). Его дочь вышла замуж за Михаила Забела. В свою очередь их дочь вышла замуж за Андрея Безбородко. Плод этого брака – великий **А.А. Безбородко** (1742–1799), канцлер Российской империи. А племянник Безбородко – не более не менее, как **В.П. Кочубей** (1768–1834), министр внутренних дел, председатель Государственного совета и Кабинета министров при Александре I. Куда ведет его род? Такова генеалогия – наука о предках и потомках. (*Фамилия «Забело» писалась по-разному: Забелла, Забелло, Забело и, конечно, через «ять».*)

Кстати, вспомним окружение гетмана Мазепы. Бежавшие после поражения под Полтавой казаки нашли убежище в Турции. Там и умер престарелый гетман. Надо было выбирать нового вождя. Им стал Филипп Орлик, шурин **Григория Герцика**, ставший в свою очередь генеральным есаулом. Как полагается, в казацком круге был составлен договор между властью и низом. Договор начинался с исторического экскурса и возгласами о **древнем могуществе козацкого народа, который есть ничто иное, как сохранившееся козары (хазары) могущественного древнего каганата**, гроза Восточной греческой империи, император который должен был выдать свою дочь за кагана хазарского, т.е. предводителя козаков! Несомненно, что сиё сочинил министр иностранных дел первого украинского эмигрантского правительства, крещеный еврей Григорий Герцик, врач по профессии. Сей рассказ приведен великим русским историком с небольшой долей иронии. Но таково было время.⁴²⁴ Историческую версию о связи хазар и казаков поддерживал, например, Л.Н. Гумилев.

Вообще в эмиграции среди сторонников Мазепы оказалось несколько старшин с еврейским корнем. Не считая вышеприведенного

семейства Герциков, Нахимовичи – они же Нахимовские и Нахименко. Наоборот, такие, как клан Бороховичей или Бороховичей остался верен царю. Один из эмиссаров Орлика – Нахимович, он же Нахимовский, посетил Сечь с письмами от короля шведского и Орлика, предлагая начать борьбу против России. В казачьем кругу он говорил: «Я только один к вам пришел, а в Варшаве оставил Герцыка и Мировича с комиссарами... Когда я возвращусь из Крыма, то из Варшавы будут к вам присланы Герцыком клейноты и деньги, и Войско Запорожское будут просить к королю шведскому, которому против царя будут помогать четыре короля да пятый цезарь».⁴²⁵

Обиление еврейских корней, иногда вызывало конфуз центральной власти. Так, 22 июля 1726 года был издан указ, подтверждающий права выборов гетмана и старшин в Малороссии. В инструкции, составленной в Иностранной коллегии для тайного советника Федора Наумова, направляемого на Украину в качестве министра при дворе гетмана, светлейший князь, «безродный» Меншиков собственноручно начертал, чтобы в старшины не принимались лица из «жидов». Но тотчас же спохватились, что шурин гетмана Скоропадского, как раз из жидов – **полковник Лубенский**...⁴²⁶

Сам же гетман Скоропадский писал «универсалы», угрожая карательными мерами тем, которые скрывают у себя евреев. «Следует очистить от жидов Малороссию разве тилко тот, хтобы жидовское покинувши неверие, восхотел до христианства повернуться». Если же евреи будут найдены, то несчастные будут высланы, предварительно **«жидовское имение разграбивши з бесчестием и с умалением здорovia, пречь за рубеж обнаженного вигнати»**...⁴²⁷ Чрезвычайно гуманный «универсал»!

СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛИ ЕВРЕЙСКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ.

Существует мнение, что именно священники наиболее «чистая» часть русского народа. «Чистая» – в значении истинно славянского происхождения. Александр Федорович Керенский, защищаясь от антисемитских нападок, о его несомненных иудейских корнях, утверждал, что в нисходящих линиях матери и отца насчитывается десятка полтора сельских священников. «Первая любовь России», увы, неправ. Священничество – не аргумент в идиотском споре, навязанном Керенскому юдофобами. В нашем распоряжении десятки фамилий известных и малоизвестных священнослужителей, безусловно, еврейского происхождения.

Русское православие и духовенство, всегда отрицательно относилось к еврейству. Корни этой формы юдофобии находятся в области отношений христианства к иудаизму. И все это увеличивалось невиданным невежеством клира. Вплоть до сегодняшнего дня, в отличие от католичества и протестантства, нашедшего в себе мужество признать свои ошибочные взгляды на «богоизбранный народ», православие застыло в прошлом.

Мы не будем углубляться глубоко в историю: точка нашего отсчета XIX и XX века.

Мы имеем интересные свидетельства вполне нейтрального русского врача докторара М.В.Симонова.

Еще в начале позапрошлого века будущие миссионеры-семинаристы, «ревнуя о вере», практиковались в миссионерской деятельности. Они хватили несчастных еврейских мальчиков, завязывали их в мешок и под предлогом «учить уроки» уносили их в лес и побоями и истязаниями заставляли их креститься. Место действия – Екатеринослав, время действия – 1803 год. Через 80 лет в том же славном граде был погром, и семинаристы хорошо поживились «одеждою и карманными часами» – по тому времени это было «богатство».⁴²⁸

Выше мы упомянули **св. Луку Жидяту** – первого русского епископа во времена Киевской Руси. Он получил Новгородскую кафедру. До него это была прерогатива греков. Их присылали из Византии. Этот патронаж прервался – политическая победа великого князя Ярослава Мудрого. Еврейское происхождение святого не вызывает сомнений. И это несмотря на всевозможные ухищрения антисемитов. По очень позднему списку летописи, и к тому же

единственной раз, Лука назван **Жирятой**. И теперь во многих энциклопедиях пишут в скобках эту явную опisku переписчика.

Во времена, так называемого третьего южнорусского влияния на русскую культуру, падающего на вторую половину XVII и начало XVIII в.в., большое количество образованных людей прибыло из Малороссии в Московию. Нынешние русские историки предпочитают умалчивать об этом, и, наоборот, украинцы с гордостью выпячивают свое культуртрегерство. Так вот, среди сонма явившихся в «богатую» братскую страну, находились и многочисленные выкресты. На именах некоторых священнослужителей мы и остановимся.

ГАВРИИЛ БУЖИНСКИЙ

При проведении церковной реформы Петр I опирался на трех лиц: Феофана Прокоповича, Гавриила Бужинского и Рафаила Зборовского. Один из них, Гавриил Федорович Бужинский (родился около 1680, правобережная Украина – умер в 1731 году в Москве), называемый современниками «евреянином», был преподавателем московской Славяно-Греко-Латинской академии, в качестве члена Синода ведал типографскими и школьными делами. Кроме того, он был епископом Рязанским.

Образование он получил в Киево-Могилянской академии. В 1706 году он был вызван Стефаном Яворским в Москву, где стал преподавателем Славяно-греко-латинской академии. В 1707 году принял постриг, а в 1709 году назначен префектом академии. Обладая блестящими ораторскими способностями и прославился как проповедник. Петр I вызвал его в 1714 году в Петербург, в Александро-Невский монастырь, а в 1718 году был назначен обер-иеромонахом флота. Жил Бужинский, то в Александро-Невском монастыре, то на кораблях российского флота. Его вызовы в Петербург были весьма частые, т.к. его проповеди привлекали всеобщее внимание и, в первую очередь, государя. Некоторое время Гавриил Бужинский был единственным иеромонахом. В 1721 году стал настоятелем Костромского Троицкого Ипатьевского монастыря с возведением в сан архимандрита. В этом же 1721 году, 2 февраля был назначен советником только что утвержденного Синода. 20 марта 1722 назначен настоятелем Троице-Сергиевой лавры. До 1726 года занимал должность протектора всех подведомственных Синоду школ и типографий. Бужинский редактирует книги и до-

кументы, наблюдает за изданием книг в Петербурге, Москве и Украине. Поразительная работоспособность! Наибольшей популярностью до наших дней пользуется «Юности Честное Зерцало, собранное от разных авторов» (1717 г.), включая в себя букварь и правила поведения в обществе, точнее, основное руководство по воспитанию дворянских детей петровской поры. С другой стороны он делал работу «министра пропаганды». Например, выходит гравюра с изображением Санкт-Петербурга, Гавриил составлял «похвалительное» описание. Похвала Петру введшему гравирование, но и самое главное, утверждение красоты новой столицы, превосходящей и иные западные столицы. Полная натяжка на то время. Но интересно: читал ли Александр Сергеевич Пушкин это описание новопостроенной столицы? А если читал, то что он почерпнул из него?... По приказу Петра Бужинский переводит Аполлора Афинейского о начале Богов; важнейшее политическое сочинение того времени Самуила Пуффендорфа «Введение в Гисторию Европейскую» (1718 г.) и многое другое. Для меня особенно ценно, что он был первым переводчиком с латыни «Разговоров дружеских» Эразма Роттердамского на русский язык.

Проповеди Бужинского неотделимы от эпохи преобразований. Они представляют собой апологию или панегирики возрождения России вследствие преобразовательных идей. Основные произведения Гавриила Бужинского полны оптимизма, веры в творимое добро. Надо сказать, что главным и единственным редактором трудов Бужинского был сам государь Петр Алексеевич.

После смерти государя Бужинского переводят в 1726 году в Рязань, где он успевает восстановить славяно-греко-латинскую школу. Доносы на образованнейшего ученого поступали вплоть до 1725 года, но общее гонение на сподвижников «Великого преобразователя» после его смерти усиливает напор его врагов. Тем не менее, в день годовичного поминовения Петра Великого Бужинский написал речь, которая считалась лучшей из всех его проповедей и была переведена на латинский язык.

«... zde увяде венец наш, угасе светильник очию нашею, исчезе красота наша, столп наш преклонися, пресечесе надежда; zde веселие наше в темном мраце погребено zde лавры побед и торжеств Российских изощренною косою смертною подсечены и потоптаны суть».⁴²⁹

Как известно, завистников во все времена объединяла бездарность. Посему его обвиняли в различных злоупотреблениях и, самое страшное, в религиозном отступничестве. Петровский сподвижник – он, естественно, был «западником» и в его произведениях, безусловно, прослеживается протестантское влияние. С 1728 года он живет в Москве, где усиленно занимается защитой собственного мира. В год смерти число челобитчиков на него доходило до 34 лиц, в Синоде было возбуждено 55 дел! Доносы поступили из Рязани в Синод в сундуке и пяти «коробях» – опись их заняла время с конца октября до марта!

Удивительно, но в 1730 его оправдывают от всех возводимых обвинений. Увы, здоровье архимандрита было надорвано и 14/25/IV. 1731 года он скончался в Москве. Его обширная библиотека поступила в Славяно-греко-латинскую библиотеку.

ИННОКЕНТИЙ МОНАСТЫРСКИЙ

Иннокентий Монастырский, игумен Кирилловского монастыря родился в еврейской семье на Украине. Когда родился точно – неизвестно, но понятно, что в середине XVII века. Каким путем он крестился, мы не знаем. Он участвовал в религиозных и политических страстях того времени. Сохранились его письма к гетману Мазепе и другим лицам.

В 1689 году по поручению Киевского митрополита написал книгу о пресуществе св. Даров – сочинение было направлено против братьев Лихудов и писано в резкой полемической форме. Речь шла о религиозных разногласиях малороссов с великорусами по вопросу о времени пресуществования св. Даров, Иннокентий ездил в Москву участвовать в диспутах.

Но, конечно, основная суть диспутов заключалась в противоречиях между «более просвещенной» малороссийской церковью и главенствующей московской. Монастырский написал труд под очень длинным названием «Книга о пресуществе словесы Христовимы с действием св. Духа...».⁴³⁰

Умер Иннокентий Монастырский в 1697 году. Энциклопедия Брокгауза и Ефрона очень лапидарно пишет о нём, не забывая указать на его еврейское происхождение.

ПАИСИЙ ВЕЛИЧКОВСКИЙ

Следующая фигура чрезвычайно интересная. В 1988 году к тысячелетию крещения Руси старец Паисий Величковский был канонизирован. Архимандрит Паисий Величковский, в миру Петр Иванович Величковский (1722–1794) родился в городе Полтаве

Паисий Величковский

Протоиерей Четвериков писал: «Немало было тогда в Полтаве и евреев, занимающихся торговлей и ремеслами... В родне самого старца Паисия со стороны матери, были и евреи, о чем он рассказывает в своих записках».⁴³¹ Вероятно, во времена хмельнитчины крестился его прадед вместе со своим семейством. Прадед был богатым купцом по имени Мандя. Мандя, по-видимому, это еврейское имя Мендель. То, что крещение было вынужденное, легко просчитывается годами произошедшего – шло тотальное уничтожение еврейства и лишь крещение могло их спасти. Но, видимо, они стали искренними христианами. Вот их духовная генеалогия: «Бабка старца по матери, дочь выкрестившегося еврея, поступила в монастырь и впоследствии была настоятельницей Покровского женского монастыря. В том же монастыре жила монахиней и сестра его матери Агафья. Впоследствии и сама мать старца, овдовев и потеряв всех своих детей, приняла постриг в том же Покровском монастыре с именем Юлиании. Таким образом, весь род Величковских отличался особенной религиозностью. Вместе с тем он выдавался и своей даровитостью. Летописец Самуил Величко отзывался о деде старца, как о муже «благодати Божией и мудрости исполненном», и рассказывает, что его сын, отец старца, когда в 1687 году гетман Иоанн Самойлович, отправляясь в Крымский поход проезжал через Полтаву, приветствовал его виршами «собственной композитурь». Известно также, что отец старца окончил курс Киевской братской коллегии». *(Добавим для «колорита», что гетман Иван Самойлович (умер в Сибири в 1690 году), возможно, был еврейского корня, равно и «летописец Самуил Величко (1670 – после 1728), одно время работавший секретарем у гетмана Ивана Мазепы.)* Совсем юного мальчика семья поместила в Киевскую академию. Видимо, многое не устраивало молодого Петра, мечтавшего стать иноком. В 17 лет он уходит из семьи и из академии и поступает в Любечский монастырь.

Вообще для него начинаются годы странствований, отложившие отпечаток на характер искателя «религиозной истины». Его хождение в народ или, если Вы хотите, бродяжничество, было сродни многомиллионной босаяцкой России, проходившей босыми ногами всю страну, из края в край. Гиляровский и Горький опоэтизировали эти странствования. Но под пером Паисия Величковского встают картины жизни левобережной и правобережной Украины, как постоянное, нескончаемое страдание населения от властей. Будь то – московская тяжелая рука, или польская плеть. Кроме того идет непрестанная борьба с униатством, где с двух сторон есть мучители и есть мученики. Попытки поступить в монастырь или даже обосноваться в скиту Петру не удавались и он решил уйти из Малороссии в Молдавию. Это была тяжелая дорога. Она привела Величковского в скит Трейстены в Молдавии, оттуда в скит Киркул (Кярнул), отличающийся особой строгостью монашеской жизни. Отсюда он переселился на Афон, где создал свою монашескую общину – скит святого Илии, тогдашнего константинопольского патриарха. В 1763 году Паисий с 64-ю монахами переселился в Валахию по просьбе господаря. Он сделался настоятелем монастыря Драгомирни. Но после Русско-турецкой войны 1768 года Драгомирня перешла под власть Австрии. Господарь Гика отдал ему в управление Секульский монастырь. И, наконец, он перешел в Немацкий монастырь, где в 1790 году был возведен в сан архимандрита.

За время своих странствий Величковский ознакомился со многими специальностями: от поварской до гравировальной на меди икон. В Киево-Печерской Лавре к нему был очень расположен старший начальник типографии иеромонах Вениамин. Вероятно, пришлось юноше поработать в «друкарне». Но самый главный талант будущего старца раскрылся в письме, в даре слова, переложенном на бумагу. Недаром еще в Любеческом монастыре настоятель сказал ему: «Ты, брат – ученый, поэтому я не определяю тебе правила, а как Бог тебя вразумит...» Пребывание на Афоне, где были совершенно замечательные библиотеки, так, к 70-м годам прошлого века там насчитывалось 10 тысяч рукописей, подвигло его на переводы с греческого на русский язык *«святоотеческих творений»*. Эти переводы долгое время были единственными в русской литературе и составили целую библиотеку. Чрезвычайно ценны его «Письма», собранные и изданные уже после его смерти. Его харизма, его личная безупречная жизнь – так, он никогда не

употреблял спиртного, привлекала к нему тысячи поклонников. Один из них, иеросхимонах Иоанн Диаковский, младший современник святого, создал поэтический плач по ушедшему. Приведем одну строфу из этого незаурядного труда. Всего же в этой небольшой поэме 72 строки, что равнялось годам жизни святителя.

«Надгробное рыдание»

Старцу Паисию от всех чад его духовных.

1. Образ лица твоего, Паисие чудный,
Мог начертать художник, искусством нетрудный,
Но доброта разума коль предивна бяше,
Изобразить словом ничтоже можаше.
Един Солнца Свет ум твой сказати удобен,
Единому един ты солнцу подобен...»

Историк пишет: «Нельзя правильно представить себе духовное состояние русского монашества и русского народа в XVIII и XIX веков, не учитывая духовного влияния старца Паисия и его учеников. Это влияние распространилось в 100 обителях 35 епархий русской Церкви, при посредстве 200 учеников старца и их преемников. Под его влиянием изменился облик русского монашества: возвысилось значение внутреннего духовного подвига, о характере которого можно судить по старчеству Оптиной Пустыни и по изображению его в русской литературе – «Братья Карамазовы». Знаменитейшие из русских писателей (*Гоголь, И.В. Киреевский, Достоевский, Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев, К.Н. Леонтьев и др.*) заметили это духовное движение в русском монашестве, изучали его и испытывали на себе его влияние». ⁴³² Вот в русской православной церкви появился новый святой, еврейского корня. И его влияние на русскую духовную жизнь через учеников дошло и до Оптиной пустыни. И это не мешает знать нашим дорогим соотечественникам.

Заметим, что по своему происхождению и по своей деятельности Паисий принадлежит двум поместным Церквам – русской и молдавской. Он любил всех людей, всех вероисповеданий, но он навсегда остался преданным своей малой родине – Полтаве. Свои письма и сочинения он заканчивал словами: «родимец полтавский»... Да будет благословенна память удивительного человека. Аминь!

СМАРАГД КРЫЖАНОВСКИЙ

Чрезвычайно интересной фигурой среди русского духовенства был «Высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский)», архиепископ Рязанский (1796–1863), не скрывавший своего еврейского происхождения и даже, как утверждали современники, хваставшийся своим генетическим корнем. О себе он говорил: «дед мой был еврей, отец – иерей, а я архиерей», но иногда в «расширенном» варианте в его устах это звучало и так: «дед мой был еврей, бабка с голоду жевала репей, отец – иерей, а я – архиерей». Историк пишет о выдающемся положении архиепископа в истории русской церкви XIX века. «В индивидуальном отношении он был крайне оригинальный и своеобразный характер с такою необыкновенною комбинацией духовных сил, что во многом трудно подыскать не только ординарный шаблон, но хотя бы близкую аналогию».⁴³³

Смарагд Крыжановский.

Веги биографии архиепископа Смарагда следующие. Александр Крыжановский родился в селе Великая Березянка, Таращанского уезда Киевской губернии в семье священника. До 1815 года обучался в Киевской академии. Его отец – Петр Михайлович Крыжановский и его мать – Анна Васильевна Львович, «попова дочка». Если говорить о далеких еврейских родственниках, то можно сказать, что священник Петр Крыжановский унаследовал деловые качества: он был разумный и состоятельный хозяин. Дед, отец Михаила, занимался сельским хозяйством, сдавая в наем покосы, пчельники и т.п. Сохранились дела о неуплате о. Михаилу 3.500 злотых от некоего Млодецкого. Впрочем, велись постоянные судебные тяжбы с недобросовестными соседями и должниками бесконечно. Но повторимся – семья была с достатком и весьма многочисленная. Семья была трудовая: сельские работы требовали приложения физической силы и ею, в полной мере, обладал будущий владыка, включая хозяйственную оборотистость. Владыка и впоследствии любил физическую работу, например, занимаясь распиливанием толстых бревен.⁴³⁴ Необходимая деталь – отец Михаил иногда впадал в запой, что и передал по наследству своему сыну Семену. Что же касается Александра, то он навсегда остался трезвенником и боролся с национальным пороком словом. Правда, Н.С. Лесков,

недолюбливающий «странного архиепископа», в «Мелочах архиерейской жизни» называет его любителем вина. Но это вряд ли соответствует действительности, что и видно из воспоминаний других лиц. Здесь уместно не только сослаться на критиков Лескова из церковных кругов, но и так же учесть, что анонимный рецензент из «Отечественных записок» по поводу рассказа Лескова «Владычный суд» – страшной истории сдачи несчастного сына еврея в солдаты, замечает, что сам рассказчик, т.е. сам Лесков – палец о палец не ударил для предотвращения произвола.

Александр был блестящим учеником, и в 1815 году был сразу вызван на третий курс Санкт-Петербургской духовной академии. В 1819 году он был выпущен четвертым среди 22 магистров и при общем числе слушателей в 38 человек. Чему учили в то время в академии, видно было из аттестата: науки духовные и философские, всеобщая словесность, церковная и гражданская история и владение языками, как мертвыми – еврейским, за который получил высший балл, греческим, так и новыми – английским и французским. Совсем недурно для духовного лица и по сравнению с ужасными русскими семинариями, описанными Помяловским и другими. 29 августа был пострижен в монашество с именем Смарагд. Карьера была стремительной. С 1821 года он в Киевской Академии на должности инспектора и бакалавра, а в 1824 году становится экстраординарным профессором, естественно, как добавляет историк, с добавлением жалованья. Он становится также цензором и участвует в различных комиссиях по ревизии семинарий Вольнской, Минской и Черниговской. Стремительность его потрясающа. Так, спеша в г. Слуцк на экзамены, Смарагд за 8 дней сделал по тракту почти 615 верст и все-таки успел присутствовать на сессии и обозреть пансион. Его ревизии задевали сильных мира сего. Например, он вступился за незаконно отданных в солдаты семинаристов Яновского и Лудкевича. На Смарагда поступали всевозможные доносы, но, несмотря на это, в сентябре он был произведен в архимандриты с присвоением третьего класса.

Он был блестящим педагогом, всячески заботился об обогащении библиотеки, даря собственные книги и гравюры. Так однажды он подарил гравированную картину с изображением 4-х важнейших храмов Рима, в другой раз он подарил библиотеке сразу 167 книг с исполненным каталогом. Он постоянно расширял горизонт своих учеников и посему требовал приобретения иностранных книг у приезжающих с Запада букинистов.

Внешне Смарагд выглядел суровым и грубоватым человеком, но все единогласно утверждают, что он резко улучшил жилищные условия семинаристов, ежедневно следил за качеством и количеством пищи, участвовал в играх семинаристов, вероятно считая, что физические упражнения способствуют их здоровью. Система обучения заключалась и в модернизации системы. Смарагд разбивал учеников по небольшим группам, где наиболее преуспевающие семинаристы «подтягивали» отстающих – удивительно, но это было в 20-е годы XIX века! Еще до реформ Ушинского. О его деятельности современник писал: «...во время своей педагогической службы, он, по благородной мягкости своего сердца и светлому уму, выработал для себя систему педагогического действия, которая была выше своего, тогдашнего времени», а потом оказался «невиданным, неслыханным, гуманнейшим начальником и мудрейшем педагогом-отцом». Это мнение архиепископа Уфимского Никанора (Бровковича).⁴³⁵

Неудивительно, что при таком управлении, семинаристы полюбили ректора, и, когда вследствие интриг он покинул Киев проводжали его с редкой трогательностью на перевоз и даже за Днепр, «рыдая о нем, как о потере отца родного».⁴³⁶

После некоторой заминки его карьера стремительно развивалась. Уже в 1830 году он становится ректором С-Петербургской Духовной Академии. Дальнейшие его перемещения: викарий Санкт-Петербургской епархии, епископ Ревельский с управлением Троицко-Сергиевой пустыньи. В 1833 году получил в управление самостоятельную новоутвержденную епархию, где проработал 4 года, оставив светлую память своими трудами по «обращению униатов». Увы, это не самое лучшее в его деятельности – скажем мы с высоты нашего времени. В 1837 году перемещен на Могилевскую кафедру, где архиепископ Смарагд, кроме обыденных дел, занимался раскольничьими монастырями, скитами и часовнями в Гомельском уезде. По-видимому, он не был суровым гонителем староверов: его интересовала сама история вопроса. Далее пути Смарагда: Астрахань: миссионерская деятельность среди калмыков, кажется без малейшего успеха – да и ехать в Астрахань ему не хотелось. Город Орел, где прослужил 14 лет: здесь он приложил массу усилий к ремонту старых церквей и монастырей и устроил кафедральный собор. В 1853 году был вызван в Петербург для присутствия в Св. Синоде. В 1858 году перемещен на Рязанскую кафедру. Во всех управляемых им епархиях состоял вице-президентом местных губернских тюремных комитетов, стараясь облегчить участь осужденных. С 1860 года управлял тульской епархией, где и скончался в 1863 году.

Самые ценные сведения об архиепископе Смарагда сообщены в книге Н.Н. Глубоковского. Одна из главных тем, не дающих покоя исследователю – это еврейское происхождение владыки. Глава так и называется «Родословие Смарагда (*Крыжановского*)...». Попутно профессор Императорской С-Петербургской Академии приводит список крещеных евреев-священников и их потомков. Глубоковский вновь и вновь повторяет, что фамилии типа Крыжановских и родственных, Добровольских и схожих, с несомненностью говорят о крещении. Имеется один документ о движении Устина Кармелюка, который имел есаула **«вихреста з евреев» Василя Добровольского** и получал помощь от его семьи: **Марии и Ивана Добровольских**.⁴³⁷ Многочисленные Крыжановские отнюдь не происходят из одного корня: в разных местах Польши и Украины давались эти фамилии людям, не связанными семейными узами.

«Защитником» еврейского происхождения Смарагда был Лев Степанович Мациевич, ссылающийся на своего отца, 83-летнего священника, выпускника Киевской Академии, хорошо знавшего самого Смарагда. Мациевич сообщает также со слов своего зятя, что младший брат Смарагда Семен Петрович имел в лице «немного **жидовщины**: черные волосы, нос горбатенький, лицо смуглое...».⁴³⁸ Сам Лев Степанович Мациевич говорит, что его бабка – Маримна, была дочерью выкрестившегося униатского священника Иоанна с фамилией Крыжановский. Униатский священник Иоанн был набожный человек и имел многочисленное потомство, вошедшее в толщу русского народа.⁴³⁹ Тут же приводится множество выкрестившихся евреев в священничестве. Мациевич пишет, что старше его двумя курсами был выкрещенный еврей **Афанасий Недельный**, впоследствии «прекраснейший» священник и не где-нибудь, а в Бердичевском уезде в селе Кардышевке! Он был автором многих богословских сочинений. Другой семинарист, выкрестившийся еврей, носил фамилию **Сорокин** и тоже стал священником. В Херсонской епархии имелись подобные примеры, включая отца известного писателя **Игнатия Николаевича Потапенко**. Его отец – был выкрест. Архиепископ Херсонский Иннокентий привез из Харькова в Херсон трех братьев-выкрестов из евреев и сделал их потом священниками с фамилией **Трехбратские**.

Возвращаемся к архиепископу Смарагду. Большинство ссылаются на семитические черты архиепископа Смарагда, и на его стяжательство, свойство, якобы, исключительно принадлежащее иудейскому племени! Преосвященный Никанор описывает так нашего героя: «Он

имел рост более среднего, сложение богатырское, черный как смоль вьющийся курчавый волос на голове и особенно в бороде».

Есть еще одна интересная деталь в деятельности Смарагда Крыжановского – **он считал насильственные крещения недопустимыми**, что видно из одного частного письма, где он возмущается приемами крещения мальчиков-кантионистов архимандрита Климента Можарова. Многие, после его вмешательства, естественно, вернулись в иудаизм.⁴⁴⁰

Не откажем в удовольствии вспомнить анекдот о преосвященном Смарагде, вписывающийся в образ «еврея-выкреста», хитреца и выжиги, который я выудил из дневника А. Суворина, большого «друга» еврейского народа. Однажды Смарагд освящал церковь на стекольном заводе известного предпринимателя С.И. Мальцова. (*С.И. Мальцев или Мальцов еще ждет своего биографа.*) Церковь дивной красоты – весь иконостас стеклянный. Сохранился ли он в горниле Гражданской войны и гонений на церковь? Архиепископу был приготовлен подарок – роскошный сервиз в серебре. Смарагд высказался по поводу презента: «Куда мне это? Мне деньги нужны, деньгами можно помочь, можно дать тому, другому. А ведь это, чай, дорого?» – «Нет» – «Ну, а как?» – «Да помилуйте, Ваше преосвященство, пустяки. 500 рублей» – «Ну так вы мне лучше 500 рублей пожалуйте». Мальцев выложил. Садясь в экипаж, Смарагд говорит: «А что мне обижать Ваше превосходительство, велите-ка сервиз положить».⁴⁴¹

В Малороссийском войске в половине XVIII века жил-был еврей Мошка сын Белоцерковского раввина. Он перебрался в Киевскую губернию и женился на племяннице Медведевского арендатора Авраама, и вместе с женой Анной Павловной принял «Святое крещение» и стал сей аферист называться Антоном Степановичем Крыжановским. Перейдя на левый берег Днепра, он сделался крупнейшим откупщиком войскового скарба, выделяясь редкой бессовестностью. Это требует пояснения. «Войсковой скарб» – общественная казна Малороссии. Он состоял из различных налогов на торговые и хозяйственные промыслы. Но наиболее доходная часть состояла из таможенных сборов на ввоз – «индукта» из-за границы, и на вывоз – «эвекта» за границу. Сия латиница была установлена еще во времена Богдана Хмельницкого. Понятно, что львиная доля поборов шла не на общественные нужды, а присваивалась гетманами и теми, кто близко стоял у кормила власти. Не мог навести порядок в этом деле даже сам «преобразователь России». Крыжановский вступил в сделку с Безбородко – отцом канцлера, и они

дружно занимались грабежом. Во время краткого царствования Петра III, получив огромное влияние, добился назначения на должность Гадяцкого полковника и был пожалован рангом бригадира шлезвиг-гольштинского. Ему протектировал М.И. Воронцов по просьбе А.Г. Разумовского. Императору-гольштинцу Крыжановский обязался поставить рекрутов «для нашей шлезвиг-гольштинской легкой конницы». Свое обещание выкрест выполнил и лишь после государственного переворота люди, на вербованные оборотистым полковником, вернулись «своим ходом» на родину. Должность полковника ловкач не потерял и в царствование Екатерины.⁴⁴²

Упомянется «Мошка» Крыжановский в последний раз в 1772 году. Здесь начинается генеалогия: сын его Антон – стал премьер-майором; дочь вышла замуж за генерал-поручика Ивана Алексеявича Потапова (см. выше о И.А. Потапове); другая дочь Настасья – за бунчукового товарища Ивана Ивановича Бороздну. (*«Бунчуковые товарищи – род знатной гвардии» – из примечаний Глубоковского*).

У Гадяцкого полковника был родной брат, так же крестившийся и имевший имя Антон. Предполагают, что именно от него идет ветвь Смарагда Крыжановского. Другая версия – у Антона, полковника Гадяцкого был брат Константин и, якобы, возможно, и от него шла линия архиепископа. Короче – Крыжановских на Малороссии тьма-тмудараканская. От этого или иного выкреста происходит преосвященный, думаю не принципиально. Генеалогических книг украинская шляхта еще не заводила. Впрочем, иногда попадалась документация. Вроде священника Никиты Крыжановского из Черниговской епархии. О нем достоверно известно, что родился он в местечке Рогатне от «жидов» и наречен был «жидовским именем Лейба». Иногда Глубоковский делает грубые ошибки, утверждая, что фамилия Крыжановский не обязательно доказывает крещение из евреев. В качестве факта он приводит следующее. Прадеда Е.М. Крыжановского казаки подобрали на дороге **однолетним** хлопчиком и окрестили с фамилией Крыжановский. Казаки были не глупцы и, увидев обрезанного ребенка, сочли его евреем и были правы. Сей Крыжановский получил от Потемкина грамоту на дворянство. Естественно, еврейское происхождение никак не остановило Светлейшего. Его правнук Е.М. Крыжановский, известный церковный деятель – не скрывал своего происхождения.

СВЯТОЙ ИОСАФ ГОРЛЕНКО

Святой Иоасаф Горленко, правнук Павла Герцика, был епископом Белгородским и Обоянским. Происходил из знатного малороссийского рода **Горленко**, по матери – внук гетмана Д.П. Апостола, родился в 1705 г. В миру носил имя Иоаким, в семимилетнем возрасте был отведен в Киев для учебы; в одиннадцать лет решил идти в монахи. Родители не соглашались и, тогда будучи восемнадцать лет от роду, тайно пришел в Лавру. Постригся с именем Иларион, а через два года принял схиму с именем Иоасаф, с которым вошел в историю... В 1737 был назначен игуменом Лубенского Мгарского монастыря, а в 1748 году – епископом Белгородским. Блестящий хозяйственник, привел в порядок дела епархии. Прославился борьбой с недостойными иерархами, восстанавливал церкви, написал автобиографию, к сожалению не изданную, под названием «Путешествие в мире грешника Иоасафа Горленка». Кроме того, напечатаны две его проповеди. Одна из них под названием: **«Брань честных семи добродетелей з семи грехами смертными»** написана стихами: одаренный был человек, вне всякого сомнения. Со светской властью держался независимо и заставил себя уважать, таким образом, борясь с государственным давлением. В народе прославился как чудотворец и святой. Стал героем народных сказаний. Был канонизирован в 1911 году. Четвёртого сентября 1911 по старому стилю были открыты его мощи. Подумать только, что Белгород и Обоянь не прославились своим святителем, а получили мировую известность во время Курской битвы в 1943 году!

ИЛАРИОН ОГИЕНКО

В «Украинской Энциклопедии», изданной в Канаде, упоминается митрополит **Огиенко** (1882–1972), родом из семьи кантониста, в миру Иван Иванович Огиенко. Родился в местечке Брусилowo, на Киевщине. После окончания Киевского университета был приват-доцентом на кафедре языка и литературы. Крупнейший историк церкви, не погнушался войти в состав правительства Петлюры в качестве министра вероисповеданий. Дальнейшая жизнь любопытна, но малодостойна человека еврейской крови. Профессор Львовского университета, затем перевелся в Варшаву на православное отделение теологического факультета. В 1935 году принял монашеский постриг с именем Илларион. В октябре 1940 года в городе Холм был возведён в сан епископа Холмского в юрисдикции Польской Автокефальной Православной Церкви и в тот же день возведен в сан архиепископа. Здесь некоторая неувязочка. Как я помню, Холм вошел в состав СССР в 1939 году или был уже оккупирован нацистами? Мне сие непонятно. Затем архиепископ работал: Заместителем председателя Священного Синода в польском генерал-губернаторстве. В начале 1944 года он был возведен в сан митрополита. При приближении Красной Армии в июле 1944 года бежал на Запад. С 1947 жил в Канаде. С 1951 года глава автокефальной Украинской Церкви в Канаде. Как ученый богослов и историк, он автор множества работ по истории украинской православной церкви, не потерявших научного значения до сего дня. Но есть работы чисто филологические, изданные еще до революции: «Русское литературное ударение» (Киев, 1914 г.); «Иноземные элементы в русском языке» (Киев, 1915 г.) и др. Конечно, высокообразованный человек, но служба у Петлюры и германцев мало украшают облик пастыря...

КАНТОНИСТЫ-СВЯЩЕНОСЛУЖИТЕЛИ

За 29 лет (1827–1856) кантонистского призыва в русскую армию пришло около 8 миллионов человек. В 1856 году 378000 тысяч были освобождены и возвращены семьям. Вникнем в эти цифры! Они ужасающи. Какое количество евреев было среди кантонистов очень тяжело сказать. Михаил Агурский называет фантастическое число призванных вообще в русскую армию евреев «несколько миллионов человек». ⁴⁴³ Точных статистических данных об евреях нет. Но, если мы примем за основу 5% от общего числа населения, то количество евреев-кантонистов будет не менее 400 тысяч, а на самом деле, как известно, евреев брали в армию непропорционально больше. Вникните в эти цифры и вы сразу окупаетесь в невыносимые человеческие страдания не только евреев, но и всего населения России. Насильственно крещеных среди евреев-кантонистов было чрезвычайно много. В «либеральные» времена Александра II с большим трудом некоторая часть вернулась в иудаизм. Но были кантонисты, которые искренне приняли православие и сделали духовными лицами. Отметим несколько выдающихся церковников из этой группы.

АРХИМАНДРИТ НАФАНАИЛ

Настоящее имя – Ицка (Исаак) Бородин (1820–1887). Н. Родился в местечке Теофиполь (*Теофильполь*), иначе называемом *Чувган*, *Чолхан*; у евреев – *Тчаан*) Староконстантиновского уезда Волынской губернии, неподалеку от Почаевской Лавры. Местечко по переписи 1897 года состояло из 4484 жителей, из коих большинство евреи – 2914. Во времена близкие к Нафанаилу, в 1847 году по ревизии там жили 1712 евреев. Шестилетним мальчиком Ицик овладел, как и его еврейские сверстники, грамотой. На 8 году он пошел в «хедер». К несчастью на 12 году он остался сиротой, что и определило его судьбу. В 16 лет (видимо в 1836 году) его взяли в кантонисты и отправили в г. Вольск Саратовской губернии. До 1843 года Ицик сохранял иудаизм, но с приездом в Вольск генерала Андреева «дело пошло борзо» и фактически все кантонисты были крещены. При крещении Бородин принял имя и фамилию своего крестного отца и стал Нафанаилом Кузнецким... (Добавим, что в Полтаве был еще один крещеный еврей, священник, носивший ту же фамилию – о. Николай Кузнецкий второй, а

также священник Лев Кириллов, он же в «девичестве» Рейхенберг. Сей Кириллов-Рейхенберг выступал с нападками на еврейство.) Не все шло у неофита гладко. Его не любили и завидовали. И даже другого выкреста Софронова по надуманному поводу высекли. Жалоба начальству привела к бунту всего офицерского состава полка и неофита срочно наградили за участие в крещении кантонистов и перевели в духовное звание. С 1849 по 1852 году он обучался в Казанской духовной Академии и был назначен в Полтаву епархиальным миссионером. В августе 1853 года он был рукоположен в священники. В своих воспоминаниях архимандрит Нафанаил рассказывает о посещении своего родного местечка Теофиополя и это самое трогательное и страшное, что ему пришлось пережить. Он хотел остаться инкогнито и остановился в семье священника, но его узнала родная сестра Итя. Выкрест не смел смотреть в глаза сестре, говорившей по-еврейски: «Что ты скрываешься от меня? Или ты уже задумал совершенно отречься от нас, – продолжала она сквозь слезы. – Что мы сделали тебе? Или ты уже забыл, сколько горя я претерпела через тебя, когда ты остался без отца и матери? Разве ты забыл уже те горестные заботы, когда тебя взяли в рекруты, когда в ненастную погоду я ходила за тобой в Кременец, терпела и холод, и голод, заложила последнее платье моё, лишь бы тебя сироту поддержать и утешить! Тебе неизвестно, сколько слёз я пролила со времени разлуки с тобой! А теперь, когда я рада, что увидела тебя, ты отказываешься от меня!» Ите так разрыдалась, что все присутствующие члены семьи священника сами не могли удержаться от слез, хотя никто из них не понимал её слов». Последнее не совсем верно: обычно священники и их семьи, жившие в еврейской среде, хорошо понимали идиш... Дальнейшая судьба родственников Нафанаила нам неизвестна. Что же касается местечка Теофиополь, то через 50 лет во время Гражданской войны он пережил страшный еврейский погром, произведенный столь любимыми Нафанаилом православными. А в годы Великой Отечественной войны немцы и их пособники «подчистили» остатки еврейского населения. Что же касается архимандрита Нафанаила, то он скончался 8 января 1887 года в возрасте 67 лет. Он достиг высокого духовного звания, но епископом его не сделали – это был предел, до которого мог добраться новообращенный. Вместе с тем его талант, трудолюбие, знания и деятельность позволяли ему подниматься по служебной лестнице.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВ

Настоящее имя – Вульф Нахлас (1820–1895), родился в бедной и набожной еврейской семье местечка Назаринец Подольской губернии. Его дедушка был раввином в Ямполье. Отец, отличавшийся трудолюбием и набожностью, был разорён и обманут евреем-торговцем. Дальнейшая судьба мальчика типична для того жестокого и неравного мира. Его отдали в кантонисты, ибо богатые евреи сумели откупиться. Это было обычно – первые жертвы рекрутчины – бедняки. И Вульф Нахлас попался на глаза генералу Андрееву. Генерал обратил внимание, что кантонисты едят один сухой хлеб. Ему объяснили, что сейчас у евреев пост по разрушенному Иерусалимскому Храму. Генерал был возмущен: «Надо внушить им, чтобы они оставили мечту о Иерусалиме». Христианин Андреев вероятно забыл, что православные также лелеют мысль о небесном Иерусалиме. Выяснилось, что кантонисты не едят и трэфного и все это под влиянием солдата-инвалида Айзберга. Генерал прибег к угрозам и перевел несчастного в другую часть. И опять дело пошло «борзо». При помощи уже знакомых нам Бородина-Кузнецкого и Софронова многие приняли крещение. Интересно то, что для «увещания» кантонистов прибыл и протоирей Г.И. Чернышевский, отец будущей знаменитости. Алексеев за старание в миссионерском деле был произведен в унтер-офицеры. Но вскоре он серьезно заболел. Произошло это после того, как сопровождая партию кантонистов, он упал с моста и с тех пор плохо владел ногами. Как инвалид, он вышел в отставку. Поселился в Новгороде и посвятил себя сочинению миссионерской литературы для евреев, а также писанием статей и книг по еврейскому вопросу для христианских читателей. Среди них: «Благотворительность новгородских евреев» (*Новгородские Губернские Ведомости 1869*); «Автобиография христианина из евреев» (*Новгородские Губернские Ведомости*, 1868); «Употребляют ли евреи христианскую кровь с религиозной целью?» (*Новгород*, 1887). К его чести надо сказать, что, узнав о Саратовском деле, в котором был замешан один крещеный кантонист, обвиняемый в ритуальном убийстве, он добился через своего бывшего командира – полковника, быть прикомандированным в качестве эксперта к чиновнику, производившему следствие. Несмотря на то, что главный следователь настаивал на обвинении, Алексеев упорно доказывал лживость навета... В 1854 году, дело было передано судебной комиссии в Петербурге. Алексеев к этому времени «обезножил» окончательно, но специ-

ально прибыл в столицу к председателю комиссии А.К. Гирсу, пытаясь убедить того в лживости обвинения. «Должны ли мы верить доносам против евреев...?» писал он впоследствии в работе «О религиозном движении среди евреев и распространении христианства между ними» (*Новгород, 1895*) и далее: «Какая же причина была всему этому? Фанатизм, слепая ненависть к евреям и жадность к грабежу». Достойная отповедь юдофобам. Добавим, что в XIX веке два выкреста и два профессора выступили против ритуального навета: выше упомянутый В.А. Левисон и знаменитый гебраист Даниил Аврамович Хвольсон (1819–1911). Незадолго до своей смерти в 1895 году Алексеев выражался еще более категорично: «Свидетельствую совестью моей, как христианин, что обвинения, будто бы евреи употребляют в мацу христианскую кровь – ложны».

И последнее. Алексеев поддерживал дружеские отношения с протоиереем Гавриил Ивановичем Чернышевским. Когда в 1858 году Алексеев собрался ехать в Петербург, тот попросил его зайти к сыну и передать ему, что если он будет жить в безверии, то будет лишен отцовского благословения. Разговор получился нелегкий. Алексеев аргументировал свои увещания при помощи цитат из Талмуда. А как известно, Талмуд к безбожникам относится сурово. Николай Гаврилович усмехнулся: «Гуманный же ваш Талмуд!». Для нас интересна не только реакция будущего автора «Что делать?». В принципе к евреям Чернышевский относился с уважением и пониманием в отличие, скажем, от своего Диоскура Н. Добролюбова. Для нас интересен метод Алексеева, ссылающегося исключительно на Ветхий Завет и Талмуд.

ОТЕЦ СЕРГИЙ СЛЕПЯН

Слепян – одна из самых интересных фигур русского православия. Он – один их первых, отправившийся к русскому работному люду со словом Божиим. Человек, издавший десятки брошюр направленных против пьянства. Вот небольшой перечень его трудов:

«О пьянстве» – вышло три издания.

«О табаке», – вышло два издания.

«Голос с Афона».

«Наш Володя».

«О воскресном дне» – вышло два издания.

«Пьянство-окаянство»

«Поучение против пьянства»

«Нужно сказать доброе слово отцу: он – настоящий пастырь своего стада, он жалеет и понимает народ, знает его слабости, чувствует, как мало последний питает свою душу; после труда рабочего ждет неопрятный угол убогой квартиры, плач ребятишек, тоска... От этого одна дорога – в трактир!

О наших бедных рабочих женщинах и говорить нечего: беременность, тяжелая работа на шумной или пыльной фабрике, роды в страданиях, без всякого ухода, и опять фабрика, а дома частые побои мужа... Все это, конечно, делает такую труженицу злой, истеричной; в 30 лет она, заламывая руки, говорит: «Хоть бы в воду от такой жизни». Так писал о пастыре и его пастве один неизвестный журналист в Петербургской газете.

Сергий Николаевич Слепян, священник Братского Покровского храма, что на Боровой улице Санкт-Петербурга. Родился в еврейской семье, исповедующей иудаизм. Имя до крещения – Израиль. Родился он в 1852 году в Минске в семье богатого купца Иосифа Слепяна, владельца нескольких собственных домов, винокуренного и пивоваренных заводов и общественного сада для гуляний. Семья была ортодоксальная: трое сыновей и две дочери отличались благочестием, честностью и строгим исполнением Моисеева закона. Семи лет Израиль пошел в «хедер», где ежедневные занятия продолжались с девяти утра до восьми вечера. В «хедере» лишь один час в неделю выделялся на уроки русского и немецкого языков, а также и арифметики. Все остальное время посвящалось изучению Талмуда. Так пишет биограф Слепяна – П.И. Козлов. К 13 годам Израиль «знал все премудрости еврейских талмудистов и их комментаторов». Конечно, это наивность и передергивание фактов. Ибо, находясь в коммерческом училище с 15 до 18 лет, он учился прекрасно. Но Минское Коммерческое училище было закрыто. Посему к юноше пригласили частных педагогов, и он быстро овладел русским, французским и немецким языками. Это лишь показывает не только степень одаренности ученика, но и привитое в «хедере» усердие и система, позволяющую быстро охватить новые знания. Попутно юный Израиль брал и уроки музыки у одного из местных артистов. Настоящая еврейская семья и настоящее еврейское дитя! Однако светские науки не мешали занятию духовной литературой. То, что у Израйля был музыкальный талант, подтверждает факт поездки его с отцом в Петербург в попытке поступить в консерваторию. Но, видимо, попытка не удалась. Козлов объясняет это тем, что еврей-талмудисты уговорили отца не оставлять в руках безбожников своего отпрыска.

Петербург произвел на молодого человека потрясающее впечатление, и это понятно. Из небольшого городка попасть в столицу империи. Прогуливаясь по городу, он случайно (*втайне от отца*) зашел в Исаакиевский собор. Был день Св. Троицы. Израиль впервые попал в православный храм и был поражен колоссальностью собора, а также прекрасным исполнением богослужебного пения, которое произвело на его музыкальную натуру сильнейшее впечатление. Трудно сказать, какой переворот произошел в душе религиозной натуры. Еврейский мир показался Израилю мелким, мелочным и примитивным перед грандиозным миром христианства. Вне всякого сомнения, выбор, сделанный Слепяном был выбором сознательным и, в отличие от своих собратьев-кантонистов – добровольным. Надо думать, что своими сомнениями он поделился с раввинами в Минске. Стройной противохристианской системы он не обнаружил, доводы ветхозаветных иудеев его не убедили. В 22 года он, подготовив нужные документы, тайно едет в Петербург, где он надеялся найти пастыря в своем новом пути. Так Израиль попал к протоиерею Никандру Брянцеву. И уже 18 августа он был крещен в церкви Сергиево-Мариинского приюта. Получил он имя *Сергий*, а отчество *Николаевич*.

Вскоре в Минске узнали об отступничестве Израиля. В Петербург приехал отец, умоляя сына вернуться в лоно иудаизма. Мольбы, угрозы – ничего не помогало. Израиль остался тверд в новой вере. Это был самый тяжелый период жизни новоиспеченного христианина. Его восприимчиками были люди состоятельные: потомственный гражданин Груздев и генеральша Рева. Но несмотря на это, они ничем не помогли рабу Божьему. Сергей очень нуждался: все личные вещи были заложены и проданы, а работы не было. Случайно нашлось место в кассе товарной станции Николаевской железной дороги. Прослужив здесь около 8 месяцев и скопив немного денег, Слепян уезжает за границу. Поначалу он жил в Кенигсберге, а затем поселился в Лондоне. Там, после долгих скитаний, он поступил на резиновую мануфактуру Сильверстона, где Израиль-Сергий стал серьезно изучать резиновое дело. Попутно, Слепян внимательно следил за деятельностью миссионерских собраний англиканской церкви. Всего в Англии Слепян пробыл 4 года. 18 июня 1879 года он вернулся в Петербург и сразу же организовал небольшое производство непромокаемых резиновых пальто. (*Макинтоши, что ли?*) «Малый бизнес» процветал. Затем открылось место старшего конторщика на бумагопрядильной фабрике на Обводном канале у Андреевского моста, куда он был приглашен, и здесь на-

чалась его «благая» деятельность в пользу православной церкви. Как раз множество заводов и фабрик размещалось за Обводным каналом. (Заметим в скобках, что, судя по всему, резиновое производство он не бросал.) Службу на бумагопрядильной фабрике он получил, благодаря своим английским связям. Владелец фабрики – англичанин А.А. Говард всячески поддерживал общественные начинания своего сотрудника в защиту трезвости. Количество слушателей стремительно росло. Поначалу их было несколько десятков, затем более 300, а позже счет шел на тысячи. К нему на помощь пришли и другие пастыри, такие, как нам уже известный архимандрит Антоний Храповицкий, иеромонахи: Арсений, Палладий, Тихон (в далеком будущем патриарх), священник Ф. Орнатский и многие другие. До 1889 года все собрания проводились в частном доме, но к этому времени накопилась внушительная сумма в 6 тысяч рублей. Был образован комитет по постройке храма под председательством тайного советника Владимира Карловича Саблера (в будущем обер-прокурор Синода). Саблер происходил из семьи евреев-выкрестов, о чем я уже писал. Местные фабриканты во главе с А.А. Говардом и тем же Саблером помогали собрать необходимую сумму.

Находясь на службе, Слепян поступил вольнослушателем в Санкт-Петербургскую духовную академию. Молодой студент неутомимо организует противоалкогольные общества, создаёт библиотеки, читает лекции религиозно-нравственного характера. Он собирает средства на постройку большого храма св. Покрова на Боровой улице и образует братство св. Покрова. Первым настоятелем этого храма был сам Слепян с 1891 по 1898 г. Положивший начало этому доброму делу, он был рукоположен в сан священника 24 марта 1891 года. Он был активным миссионером и присоединил к православной церкви несолько сот человек, в том числе евреев, магометан (!?), язычников (!?), лютеран, католиков, протестантов. Большинство присоединившихся были людьми высшего или среднего класса: около 30 дворян, один действительный статский советник, одна графиня, несколько врачей, студентов и более 25 человек иностранных подданных (!?). Все это, по состоянию на 1894 год. Для рабочего люда он организовал два читальных зала: на Выборгской стороне по Большому Сампсониевскому проспекту д.№ 27 и 2-й читальный зал на Песках, на Кирилловской улице. «Таким образом, свящ. С.Н. Слепян является исключительно просветительным центром темного простого народа».⁴⁴⁴ Смерть настигла отца Слепяна во время богослужения. Он скончался 17 февраля 1912 года.

К месту рассказать о дружбе, которая связывала отца Слепяна с генералом Михаилом Павловичем Поляновским. Семилетним мальчиком Поляновский был вырван из еврейской семьи Черниговской губернии и отдан в кантонисты. Насильственно крещён, и помещен в начальную школу в Казани. Будучи от природы способным, он легко учился. Военная стезя тянула его по накатанной дорожке. Он окончил военное училище с отличием и был командирован в Академию Генерального штаба в геодезический отдел. Вышел оттуда он одним из немногих военных астрономов, работал в Пулковке и участвовал во всевозможных экспедициях по градам и весям России. Активно участвовал в строительстве Транссибирской железной дороги. Остались его труды, опубликованные в различных изданиях. Перечислим небольшую часть их:

1. **«Астрономические наблюдения в Забайкальской области, произведенные при помощи телеграфа и хронометрически в 1893 и 1894 гг.»** – *(Записки Военно-топографического отдела, 1896, т.53, №2, с.163-200).*

2. **«Астрономические определения 1895 г., исполненные хронометрическим рейсом в Амурской области вдоль проектируемого направления Сибирской железной дороги»** – *(Записки Военно-топографического отдела, 1897, т.54, № 2, с.10-18).*

3. **«Астрономические определения в восточной Маньчжурии, выполненные в 1896г.»** – *(Записки Военно-топографического отдела, 1898, т.55, № 2, с.115-123).*

4. **«Астрономические определения в Енисейском золотоносном районе в Южно-Енисейской тайге, исполненные в 1897 г.»** – *(Записки Военно-топографического отдела, 1899, т.56, 2, с.75-98)*

5. **«Хронометрические рейсы между Сеулом, Порт-Артуром, Харбином и Владивостоком, исполненные в 1901 г.»** – *(Записки Военно-топографического отдела, 1901, т.60, № 2, с.1-8)*

Имя генерала Поляновского всплывает в воспоминаниях Иоанна Сан-Францисского (*кн. Шаховского*), как пример истинно верующего православного, несмотря на насильственное крещение: «Я – Новый Израиль», – радостно и торжественно говорил мне Михаил Павлович. – Я очень его любил. В нем я видел живое воплощение обетования Божия, данного еврейскому народу». Каждый видит то, что ему хочется видеть. А мне до глубины души жаль мальчика, с корнем вырванного из родного гнезда. Генеральские погоны и христианское просветление не перевешивают причиненного зла. Да и сколько горя и слез Михаил Павлович перенес в детстве. Об этом у Шаховского вскользь... Да, уже в полковничьем чине, Поляновский посетил родное местечко. Застал ли он в живых своих родителей? Узнал ли он своих братьев и сестер? На эти вопросы – нет ответов.

СТАРОВЕРЧЕСКИЙ ЕПИСКОП МИХАИЛ КАНАДСКИЙ

(в миру – Павел Васильевич Семенов)

Полный титул этого иерарха: Михаил Канадский Древнеправославной Церкви Христовой (старообрядцев).

Крупнейшая и интереснейшая фигура русского раскола начала XX века.

Биография П.В. Семенова (1874–1916), этого неординарного человека необычна. Существует несколько версий его происхождения. Так в энциклопедическом словаре⁴⁴⁵ «Старообрядчество» сказано, что он родился в Симбирской губернии, в семье крестьянина, принадлежащих к господствующей церкви. Отец его был евреем, крещеным кантонистом, мать – русская женщина. Но это версия мало правдоподобна. Большинство свидетельств, в том числе исходящие от лиц весьма уважаемых, таких, как митрополит Евлогий, врач и секретарь Л.Н. Толстого Д.П. Маковский, ординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н. Глубоковский в один голос утверждают о его несомненном еврейском происхождении, о принятом крещении в юношеском возрасте. Эти свидетельства, а особенно митрополита Евлогия, являются стопроцентной правдой. Зачем словарю было «снижать» процент крови древних пророков – мне непонятно. Епископ Михаил крупнейшая и интереснейшая фигура русского раскола после протопопа Аввакума, о чем и подтверждают **советские** старообрядческие издания.

Епископ Михаил

В статье, посвященной 50-летию трагической смерти епископа Михаила сказано следующее: «Самая яркая фигура в старообрядчестве начала XX века – епископ Михаил. Ученый-богослов с огромными знаниями и блестящим литературным талантом, подобным драгоценному сверкающему алмазу, он посвятил свою деятельность евангельской проповеди и распространению среди людей света Христова...»

Сам факт достижения сыном крестьянина в сословно-монархической дореволюционной России звания столичного профессора и высокого духовного сана – непрекаемое свидетельство высокой одаренности и необычности личности покойного святителя». ⁴⁴⁶ В Симбирске Павел Васильевич окончил духовное училище и духовную семинарию. Еще в самом начале духовной карьеры он начал сотрудничество в «Симбирских губернских ведомостях», публикуя небольшие статьи.

Как лучший ученик он был направлен на казенный счет в Казанскую духовную академию и уже, будучи в академии, в возрасте 24 лет принял иночество «с наречением» имени Михаила и возводится в сан священника. В 1899 году закончил Академию и начал преподавание в Воронежской духовной семинарии в годы 1900-1901. В 1902 году о. Михаил защищает диссертацию с блестящей аттестацией и сразу переводится в Санкт-Петербургскую духовную академию приват – доцентом по кафедре церковного права. Существует мнение, что Семёнов учился и в Московской духовной академии.⁴⁴⁷ Нет сомнения, что молодому ученому протезировали обер-прокурор Синода К.П. Победоносцев и его товарищ В.К. Саблер – оба крупнейшие юристы. В 1903 году о. Михаил был возведен в сан архимандрита и получает звание экстраординарного профессора Санкт-Петербургской духовной академии. Одновременно продолжалась его литературная деятельность. Он публиковал статьи в журнале «Русский паломник». Был активным участником русского духовного возрождения. При этом поразительная вещь: мощный интеллект не мешал архимандриту еще в студенческие годы заинтересоваться русским расколом. Он полюбил старообрядчество. За его выступления против антиканонических начал в управлении господствующей церкви он был сослан в Задонский монастырь. Через несколько месяцев, в связи с тяжелой болезнью отца он покидает монастырь. И одновременно продолжает литературную борьбу за соборность церкви. Все это происходило на фоне разыгравшейся русско-японской войны и первой русской революции.

В августе 1907 года архимандрит Михаил направляет в редакцию нижегородского журнала «Старообрядец» статью о своем полном разрыве с официальной церковью. В конце октября того же года он присоединяется к древнеправославной церкви. Чиноприем осуществил старообрядческий епископ Иннокентий Нижегородский. Небезынтересная деталь: митрополит Иннокентий совершил обряд единолично, за что два года спустя на соборе, состоявшемся 3-4 февраля запрещен в священнодействии до 25 августа 1909 года. Сама же хиромантия была признана законной.⁴⁴⁸

Можно задать легитимный вопрос: «А как относился митрополит к своему родному еврейскому народу?» Ответ будет ожидаемый: «Безусловно – положительно!» Лакмусовая бумага – ритуальный процесс, т.н. «Дело Бейлиса», которое он воспринял с негодованием. Еще во время погромов 1905 года он выступил с резкой проповедью против погромщиков и в защиту гонимого племени. Это прибавило ему

друзей, но и увеличило численность врагов. Да еще тех, на которых христианское смирение и призывы к человеколюбию не действовали.⁴⁴⁹ В одной из книг, рассказывающей историю дела Бейлиса, ему присвоен титул «Главы старообрядцев, отколовшихся от казенной православной церкви, Епископ отверг кровавый навет».⁴⁵⁰

Митрополит Евлогий вспоминал об одном диспуте между старообрядцами и представителем официальной церковности:

«Помню одну такую интересную беседу, на которой со стороны старообрядцев выступал, недавно соватрившийся в раскол, бывший профессор С-Петербургской Духовной Академии архимандрит Михаил (Семенов). Интересна его биография: по происхождению еврей, он обратился в православие, прекрасно окончил Казанскую Духовную Академию и впоследствии стал профессором С-Петербургской Академии. Даровитый, литературно-образованный, самолюбивый и неуравновешанный, он сначала примкнул к либеральному церковному течению, став в ряды группы т.н. «33-х» петербургских священников, а потом, когда на это последовали репрессии со стороны церковной власти, ушел в старообрядчество, с которым собственно говоря у него не было ничего общего: они строгие поклонники старых обрядов, строгие бытовики в своем церковном укладе, а он – **типичный русский церковный интеллигент**: от Церкви отстал, а к расколу не пристал: ни пава, ни ворона... Конечно, старообрядцам было лестно козырнуть перед православными именем профессора и церковного писателя; но ему, понятно, было весьма неловко в своей неожиданной роли, он смущался и волновался. Со стороны православных выступил известный, старый, опытный миссионер протоиерей Ксенофонт Крюков.

Это очень любопытная фигура: малообразованный, некультурный, из старообрядческих начетчиков, но чрезвычайно талантливый самородок, прекрасно начитанный в своей литературе, ловкий диалектик, – он был непобедим в полемике, хоть и допускал часто совершенно примитивные, простонародные и даже грубые приемы, в роде обращения: «Ну, ну, иди, я из тебя эту раскольничью дурь вышибу!» Интересно было видеть на одной доске тонкого интеллигента – профессора и простоватого, умного, крепко знающего своё дело деревенского священника. Когда архим. Михаил стал объяснять, почему он ушел из Православной Церкви, о. К. Крючков все время сокрушенно качал головой, приговаривая: «Ах греховодники, куда, в какие дебри завели вы нашего Михайлу-то!».

Такая реплика, конечно, очень смутила о. Михаила, он волновался, краснел, в волнении протянул руку к графину – и стал пить воду не перекрестившись. Это сейчас же подцепил о. Крючков. «Видите, – торжественно заявил он, – Михаил-то недавно ушел от нас, а уже все благочестивые обычаи растерял». (*Старообрядцы и вообще старые православные люди ни за что не станут пить воду, не перекрестившись и не перекрестивши воды.*) Такими репликами он привел о. Михаила в замешательство, и уже потом ему нетрудно было его добить...».⁴⁵¹

Собственно диспута не могло получиться, и это отметил сам образованный и интеллигентный митрополит Евлогий. О. Михаил, привыкший к научным спорам и рефератам профессорской обстановки – он был и членом Петербургского Религиозно-Философского общества, естественно, не мог опуститься на четвереньки и вести дискуссию с неандертальцем...

Льву Николаевичу Толстому не нравились проповеди о. Михаила. В дневнике доктора Маковского запись от 18 марта 1910 года: «Получено письмо с литографическим уставом от старообрядческого архимандрита Михаила (*выкреста*): призывает Л.Н. к какому-то объединению христианской церкви, общин и сект. Л.Н. передал прочесть Михаилу Сергеевичу (*Сухотину*).

Когда Михаил Сергеевич рассказал содержание, Л.Н. сказал: «Ах, Михаилу не буду отвечать! В деле религии посторонняя цель – ничего нет хуже».⁴⁵² Письмо епископа Михаила было направлено из Белострова (*Финляндия*) от 10 марта 1910 года с просьбой дать отзыв (*«хоть несколько слов через Вашего секретаря»*) на книгу, содержащую исповедание веры «вселенских христиан». Забавно, что за день до этого, 17 марта, Толстой возвратил Ф. Гецу, присланные книги о Талмуде. Еврейские «легенды» не понравились писателю – в них он ничего интересного не находил.

«Трагическая фигура архимандрита Михаила (*Семенова*) – чистого, бескорыстного человека, горячего энтузиаста и добродетельного монаха, запутавшегося в противоречиях эпохи и причудливо соединившего в конце жизни старообрядчество со свободным христианством, заслуживает самого горячего сочувствия со стороны всех честных людей».⁴⁵³

Знаменитый русский философ С.Н. Булгаков писал по поводу увольнения отца Михаила из Санкт-Петербургской академии следующее: «Даже не будучи полным единомышленником о. Михаила, можно заметить, сколь резко он отличается он на фоне православного

духовенства, в особенности же монашествующего. В его статьях и брошюрах чувствуется подлинная религиозность, палящее дыхание религиозной муки, напряженность постоянных религиозных исканий, тревога мятущейся мысли. Его душе близки социальные нужды нашего времени и ему свойственно понимание социальных задач христианства, сложных и трудных задач, так называемого, христианского социализма. Его ухо слышит, те стоны нужды и горя, к которым так глухи чиновники в митрах и клобуках».⁴⁵⁴

Удивительно и другое, что в защиту любимого учителя вступились его ученики: «Совет представителей студентов Петроградской Духовной Академии постановил по поводу увольнения профессора Академии архимандрита о. Михаила – выразить признательность и благодарность о. Михаилу как открытому и честному борцу за свободу, в котором монашеская ряса не уничтожала человеческого достоинства».⁴⁵⁵

Почему образованный человек оказался в стане раскольников? Ответ, который дает сам отец Михаил следующий: «Я уважаю и люблю старообрядчество за то, что оно кровью купило себе свободу от рабства государству, от порабощения свободы церковной воле папы, Никона или заступившей его папской иерархии. Я уверен был по его духу и сейчас уверен, что в нем, обгавленном реками крови, пролитой за свободу мысли и убеждения, возможно, чем где-нибудь, свободное раскрытие правды Божией о земле и небе».⁴⁵⁶

Блестящий стилист, автор громадного количества сочинений, еще до сих пор полностью не собранного и не потерявшего актуальности. Его единомышленники называли «апостолом XX века», а враги угрожали расправой... Он был пламенным проповедником Слова Божия. И его слова не расходились с делом. Строгая подвижническая жизнь, скромность, пожалуй, кротость, сближающая его с литературным персонажем Ф.Достоевского – кн. Мышкиным. Он старался делать добро **сейчас и всегда**. По свидетельству близких к нему лиц и очевидцев, святитель большую часть своих заработков раздавал бедным и иногда прямо на улице делился с неимущими своей одеждой.

Жизнь его оборвалась трагически. Наступившая мировая бойня повергла отца Михаила – князя Мышкина в ужас. Рекою текла человеческая кровь: на фронте гибли самые молодые – будущая надежда Европы. Не война – а детоубийство. В прифронтовой полосе шли дикие еврейские погромы. Он откликался на каждое событие. Его статьи воистину писаны кровью. Никакого просвета он не видел. Он заболел тяжелой формой нервного расстройства и 18 октября 1916 года дос-

тавлен в одну из московских больниц в бессознательном состоянии, тяжело избитым и изувеченным в одном из пригородных поездов. Только через неделю он пришел в себя и назвал свое имя. 25 октября мученика перевезли в больницу Рогожского староверческого кладбища, где в два часа пополудни 27 октября он отошел в лучший мир. Для меня его смерть – загадочна. Староверческий журнал, где я почерпнул большинство своих сведений об отце Михаиле, глухо сообщают о неких фарисеях и саддукеях XX века, преследовавших светоча России. Но в России убивали священников еще задолго до отца Михаила и отца Александра Меня. Сошлюсь на далекого гонителя староверов патриарха Никона, которого толпа в Новгороде избивала до полусмерти, требуя выдачи боярина Морозова, свойственника самого государя Алексея Михайловича. Лишь могучее здоровье Никона спасло его от преждевременной смерти. А теперь процитируем трагическую эпитафию отца Михаила из дневника Зинаиды Гиппиус: «Умер в Москве старообрядческий епископ Михаил (т.н. Канадский). Его везла из Симбирска в Петербург сестра. Нервно-расстроенного. *(Мы его лет 5-6 не видали, уже тогда он был не совсем нормальным.)* На ст. Сортировочной, под Москвой, он вышел и бесследно исчез. Лишь через несколько дней его подняли на улице, как «неизвестного», избитого, с переломанными ребрами, в горячечном бреде от начавшегося заражения крови. В больнице, в светлую минуту, он назвал себя. Тогда приехал священник из Рогожского – его «исправить». В старообрядческой больнице скончался.

Это был примечательный человек. Русский еврей. Православный архимандрит. Казанский духовный профессор. Старообрядческий епископ. Прогрессивный журналист, судимый и гонимый. Интеллигент, ссылаемый и скрывающийся за границей, аскет в Белоострове, отдающий всякому всякую копейку. Религиозный проповедник, пророк «нового христианства» среди рабочих, бурный, жертвенный, как дитя беспомощный, хилый; маленький, нервно-возбужденный, беспорядочно-быстрый в движениях, рассеянный, заросший черной круглой бородкой, совершенно лысый. Он был вовсе не стар – года 42. Говорил он скоро-скоро, руки у него дрожали, и все что-то перебирали... В 1902 году церковное начальство вызвало его из Казани в Спб., как опытного полемиста с интеллигентами «еретиками» тогдашних религиозно-философских собраний. И он с ними боролся... Но потом все изменилось.

В 1908/9 году он бывал у нас уже иным, уже в кафтане старшего епископа, уже после смелых и горячих обвинений православной Церкви. Его «Я обвиняю...» многим памятно.

Отсюда ведут начало его поразительные попытки создать новую церковь «Голгофского Христианства». С внешней стороны это была демократизация идеи Церкви, причем весьма важно отрицание *сектантства* (именно в «сектантство» выливаются все подобные попытки).

Многие знают происходившее лучше меня: в эти годы путанность и детская порывистость Михаила удерживала нас от близости к нему.

Но великого уважения достойна память мятежного и бедного пророка. Его жертвенность была той ценностью, которой так мало в мире (а в христианских церквях?).

И как завершено он кончил жизнь! Воистину «пострадал», скитаясь, полубезумный, когда «народ», его же «демократия» - ломовые извозчики, избивали его, переломили четыре ребра и бросили на улице. В переполненной больнице для бедных, в коридоре, лежал и умирал этот «неизвестный». Не только «демократия» постаралась над ним, его даже не осмотрели, в 40-градусном жару веревками прикрутили руки к койке, точно распяли действительно. Даже, когда он назвался, когда старообрядцы пошли к старшему врачу, тот им отвечал: «Ну, до завтра, теперь вечер, я спать хочу». Сломанные ребра были открыты лишь перед смертью, после 4-5 дневного «распятия» в «гогофской больнице».⁴⁵⁷

А теперь процитируем немного из пламенных статей о. Михаила.

Среди бурь.

Мы живем среди моря...

Что наша жизнь, как не постоянное волнующееся море, среди которых движется наш углый челн. Нам грозят отовсюду опасности внешние - для нашего благополучия, для нашего здоровья. И главное - постоянные опасности для души, для нашего спасения.

Как, на чем утвердить прочность нашего земного благополучия? Как и чем охранить от гибели душу? ...

Моряки, чтобы не сбиться с пути, смотрят вверх на звезды: если мы хотим идти верным курсом ко спасению, возьмем себе в Возжи, сделаем своим маяком Христа.

И пойдем по Его стопам...

Оглухнем для голосов сирен, желающих нас отвлечь от правого пути, будем слепы для соблазнительных видов, которые отвлекают наше внимание от цели нашего земного странствия - от Иерусалима небесного». ⁴⁵⁸

Читатель должен обратить внимание на блестящий стиль и убедительность этого незаурядного и несчастного человека... Задолго до революции, выступая в собрании против революционных социалистических идей насилия, отец Михаил произнес следующую фразу: «Да, вы победите, но после всех победителей победит Христос». ⁴⁵⁹ Увы, человеколюбие на сегодняшний день не победило...

О погромах 1905/1906 годов отец Михаил написал обращение от имени группы петербургских священников.

«Собратьям-пастырям всех исповеданий и всем, кому дороги заветы Христа о страшных событиях наших дней».

«Братья!...

Тяжелое, страшное, злое нехристианское совершается вокруг нас...

Каждый день, каждый час приносит нам известия - одно ужаснее другого о том, что совершается на юге, и на севере, и на востоке...

От кровавых ужасов стынет кровь в жилах, сердце разрывается от боли...

Христиане жгут сотнями женщин и даже детей...

Мы слышали братья, даже более ужасное, чем самые убийства: будто те, кто проливает кровь братьев своих, верят и говорят, что они служат родине своей, даже вере, Господу Иисусу Христу.

Мы слышали даже и то, что иногда пастыри повинны в этом...

Верить ли этому? ...

Служители Христа распинают Его... Священники кровь евхаристии мешают с кровью убитых...

Верить не хочется, но да: кажется, было и это...

...Конечно, такие священники единицы... Но если бы их даже и вовсе не было?... Кто ответственен за преступление наших сынов христиан?...

...Разве мы не можем сказать всем, что кровь, чья бы она не была, – святая кровь, что проливать ее никому не дано право, что проливший чью бы то ни было кровь пятнает душу свою и гнев Божий зовет на голову детей своих.

Христиане убивают евреев...

Пастырь!... Где были мы, когда совершалось это злое дело?.

Говорили ли мы своим, что даже закон евреев предписывал: «Не обижай пришельца в земле своей», а мы ученики Того, Кто заповедал «новую заповедь» – любить даже врагов...

Несколько лет тому назад толпа избивала евреев в день Пасхи... Какое кощунство, какое поругание Христа! Но теперь у нас новая Пасха: народ призван устроить свободу свою по совести своей, и он преступлением и кровью пятнает свою свободу.

Пусть кто-нибудь скажет, что те, против кого восстают, виновны перед русским народом в прошлом....

Не может говорить об этом: пусть есть какие-нибудь причины злобы против народа, который стиснутый в проклятой черте оседлости, иногда мешал жить соседям, сам умирая с голода, – но тогда должно примириться во имя свободы, заря которой светит нам, еще более нужно бросить всякие насилия, «потому что проклятие Христово» на насильниках.

Вспомним, что сказал Господь тем, которые хотели побить камнями, даже явно обличенную блудницу...

И ради Господа, братья...

Христос зовет.

Отец всех зовет...»

Группа петербургских священников. (Архиепископ Михаил).⁴⁶⁰

Дополнение: «Свобода», неисчислимо раз повторяемое в обращении имеет в виду манифест от 17 октября 1905 года о предоставлении свобод и о выборах в Думу, когда почти сразу началось погромное движение.

Я уже упоминал интересные воспоминания доктора М.В. Симонова. Вот, что он писал о крещеных иерархах:

«А между тем у нас же из евреев были священники, как протоиерей Ковалевский, священники: Калужский Михайличенко, иеромонах Вассиан, кажется – и харьковский архиепископ Филарет, архиепископ Смарагд, семинарист Поликарпов и др. Семинаристы же охотно женились на еврейках, принявших крещение. Впрочем, не в редкость были тогда и акты насильственного обращения в православие».⁴⁶¹

Немного остановимся на протоирее **Ковалевском**. Он появился в Запорожской сечи уже крещеным, получившим имя Иван и фамилию Ковалевский.

Источники сообщают, что он «еврейской породы» и «христианскую веру принял в польской области в городе Смелой малолетним, откуда вывезен в местечко Кременчуг, где грамоте славянской научен, а потом проживал в войске запорожском низовом при войсковой канцелярии и произведен в полковые старшины». Но военная служба его не привлекала и он пошел по духовной стезе. 34 лет **Иван Ковалевский** женился и был посвящен в священники. Еврей достигший на Украине XVIII века высокого звания был не исключением. Автор упоминает архимандрита **Владимира Крыжановского**, игумена **Иннокентия**, **Якова Марковича**, **Василия Перехриста** и др., «бывших, как известно, по происхождению евреями».⁴⁶²

Интересна фигура харьковского архиепископа **Филарета** (1805–1866). Речь идет об одном из самых знаменитых духовных лиц XIX века – богослове и историке церкви. В миру **Дмитрий Григорьевич Гумилевский**.

Он сын сельского священника Шацкого уезда, который в селе носил фамилию Конобеевский, по названию села Конобеево. Видеть в фамилии ивритский корень – «кон» – коен, коган, или просто кон, подобно известному революционеру Феликсу Кону – сомнительно. *(Вместе с тем в тель-авивской телефонной книге сколько хочешь людей со схожей фамилией: Коневский, Канебский и т.п.)* При крещении евреев часто давали самые разнообразные фамилии: от чисто идишистских и до библейских, и от обыкновенных славянских до издевательских. В тамбовской семинарии мальчику поменяли фамилию на Гумилевский, за маленький рост. *(От Humilis – низкий, латынь. Мало кто знает, что великий государственный деятель М.М. Сперанский свою фамилию получил в семинарии за большие надежды, на него возлагаемые. Фамилия образована от латинского слова spero – надеяться. Его отец, деревенский священник, вообще не имел фамилии и прозывался Грамматиньм. Понятно, за сравнительную образованность.)*

После окончания Московской духовной академии Гумилевский принял монашество и был последовательно в этой академии профессором, инспектором, ректором. Обладал громадной эрудицией, был блестящим лектором и полемистом. Он основал академический журнал «Творения св. отцов в русском переводе, с прибавлением духовного содержания». Карьера его была стремительна: архимандрит с 1835 года, в 1841 году – епископ Рижский, в 1848 году переведен в Харьков, где в 1857 году возведен в сан архиепископа. Это был поразительный пастырь.

В 1859 году, переведенный в Чернигов, он основал «Черниговские епархиальные известия» и, самое главное и неожиданное, слушал голос времени: **он был ярким сторонником женского образования!** «Умножил» число женских духовно-учебных заведений. Его труды выдержали множество изданий и не потеряли исторического интереса до сих пор. В них обилие фактического материала и масса точных выводов и неожиданных характеристик. Посему его труды одинаково ценились как богословами, так и светскими историками. За свои непрестанные ученые труды в 1866 году он был пожалован орденом св. Александра Невского. В Высочайшем рескрипте засвидетельствовано о его научных работах, что они «составляют украшение духовной отечественной письменности». Общее число работ насчитывает 159 наименований. Вот важнейшие:

«**Православное догматическое богословие**», (Чернигов, 1864; 3-е издание 1882 г),

«**История Русской церкви**» 1847, (6-е издание – СПб, 1894, доведено до 1826 года),

«**Обзор русской духовной литературы**», (3 изд., СПб, 1884г.).

И что интересно для нас – «**Исследование о смерти Дмитрия**», опубликованное в кн.1, 1858 в «Чтениях в Обществе истории древностей российских при Московском университете». Он был настоящим ученым.

Стоит закончить эти небольшие заметки мыслями ученого В.И. Вернадского, который и сам происходил из малороссийского дворянства из семейства Крыжановских, сетующего на эмиграцию евреев из России в 1913 году: «Здесь в Америке, особенно ярко видно, какую огромную творческую созидательную силу потеряла Россия в безумной политике антисемитизма... мы потеряли часть того капитала, который история дала России и которым должны были уметь воспользоваться его государственные люди».⁴⁶³

Епископ Андрей Уфимский (1872 – 1937), в миру князь Ухтомский, прошедший по лагерям и весям России и в конце-концов расстрелянный в Ярославском изоляторе. Современник, встретившийся с ним на Соборе, по избранию патриарха, писал о нем: «Он давно привлекает мои симпатии своим идеализмом, одухотворенным обликом и ревностью о подлинном древле-церковном благочестии».

«Мы здесь в меньшинстве», говорит он с горькой усмешкой: «Нас называют за наши требования большевиками. И так отвергается один проект за другим. Остается быть молчаливыми свидетелями».⁴⁶⁴ С ним связан один случай. При «безбожной» советской власти, русские мужички, для которых религия была лишь шелухой, приступили к надругательству над церковной утварью. В одном из сел Казанской губернии крестьяне вынесли престол из храма прямо на улицу и расположились вокруг него с желанием пообедать. Надругательству над святынями возмутились не православные верующие, а местные татары, которые **сами** и вернули престол на место. Епископ Уфимский по этому поводу направил открытое письмо мусульманскому муфтию с благодарностью, что он хорошо воспитал в религиозном плане своих прихожан. Письмо было опубликовано в печати.

Марцинковский посетил епископа Андрея для личной беседы в Сретенском монастыре. Епископ его принял в ранний час, еще до рассвета. Беседа носила доверительный характер. «Беседа с ним дополнила обаяние чистого аскетического облика этого инока-идеалиста, мечтающего о действительном воплощении евангельской правды в церковной жизни. Он говорил мне, что по-видимому, уйдет из государственной православной церкви». Добавлю подробнее о В.К. Саблере: он происходил из евреев, имеющий также родственников евреев, видимо, оставшихся в иудаизме.⁴⁶⁵

Выше мы упоминали профессора Санкт-Петербургской Духовной Академии **Василия Андреевича Левисона** (1807–1869). Его биография фантастична. Он родился в раввинской семье в Гессен-Кассельской области в Пруссии и в юности был пламенным иудаистом. Учился в еврейском училище во Франкфурте, а затем в Геттингенском и Вюрцбургском университетах. В двадцать два года сдал экзамен на должность раввина и получил эту должность в Веймаре. К этому времени его взгляды подверглись изменению, так как Веймар – город поэтов, не мог не оказать влияние на религиозное развитие юноши. В 1837 году Левисон занимался изучением новозаветных книг, и его прибило к православному крылу христианства. Всё это удивительно, ибо в то время немецкие евреи массово переходили в протестантизм.

При принятия православия Левисон столкнулся с препонами русской бюрократии, но это не затушило его пламенного желания войти в мир православия. В 1839 году он приезжает в Петербург лично хлопотать о своем деле.

В сентябре 1840 года он получил должность профессора еврейского языка в Санкт-Петербургской Духовной Академии. С 1842 года он же преподавал и немецкий язык. Любопытно, что Левисон не стал антисемитом, а наоборот, защищал еврейство и считал гражданское равноправие евреев необходимым условием развития общества. Его пламенная вера приобрела ему множество друзей и поклонников, но увы, от зависти никто не защищен.

Главным врагом Левисона оказался профессор математики и физики Д.И. Ростиславов. Уволенный из Академии за склоку, он отомстил ни в чем неповинному Левисону публикацией пасквиля в Лейпциге, где чернил его самым безбожным образом. Между тем, Василий Андреевич перевел на еврейский язык Новый Завет. Переводил он и другую литературу, как, например, православную литургию Иоанна Златоуста. В 1857 году его жизнь резко изменилась, и он был назначен в состав Русской Духовной Миссии в Иерусалиме. Он оказался на месте, так как на него рассчитывали при общении жившие в Палестине польские и русские евреи. Но высшее начальство сочло, что крещеный еврей должен быть отозван из Святой Земли, поскольку неудобно «крещеному раввину еврейскому состоять при нашей Духовной Миссии в Иерусалиме, где такая масса евреев». Добавим, что Левисон был не одинок среди «иерусалимских выкрестов»: в это время английским епископом Иерусалима был д-р Михаил Соломон Александр (1799–1847), еврей, принявший англиканство, а в 1855 сюда прибыл французский еврей-католик Теодор Мари Ратисбонн (Ratisbonne) (1802–1884) основатель Нотр Дам де Сион... Левисон отправляет в Синод ряд записок о положении в Святой Земле. Кроме того, как ученый, он был потрясен при чтении самаритянского текста Пятикнижия, который ошибочно считал древнейшим библейским текстом. День, когда Василий Андреевич держал в руках Самаритянское Пятикнижие, называл третьим великим днем своей жизни: первые два – это крещение и поклонение Гробу Господню...

Одна из записок содержала критику русского консула К. Базили, отказавшегося защищать русских евреев от преследования турецкого правительства и лишившего их российского подданства и покровительства. Самая подробная информация об этом неординарном человеке сообщается в работе Михаила Агурского.⁴⁶⁶

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

ПОЯВЛЕНИЕ ЕВРЕЕВ НА РУСИ.

Политическая история есть история территориальных экспансий. Этот тезис, несомненно, может у многих вызвать внутренний протест, поскольку десятки лет нам вдалбливали в головы, что всемирная история есть история борьбы классов. В определенном аспекте это справедливо, но, детально рассмотрев многовековое развитие человечества, нетрудно заметить, что во все времена все правители видели в успешных захватнических войнах не только гарантию благосостояния своих уделов, но и наилучшую панацею от грозивших их власти внутренних конфликтов, а потому реальная всемирная история превратилась в нескончаемую череду войн и так называемых «колониальных захватов» (*которые по своей сути являлись теми же войнами, только с несоизмеримо более слабыми противниками*), лишь на мгновенья прерывавшуюся затишьями между очередными схватками. Ничто не могло, да и в наше время не может, так консолидировать «самые широкие слои», как возможность обогатиться за счет соседа. Досужие умы подсчитали, что за тысячелетия более или менее осмысленного существования человечество пребывало в обстановке всеобщего мира считанные десятки лет, в то время как все остальное время провело в самых различных схватках: двусторонних, региональных, мировых... А коль скоро меткий афоризм Карла Клаузевица о войне как о продолжении политики иными средствами не только не оспаривается, но и стал расхожим, то справедливость выдвинутого тезиса становится, на наш взгляд, вполне убедительной.

В этом смысле и Россия не является исключением. Ее история знавала времена, когда русские земли сами становились добычей иноземцев, но значительно чаще именно соседям следовало опасаться за свою судьбу. Захват все новых и новых пространств, требовал талантливых строителей воздвигавшейся империи, а потому в основной класс «зодчих» столетиями рекрутировались не только наиболее способные потомки древних родов «от Рюриковичей». Хазары и половцы, татары и немцы, поляки и литовцы, грузины и армяне, французы и итальянцы, шотландцы и испанцы – в общем, сыны Европы и Азии, даже Африки и Америки отправлялись в далекую Русь, где им зачастую удавалась «ловля счастья и чинов», но не менее редко выпадала и плаха. В этом вопросе историки противоположных направлений еди-

ны. «Дворянство задумало и построило национальное великорусское государство из великороссов, поляков, калмыков, шведов, итальянцев и датчан»⁴⁶⁷ – писал Ю.Н. Тынянов и далее отмечал, что российские родословные интересны тем, что задуманы и выдуманы в явном соответствии с велениями времени, после чего приводил пространный перечень дворянских фамилий, корни которых прослеживаются во многовековом мраке. Эмигрантский писатель М. Каратеев (*сам выходец из татар*) составил таблицы боярских, княжеских, графских и дворянских родов (*числом более трехсот*), истоки которых находятся в Золотой Орде.⁴⁶⁸ Советский автор Ф.Ф. Нестеров в нашумевшей националистической книге «Связь времен» ясно и недвусмысленно утверждал: «Литовские Гедиминовичи мечтали стать господами всей русской земли – они ими стали, превратившись в русских князей Патрикеевых, Голицыных, Куракиных и других, которые в московской иерархии заняли место лишь ступенькой ниже Рюриковичей. И они повели русскую рать на Вильно. Ливонский крестоносный орден видел смысл своего существования в борьбе против неверных и в натиске на Восток... Царь поселил пленных рыцарей вдоль Оки, чтобы они с мечом в руках стояли против татарских орд, защищая границы Московского государства, а заодно и европейскую христианскую цивилизацию». (*Трудно попутно не обратить внимание на выраженную Ф.Ф. Нестеровым и постоянно акцентируемую в советской литературе мысль о Руси, как исконной и многовековой защитнице европейской цивилизации от восточного «варварства», что является несомненно односторонней идеализацией... В постперестроечное время этот тезис несколько корректируется в связи с переориентацией внешней политики на мусульманский Восток и вообще Восток.*)

«...Но и обратно, то есть с Востока на запад, под знаменем Москвы шли вольные дети степей. Касимовские, ногайские, казанские татары вторгаются во владения ордена и доходят до Балтийского моря. И так все действуют в соответствии со своими природными наклонностями, унаследованными от предков стремлениями, заветными желаниями».⁴⁶⁹ Пожалуй, по разнородности ингредиентов «плавильный котел», в котором создавалось российское дворянство, отнюдь не уступает хрестоматийному «плавильному котлу» американской нации.

Нас в описанной только что разноплеменности интересует один элемент – еврейский. Трудно представить, что в этом истинно «вавилонском» смешении он бы отсутствовал.

И, действительно, в «Лексиконе российском историческом, географическом, политическом и гражданском», принадлежащем перу

выдающегося русского ученого-энциклопедиста Василия Никитича Татищева, встречаем любопытное замечание в словарной статье «Жид»: «Их сначала было в России много, но во время великого князя Владимира II-го в 1113 году общим определением всех князей выгнаны и закон положен, есть ли впредь явятся, оных убивать. И сие в Великой России доднесь хранится, но в Малой России во владение польское паки допущены, однако указом 1743 году все изгнаны и впускать накрепчайше запрещено».⁴⁷⁰ Бесспорно, еще в первом тысячелетии нашей эры заселенные восточными славянами территории находились под властью Хазарского каганата – самого большого в ту пору государства Восточной Европы, оказавшего влияние на изначальный период русской истории. О степени этого влияния существует много версий, но они зачастую носят весьма спекулятивный характер: сама мысль о Киевской Руси как даннице народа, исповедывавшего иудаизм, казалась *(да по сию пору многим кажется)* просто кощунственной, хотя факт выплачивания дани четырьмя славянскими племенами хазарам зафиксирован в летописи. Кто не помнит с детства знакомые строки:

Как ныне собирается вещей Олег
Отмстить неразумным хазарам,
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам.

Нам еще придется вернуться к вопросу об историчности Пушкина. В этом стихотворении поражает, во-первых, эпитет «неразумные», толкуемый в словарях как «безрассудный, бестолковый, глупый».⁴⁷¹ Во-вторых, вызывает удивление сочетание «сел и нив» с «набегами». Несомненно, что у кочевых народов ни сел, ни нив быть не может. В этой связи следует сослаться на замечание выдающегося израильского историка профессора Ш. Эттингера: «Славяне пришли в Поднепровье не ранее конца VII – начала VIII веков и могли заниматься там земледелием только под покровительством хазар, защищавших их от нападений кочевников».⁴⁷² Что же касается «неразумности» хазар, то здесь стоит привести одно высказывание крупнейшего тюрколога В.В. Григорьева: «Необыкновенным явлением в средние века был народ хазарский; окруженный народами дикими и кочующими, он имел все преимущества стран образованных: устроенное правление, обширную цветущую торговлю и постоянное войско. Когда величайшее безначалие, фанатизм и глубокое невежество оспаривали

друг у друга владычество над Западной Европой, держава Хазарская славилась правосудием и веротерпимостью, и гонимые за веру стекались в нее отовсюду. Как светлый метеор ярко блистала она на мрачном горизонте Европы...».⁴⁷³

Это признание особенно ценно, если учесть, что В. В. Григорьев был последовательным антисемитом и является наиболее подходящей кандидатурой на до сих пор дискутируемую роль создателя пресловутой книги о ритуальных убийствах «Розыскания об убиении евреями христианских младенцев и употреблении крови их», вышедшей в свет в Петербурге в 1844 году, традиционно приписываемой выдающемуся ученому-лексикографу В.И. Далю.⁴⁷⁴

Одним из апологетов древней Хазарии был и автор ряда работ по истории древней Руси профессор В.А. Пархоменко,⁴⁷⁵ наиболее ясно высказавший свою точку зрения относительно влияния хазар на Русь в статье «Киевская Русь и Хазария»: «...Киевская Русь как государство явилась в известной мере модификацией и преемницей Хазарского государства».⁴⁷⁶ Даже подорвавшие мощь каганата походы Святослава против хазар В.А. Пархоменко рассматривает как некую «гражданскую войну», ибо иначе эти, как говаривали в старину, «предприятия» оказываются вне понимания историка.

Академик Ю.В. Готье так характеризует место хазар в мировой культуре: «Историческая роль хазар не столько завоевательная, сколько объединяющая и умиротворяющая. Это обстоятельство выдвигает их из множества народов азиатского происхождения, последовательно сменявших друг друга на пространстве между Волгой, Доном и Кавказом...».⁴⁷⁷ Влияние хазар оставило свой след в некоторых исторических списках Луки Жидяты. *(Впоследствии новгородский епископ Лука Жидята (1036–1059) в одном из летописных списков назван «Жирятой», и теперь по вполне понятным причинам рядом с «Жидятой» в скобках пишут «Жирята»! Интересно, когда эти два варианта сначала поменяются местами, а затем вариант, попавший после «обмена» в скобки, как бы сам собой отомрет?),* в русских былинах («злой хазарин»), в сказаниях о купце Садко *(от еврейского имени Цадок. Вопрос о личности богатого новгородского купца Садко для современных советских исследователей весьма болезненен. Хотя в комментариях к недавно вышедшему в свет изданию былин и говорится, что большинство дореволюционных ученых видело в имени Садко отражение древнееврейского имени «Цадок» («справедливый, праведный»), но это-де не вяжется с об ликом героя.*⁴⁷⁸ *Откровенно сказано! Должен огорчить сих*

«ученых» – подлог при свете дня не делается. В изданном два десятилетия назад в Советском Союзе словаре русских личных имен без труда обнаруживается «Садко», определенное в словаре как уменьшительное от древнееврейского имени «Садок» – «праведный, справедливый». ⁴⁷⁹ О личности Садко: тот же Ключевский обратил внимание на Садко, как на апофеоз капитала. Bravo! (В.О. Ключевский Сочинения в девяти томах, т. II, М., «Мысль», 1988, «Курс Русской истории», примечание на с.403 Академик А.Н. Веселовский указывал на сходство былины о Садко с эпизодом одного старофранцузского романа, в котором действует герой по имени Садок. Ясно, что и былина, и роман восходят к одному и тому же источнику – еврейскому фольклору. ⁴⁸⁰ Что же касается облика героя, то нетрудно представить себе богатого купца-еврея в Новгороде, входившем когда-то в Ганзейский торговый союз), в дворянских фамилиях (Казариновы, Халдеевы), в географических и топонимических названиях (упоминающиеся в летописях «Жидовские ворота Киева»), существовавший, по мнению некоторых исследователей, город Жидичин (в начале XV в. – Жидович), а также названный, по мнению М. Гумпловича, в память о «вице-короле» Хазарии Чауше город Чаусы на Могилевщине. ⁴⁸¹ Это влияние даже нашло свое отражение в современных советских исторических романах (к примеру, оружейник Родион Жидовин в повести В. Каргалова «Вторая ошибка Мамаю»), ⁴⁸² а они, как известно, являются «передним краем» столь активизировавшейся в последние годы в России борьбы за «моделирование» русской истории в угоду тем или иным современным общественным группам. Вместе с тем в географических и топонимических названиях сохраняется еврейский след. В.О. Ключевский пишет о народной памяти, в которой сохранились «отческие названия, таких сёл», к примеру, «Жидичи». ⁴⁸³

Просматривая свой архив, я наткнулся на 90-летней давности статью о хазарах. Автор спокойно, без эмоций, определяет место Хазарии в истории российского государства. Он приводит перечень наименований населенных пунктов, свидетельствующих о колонизации хазарами славянских земель. Они многочисленны: даже в Воронежской и Тульской губерниях имеются селения с названием «Каганово», «Хазарское». В начале XX века обширная поляна, в пяти верстах от Воронежа по правому берегу реки Воркслы, носила название «хазарская». А, отходя от берега версты на четыре, местность называлась хазарским городищем. В Путиловском уезде Курской губернии есть селение «Каган»; в Черниговской губернии Суражского уезда есть селения «Коза-

ричи». Неподалеку от этого пункта имеются селения с родственными названиями «Казаричи», «Козары», «Козар». Последнее село находится в Козельском уезде. Кроме того, в этих губерниях часто встречаются названия «Беловежи», «Беловежский», «Белые Вежи». В Тульской губернии также встречаются названия «Казар». Часть хазарских названий скрывалась под многочисленными «Поганками» и «Поганцами». ⁴⁸⁴ Белая Вежа – это по тюрски Саркел. От себя добавлю, что Беловежская пуца тоже имеет хазарский источник. Теперь обратим внимание на Воронежскую губернию – в ней, кроме хазарского корня, было сильно и субботничество. Впрочем, и не только в Воронежской, но и в Тульской, и в Астраханской, т.е. там, где были когда-то хазары. При разделе наследства своим детям великий князь Василий Темный, среди прочих городов и местечек, выделил своей дочери «Иудину слободу». ⁴⁸⁵

Исполнившееся в 1988 году тысячелетие со времени принятия Русью христианства вновь вернуло нас к вопросу о степени влияния евреев и хазар на решение князя Владимира. К примеру, оружейник Родион Жидовин в повести В. Каргалова «Вторая ошибка Мамая» освещает проблему в целом. Часть исследователей считают принятие христианства актом, в основе которого, помимо всего прочего, лежало уже имевшее место знакомство славян с единобожием. В весьма содержательной и интересной статье советского историка Д.Е. Фурмана не только подчеркивается значительное иудейское влияние на Русь эпохи князя Владимира, и без критических замечаний воспроизводится точка зрения, как сказано в статье «крупнейшего русского церковного историка» Е.Е. Голубинского, о возможном влиянии на летописный рассказ более ранней еврейско-хазарской легенды о принятии иудаизма хазарским каганатом. ⁴⁸⁶

Характерно, что в кругах современных русских нацистов (*мина ставшего одиозной личностью В.Н. Емельянова*) упорно отрицается значение принятия Русью христианства, которое, по их мнению, есть не что иное как форма иудаизма, искажившая истинно славянский путь развития и отринувшая родное, «исконное», язычество. Как было бы славно, если б сейчас в Киеве на месте Софийского собора радовало глаз, душу и сердце «истинно русских людей» капище Перуна! Вот оно, современное «переиздание» Валгаллы «третьего рейха»! Более того, в этих кругах утверждается, что креститель Руси святой Владимир был сыном еврейки.

Вот для этого утверждения, действительно, есть основания. Происхождение князя Владимира уже становилось предметом научного

анализа, в частности, известными русскими историками Д.И. Прозоровским⁴⁸⁷ и И.И. Срезневским.⁴⁸⁸

В «Повести временных лет» по Второму Лаврентьевскому списку под 6478 (*то есть 970*) годом написано: «В то время пришли новгородцы, прося себе князя. И сказал Святослав: «А кто бы пошел к вам?»... И сказал Добрыня: «Просите Владимира». Владимир же был от Малуши – ключницы Ольгиной. Малуша же была сестрой Добрыни. Отец же им был Малк Любечанин, и приходился Добрыня дядей Владимиру. И сказали новгородцы Святославу: «Дай нам Владимира». Он же ответил им: «Вот он вам». И взяли к себе новгородцы Владимира, и пошел Владимир с Добрынею, со своим дядей, в Новгород...».⁴⁸⁹ Из этого сообщения ясно, что отцом Малуши и Добрыни был некий Малк из города Любеча – одного из древнейших русских городов, находившегося в 202 верстах (215,5 км) от Киева, и в 50-ти верстах (около 53 км) от Чернигова, платившего дань хазарам, а в 882 году захваченного князем Олегом.⁴⁹⁰ (*Ныне Любеч – районный центр Черниговской области УССР*).

Поскольку «Малк» – имя еврейское (*Малх... Стар. редк. Отч.: Малхович, Малховна (от др.-евр. Melekh – царь или mLakh – ангел, посланец)*),⁴⁹¹ а дело происходило в дохристианской Руси, то этого Малка следует считать либо евреем, либо хазарином-иудаистом. Попытки Д.И. Прозоровского свести имя «Малк» к имени древлянского князя Мала несостоятельны, ибо в другом месте летописи Рогнеда отказывается выйти замуж за Владимира, поскольку он – «робичич», то есть сын рабыни («*И посла ко Рогьволоду Полотьску, глаголя: «Хочю пояти дщерь твою себе жене». Он же рече дщери своей: «Хочеши ли за Володимера?» Она же рече: «Не хочу розути робичича, но Ярополка хочю.*»⁴⁹² Перевод звучит так: «*И послал к Рогьволоду в Полоцк сказать: «Хочу дочь твою взять себе в жены». Тот же спросил у дочери своей: «Хочешь ли за Владимира?» Она же ответила: «Не хочу разуть сына рабыни, но хочу за Ярополка.*»⁴⁹³ Разувание мужа в знак покорности новобрачной было частью свадебного обряда.)

В.Н. Емельянов, дабы окончательно убедить читателя, что Малк – еврей, выдвигает гипотезу, согласно которой Нестор-летописец в угоду цензуре (*если позволительно применить этот термин к эпохе Киевской Руси*) заменил слово «равв» или «рабб» (*раввин*) на «робичич» (*раб*).⁴⁹⁴

Спору нет, летописи, хотя и создавались на века, но писались с оглядкой на современных летописцу сановных читателей, а зачастую и просто по их указаниям (*воистину «ничто не ново под луной»*), но к лин-

гвистике это никакого отношения не имеет, а неискушенный в тонкостях современник Емельянова, к которому он адресуется, глядишь да и станет ассоциировать Малка с любавическим ребеле! Вместе с тем Емельянов вполне резонно указывает, что «Малуша» – уменьшительное имя от «Малка». Что же касается поиска еврейского корня в имени «Добрыня», то попытка Емельянова произвести его от еврейского корня «dbrn» («оратор; краснобай») представляется спорной, хотя в контексте мышления этого автора она вполне естественна (*«оратор» – «краснобай» – попросту «брехун»*). По-моему, имя «Добрыня» следует считать калькой еврейского имени «Товий» (*«хороший, добрый»*).

Возвращаясь к статье Д.И. Прозоровского, следует отметить беспочвенность его утверждений, будто бы княгиня Ольга оставила князя Мала в живых. Ни в одном из летописных списков Малк не назван «Малом». Сравнив древнеславянское написание этих имен – «МАЛЬ» и «МАЛЬКЪ» – становится очевидной невозможность объяснения разницы в написании в две буквы ошибкой летописца. Из контекста летописи недвусмысленно явствует, что князь Мал был убит Ольгой, мстившей за мужа.

Должность, которую занимала Малуша при княгине Ольге, – ключница (*а по одному из летописных списков – милостивица*) – вне всякого сомнения требовала грамотности, а в те времена грамотная славянская женщина встречалась лишь изредка, да и то среди представительниц самых высоких сословий (*что навряд ли могло соответствовать тем обязанностям, которые исполняла при великокняжеском дворе Малуша*), но среди евреев даже в ту пору умение читать и считать не было диковинкой. По Далю «ключник и ключница это те, кто ходит в ключах, служитель, заведующий съестными припасами в доме, погребом, а иногда и питьями».⁴⁹⁵

И.И. Срезневский полагает, что упоминание Малуши в одном из списков как «милостивицы» свидетельствует, быть может, о том, что она ведала распределением милостыни от имени княгини. Но, анализируя понятие «милостивица» и прибегая для этого к аналогиям как в языках, родственных древнерусскому (*польскому, чешскому*), так и в более отдаленных (*греческому*), ученый забыл или не захотел обратиться к древнееврейскому языку, где такой аналог обнаруживается без труда (*«nadiva» – «щедрая; великодушная; благородная»*).

Как бы то ни было, круг обязанностей Малуши при дворе великой княгини требовал в первую очередь грамотности, что указывало на

полученное в детстве образование, а также доверия Ольги, на что вряд ли могла рассчитывать дочь убитого княгиней ее злейшего врага.

Здесь любопытно остановиться на проблеме литературного воплощения эпохи крещения Руси. Скудость исторических материалов оставляет много места чисто авторскому воображению. Поначалу эти события в русской литературе представляли как бы в сказочно-фольклорном виде. Эту традицию начал еще А.С. Пушкин, выведя в «Руслане и Людмиле» среди прочих героев и хазарского богатыря Ратмира, никоим образом не указав его религиозную принадлежность. С именем «Ратмир» у Александра Сергеевича Пушкина была особая связь. В его генеалогии, известной большинству читателей по его же собственным стихам, можно прочитать знаменитые строки:

«Мой предок Рача мышцей бранной
Святому Невскому служил,
Его потомство гнев венчанный
Иван IV пощадил...»

Теперь же можем обратиться к материалам, где написано следующее: «**Ратмир** или **Ратша** (? –1240) – русский новгородский богатырь XII века, соратник князя Александра Ярославича Невского». Далее написано, что Ратмир был символом новгородского величия, особо почитаемым героем. С.М. Соловьев описывает мужество предка Пушкина: «...слуга княжеский Ратмир бился пеш, был окружен со всех сторон врагами и пал от множества ран».⁴⁹⁶ Согласно летописи, Ратмир был выходцем из «немец», иначе говоря, был иностранцем. А.С.Пушкин в «Начале новой автобиографии» пишет, что их род ведет от прусского выходца Радши или Рачи («*мужа честна*»).

Далее читаем со ссылкой на «Государев Родословец» следующее: «Из немец пришел **Ратши**. У Ратши сын Якун. У Якуна сын Алекса. У Алексы сын Гаврила. У Гаврилы дети: Иван Морхиня да Акинф Великий. У Ивана Морхини один сын Александр. У Акинфа дети: Иван да бездетный Фёдор. У Александра Мархина дети: Григорий Пушка, Владимир Холопище, **Давид Казарин...** У **Григория Пушки дети...**» Кажется Александр Сергеевич хорошо знал своё происхождение, иначе трудно предположить появление хазарского хана на страницах поэмы. Да и судьбу ему приготовил поэт вполне в духе своей молодости: Ратмир обретает покой в объятых восточных красавиц и исчезает со страниц поэмы...

В любом случае появление в шестом поколении Давида Казарина не может быть случайностью...

Современник Пушкина – Александр Вельтман в романах «Свято-славич, вражий питомец. Диво времен Красного Солнца Владимира» и «Райна, королева Болгарская» не только уделяет немало внимания хазарам, но и весьма подробно останавливается на происхождении Владимира, также не упоминая его возможных хазаро-еврейских предков. Подход Вельтмана к этим проблемам полностью соответствует состоянию исторических знаний того времени, что явствует из сопровождающего романы авторского комментария.⁴⁹⁷

Наиболее близко к пониманию исторических процессов, происшедших в Древней Руси, подошел Велемир Хлебников. Из его ранней поэмы «Внучка Малуши» (*написанной около 1907 года, но опубликованной в 1913 году*), явствует, что истоки русской государственности поэт видит в сочетании трех сил – язычества, хазарского иудаизма и христианства. Вероятно, что Хлебников предполагал еврейское происхождение Малуши, поскольку один из героев поэмы хазарский каган (*или, по Хлебникову, «хан»*) «жид Хаим», тесно связан по сюжету с внучкой «рабыни» Малуши, чудесным способом превращается из старика в молодого еврея.⁴⁹⁸

Строго придерживавшаяся в своем творчестве летописных источников советская писательница В. Панова пишет: «Поверили, дурни, что наша Ольга пойдет за их Мала! Ольга за Мала, как это быть могло? И того ему довольно, что на мертвую его башку поставила ногу свою... Где Мал? И могилы его не найти...», и далее: «Среди челяди была девица Малуша. Вместе с братом Добрынею ее пленили в младенчестве, выросли оба на Ольгином дворе. Едва войдя в мужество, Святослав повадился что ни ночь к Малуше. Ольга уговаривала: «Да зачем Малуша, что ты в Малуше нашел? Чернавка и чернавка».⁴⁹⁹ Здесь интересно описание внешности Малуши. Словарь Даля толкует слово «чернавка» как женщину или девушку «со смуглым лицом и черными волосами».⁵⁰⁰ Как ни крути, этот типаж крайне далек от эталона славянки домонгольской эпохи. Но и здесь мы не найдем какого-либо упоминания о происхождении матери Владимира. Создается ощущение некоего табу, наложенного на литературное творчество.

Но вернемся от литературы к истории. Приход Владимира к княжению в Киеве был, несомненно, ярким примером искусной дипломатии, мастерства обходного маневра, – приема, которым впоследствии Владимир воспользовался еще раз, ибо, взойдя на великокняжеский престол, он провозгласил себя поначалу твердым приверженцем язычества и, лишь укрепившись в Киеве, радикально изменил идеоло-

гическую ориентацию своего правления. *(Политический талант Владимира – «сына рабыни, находившейся в немилости (?! – вернее сказать, попавшей в немилость – С.Д.) у великой княгини Ольги», признается советским историком О.М.Раповым в коллективной монографии «Введение христианства на Руси».*⁵⁰¹

Более того, следует указать, что ставший краеугольным камнем клерикальной пропаганды летописный рассказ о принятии князем Владимиром христианства в его православном варианте, по вполне обоснованному мнению ученых, является не только более поздней вставкой⁵⁰², но и, как мы уже указывали, вполне вероятно, родился под влиянием более ранней еврейско-хазарской легенды о принятии иудаизма хазарским каганом. Нельзя не отметить важнейшую роль в утверждении Владимира на киевском великокняжеском троне, равно как и принятие Русью христианства, роль его дяди – Добрыни Малковича, которого былинно-фольклорная традиция увековечила под прославленным именем Добрыни Никитича.

То, что мать великого князя Владимира была еврейкой или хазаркой, не кажется чем-то из ряда вон выходящим. В 695 году свергнутый с престола византийский император Юстиниан II Ринотмет не только нашел у хазар пристанище, но и вступил в брак с дочерью хазарского кагана.⁵⁰³ В период правления в Византии императоров – «иконоборцев» один из них – Константин V (741/775 годы) – женился на хазарянке Ирине, также дочери кагана. Их сын с 775 по 780-е годы занимал императорский престол под именем Льва IV Хазара. Следует отметить, что при правлении этих императоров жизнь евреев не подвергалась опасностям, и они могли беспрепятственно исповедовать веру предков.⁵⁰⁴ Позднее аналогичная история произошла в Болгарии, где правивший с 1330 г. царь Иоанн Александр в 1335 году женился на красавице-еврейке из Тырнова по имени Сара, после крещения ставшей именоваться Феодорой и получившей титул «новопросвещтена царица». Их сын Иоанн Шишман во времена своего пребывания на тырновском престоле дружелюбно принял изгнанных в 1360 году из Венгрии и расселившихся в Никополе, Плевене и Видине евреев.⁵⁰⁵ Таким образом, как видим, в странах, которым Киевская Русь была обязана принятием христианства и культурным патронажем, иудаизм невест не был препятствием для браков коронованных особ.

Возникающий вопрос «Почему князь Владимир не воспринял веру своих предков, а, напротив, в решающий момент выбора отверг ее?»

весьма просто решается при учете политической ситуации того времени. Перед великим князем стояла альтернатива: либо принятие иудаизма, означавшее не только признание вассальной зависимости от еще достаточно сильного в ту пору Хазарского каганата (*как известно, противоречия между обоими государствами были весьма острыми еще во времена Святослава*), но и бесповоротное закрепление этой зависимости на наиболее важном, идеологическом, уровне, либо резкий отрыв и противостояние при помощи провозглашения государственной религией христианства, в его православном варианте, что давало не только шанс самостоятельного правления и полной независимости от каганата, но и надежду на получение покровительства от Византии. Кто знает, какое решение принял бы великий князь Владимир, предвидь он скорый крах Хазарского каганата?

Итак, потомков великого князя Владимира с большой, пожалуй, исторической достоверностью можно именовать не «Рюриковичами», а «Малковичами». Вот как выглядит их родословное древо на уровне «корней»:

Русская православная церковь называет великого князя Владимира «святým», «равноапостольным». Что ж, если принять версию о еврейском происхождении его матери, то великий князь действительно становится равноапостольным.

Как известно, в ходе исторического развития центр русской государственности переместился из Киева в Москву, и ее возвышение требовало идеологического обоснования. Наиболее распространенная

формула «Москва – третий Рим», выраженная в XV веке старцем псковского Спасо-Елеазарова монастыря Филофеем в письмах великому князю московскому Василию III, стала со временем уже недостаточной. Потребовалось ни много ни мало доказать преемственность православной Москвы от «избранного» народа, утвердить переход благословения Божьего на русский народ! Эту весьма, скажем, нелегкую задачу разрешили в России не без помощи просвещенных и изощренных в иезуитских колледжах малороссийских выходцев. Ох, как не любят вспоминать в наше время эту легенду! Суть же ее такова. «Мосох, или Мезех, шестой сын Иафетов, внук Ноев, есть отец и праотдитель всех народов Московских, Российских, Польских, Волынских, Чешских, Мазовецких, Болгарских, Сербских, Карватских, и всех, елико есть Словенский язык, что у Моисея Мосох, Московских народов праотец, знаменуется (*упоминается – С.Д.*) и у Иосифа Флавия в Древностях, что ни от реки, ни от града Москвы Москва именованье получила, но река и град от народа Московского имя восприяли, что имя сие Мосох...все древние историки, Еврейские, Халдейские, Греческие и Латинские и новейшие Мосоха, Москвы праотца и областей того имени, во многих местах непрестанно и явно поминают, что третий брат Леха и Чеха, Русь истинный наследник Мосохов от Иафета...».⁵⁰⁶ Автором этого исследования, появившегося на свет в самом конце XVI века, был Матвей Стрыйковский. А в XVII веке воспитанник Киевской духовной академии дьякон Холопего монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский пошел еще дальше: «Прииде же Мосох Иафетович, шестой сын Иафетов, господарь наш и князь первый, в страну Скифскую великую и Землю нашу сию, так предъименуемую, на месте селения сего Московского, на ней же земле мы ныне жительствуем... Сию же реку тогда сущую безъимениту бывшую от исперва, он Мосох князь по пришествии своем и поселении прекрасном и излюбленном пременовал в Мосох князь по имени своему, самого себя и жены своя княгини прекрасные и предлюбезные, нарицаемые Квы. И тако по сложению общекушному имен их, князя нашего Моса и княгини его Квы красная преднаречется... Сей же Мосох князь Московский бысть и началородный нам и первый отец не токмо же Скифо-Москово-Славено-Российским людем, но и все нашим своеродным государствам премногим...».⁵⁰⁷

Тот же Каменевич-Рвовский утверждает, что и вторую реку, Язу, Мосох назвал по именам своих детей – сына Я и дочери Вузы. Время создания этой легенды относится к периоду пребывания Ти-

мофея Каменевича-Рвовского в монастыре (1684-1699 гг.). Многочисленные легенды на эту же тему – происхождения Москвы от имени сына Яфета Мосоха – были собраны в XVIII веке Иннокентием Гизелем, автором «Синописа» (*изданной в Киеве в 1674 г. первой учебной книги по истории, выдержавшей благодаря своей популярности к середине XIX в. около тридцати изданий*). Да и в других дореволюционных изданиях по истории Москвы можно часто встретить ссылки на эту «родословную» столицы Русского государства. Кто знает, может, в корнях этой легенды гнездится и одержимость идеи Ф.М. Достоевского о русском народе – Богоносце?!

Приложение 2

СМУТНОЕ ВРЕМЯ И ШКЛОВСКИЙ ВОР

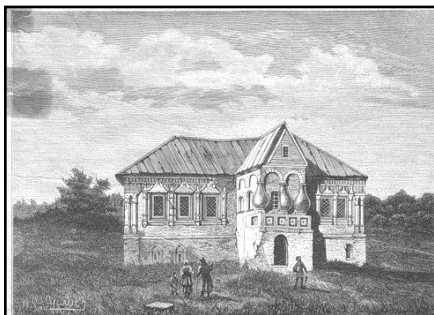
Среди множества авантюристов, наводнивших в «смутное время»

Лжедмитрий II

начала XVII века стан самозванца Лжедмитрия I, были и евреи, как крещеные, так и некрещеные. Имеются респонсы евреев-казаков, опубликованные несколько раз. Более того, сам Лжедмитрий II был не кем иным, как шкловским евреем. Если еще несколько лет назад об этом упоминалось вскользь, завуалированно,⁵⁰⁸ то ныне тот же советский исследователь Р.Г. Скрынников уже расставил все точки над «і», категорически настаивая на иудейском происхождении самозванца и приводя в качестве доказательств мнение специально изучавших

эту проблему иезуитов. По поводу публикуемого портрета Лжедмитрия II Скрынников замечает: «...внешность учителя из Шклова доста-

Дом в Калуге, где по легенде жили Лжедмитрий II и Марина Мнишек.

точно характерна», а, упоминая о найденных в бумагах убитого «тушинского вора» Талмуде и иудейских письменах, резюмирует: «Как видно, и крестившись, Богданко (*так звали шкловского учителя – С.Д.*) не отошел от иудаизма».⁵⁰⁹ Но не менее существенно и иное: советский историк утверждает, что Лжедмитрий II отнюдь не был ставленником польских магнатов, каким его испокон веку выводила

русская историческая наука; он – вождь народного движения, предпринимавший попытки решения скопившихся труднейших социальных проблем. Лжедмитрий II «Стоя в Орле, посылал от себя по всем городам грамоты с великими обещаниями милостей, между прочим, всем христианам и холопам прежнюю вольность, которую у них царь Борис отнял, и тем почитай весь простой народ привлек».⁶ Недоброжелательно писавший о нем, что и естественно, С.М. Соловьев, все же сослался на то, что самозванец был человек грамотный и знающий Священное писание и добавляет, что «как видно из его поступков, это был человек, умевший освоиться с своим положением и пользоваться

обстоятельствами».⁵¹¹ В.О. Ключевский, заметил, что именно тогда началась не политическая борьба, а классовая: «...везде крестьяне, холопы, поволжские инородцы – всё беглое и обездоленное поднималось за самозванца. Выступление этих классов и продлило Смуту, и дало ей другой характер. До сих пор это была политическая борьба, за образ правления, за государственное устройство. Когда же поднялся общественный низ, Смута превратилась в социальную борьбу...».⁵¹² Гражданская война в России XVII в. (а именно так следует именовать «смутное время») закончилась фактически победой «тушинского» лагеря, из рядов которого были выдвинуты Романовы. Отец первого царя из рода Романовых Михаила – Федор Михайлович (*в монашестве Филарет*) был возведен в патриаршество в 1609 году лично Лжедмитрием II. Этот факт бесспорен.⁵¹³

В годичном собрании Русского исторического общества, состоявшемся в марте 1906 года под председательством государя Николая II, историк С. Платонов утверждал, что малоуспешность царствования Михаила Федоровича, была связана с неудачным подбором людей, окружающих царя, и взятых в большинстве из сподвижников Тушинского вора. По окончании лекции в собрании наступило неловкое молчание...⁵¹⁴ Уместно упомянуть, что по веским данным авантюра с Лжедмитрием, так много стоившая России, началась во дворе боярина Федора Никитича Романова. «Расстрига» жил в доме боярина еще до бегства в Польшу. В грамоте Бориса Годунова об этом сказано. Историк Руслан Скрынников утверждает, что бояре Романовы после смерти царя Федора многократно пытались овладеть короной и по крайней мере четырежды терпели поражение. А Федора Никитича Романова, постриженного в монахи Борисом Годуновым, – он называет самой зловещей фигурой в истории русской Смуты. «Фактически Филарет стал главою правительства в лагере тушинского вора».⁵¹⁵

Есть еще один факт, весьма любопытный в истории «царика», как презрительно именовали Лжедмитрия II. В 1829 году А.С. Пушкин подверг литературной обработке одно свое неотправленное письмо о «Борисе Годунове», где дается уничтожающая характеристика Марины Мнишек: «...она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходимцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, всегда готовая отдаться каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже несуществующий трон».⁵¹⁶ «Отвратительное ложе жида» – не стоило Александру Сергеевичу выражаться так грубо. Всё обстояло иначе. С са-

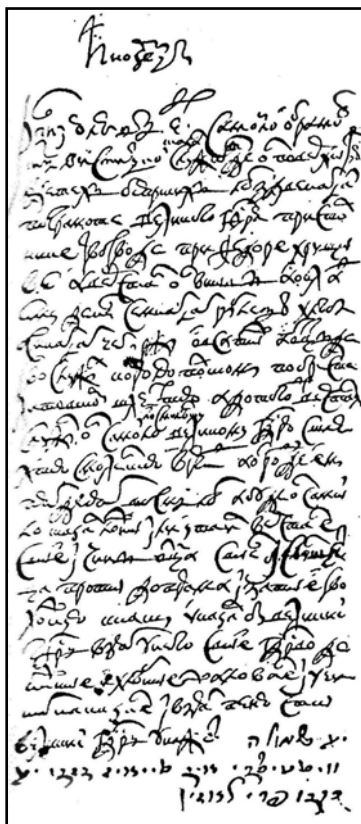
мого момента похищения Марины под деревнею Любеницами и тайным венчанием (5 сентября 1608 года) до бегства «отвратительного жида» с вехом Марины из-под Тушина в Калугу (29 декабря 1609 года) – эта пара не расставалась. Марина бежала к самозванцу, переодевшись в мужское платье, в Калугу и родила сына от «презренного жида». Со второй половины 1610 года Марина была вместе со Лжедмитрием вплоть до его убийства 11 декабря 1610 года. Как безумная, в ночи скакала она верхом на лошади, с факелом в руке в поисках своего мужа...⁵¹⁷ Не все так было мерзко, Александр Сергеевич... А самое страшное, что их общего ребенка, нареченного царевичем Иваном Дмитриевичем, в четырехлетнем возрасте повесили.⁵¹⁸

Династии, основанные на детоубийстве, кончить хорошо не могут...

Приложение 3

«СКАЗКИ» ВИСТИЦКИХ

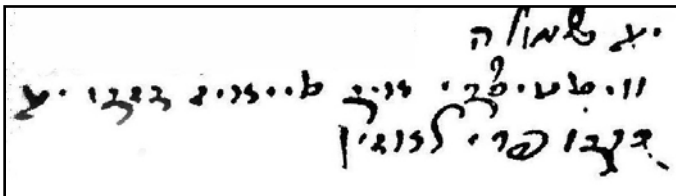
В самом начале XX века действительный член Российского археологического института В.П. Метакса обнаружил уникальную находку – тринадцать «сказок», то есть данных под присягой показаний типа послужного списка «curriculum vitae» «детей боярских», приписанных к уральскому городу Верхотурию. В те времена «дети боярскими» именовали мелких служилых феодалов, позднее ставших составной частью российского дворянства. Так вот, среди этих тринадцати двое – несомненно евреи: «Самойло Обрамов Вистицкий» и «Юрий Самойлов сын Вистицкий». Происхождение фамилии «Вистицкие» однозначно – от села Вистицы, во времена Речи Посполитой входившего в состав Брест-Литовского воеводства, а позже находившегося на территории Брестского уезда Гродненской губернии. В данном контексте подтверждением их еврейского происхождения являются и имена. Интересно иное: подпись старшего Вистицкого сделана хоть и на русском языке, но еврейским шрифтом! Вот она:

יע שמולה ויסטיצקי איק סייאי זקוקו רוקו פרי לוויד

Обнаруживший документ В.П. Метакса обратился за помощью к профессору Петербургского университета Д.А. Хвольсону, который «расшифровал» две последние строчки, написанные транслитерировано: **«Иа Шмула Вистицки ик сией сказку на руку приложил»**, то есть «я, Шмула Вистицкий, к сей сказке руку приложил».

Младший Вистицкий, увы, не знал ни еврейской, ни русской грамоты, а посему его товарищ Микита Несельцев написал: «К сей скаске вместо Юря Вистицкого по ево повелению Микита Несельцов руку приложил». Документ и история его нахождения были впервые

Handwritten text in Cyrillic script, likely a translation or record of a historical document. The text is written in a cursive style and includes several lines of text, possibly a list or a record of events. The text is somewhat difficult to read due to the cursive and some ink bleed-through.

опубликованы С.М. Гольдштейном в статье «Евреи – дети боярские» в «Еврейском ежегоднике»⁵¹⁹ и с тех пор неоднократно переиздавались. Следует отметить, что фамилия Вистицких оставила весьма заметный след в русской истории. Среди многочисленных представителей ее различных «ветвей» (некоторые из них приняли православие еще в XVII веке) есть сенатор, дослужившийся до чина генерал-майора, военный теоретик, ушедший в отставку также в чине генерал-майора, участник наполеоновских войн...

Дословный перевод «скаска» старшего Вистицкого.

«Иноземцы.

«188-го июля в 5 день Самойло Обрамов сын Вистицкий сказал: служит де он по Верхотурью в денех боярских лет з двенадцать, по грамоте великого Государя, при стольнике и воеводе, при Федоре Хрущове, а верстан он вновь, а оклад ему: денег семнадцать Рублев; хлеб осмнадцать чети ржи, овса тож; а отец де его служил королю польскому по Брест Литовскому шляхтою; а до того верстанья служил он, Самойло, по Смоленску Великому Государю с шляхтою смоленскою в ряд; а он роду де ему пять(ь)десять вос(ь)мь лет. – Я буде он, Самойло, сказал ложно, или утаил верстанье свое и чин отца своего, а същещца про то допрама, и за тое ево ложную, скаску указал бы Великий Государь взять у него свое государево денежное и хлебное жалованье и учинить наказание и взять пеню, что Великий Государь укажет».

Приложение 4

НЕМНОГО О ПЕРВОЙ РУССКОЙ ИМПЕРАТРИЦЕ.

В пору царствования Петра I страсти были накалены, и иностранное окружение императора, его редкая по тем временам веротерпимость вызывали озлобление в стане его противников, а церковная реформа и упразднение патриаршества породили среди староверов легенду, которая выразилась в виде сказания «Об Антихристе, аще есть Петр Первый». Суть этого сказания такова: «Царь Петр Алексеевич был царем благочестивым, поехал он за море и там пропал без вести, а вместо него выехал принявший его образ жидовин от колена Данова, сиречь Антихрист, и когда он приехал в Русское царство, царицу заточил в монастырь, царевича убил, а сам женился на немке и немцами всю землю Русскую наполнил, патриарха уничтожил, вместо него жидовский синедрион учредил, еже есть духовный синод. . .»

Екатерина I Алексеевна
(1684-1727)

Проанализируем легенду об Антихристе, бытующую среди староверов, и отметим реалии, легшие в её основу. Суть легенды такова:

Настоящий царь был подменен антихристом из колена Данова.

Он окружил себя нехристями из Западных стран.

Свою жену он заточил в монастырь и женился на немке или еврейке.

Приговорил царевича к смертной казни.

Упразднил Патриаршество и создал жидовский Синедрион.

Попытаемся вычислить зерна мифа.

Петр был за границей и был окружен иноземными специалистами.

Петр развелся с царицей Евдокией и заточил ее в монастырь.

Петр упразднил Патриаршество после смерти патриарха Адриана.

Петр создал особый чиновничий аппарат, по подобию протестантских консисторий – Святейший Синод.

Царь Петр судил своего сына за приверженность к «старине» и Алексей был приговорен к смертной казни, но умер при загадочных обстоятельствах в Петропавловской крепости.

И, наконец, о женитьбе на немке или еврейке.

Официально Петр был женат на Марии Самуиловне Скавронской (1684–1727), будущей императрице Екатерине I. Советская историческая энциклопедия пишет, что она была дочерью **литовского крестьянина Самуила Скавронского, а по другим сведениям носила фамилию**

Веселевская.⁵²⁰ По весьма слабым документальным доказательствам по национальности она была литовкой. В энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (т.22, с.569) она называется дочерью литовского крестьянина Самуила Скавронского. А «Сытинская» Военная энциклопедия честно пишет о незнании даже её года рождения; происхождение же её выводит от «ливонского крестьянина» Самуила Сковорощенко, позже поменявшего фамилию на Скавронский. Кажется, что все шито белыми нитками. Ибо в исторической Ливонии, включающей нынешнюю Латвию и Эстонию малороссов не водилось. (*Григорий Сковорода со схожей фамилией жил далеко на юге, но о нем ниже.*) Сразу возникает несколько вопросов и среди них чуть ли не главный: в какой религии пребывала Марта? Католическая, протестантская и, наконец, православная. Кажется, религии менялись по мере миграции и надобности. Фамилия Скавронская – явно не литовская – может быть, знатоки литовского языка просветят? Кроме того, у Скавронской оказывается было еще несколько фамилий, явно не литовских: Г/Х/енриковы и фамилия Веселевская. Фамилию **Веселевская** носила родная тетка царицы. Эта фамилия нас настораживает. Конечно, бывают странные совпадения, но мы знаем большой еврейский клан **Веселовских**, столь много давших русской дипломатии и науке. Случайность сходства... **Веселовские** были родом из местечка **Веселово**. Таких деревень довольно много, но в современной Латвии сохранилась деревушка **Веселово**, неподалеку от Динабурга (Двинска, Даугавпилса). Рядом же находится местечко с символическим названием –«Josefovo» («Иосифово»). Не оттуда ли родом будущая царица? Биография Марты до встречи с царем вкратце такова: её мать осталась вдовой и перебралась в Лифляндию, где дочь была отдана в услужение пастору Дауту, от которого она поступила к суперинтенданту Глюку, где и воспитывалась наравне с его дочерьми. Она знала грамоту, но на каком языке? Вероятно, на немецком. Знала она и шведский. Умела вести хозяйство и занималась рукоделием. Марта вышла замуж за шведского драгуна, который покинул ее на следующий день после свадьбы, оставив жену в Мариенбурге (*ныне г. Алуксне в Латвии*). После взятия русскими войсками Мариенбурга Марта оказалась в услужении у Шереметева, а затем у Меншикова, где её увидел Петр. Живя в военном лагере Петра, она звалась Екатериной Трубачевой. Кстати, русским историкам запрещалось исследовать корни семейного рода будущей русской императрицы.

Р.Б.С. пишет что высокое положение, выпавшее на ее долю, являлось «интересной темой для самых разнообразных толков и предположений, давало вместе с тем немало работы тайной канцелярии. Обещание смер-

тной казни «за непристойные и противные слова против персоны ея императорского величества» резко уменьшало число охотников копаться в родословной царицы. Один из иностранцев, живших в Петербурге в конце 80-х годов XVIII столетия, писал: «В Петербурге не только было безопасно, но даже опасно наводить справки о происхождении Екатерины, хотя бы с научной целью».⁵²¹ К этому следует добавить, что и сама императрица не стремилась афишировать свое прошлое. Добавим о семье Гендриковых. Один из Гендриковых граф Иван Симонович (1719–1778), генерал-аншеф, родной племянник Екатерины I по матери своей Христине, жене литовского крестьянина Симона Леонтьевича Гендрикова. Племянник императрицы, по воспоминаниям современников, был человек малообразованный и не умный, но был характера прямого и добродушного. Один из немногих, кто по приезде в Россию поддержал будущую Екатерину Великую. Как писал историк: «В то время, как другие опутывали молодую великую княгиню сетью интриг и шпионства, Гендриков старался предостеречь ее и удержать от неосторожного слова и шага». Императрица Екатерина II добрым словом помянула его в своих «Записках». Напомним, что Гендриков был двоюродным братом императрицы Елизаветы Петровны, а его правнук, граф А.И. Гендриков (1806/1807–1881), обер-шенк, владелец огромного количества заводов: конных, мериносовых, винокуренных, селитровых, сахарных, а также хозяин мукомольной мельницы, сукновальни, маслобойной и многих других фабрик: полотняной, коверной, экипажной. Всего 31 «предприятие». В нем жил предприниматель – не голос ли это крови «малого народа», по Солженицыну и иже с ним? (*Обер-шенк – придворный чин II класса, хранитель вин, кравчий*). И, наконец, мы имеем несколько портретов Екатерины Алексеевны, сделанных рукой профессиональных художников. Взглянем на них откровенно: никаких следов прибалтийской расы мы не сможем обнаружить. Круглое лицо и жгучая брюнетка – первое, что бросается в глаза. «Чудотворца-исполина чернобровая жена» – так писал о ней А.Пушкин в «Пире Петра Первого». Необходимо учесть, что в эпоху, о которой идет речь, наименование «немцы» зачастую становилось обобщающим понятием для иностранцев вообще – чужерод-

Императрица Екатерина I
Картина неизвестного художника

ного тела в общенародной массе (подобно, как уже в наши дни в СССР массы зачастую абсолютно искренно смотрят на потомственных русских интеллигентов как на «евреев»). А ведь дело было совсем в ином.

Существует психологическая загадка о причинах брака Петра I со своей наложницей. Конечно, в мировой истории таких случаев не так много. Но конкретно Петр Алексеевич, возвратившись после злосчастного Прутского похода в Петербург, почти сразу отпраздновал свадьбу – 19 февраля 1712 года. До возвращения в столицу Петр лечился в Карлсбаде. Екатерина Алексеевна стала царицей, а её дочери Анна и Елизавета – цесаревнами и потенциальными претендентами на престол. Так и было с Елизаветой Петровной, а сын Анны, внук Петра, наследовал русский престол как император Петр III.

Все современники писавшие о Екатерине Алексеевне, в голос говорили о её доброте, о её способности утишить гнев государя. Она спасла неоднократно Меншикова от царской палки и не исключено, что ей удалось спасти от смерти Петра Шафирова. Особенно благодатно Марта действовала на Петра во время приступов эпилепсии. Но всего этого недостаточно было, чтобы Петр решился жениться на безродной «девке». Мне кажется, что во время окружения русских войск на Пруте с Петром произошел нервный срыв и, будучи религиозным человеком, он в минуту слабости дал клятву, что, если ему удастся вырваться из западни, он женится на Екатерине. Она же, по свидетельству современников, проявила недюжинную силу духа и «организаторские способности», отдав не только все свои драгоценности «на дело подкупа», но и своим примером заразила всех женщин русского лагеря до последней маркитантки отдать золотую мишуру, которая ничто по сравнению со свободой. Косвенным подтверждением этого предположения служит факт утверждения ордена св. Екатерины, который был создан специально в честь царицы. И еще. Екатерина была «доброй женщиной» и пыталась не раз помочь просителям спастись от гнева Государя. В большинстве случаев ей удавалось заполучить «индულгенцию». Но не всегда. Так, **на следующий день после коронации, считая, что теперь ей Петр не сможет отказать ни в чем, она просила помиловать Шафирова.** Но, увы, Петр не только не исполнил просьбу, но резко потребовал, чтоб ему не напоминали об этом человеке. *(Об этом пишет историк Николай Костомаров.)* Пришлось Шафирову ждать, чтобы на трон взошла Екатерина. Она тотчас освободила несчастного и вознаградила его за страдания. Интересная женщина!

Приложение 5

ПАВЕЛ СТЕПАНОВИЧ НАХИМОВ

Знаменитый российский адмирал П.С. Нахимов (1805–1855) принадлежал к еврейскому роду, крестившемуся еще в XVII веке, вероятно, во времена хмельниччины. Род разделился на две ветви: одна ветвь дала известного сатирика Акима Николаевича Нахимова (1782–1814/1815); другая – стала «смолянами» (переселилась в Смоленщину) и прославлена именем знаменитого флотоводца.

Адмирал П.С. Нахимов

Об Акиме Николаевиче Нахимове известно, что большую часть жизни он провел в Харьковской губернии, где у него было небольшое родовое имение. Нахимовы появились в Слободской Украине в середине XVIII века. Его отец, оставший поручик, оказался умелым хозяйственником и к началу XIX века им был построен господский дом, винокурный завод, на котором производилось 2000 ведер горилки в год. (*Читатель, бди: вот корень наших зол!*) Кроме того во владении была водяная мельница и просорушка. Заметим, что крестьяне у помещика Нахимова жили в достатке – а это главное. Принимал поручик в своем доме Григория Саввича Сквороду и, возможно, не без влияния «старчика», считал, что сыну нужно дать максимальные знания. Поначалу сын учился в Благородном пансионе при Московском университете. Затем он поступил в армию. Начав карьеру в чине юнкера в Мариупольском гусарском полку, он с тем же чином вышел в отставку. Недолгое время он работал в Петербурге на статской службе. Вероятно, произошел неприятный инцидент, и Аким Нахимов вынужден был покинуть столицу. Об этом факте он намекает в басне «Молодой орёл». Вернувшись на родину, очевидно в конце 1804 года, он при открытии Харьковского университета в январе 1805 года становится его студентом. Добавим, что отец Акима жертвовал средства на строительство университета. В 1808 году закончил словесный факультет со степенью кандидата. По этому поводу он самоиронизировал:

«Десницей мощною ученого Сената
Се из ничтожества внезапно извлечен!

Петлиц сиянием сребристым озарен,
Стою на степени высокой Кандидата!
И слава осенив меня своим крылом,
С улыбкой кажет всем печатный мой Диплом».

Сразу же он был приглашен читать лекции по грамматике, риторике, пиитике и эстетике в звании профессора Харьковского университета. Живя на своем хуторе он раз в неделю ездил в Харьков для чтения лекций... (*внимание!*) не студентам, а гражданским чиновникам. Он был участником литературного кружка, издававшего уже после ранней смерти поэта сатирический журнал «Харьковский Демокрит» (1816 год. Вышло 6 номеров), где были опубликованы некоторые вещи поэта. Стихи Нахимова отличались **социальной заостренностью**. Особенной знаменитостью стала фраза из «Элегии»: «О чин ассесорский Толико вожделенный». Речь шла об обязательном экзамене для чиновничества, введенным стараниями М.М. Сперанского, за что он был ненавидим «всей Россией».

В истории русского стихосложения Нахимов достиг совершенства в написании кратчайших эпиграмм. Литературовед Л.Ф.Ершов писал, что сначала нет намека на смысловой поворот итогового стиха. Бдительность усыплена – тем неожиданной финал. Вот две сатирические миниатюры Акима Нахимова.

«Глупому стихотворцу»

Уж и осёл

На Пинд забрёл.

Или эпитафия : «Высокоученому»

Гниёт здесь гордая латынь.

Аминь.

Тут, что называется: не прибавить, не убавить. Жаль, что жизнь поэта так рано оборвалась. Он умер от «чахотки» 18 июля 1814 года. По другим данным в 1815 году. Сохранился маленький очерк питомца Харьковского университета Ивана Сбитнева, посвященный полузабытому поэту. Очерк называется «Хутор Нахимов», опубликованный в 1830 году в «Вестнике Европы»: «Уже последний луч заходящего солнца отражался в струях реки Уд, когда я приехал в сию деревню, а в сумерки достиг хутора Нахимова, лежащего в трех верстах от села Должик. Не знаю, отчего чувствуешь великое удовольствие посещать те места, где люди мыслящие любили провождать свое время. Известно, что Нахимов был сочинитель: он писал сатиры, особливо на людей приказного состояния. Видно, что сии люди надоели ему».

Особо следует отметить одну басню Акима Нахимова, вызвавшую общественный резонанс, уже после смерти автора. Окончившаяся войной 1812 года, кроме громадного количества убитых, принесла с собой неисчислимое количество калек. Не было никаких убежищ для увечных воинов, скажем наподобие Дворца инвалидов Людовика XIV в Париже. Раненые герои должны были нищенствовать. Тема, неизбывная до сего дня и касающаяся не одной России...

«Моська и собака на привязи».

«Ах! Сжался надо мной, сиятельная Моська! –
Любимцу барскому пес старый говорил:
Смотри, изранена дубиной грудь геройска;
Я ужас был всегда для здешних всех воров,
Я был прямой слуга, не из числа льстецов.
Возри премудрый Мопс, на многие заслуги,
На дряхлость лет моих, на слабость и недуги;
Достань в награду мне, почтенный мой патрон
Хоть каплю молока!» – «Да где такой закон?–
С презреньем временщик речь псову прерывает.–
Нет! Барин милостей своих не расточает;
Послушай – молоко дается только нам,
Придворным господам,
А вы, на привязи герои,
Довольны будьте тем, что вам дают помои!».

В «Письме к издателю сочинений А.Н. Нахимова», напечатанном в журнале «Украинский вестник», в 1816 году, издаваемом в Харькове, группа «русских солдат» говорила по поводу этой басни: «Когда бы все так сильно чувствовали, как он смело написал, то не потчевали нас, старых псов на привязи помоями... Да, брат! ... ..кровь была бы дороже чернил!» И один из собравшихся пишет к Нахимову в Елисейские поля, обращаясь к его тени:

«Призывание тени А... Н... Нахимова»

Явись, почтенна тень! – прими от сердца дань.
Не речь загробную надутого прелата;
Но с чувством стих простой российского солдата;
И громом истины еще на подлость грянь:
Явись российский наш Боало!
Не много ль сказано? – Нет! Мало».⁵²²

Действительно Аким Николаевич Нахимов был талантливым сатириком и вплоть до сего дня печатается в Большой библиотеке поэта в различных сборниках.⁵²³ Проблему происхождения рода Нахимовых исследовал известный историк-генеалог Вадим Львович Модзалевский (1882–1920), автор «Малороссийского родословника», собиратель документов по истории украинской старшины. (*Он скончался совсем молодым от изнурительной дизентерии*). В некрологе, написанном Модестом Гофманом, говорится следующее: «Жуткое и щемящее впечатление производит эта смерть 38-летнего талантливого человека, щедро одаренного природой всеми возможными дарами и богатой жизненностью». Сам род Модзалевских, как мы помним, породнился с Новицкими, еще в начале XVIII века. (*Самые знаменитые Модзалевские Николай Львович (1797–1780) – инженер; его сын Константин Николаевич (1844–1912) – педагог, редактор журнала «Семья и школа»; другой сын Лев Николаевич (1837–1896), директор Петербургского училища глухонемых, педагог; его сыновья – вышеупомянутый Вадим Львович и его брат Борис Львович (1874–1928). историк литературы, библиограф, чл.-корр. АН СССР; его сын Лев Борисович (1902–1948) историк литературы, собиратель документов*). Статья В.Л. Модзалевского «Догадка о происхождении рода Нахимовых» – (*В кн.: Сборник статей, посвященных Л.М. Савелову. М., 1915, с.78-80.*) Статья интересна деталями быта Полтавы и Ахтырки 60-70-х годов XVII века. Речь идет о тяжбе между «**Нахимихой** старой» и женой «Ивана **Перехриста** Охтирского» или по-русски Ивана Яковлева Перекрестова. С несомненностью Модзалевский доказывает происхождение рода Нахимовых от Андрея Нахименко и его сына Мануила Нахименко. Мануил Нахименко прадед великого флотоводца. Это подтверждает Новый энциклопедический словарь «Брокгауз и Ефрон»,⁵²⁴ в котором имеются три статьи на интересующую нас тему: «Нахимов Аким Николаевич» (*поэт, его дедом был Мануил Нахименко*), «Нахимов Павел Степанович», «Нахимовы». Признать еврейское происхождение адмирала очень тяжело. Каково было моё удивление, когда, просматривая указатель «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР» при наличии фонда поэта Акима Николаевича Нахимова (1782–1814), я не обнаружил фонда Нахимова. Точнее в «Дополнении» имеется фонд П.С. Нахимова, но выборочный: только годы 1822-1855, т.е. о его корнях и семье ничего нет, что само по себе уже подозрительно.

Я счёл, что может быть личный фонд адмирала находится в другом месте, но в указателе имеются фонды соратников Нахимова – адми-

ралов Михаила Петровича Лазарева и Владимира Алексеевича Корнилова, а также адмирала Константина Ивановича Истомина. И еще. При издании Советской исторической энциклопедии надо же быть такому обстоятельству, что 9 том оканчивался статьей «**Нахимов**» – СИЭ, М., 1966, т. 9. – Мальта – Нахимов. Посему 10 том начинался со статьи о революционере **Нахимсоне**. А в уже известной книге Унбенгауна «Русские фамилии» указано на ряд еврейских фамилий образованных от собственных имен: Нахимович, Нухимович, Нахимовский, Нахимсон от имени Nahum: Наум, на древнееврейском языке «утешающий». Фамилия «**Нахимов**» отсутствует, но, кажется, по воле цензора. Впрочем, отсутствует производное от Мендель – фамилия Менделеев.⁵²⁶ Известный сторонник Мазепы дипломат **Нахимовский (Нахименко)** был еврейского происхождения. Наиболее полно о еврейском происхождении севастопольского героя говорится в статье некоего «G.» «Адмирал и инспектор студентов» – в газете «Украины России», 1908, № 9. Об этой статье в приложении. В 1944 году И.В. Сталин утвердил полководческий орден для моряков – орден Нахимова. По «рекомендации» вождя орден был украшен натуральными рубинами, что сделало его наиболее красивым среди всех орденов Советской армии, ...но и дорогим и редким. На ордене воспроизведен единственный прижизненный профильный портрет флотоводца – работы художника В.Ф. Тимме, с явно выраженным восточным лицом и носом с горбинкой. Удивительно: первым кавалером ордена стал герой Севастополя генерал **Е.И. Жидилов...** Он получил орден Нахимова 2-й степени, а первым получившим орден 1-й степени был контр-адмирал **Н.Э. Фельдман**. Кажется, вождь народов не был лишен известного юмора...

Орден Нахимова

И, самое последнее: рядом с **Жидиловым** сражался в Азовской флотилии полковник Терентий Пантелеймонович **Перекрест**, автор книги «Не ради славы» – кажется, все перечисленные герои сошли со страниц статьи Модзалевского, о которой написано выше.

Привожу текст одной старинной статьи о герое Севастополя и некоторые комментарии к ней.

Адмирал и инспектор студентов.

«В ноябре, взглянувши в святцы,
Вспомним мы Синопский бой.
Наш Платон Степаныч, братцы,
Брат Нахимову родной...
«Здравствуй, адмирал почтенный,
Богатырь и молодец!
Дядя-брат твой незабвенный
Был студенческий отец».

Стахович, студент Московского университета в 1840-х годах.

«18 ноября 1853 на рейде древнего Синопа происходило что-то необычайное: в виду города, перед укреплениями и турецким флотом, скрывшимся под защиту этих укреплений, стояла небольшая русская эскадра. Благополучно сделав рейс от Севастополя в ноябрьскую бурную погоду, эскадра эта вступила на рейд неприятельского порта и заняла наблюдательное положение. С утра все было готово к бою и на берегу и на море гроза назревала, но еще не разражалась. В 12 часов дня взвился сигнал на корабле русского адмирала, но это был не боевой сигнал, адмирал указывал эскадре наступление полудня. Во втором часу дня грозное напряжение разразилось громовым ударом – грянул выстрел с турецкого укрепления и бой начался: с обеих сторон летели ядра, пороховой дым сгущался сильнее и сильнее, к четырем часам все стихло, бой окончился. Когда дым рассеялся на берегу видны были разбитые батареи, на поверхности моря плавали обломки догоравших судов – в числе этих судов находился русский корабль «Рафаил»: во время войны 1828/1829 годов он был захвачен турками, в Синопе вновь попал в русские руки и, согласно данному в свое время приказу, предан пламени, как недостойный более носить Андреевский флаг. Во время тяжелого затишья, характеризовавшего последние годы царствования Николая I-го, известие о синопском бое, об уничтожении турецкого флота в укрепленной турецкой гавани оживило Россию: адмирал Нахимов, синопский герой, сделался русским героем. В те дни, когда ожидали столкновения с западными державами, когда русские мыслящие люди, любящие родину, чувствовали, что в каждую ближайшую минуту могут понадобиться люди дела, которых никто не видел вокруг себя, герой Синопа приковал к себе общее внимание и оживил общие надежды».

Студент Московского университета, талантливый, рано погибший Стахович приветствовал адмирала Нахимова, как богатыря русской

земли и как родного брата бывшего инспектора студентов в Московском университете, Платона Степановича Нахимова.

Интересна судьба обоих братьев, действовавших в различной среде и при различных условиях: один приобрел репутацию и имя отца матросов, другой – отца студентов: один жил и действовал в глухом тогда Севастополе, известном до Крымской войны, по преимуществу, дикими нравами во всех слоях общества и матросскими бунтами; другой жил и действовал в центре русской культурной жизни, в старейшем русском университете, известном тогда славными именами Грановского, Лурье и других, менее славных, но не менее даровитых профессоров. Оба брата, каждый на своем месте оставили по себе добрую память и приобрели общую любовь, сверх того, благодаря одному из них, их родовое имя **«Нахимов»** звучит для русского уха так же, как звучат имена **Суворова, Кутузова**. Когда адмирал Нахимов пал жертвою долга и отваги при защите Севастополя, его горько оплакивали инвалиды матросы, матросские вдовы с сиротами – все они получали от него помощь, всем им раздавал он ежемесячно значительную часть своего жалованья; с именем Платона Степановича Нахимова у питомцев Московского университета сохранилось воспоминание о добром и хорошем человеке, который любил студентов и которого любили студенты; без Платона Степановича трудно представить себе своеобразную картину московской университетской жизни в 1840-х годах, жизни цельной и оригинальной во всех своих проявлениях положительных и отрицательных. **Нельзя не отметить, что типичные русские люди, братья Платон и Павел Нахимовы, происходили из дворян Смоленской губернии, из старой русской окраины, о жителях которой существует поговорка: «смолянин – польская кость русским мясом обросла»;** отсюда же, впрочем, происходил и С.Глинка, первый ратник московского ополчения 1812 года, Энгельгардт и Шубин, расстрелянные французами за верность своему гражданскому долгу, во рву смоленской крепости. **Судя по фамильному прозвищу, возможно, род Нахимовых происхождения еврейского, подобно многим русским и польским дворянским фамилиям из Литвы и Западной Руси.**

Адмирал! Инспектор студентов! Каким анахронизмом звучат эти слова в настоящее время...

Адмирал исчез вместе с флотом, потопленным, сданным торжествующему врагу, загубленным нравственно и материально. Инспектор студентов как-то растаял незаметно для всех: постепенно

он превратился в плохого чиновника, формально исполняющего свои обязанности, и кончил так, как полагается кончить плохому чиновнику – остался за штатом, не вызвав ни малейшего сожаления ни с чьей стороны.

Гениальный москвич Петр I основал русский флот, создал русскую морскую силу; гениальный помор Ломоносов положил начало русской науке, русской духовной силе. Оба они учились на западе:– один у источника морской силы – в Голландии и Англии, другой – у источника университетской науки – в Германии. Оба они сумели облечь эти силы, физическую и духовную, в русскую плоть и привить их русскому духу. Ближайшие преемники Петра постарались забыть о существовании русского флота, но все начинания гениальных умов отличаются тою особенностью, что отделаться от них или невозможно, или очень трудно. Великое дело Петра напомнило о себе под Хиосом и Чесмою 24-26 июня 1770 года. В эти дни пред слабою русскою эскадрою стояло 16 линейных кораблей и 6 фрегатов, кроме того, большое количество мелких судов. Экипаж турецких кораблей в то время набирался главным образом из варварийских пиратов, «пенителей Средиземного моря», державших в страхе все его побережья. С другой стороны, по словам графа Чернышева, который осматривал русскую эскадру в Англии, на пути в Средиземное море, половина русских моряков состояла из рекрут, «которые жительство близ Москвы имели, в числе коих, конечно, половина таких, которые несколько месяцев, как только соху покинули». Но пахари, на этот раз, не дрогнули перед пиратами: загрели пушки, запылали брандеры, и **турецкий флот перестал существовать почти также, как на нашей памяти перестал существовать русский флот.** Что начато ленью и невежеством, то завершено усилиями врагов русского народа, развращавших русский флот на глазах сбитого с толку общества. Полезно вспомнить, что в то самое время, когда погибала турецкая морская мощь под ударами русских пахарей, невидимые руки сеяли семена, которые вззошли потом пугачевщиною, в год отправления эскадры из Кронштадта положение дел на Волге было уже настолько серьезное, что пришлось послать в Симбирск полк драгун, силу, для того времени весьма внушительную.

Пусть историки скажут нам, случайно или не случайно год присоединения левобережной Украины к Великой Руси по Андрусовскому перемирию совпал с началом бунта Разина, столетие спустя, тотчас после присоединения Белоруссии, начался бунт

Пугачева. *(Увы, гнусные интриги Запада дожили до наших дней. Бдите! – С.Д.)*

Другая основа русского могущества – русская наука, в лице русских университетов, также разрушена на наших глазах, но здесь главным виновником гибели науки является, конечно, инспектор – в вицмундире, с лицом и душою, или, вернее сказать, с бездушием спетербургского чиновника, который, незадолго до своего падения держал в руках всю университетскую жизнь. Когда-то университет разделился на две неравные части: с одной стороны стоял инспектор, с другой стороны стояла масса; масса временами начинала волноваться, волнения поднимались все чаще и выше, наконец, инспектор был поглощен волнениями и исчез; но масса выделила из своей среды такого же инспектора, назвав его, впрочем, автономною университетскою коллегиею. Сущность дела нисколько не изменилась: опять явился инспектор со своими интересами, совершенно чуждыми интересам массы, с формальным отношением к своим обязанностям, со своим честолюбием и карьеризмом. Масса снова начинает волноваться: во что выльется это волнение, покажет, покажет недалекое будущее, – так или иначе, отец студенческий ушел из университета и, по видимому, туда не вернется.

Говорят, что история не повторяется, но, если мы сравним гнет и мрак конца 40-х и начала 50-х годов прошлого столетия [XIX век] с гнетом и мраком, удручающими современное русское общество, то в обоих случаях найдем немало сходства. Мрачный период царствования Императора Николая I приурочивается обыкновенно к имени графа Клейнмихеля так же, как реакция конца царствования Александра I приурочивается к имени Аракчеева. Конечно, в этом выражается общечеловеческая привычка воплощать общественное зло в одном лице и утешать себя мыслью, что как только это лицо сойдет со сцены, зло вместе с ним исчезнет. Во всяком случае, такие лица интересны, как наиболее яркие представители течений в руководящих классах общества, с этой точки зрения они имеют значение в истории и в жизни. Все помнят графа Аракчеева и его девиз «без лести предан», немногие знают, что граф Клейнмихель был воспитанник по службе и ближайший помощник Аракчеева и девиз его «усердие все превозмогает».

Прямолинейный взгляд Аракчеева на человеческую и общегосударственную жизнь выразился с особенною определенностью в устройстве военных поселений. Здесь все, что находилось вне намеченной им прямой линии, представлялось для него или бесполезным, или

вредным. Аракчеев хотел просвещать русских поселенцев, не понимавших, по его мнению, своей пользы при помощи немецких шпицрутен. Внешний порядок был водворен, и граф Аракчеев удалился со сцены в сознании, что он прожил жизнь недаром, хотя и не оценен современниками. Однако, негодование поруганного человеческого чувства выразилось еще при жизни Аракчеева кровавым бунтом восьми поселенных полков, **случайно или не случайно, это произошло в разгар польского восстания 1831 года, за месяц до штурма Варшавы, от исхода которого зависела вся компания.**

Нужно быть справедливым и по отношению к Аракчееву: он действовал под влиянием мысли, продиктованной ему любовью к родине – Аракчеев хотел дисциплинировать русскую благодушную распушенность, привить к русскому характеру немецкую аккуратность и чувство порядка, но он не понимал условий среды и условий времени – крутые меры в духе мер Петра I опоздали на сто лет, кроме того, гениальные люди, подобные Петру, не могут служить примером людей обыкновенных.

Граф Клейнмихель не был инициатором, он был лишь исполнителем. Но подобно своему начальнику и учителю, и он стремился вводить просвещение в России, впрочем, в среде лишь учебных заведений инженерного ведомства, пользуясь для этой цели не шпицрутенами, но более скромными розгами, хотя и чрез меру. Прямолинейность Клейнмихеля выразилась с особенною отчетливостью при постройке Николаевской железной дороги, когда предстояло исполнение проекта для того времени грандиозного, хотя по современным понятиям, в подробностях несколько странного. Любителям нетрудных вычислений мы предлагаем следующую задачу: заручившись необходимыми данными, напр., из календаря, определить длину кратчайшего расстояния на поверхности земного шара между С-Петербургом и Москвою. Длина дороги, выстроенной под наблюдением Клейнмихеля, 604 версты, лишь на 17-18 верст больше этого кратчайшего расстояния. Блестящее решение задачи на практике обошлось дорого: приходилось тратить лишние деньги и лишние люди на прорывание гор, засыпание болот и проч., а рубль стоял в то время значительно дороже, нежели теперь, да и жизнь человеческая не представлялась такою игрушкою, какой она представляется в настоящее время. Старинные города Новгород и Торжок после этого уж совсем захирели. Тверь уцелела потому, что ее захватила, случайно и слегка, прямая линия.

Мы сказали уже, что Клейнмихель не был инициатором, он усердствовал, исполняя волю Императора Николая I, но, как нередко бывает в таких случаях, усердствовал через меру. Николай I под впечатлением бунта, поднятого декабристами, повернул в сторону Бенкендорфа и, роковою силою обстоятельств, дошел до Клейнмихеля. Но каждый беспристрастный человек должен признать за Николаем I глубокую любовь к России и русскому народу, которую он засвидетельствовал страдальческою кончиною во дни севастопольских бедствий.

Опыты в духе Аракчеева и Клейнмихеля над людьми и обществами людей представлялись нам непонятными до тех пор, пока мы не испытали железнодорожную забастовку конца 1905 года. **Чтобы исполнить в обширном размере поругание и насилие над Россиею, необходимы были люди, которые преемственно воспитывались в атмосфере произвола и беззакония в течение многих лет.** Представьте себе аристократа обер-кондуктора, водворяющего порядок среди плееев-пассажиров 3-го класса, представьте себе аристократа, начальника ремонта пути, среди плееев подрядчиков, которых он почерком пера или погубит, или же на век осчастливит, **припомните концессионные постройки с железнодорожными королями евреями и железнодорожными генералами польского происхождения, окруженными свитою своих сателлитов;** припомните... все припомните, что говорили и о чем писали в течение 40 лет, по мере того, как железные дороги из силы служебной делались силою правящею. На этой-то почве и выросло то вопиющее насилие, которое мы пережили.

Но между насилием в духе Аракчеева и насилием в духе железнодорожной забастовки есть существенная разница: Аракчеев действовал во имя укрепления России, а в наше время железнодорожный мир поднял бунт на благо врагов русской государственности и русской народности, положив начало той железнодорожной деморализации, конца у которой не видно до сих пор. Мы ничем не застрахованы от повторения подобных событий каждую минуту – за всё сделанное до сих пор заплатились стрелочники и телеграфисты. Организаторы и руководители мятежа могут спокойно ждать подходящей ситуации для возобновления подобных забастовок.

Жизнь под гнетом неведомого, безответственного произвола дает нам представление о мраке и удушье, которые угнетали русское общество в прежние исторические эпохи, но, среди мрака, нас окружающего, мы не различаем ни светлого облика адмирала-героя, каким

был Павел Степанович Нахимов, ни светлого облика труженика, добросовестно исполняющего свое дело, каким был студенческий отец Платон Степанович Нахимов».

Г.

Опубликовано в еженедельной газете «Окраины России», СПб, 1908, № 9, с.142-144. Редактор газеты П. Бывалькевич. Издатель П.Кулаковский. Типография «Россия», Бассейная 3.

Статья «Адмирал и инспектор студентов» чрезвычайно ценная для изучения истории крещеных евреев в России. В своей книге я неоднократно писал о «смолянах», которые оплодотворили русскую культуру. Автор статьи пишет прямо: **«Нельзя не отметить, что типичные русские люди, братья Платон и Павел Нахимовы, происходили из дворян Смоленской губернии, из старой русской окраины, о жителях которой существует поговорка: «смолянин – польская кость русским мясом обросла»... Судя по фамильному прозвищу, возможно, род Нахимовых происхождения еврейского, подобно многим русским и польским дворянским фамилиям из Литвы и Западной Руси».**

Обратим внимание на саму газету «Окраины России». Она выходила в годы 1908/1912 и была рупором крупной бюрократии. Её издатель Платон Андреевич Кулаковский (1848–1913) – крупнейший славист. Одно время состоял одним из главных редакторов «Правительственного вестника». Его брат – Юлиан Андреевич (1855– после 1915) также крупный ученый лингвист и историк. Редактором газеты состоял П. Бывалькевич – все они люди правого лагеря, тем ценнее их свидетельство.

Во-первых, ясно и точно предполагается еврейское происхождение знаменитого флотоводца и его брата. Хочу напомнить, что у секунд-майора, а впоследствии уездного предводителя дворянства Степана Михайловича Нахимова, отца нашего героя, было 11 детей, из коих выжили пятеро. Все они: Николай, Платон, Иван, Павел и Сергей воспитывались в морском кадетском корпусе и служили во флоте. Сергей Степанович Нахимов (1805–1872) дослужился до чина вице-адмирала и члена морского генерал-аудиториата.

Все многочисленные нахимовские потомки вошли в толщу русского народа и вряд ли знают свои еврейские корни. А слава адмирала не померкла: даже были созданы нахимовские училища, где детей обучают морскому ремеслу.

Статья, как ни странно, современна. Ведь в ней призыв к бдительности, ибо Запад в том или ином варианте плетет интриги против Святой Руси вплоть до сего дня: тут и Разин, тут и Пугачев, тут и не-названные «декабристы», «либералы», «нигилисты» и т.д.

Обратим внимание также на сеговования автора статьи по поводу гибели русского флота во время русско-японской войны. Речь идет не только о «Варяге» и «Корейце», погибших у Чемульпо, не только о кораблях, запертых в Порт-Артуре, когда адмирал Того 8 февраля 1904 года приказал своим катерам атаковать русскую эскадру, стоявшую на якоре. Японцам удалось вывести из строя два лучших русских линкора и один крейсер. Все это, понятно, без объявления войны: она была объявлена через два дня. Но в статье о Нахимове имеется в виду, в первую очередь, печальной памяти Цусима. Бой состоялся 14 мая 1905 года и шел всего-навсего несколько часов. Русские потеряли почти все корабли! Во Владивосток прорвался крейсер «Алмаз» и два контрминоносца. Около **7000** человек погибло, около **6000** попало в плен. Денежная стоимость потерь погибших судов в золотом исчислении 150-200 миллионов рублей. Потери японцев: 111 человек убитых и всего-навсего потоплены три миноносца и на некоторых судах повреждения, вполне устранимые. Короче – национальная катастрофа! Но и это понятно: малограмотная страна не могла противостоять Японии после революции Мэйдзи. Страна Восходящего солнца в течение нескольких лет стала стопроцентно грамотной. Третий Мир поднялся. Началась новая эра отгеснения на второй план Европы и Америки. Этот этап не завершен, но угроза очевидна. Вот вам и «желтая опасность».

7 декабря 1941 года японский флот без объявления войны напал на Пёрл-Харбор, уничтожив большую часть американского тихоокеанского флота. И опять-таки без объявления войны. Точнее, война была объявлена через 35 минут после начала атаки. Естественно, американская печать заклеимила нападение на Пирл-Харбор, как акт варварства. Британская печать не отставала и не находила слов в выражении своего негодования. Человеческая память все-таки имеет изъяны.

В одной из статей лондонской газеты «Таймс» в феврале 1904 года можно было прочитать восторженные слова в адрес японских моряков: «Японский военно-морской флот, благодаря мужественному решению Микадо и его советников, взял инициативу в свои руки и начал войну смелым актом...

Размещенная на внешнем рейде русская эскадра была открыта для атаки, и **само ее расположение было приглашением к нападению**. Это приглашение было принято с быстротой и пунктуальностью, что делает честь флоту наших славных союзников (*т.е. японцев. С.Д.*) ... Моральный эффект этого подвига открывает многообещающие перспективы и может положить отпечаток на весь дальнейший исход войны... Совершая эти энергичные акты, военно-морской флот Японии с выгодой использовал право на инициативу, предоставленное ему государственным руководством, и полностью овладел ситуацией в моральном отношении».⁵²⁷ А в Британской энциклопедии, в статье «Япония», в томе, вышедшем в 1911 году, т.е. тогда, когда Россия уже была полноправным членом Антанты и была чуть ли не главным союзником на европейском континенте, звучат похвалы Японии за то, что она решила начать войну... Но и англичанам есть, что вспомнить. Например, бомбардировку эскадрой Нельсона Копенгагена в 1801 году и тоже без объявления войны. Адмирал Хэйхатиго Того долго учился уму-разуму у англичан и применил свои знания против русских. Но и сам адмирал П.С. Нахимов вел Синопский бой еще до объявления войны... Вывод: миссионер объясняет зулусу, «что такое хорошо и что такое плохо?». Когда ученик уяснил себе эти понятия, миссионер спрашивает: «Ты все понял?» – «Да. Плохо, если у меня соседи грабят скот, убивают и уведят моих женщин, сжигают мой крааль, но хорошо – это, если я сжигаю его крааль, увожу его женщин и скот». Современное человечество далеко не ушло от воззрений зулусов.

В добавление к этому хочется рассказать еще об одном позоре русского флота. Об этом в России стыдливо умалчивают. Ибо речь идет о капитуляции **всей русской Средиземноморской эскадры англичанам** на Лиссабонском рейде в 1807 году. Командовал русской эскадрой талантливый флотоводец Дмитрий Николаевич Сенявин (1763–1831). Дело было во время англо-русской войны 1807/1812 г.г. Эскадра английского адмирала Коттона имела в своем составе 13 линейных кораблей, 11 фрегатов и 10 мелких судов. Она в течение 10 месяцев блокировала русский флот, имеющий всего девять линейных кораблей и один фрегат.

Выбора у Сенявина не было: на прорыв он не мог рассчитывать. Возьмем в расчет даже не количество вымпелов, но и качество русских судов и экипажей. Они совершенно несравнимы. Итак, произошла капитуляция, именуемая Лиссабонским договором и подписанная 24 и 25 августа 1807 года. Через месяц, 26 сентября русские

суда под конвоем английской эскадры вошли в Портсмут. Сенявин заключил договор, включающий пункт, что после окончания войны суда будут переданы России. Экипажи вернулись в Россию в сентябре 1809 года. Сенявин же предстал перед комиссией, которая осталась недовольна его действиями. Больше всех негодовал Александр I – «Подлец, нечаянно пригретой славой...». Так как война 1812 года сделала Англию и Россию союзниками, то в 1813 году в Кронштадт вернулись два линейных корабля, а за остальные «пришедшие в негодность», англичане заплатили как «за новые». Что же касается воинской славы, то достаточно одной песни: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг»... Конечно, остается неприятный осадок от сделки Сенявин-Коттон, но жизнь тысячи матросов что-нибудь же и стоит! Что же касается Александра I, битого под Аустерлицем и спасавшегося бегством, то следовало бы ему напомнить судьбу французского адмирала Вильнёва, дважды победенного Нельсоном: при Абукире в Египте и Трафальгаре. При Абукире, командуя арьергардом, Вильнёву удалось спасти четыре корабля и отвести их на Мальту. При Трафальгаре у франко-испанских союзников было 33 линейных корабля; у Нельсона – 27. Высокообразованные английские матросы осуществили чудо: они захватили восемь французских и девять испанских линейных кораблей. Союзники потеряли около семи тысяч человек; англичане – 1700. Правда, погиб Великий Нельсон, а в центре Лондона воздвигнута колонна Нельсона на Трафальгар-сквер. Вильнёву не везло: он искал смерти, но она его обошла. Он попал в плен. Был выпущен на свободу. Приехал в Париж. Наполеон его не принял и, по распространной версии, адмирал Вильнёв кончил жизнь самоубийством, ударом кинжала. Именно этого желал царь Александр от Сенявина, но Дмитрий Николаевич этой радости ему не доставил...И еще два десятка лет со славы служил своей неблагодарной отчизне.

Мне не хочется расставаться с этой интересной статьей. Упоминание имен Аракчеева и Клейнмихеля даже не удивительно. Алексей Андреевич Аракчеев (1769–1844) был блестящим артиллеристом и создал громадный артиллерийский парк перед началом вторжения Наполеона. Что же касается военных поселений – то здесь история многолика. Во-первых, в мирное время содержать полуторамиллионную армию финансам России было не под силу. Отсюда идея: армия должна, по мере возможности, кормить сама себя. Я же вспомнил «иезуитское» государство в Парагвае, где католические священники заставляли палками работать «нерадивых» индейцев.

Оба эксперимента – рухнули. А дореволюционный Энциклопедический словарь Ф.Павленкова (СПб, 1913 г.) заключает статью об Аракчееве следующей фразой: «...оставил по себе самую печальную память своей жестокостью и тупоумием».

Что же касается господина Петра Андреевича Клейнмихеля (1793–1868), то проще всего обратиться к Н.А.Некрасову, к его поэме «Железная дорога» о методах строительства: «а по бокам-то всё косточки русские»... Да и железнодорожные магнаты воспеты тем же Некрасовым в «Современнике». Но ведь кроме «Авраама изыскателя» (*еврея Полякова*) были и еще «коренные «Разуваевы и Колупаевы»...

Сейчас идет реабилитация прошлого России. Но она не нуждается в приукрашивании. Есть великая русская литература, которая достаточно фотографична, чтобы опровергать новую ложь. Есть дневники Льва Николаевича Толстого времен Крымской войны. Генералы российские вполне ничтожные, войска в никудышном нравственном состоянии. Главнокомандующий Горчаков уповает на Николая Чудотворца, который ниспослет на неприятельский флот непогоду и изгонит врага (*Вроде гибели Великой армады.*) «Казаки хотят грабить, но не драться, гусары и уланы полагают военное достоинство в пьянстве и разврате, пехота – в воровстве и наживании денег. Грустное положение – и войска и государства». Для сравнения Толстой приводит свои наблюдения о неприятельских солдатах: «Я часа два провел, болтая с ранеными Французами и Англичанами. Каждый солдат горд своим положением и ценит себя; ибо чувствует себя действительной пружиной в войске. Хорошее оружие, искусство действовать им, молодость, общие понятия о политике и искусствах дают ему сознание собственного достоинства. У нас бессмысленные ученья о носках (*Стояние на парадах. – С.Д.*) и хватках, бесполезное оружие, забитость, старость, необразование, дурное содержание и пища, убивают внимание, последнюю искру гордости ...». ⁵²⁸ **Откуда придет спасение?** Читатель: будь внимателен. **Речь идет об американской помощи, спасающей Россию.** Невероятный слух, распространяемый на бастионах Севастополя: «Один рассказывал, как скоро должно кончиться осадное положение в Севастополе, что ему верный человек рассказывал, как Кистенин [великий князь Константин Николаевич – С.Д.], царев брат, с мериканским флотом идет нам на выручку...». ⁵²⁹

Миф о Втором фронте за 90 лет до Великой Отечественной...

Приложение 6

Святая Тереза Авильская.

Испания имеет двух небесных покровителей: Сант-Яго, иначе говоря, св. Яков Заведеев, один из двенадцати апостолов и св. Тереза Авильская, по-латыни Santa Teresa de Jesus, Teresa de Avila.

Со св. Яковом – всё ясно. Он действующее лицо Евангелия и приходится братом евангелиста Иоанна. Естественно, что он был евреем. А история Терезы намного сложнее, но, ввиду многочисленных источников, можно установить ее достаточно подробную биографию. Дело происходило в XVI веке.

Мать Тереза

Тереза родилась 25 марта 1515 года, умерла в возрасте 67 лет в 1582 году. Тереза Авильская была первым писателем-женщиной в Испании и также первым богословом-женщиной.

Письма св. Терезы проникнуты такой глубокой верой и горячей любовью к ближним, что благодаря блестящему стилю, они до сих пор являются эталоном эпистолярного творчества ее родины. Письма умны и изящны. Главное дидактическое произведение Терезы «Путь к совершенству» и «Внутренняя крепость». Литературоведы относили ее произведения к лирической религиозной литературе, отличающейся страстностью и вдохновением. XVI век – век расцвета мистицизма и наиболее оригинальные произведения принадлежат св. Терезе.

При жизни великую писательницу преследовала инквизиция, но в 1622 году она была причислена к лику святых. Классик испанской литературы Хуан-Батист Диамант (1625–1687) сделал ее героиней религиозной драмы, а поэт Мурильо написал в честь ее поэму. В день канонизации был устроен поэтический турнир: иначе говоря, св. Тереза стала и классиком испанской литературы. Заглянем, однако, в советскую Краткую литературную энциклопедию. Отдельной статьи на нее нет, но в общей статье об испанской литературе вы обнаружите ее имя в варианте Тереса де Хесус с годами жизни и смерти. Обойдя цензуру, сказано о ее творчестве, как сочетании ренессансного индивидуализма и религиозно-мистических идей.

Все было превосходно: Испания получила своего покровителя, и каждый год 15 октября празднует ее день. Но... в 1946 году были об-

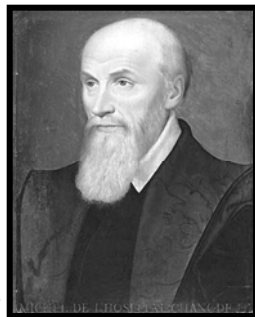
наружены документы, с несомненностью доказывающие еврейское происхождение святой. Наступил шок. Настоящее ее имя Тереза Санчес де Сепеда й Аумада. Воспитывалась она в кармелитском монастыре и ей, славу Богу, не надо было говорить или писать о своем дед-маране. Ее семья тщательно скрывала свои корни. Они неоднократно были вызываемы Инквизицией и доказывали свое «истинное» кастильское дворянство. Так, в 1519 году прошел «шумный процесс» против отца Терезы и его братьев. Как часто бывает в жизни, доносчиком выступил родственник – родной дядя будущей святой, брат ее матери Инес Сепеда. На этом судилище выяснилось, что в свое время в Толедо слушалось дело об отступничестве от христианской веры ее отца Санчеса. Этот процесс дон Алонсо выиграл благодаря своим влиятельным друзьям, давшим ложные показания во благо ближнему! Семье пришлось срочно уезжать из Толедо, где было слишком много напоминаний. Тайну своего происхождения Тереза пронесла через всю жизнь. И когда после ее смерти возник вопрос о ее канонизации, то опять нашлись «защитники», вопреки достаточно очевидному, подтвердившие «родовую чистоту» новой святой. Лично я думаю, что римская курия сознательно закрывала глаза на ее происхождение, резонно считая, что не так много в ее арсенале таких гениальных и одержимых любовью к ближнему людей. Нелишне отметить, что это было во времена краткого понтификата папы Григория XV (1621–1623). Это был слабый и больной человек, но, по-видимому, достаточно умный. При нем была остановлена реформация в Чехии, абиссинский негус торжественно признал свое подчинение папе. Он установил до сих пор действующую процедуру папских выборов и ему удалось спасти от грабежа и перевести в Ватикан библиотеку Гейдельбергского университета, после захвата города войсками Католической лиги полководца Тилли. Самое главное, он канонизировал Терезу Авильскую. В целях постоянной борьбы со схизматиками и еретиками он учредил постоянную «Congregatio de propaganda fide». Для укрепления католицизма можно было закрыть глаза на доказанное или недоказанное еврейство кандидата в святые.

Тем не менее, на основании многочисленных косвенных «улик» биографы святой склоняются к тому, что та знала о своих еврейских корнях и, более того, находилась в постоянном страхе разоблачения. Но это уже другая история...

ТРИ МИШЕЛЯ

Лопиталь, Монтень, Нострадамус.

Французский современник Монтеня и Нострадамуса и тоже Мишель – Мишель де Лопиталь /L'Hopital (1504/5,7/–1573), гениальный политический деятель. Родом из крещеных авиньонских евреев. Родился в провинции Оверни, где еще в XIX веке показывали любопытным туристам небольшой маленький дом с узенькими лестницами, принадлежащий его деду – крещеному еврею. Отец был знающим медиком, разносторонним человеком, подобно своему коллеге Нострадамусу. Фамилия носит следы профессии: Hopital – по-французски госпиталь, больница. Умалчивая о еврействе, впоследствии писали о Мишеле Лопитале, что он происходит из третьего сословия. Семья была связана с коннетаблем Бурбоном, у которого служил отец. Поэтому до 18 лет Мишель учился в Тулузском университете, но вследствие государственной измены коннетабля семья бежала в Италию. Все имущество отца было конфисковано, хотя, понятно, к интригам своего работодателя врач не имел отношения. Самого же Мишеля арестовали, но ввиду полной невинности освободили из узилища. Но фамилия Лопиталь не давала уверенности в безопасности, и сын присоединился к своей семье. Юридические знания Лопиталь приобрел в Падуанском университете. Его интерес сосредоточился на римском праве и в 1531 году он стал профессором гражданского права в Падуе. Он также много занимался живописью и скульптурой, где и преуспел, а как же иначе: в стране искусств, следует быть поклонником Апполона. Впоследствии время, проведенное в Италии, он называл самым счастливым в своей жизни.

Мишель Лопиталь

Следует сказать несколько слов о его учителях: непосредственных и духовных. То, что Италия разорвала средневековые схоластические схемы первая из стран Европы – это понятно. Падуанский университет мог гордиться знаменитым философом и медиком Пьетро Помпонаци (1462–1525). В 1516 году он выступил с трактатом «О бессмер-

тии души», где отвергал возможность рационального доказательства бессмертия человеческой души и обосновывал систему нравственности, свободной от страха посмертного наказания. В наш век, когда развелось множество шарлатанов, предлагающих всевозможные панацеи с помощью потусторонних сил, стоит вспомнить труд Помпонаци «О колдовстве или о причине естественных явлений» (1520). Здесь он отстаивал объяснение таинственных явлений исключительно естественными причинами. Второй личностью, оказавшей большое влияние на Лопиталья, был его старший современник Никола Макиавелли (1469–1527). От него он почерпнул главное: на первом месте должна стоять польза государства и народа. Эта польза есть высший закон. Принцип Макиавелли «*salus populi suprema lex esto*» – им был усвоен основательно, чему есть примеры. В первую очередь народное благо – «*salus populi*» – достигается миром. Война – самое ужасное: она начало всех разрушений: нравственных и физических. Лопиталь утверждал, что человек, ставший солдатом, непригоден ни к какому мирному труду: он балласт общества. Каста военных – несчастье страны. Во времена гражданской войны во Франции между сторонниками разных конфессий, Лопиталь взывал к религиозной терпимости, к взаимным уступкам. Уничтожать идеи силой – бесполезно. Религиозные разногласия – дело мысли. А мысли – не в состоянии убить никакая сила. Он потерпел политическое фиаско, хотя сделал все, что мог.

С высоты нашего неустроенного времени видно: всё, что делал и говорил Мишель Лопиталь, выглядит современно, несмотря на 450 лет, отделяющие нас от него.

Он заботился о развитии образования, поддерживал университет в Бурже, посылая туда известных ученых читать лекции. Он защищал народную копейку от посягательств сильных мира сего. Тому есть разительный пример. В 1554 году, по инициативе образованнейшего Карла Гиза, Лопиталь был назначен главным интендантом финансов. Он на этом месте оказался примером бескорыстия и искоренял всевозможные злоупотребления. Екатерина Медичи требовала денег. Министр финансов наотрез отказал её величеству: «Что будет с Вашими детьми, когда не станет королевства». Аргумент, не потерявший силу в XX век. Добавим, что, в общем, королева-мать, выросшая в банкирской семье, умевшей считать копейку, ценила верного слугу и покровительствовала ему. В 1560 году она призвала Лопиталья на пост канцлера Франции.

Среди его поклонников была и Маргарита Валуа, будущая герцогиня Савойская, мать принца Евгения Савойского. *(Не полководца, а правителя. Полководец жил на рубеже XVII-XVIII веков и был потомком этого Евгения.)* Как ни странно, Лопиталья на первых порах поддерживали Гизы, особенно вышеупомянутый Карл Гиз кардинал Лотарингский – ученый прелат.

Лопиталь активно пропагандировал религиозную терпимость. Для того времени это было революционно. Это про него говорили, что он человек ученый, но атеист! Будучи канцлером, он сумел смягчить законы, направленные против гугенотов. В блестящей речи перед парламентом, произнесенной 5 июля 1560 года, он начертил программу действий. Гражданского мира можно достигнуть путем компромисса, взаимных уступок и соглашений. Канцлер сумел вернуть гугенотам конфискованное имущество и, несмотря на это, улучшить финансовое положение страны. Он строго разделил власть судебную, военную и административную, старался ограждать честный труд и торговлю. Часть его законов продержались вплоть до Великой французской революции! Bravo! Эдиктом 1561 года Лопиталь заменил смертную казнь за ересь – изгнанием. Он освободил из тюрем всех заключенных еретиков. Несложно предположить, что против этого светоча мысли и честнейшего человека объединилось католическое духовенство и Гизы. Папа Пий IV признал его еретиком и грозился послать на костер. И если католики обвиняли его в атеизме, то протестанты ставили в вину ему – нерешительность. Не надо думать, что протестанты были святыми агнцами. Если большинство членов государственного совета, состоящее из епископов и кардиналов, неколебимо стояло за полное истребление гугенотов, то и **нетерпимость** гугенотов была **нестерпима**. Они оскорбляли католический культ и даже просто грабили церкви и избивали прелатов. Остановить гражданскую войну Лопиталь был не в состоянии. Пожарник, он нигде не поспевал заливать огонь водой... Старая история: «Двух станов не боец...». Человека, находившегося над схваткой, сломили, и он вынужден был уйти в отставку. Он удалился в свое имение, где оплакивал «печальную участь Франции». И каково же ему было пережить Варфоломеевскую ночь?... Через полгода его не стало. Он был блестящим поэтом и получил прозвище «второго Горация», так как писал стихи по-латыни классическим стилем. В Италии он с успехом занимался живописью и скульптурой. Человек позднего ренессанса!

В наш век религиозной нетерпимости (*а, впрочем, какой век был веком религиозной терпимости?*) его призывы к единению так актуальны, так необходимы. Но его место, за смертью последнего папы Иоанна святого, пустует... (*Можно считать Лопиталья неудачником: он пришел к власти слишком рано, но времена, как известно, не выбирают. Напомним, что гениальный итальянский поэт Торквато Тассо (1544–1595) приглашенный ко двору Карла IX, принят был с почетом. Но как только он стал призывать к веротерпимости, ему показали на дверь... Времена не выбирают...*)

Лопиталь остался известен в истории человечества даже таким шагом, как провозглашение Нового года, начинающегося с 1 января. Именем короля Карла IX в 1563 году был оглашён этот ордонанс. Напомним читателям, что это был седьмой день после Рождества Христова, когда новорожденному младенцу Иисусу по еврейскому закону делали обрезание. Новый год – это День обрезания Господня. Этому событию посвящено множество картин, в том числе и гениальное полотно Андрея Мантенья, хранящееся в галлерее Уффици во Флоренции.

Лопиталю удалось собрать Генеральные штаты в Орлеане, где он произнес блестящую речь: «Забудем эти дьявольские клички – лютеранин, гугенот, папист; пусть у нас будет одно имя – христианин».

В январе 1562 года он инициировал «эдикт терпимости», предоставляющий гугенотам право богослужения, правда, вне городов. Но этот первый шаг был сорван общими усилиями фанатиков противоборствующих сторон. Уже после своей отставки в 1570 году он направил записку Карлу IX и Екатерине Медичи о необходимости положить конец гражданской войне.

И еще. А могли ли три великих француза, выходцы из еврейских

Мишель Монтень

семей встретиться друг с другом и поговорить «по душам»? Возможно ли это? То, что Мишель Нострадамус (1503–1566) и Мишель Лопиталь почти ровесники, говорит в пользу этой гипотезы. Тем паче, что Нострадамус был лейб-медиком Карла IX, а Лопиталь был канцлером. Да и оба «дружили» с Екатериной Медичи, матерью короля. Что же касается Мишеля Монтеня (1533–1592), то он был сыном Антуанетты дочери Пьера Лопеса или Лупеса или Луппа, из еврейской купеческой семьи, принявшей христианство и бежавшей

из Испании от лап инквизиции. Отец Монтеня – Пьер Эйкем подобно Лапи-толю получил образование в Италии и так же проникся духом свободы. Их брак состоялся 15 января 1528 года.

О семье матери известно достаточно много. Они бежали из Испании и обосновались на юге Франции в начале XVI века и проживали в городах Бордо, Тулуза, в Авиньоне и в Венессенском графстве. Здесь любопытны две вещи. Прованс был известен альбигойской ересью, и здесь бушевала война. Альбигойцев обвиняли в принятии иудаизма. И, во-вторых, Венессенское графство и Авиньон в это время были владениями папы. И, несмотря на это, здесь жили евреи, еле скрывая свою приверженность иудаизму. Иногда их называли испанцами, иногда португальцами, а чаще всего новокрещенцами. Двоюродный дедушка Мишеля Монтеня был видный бордосский купец Антуан Лопес де Вильнев. Он имел обширную торговлю с Испанией, Фландрией, Англией. Его брат Пьер как раз был дедушкой Мишеля.

Монтень в 25 лет стал членом магистратуры г. Бордо, где его отец был мэром. И, подобно отцу, он тоже стал мэром Бордо. Он несколько раз ездил в Париж и бывал в королевском дворце в царствование Генриха II, Франциска II и Карла IX. Монтень мог при дворе встретить и Нострадама и Лапитоля. Его «Опыты» – прославили его имя и его родину Францию. Вот пример его популярности. Сальвадор Дали спустя 350 лет после издания «Опытов», организуя музей в своем родном городе, сказал: «С молодых лет я следовал завету Монтеня, утверждавшего, что единственный путь к универсальному пролегает через сугубо локальное...».

Всех троих объединяет ненависть папского престола. Лопиталю грозило отлучение от церкви. Книги Нострадамуса преследовались и сжигались. «Опыты» – проходили папскую цензуру. **Но Монтень ни слова в своих трудах не изменил!** И удивительно: Монтень получил римское гражданство, коим очень гордился.⁵³⁰ О своем еврействе Монтень помнил. В «Опытах» он останавливается подробно на ужасах изгнания евреев из Испании и Португалии. Думаю, что подробно-сти он мог узнать в своей семье. Прочитируем часть текста.

«После того, как кастильские короли изгнали из своего государства евреев, король португальский Иоанн предоставил им в своих владениях убежище, взыскав по восемь экю с души и поставив условием, чтобы к определенному сроку они оставили пределы его королевства; он обещал для этой цели снарядить корабли, которые должны будут перевезти их в Африку.

В назначенный день, по истечении коего все неподчинившиеся указу, согласно сделанному им предупреждению, обращались в рабов, им предоставлены были весьма скудно снаряженные корабли. Те, кто взошел, подверглись жестокому и грубому обращению со стороны судовых команд, которые, не говоря уже о других издевательствах, возили их по морю взад и вперед, пока изгнанники не съели всех взятых с собой припасов и не оказались вынуждены покупать их у моряков по таким баснословным ценам, что к тому времени, когда, наконец, их высадили на берег, они лишились всего, оставшись в одной рубашке.

Когда известие об этом бесчеловечном обращении распространилось среди оставшихся в Португалии, большинство предпочло стать рабами, а некоторые притворно выразили готовность переменить веру. Король Мануэль, наследовавший Иоанну, сначала возвратил им свободу, но затем, изменив свое решение, установил новый срок, по истечении коего им надлежало покинуть страну, для чего были выделены три гавани, где им предстояло погрузиться на суда. Он рассчитывал, как говорит лучший латинский историк нашего времени епископ Озорио, что если блага свободы, которую он им даровал, не могли склонить их к христианству, то к этому их принудит страх подвергнуться, подобно ранее уехавшим соплеменникам, грабежу со стороны моряков, а также нежелание покинуть страну, где они привыкли располагать большими богатствами, и отправиться в чужие, неведомые края. Но убедившись, что надежды его были напрасны и что евреи, несмотря ни на что, решили уехать, он отказался предоставить им две гавани из числа первоначально назначенных трех, рассчитывая, что продолжительность и трудности переезда отпугнут некоторых из них, или имея в виду собрать их всех в одно место, дабы с большим удобством исполнить задуманное. А задумал он вот что: он повелел вырвать из рук матерей и отцов детей, не достигших четырнадцатилетнего возраста, чтобы отправить их в такое место, где бы они не могли видеться, ни общаться с родителями, и там воспитать их в нашей религии. Говорят, что это приказание явилось причиной ужасного зрелища. Естественная любовь родителей к детям и этих последних к родителям, равно как и рвение к древней вере не могли примириться с этим жестоким приказом. Здесь можно было увидеть, как родители кончали с собой; можно было увидеть и еще более ужасные сцены, когда они движимые любовью и состраданием к своим маленьким детям, бросали их в колодцы, чтобы хоть этим избежать исполнения над ними закона.

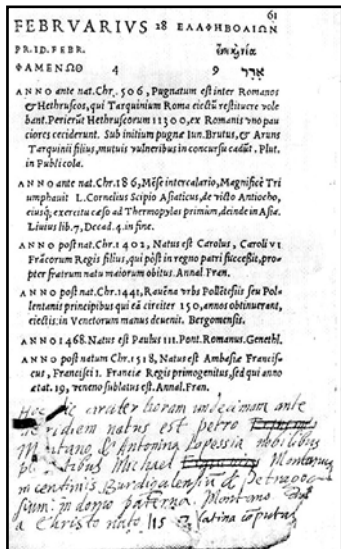
Пропустив назначенный для них срок из-за недостатка перевозочных средств, они снова были обращены в рабство. Некоторые из них стали христианами, однако и теперь, по прошествии целых ста лет, мало кто в Португалии верит в искренность их обращения или приверженность христианскому исповеданию их потомства, хотя привычка и время действуют гораздо сильнее, чем принуждение».⁵³¹

Без сомнения, эта длинная выписка свидетельствует о солидарности Монтеня со своими предками. Он от них не отрекается, кстати, в календарной записи о своем рождении Монтень указывает еврейский месяц «Адар», написанный на древнееврейском языке – װך.

После этого текста идет приписка: цитата из Цицерона, как будто, не имеющая связи с предыдущим. Она такова:

«Quoties non modo ductores nostri... sed universi etiam exercitus ad non dubiam mortem concurrerunt». Перевод такой:

«Сколько раз не только наши вожди, но и целые армии устремлялись навстречу неминуемой смерти». Мне кажется, ларчик открывается просто. Речь идет о возмездии. Что касается Испании, то ее падение началось в 1588 году с разгрома «Непобедимой Армады» и отложения Нидерландских штатов. А Португалия, после изгнания и бегства евреев, как пишет «Советская историческая энциклопедия», потерпела утку капитала, сосредоточенного в руках маранов, а мы можем добавить, и утку мозгов. В упадок пришли армия и флот. Страна была втянута в войну с султаном Марокко. Решительная битва произошла четвёртого августа 1578 года и кончилась португальской катастрофой и гибелью короля Себастьяна I, и в результате прекратилась династия. Португалия на 60 лет потеряла самостоятельность: ее захватила Испания, что вовсе не усилило государство католических величеств. **Они вместе проигрывали все европейские войны.** Это месть истории... Вот что имел в виду своей припиской Мишель Монтень. Не все произошло при жизни Монтеня – прозреть будущее никому не дано... кроме Нострадамуса.

Лист календаря, на котором Монтень отметил дату своего рождения

Знаменитый Мишель Нострадамус родился в семье, в которой и отец и мать были евреями. Его отец – нотариус Жак Сэн-Реми при переходе из еврейства в христианство получил фамилию «Нотр Дам» (Notre Dame), которая получила латинское правописание.

Мишель родился уже «не евреем» – крещение семьи было за год до его рождения. Оба его дедушки были врачами, из которых один был советником короля Ренэ. *(Речь идет о графе Прованском Ренэ (1409–1480), носившем также титул короля Сицилии и Неаполя.)* Его предки по матери занимались медициной и математикой. Дедушка по матери Жан де Сэн-Рэми был лейб-медиком вышеупомянутого короля Ренэ. Другого дедушку звали Жак Нострадам. Отец вел свой род от колена Иссхара, пятого сына Якова от Лии. Потомкам Иссхара был дан дар пророчества.

Мишель Нострадамус

«Встань и беги, не глядя вспять!
А провожатым в этот путь
Творенье Нострадама взять
Таинственное не забудь.
И ты прочтешь в движеньи звёзд,
Что может в жизни проистечь,
С твоей души спадет нарост,
И ты услышишь духов речь.
Их знаки, сколько ни грызи,
Не пища для сухих умов,
Но, духи, если вы вблизи,
Ответьте мне на этот зов!

(Открывает книгу и видит знак макрокосма.)

Какой восторг и сил какой напор
Во мне рождает это начертанье!
Я оживаю, глядя на узор,
И вновь бужу уснувшие желанья.
Кто из богов придумал этот знак?
Какое исцеленье от унынья
Дает мне сочетание этих линий.
Расходится томивший душу мрак.
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я – Бог
И вижу, символ мира разбирая,³³²
Вселенную от края и до края».

Интересно здесь то, что исторический Фауст не мог быть знаком с Нострадамусом, но для Гёте, вне всякого сомнения, в образ ученого Фауста лег исторический врач и футуролог Мишель Нотрдам. В книге «Центурии» Фауст видит знак макрокосма. Макрокосм – в переводе с древнегреческого буквально большой мир, вселенная. Знак макрокосма имел форму шестиконечной звезды – звезды Давида, Моген Давид. И это присутствие не случайно...

Мишель Нострадам всегда гордился своим еврейским происхождением и не скрывал его. В «предупредительном» письме королю Генриху II (*он остерегал владыку от участия в рыцарском турнире*), врач ссылается на своих предков, от которых он унаследовал дар пророчества. В данном конкретном случае так и произошло: король был смертельно ранен на ристалище и вскоре скончался.

Катрены великого футуролога издавали несчетное количество раз, каждый раз интерпретируя их, согласно текущему времени. Папский престол сжигал его труд, нацисты и коммунисты в равной степени ненавидели его. Нацисты твердо считали, что Нострадамус – иудейский черный ворон, свивший себе страшное гнездо где-то посредине между синагогой, костелом и кирхой.

Для евреев он предшественник Уриэля Акосты, Баруха Спинозы и на расстоянии 350 лет – Зигмунда Фрейда. Зерно истины здесь есть. Почти несомненно, что письмо Нострадамуса своему сыну Цезарю оказало влияние на теолого-политический трактат Спинозы.

Слава Нострадамуса нарастала «крещендо». И, кажется, во время II Мировой войны все участники битвы заглядывали в «Центурии», чтобы получить ответ. Особенно популярен был Провидец в концентрационных лагерях и гетто. Слагались легенды о воскрешении Мишеля Нострадамуса, который смешивался с толпой ведомых на расстрел евреев со звездой Давида на спинах. Его узнавали потому, что его не брали ни пули, ни гранаты. Все падают, а он грозит убийцам Возмездием. Безусловно – это вариант Агасфера, Вечного Жида. На одной из картин Шагала, мы видим Иисуса Христа, распятого в нацистском лагере. А может быть этот распятый воскресший Нострадамус? Один из катренов в переводе Вячеслава Завалишина выглядит так:

«Поруганы будут старинные храмы,
И дети ограбят своих дочерей,
История ставит еще одну драму:
Арабов и Польшу покинет еврей».

Переводчик в сноске добавляет: «Вот пророчество, которое исполнилось на наших глазах, на глазах людей, переживших Вторую Мировую войну. После этого катрена даже самые закоренелые скептики находят, что в Нострадамусе, безусловно, что-то есть».⁵³³

Для истины мы приведем тот же LXXIII катрен V Центурии в другом переводе:

«Преследуема будет Божия Церковь /Богом Церковь/,
И святые храмы будут разрушены /?/ украшены?/.
Голого ребенка мать завернет в рубаху,
Арабы объединятся с поляками».⁵³⁴

Конец XVI века во Франции связан с именем короля Генриха IV. Любопытно и то, что будущий король встречался с Нострадамусом. В блестящем романе Генриха Манна «Молодые годы короля Генриха IV» есть маленькая глава «Странное посещение», где рассказывается о том, что к 10-летнему мальчику пришел знаменитый провидец. Вся встреча продолжалась несколько минут. Врач изучает стоящего ребенка и думает: «Это дитя, что-то несбывшееся, беспредельное, ведь ребенок, хоть он и слаб, обладает большей силой и властью, чем те, кто уже много прожил. Он несет в себе жизнь, и потому он велик. Только ребенок велик. Какое смелое лицо!»... «Это он, произносит незнакомец вслух.. Если Бог вам дарует милость дожить до тех пор – вашим государем будет король Франции и Наварры»... ..Генрих чувствует, что незнакомец не из тех, с кем можно еще раз свидеться. Именно поэтому тот человек останется у него в памяти навсегда».⁵³⁵ Нашлось место в романе и для Мишеля Монтеня. Известно, что король Наварский несколько раз встречался с философом и даже гостил в его замке. Генрих любил стремительный ум своего собеседника и, уже будучи королем Франции, приглашал мыслителя занять важный пост при дворе. Но любомудр тактично отклонил приглашение...

Любопытно, что и королева-мать благосклонно относилась к Монтеню. Совершенно нелепо, но философ, попав в Париж по поводу издания своих «Опытов», угодил в Бастилию: он был арестован «лигистами» (сторонниками Гизов) в отместку за арест в Руане одного видного лигиста. Екатерина Медичи, которая также находилась в столице, энергично ходатайствовала за выдающегося мыслителя и он был выпущен на свободу. На своем календаре Монтень сделал памятку: 10 июля 1588 года. «Опыты» вышли в свет в начале июня.

Интересно: как относился Нострадам к религиозному расколу, охватившему христианский мир? То, что он предсказал 30-летнюю гражданскую войну во Франции, это понятно. Обычно говорят, обходя острые углы, что Нострадамус был христианином. Один из историков ставит вопрос: «Каково же отношение Ностадамуса к христианскому вероучению? Можно ли ожидать принятия догматов христианской веры от человека, отец которого был обращен в католическую веру из иудаизма?».⁵³⁶ Ответ софистический: так как врач Нострадамус мужественно боролся за спасение пациентов во время чумы, то это, следовательно, служит доказательством его Христианской любви к ближнему! Это не аргумент: иудаизм именно подчеркивает высшую любовь к своему ближнему. И христианство заимствовало и унаследовало этот постулат. Как он исполнялся и исполняется – это вопрос другой...

Были и такие ненавистники великого врача и провидца, которые искренно или неискренно считали его не только двоеверцем: иудео-католиком, но и троеверцем: иудео-католиком-протестантом. Тайный приверженец иудаизма, а это естественно связано с его домом и происхождением, ухитрялся сидеть еще в двух креслах – католическом и гугенотском. И противники не раз вызывали его на суд инквизиции. В первый раз после трагической гибели его семьи во время эпидемии. И именно тогда, когда он не смог противостоять жуткой болезни. В 1538 году последовал вызов в инквизиционный суд в г.Тулузу. Нострадамус просто не явился на судилище и «ушел в бега». Где находился Мишель с 1538 года по 1545 год, историкам неизвестно. Это было время скитаний, как предполагают, по юго-западной части Европы. Его семилетняя «одиссея» окончилась с наступлением эпидемии на юге Франции. Его приглашают в Марсель помощником доктора Луи Серра. В борьбе с бубонной или легочной чумой он вышел победителем. *(Точное название мора историки и врачи не знают до сих пор)*. А на следующий год д-ра Ностадамуса приглашают возглавить борьбу с эпидемией *(не то с чумой, не то с холерой)* в Экс и Прованс. Это было страшное время. Все началось с небывалого наводнения, унесшего жизни людей и домашних животных. Когда вода спала, то вздувшиеся трупы людей, лошадей и прочей бывшей живности стали разлагаться и отравлять воздух. Мертвые уносили жизнь новых жертв. Храмы опустели. Осиротевшие дети дичали. Голод и отчаянье толкал оставшихся в живых на путь преступлений и грабежей. Весь юг Франции наполнился шайками озверевших людей.

И еще один человек того же XVI века моей любимой Франции: Маргарита Наварская (1492–1549) из семейства Валуа; она же Маргарита Ангулемская, королева Наварры, сестра Франциска I. Великая покровительница искусств и писательница – она была человеком нового, будущего времени. Ее отличала высокая веротерпимость. В своих владениях она давала приют протестантам, принимала ученых всех национальностей, в том числе и евреев. Она владела многими языками: древнегреческим, латынью и древнееврейским. В кого пошел король Генрих IV, ясно – в свою бабку.

Почему она изучала древнееврейский язык? А потому, что этот древний язык считался ключом к философии и на этом единственном языке называлось истинное имя Бога. Она читала тезисы Пико де ла Мирандола о кабале и трактаты Рейлина. «Эти труды показывали какими подлинными докторами всех наук являлись смиренные и жалкие евреи – изгнанники из Испании, которых презирал, унижал, травил весь христианский мир».⁵³⁷ Добавим, что это было время колыбели книгопечатанья и это чудо было не менее революционное, чем вторжение Интернета в нашу жизнь.

Маргарита была мужественной женщиной. Она изо всех сил защищала протестантов против гнева церкви. Увы, не всегда успешно. Маргарита переписывалась с Эразмом Роттердамским и привечала у себя Кальвина. И это несмотря на вопли клерикалов. Но и у Кальвина она разглядела фанатизм, посему Анатоль Франс вздыхал: «Время мудрых и добрых, время Эразма и Маргариты миновало». Наступили религиозные войны, тем более страшные, что они происходили внутри братского христианского мира. Люди, будьте бдительны!

Приложение 8

РУССКИЙ МЮНХАУЗЕН

О ДРАМАТУРГЕ АЛЕКСЕЕ ДАНИЛОВИЧЕ КОПИЕВЕ,

*Посвящается профессору Илье Захаровичу Серману,
моему дорогому учителю.*

Моего героя нельзя обнаружить ни в одной литературной энциклопедии: ни в довоенной, ни в советской. Недавно вышедшая двухтомная энциклопедия «Три века Санкт-Петербурга. Осьмнадцатое столетие» (СПб, 2003) также ни нашла единой строчки об этом незаурядном драматурге. Немного о нем рассказывается и в истории русского театра. Исключения составляют «Русский Биографический словарь» и «Словарь русских писателей XVIII века». В последнем издании использованы архивные материалы. На скудость сведений жалуется и П.Н. Берков, говоря о том, что о Копьеве нет ни единой специальной работы.⁵³⁸

Существует один забавный исторический анекдот, относящийся к шахматному автомату «Турок», созданному замечательным механиком, бароном Вольфангом фон Кемпеленом. Венгры упорно называют его несколько иначе – Фаркешом Кемпеленом – как ни как, национальная гордость! В Вене в 1769 году он изобрел изумительную машину, «играющую в шахматы». Это чудо механики XVIII века: внутри «Турка» сидел человек, скрытый при помощи зеркал. Обычно за автомат играл сильный мастер – посему результат был очевиден.⁵³⁹ Кемпелен со своим аппаратом объехал всю Европу, был представлен ко всем дворам и играл с сильнейшими игроками того времени, в том числе и с наследником русского престола Павлом Петровичем (инкогнито, с графом Северным) в Париже. В замечательном сборнике рассказов д-ра филологических наук, профессора литературы и одновременно шахматного композитора Александра Иосифовича Гербстмана (1900–1982), человека трагической судьбы (*он был репрессирован в 1937 году*) под названием «Рассказы о белом слоне»⁵⁴⁰ есть новелла «Шахматный автомат», как раз о пребывании «Механического человека» в Петербурге, в конце царствования Екатерины Великой. Аппарат играет партию с Алексеем Даниловичем Копиевым и проигрывает ему. Напомним, что за все семидесятилетнее время действия «Турка» из 300 партий он проиграл всего-навсего шесть. Неважно,

что в рассказе допущен анахронизм – Кемпелен был в России раньше, но, Боже мой, сколько в довоенной Европе было поставлено фантастических фильмов о пребывании механика в России и об интригах императрицы против поляков!⁵⁴¹

Нас интересует фигура Алексея Даниловича Копьева или Копіева, как писали в старину. Он был человек разносторонне-одаренный, в том числе считался сильнейшим шахматистом России, а звание чемпиона Копиев потерял в 1809 году, проиграв матч пятнадцатилетнему А.Д. Петрову. Матч состоялся в доме известного литератора Д.О. Баранова.⁵⁴² Счет был $+4 -2 =1$ в пользу юного дарования. Но к этому времени мальчик – Саша Петров был почти профессионалом; то, что для Копьева было просто времяпрепровождением, почти как игра в карты, то для Петрова серьезным делом. Копьев был поклонником романтической итальянской шахматной школы и играл на атаку, что соответствовало его авантюрному характеру. Он всегда начинал королевским гамбитом. Мальчик же изучал позиционную теорию Франсуа Доменика Филидора, которую впоследствии переложил на русский язык. Но все же результат весьма почетный для обеих сторон... По воспоминаниям самого Петрова, для столь торжественного дня битвы с Копьевым, ему сделали «новое вооружение: суконную курточку с позолоченными пуговицами».⁵⁴³

Писатель-драматург Алексей Данилович Копьев родился в 1767 году, а умер 5 июля (*по ст. стилю*) 1846 года. Родом был из старой дворянской семьи Копьевы или как в старину писали Копіевы, с ударением на первом слоге, принявшей «святое крещение», после занятия русскими войсками Смоленска в 1654 году. Почему мы остановились на произношении и этимологии этой фамилии? Ударение имеет значение. Так, например, в том же XVIII веке фамилию известного просветителя «Новиков», произносили в отличие от нашего времени с ударением на последнем слоге. П.Н. Берков посвятил небольшое исследование происхождению этой фамилии и ударению. Для нас интересно то, что он привел несколько версий происхождения фамилии, «забыв» лишь одну. «Новик» мог обозначать и новокрещенного – отсюда известный малороссийский род Новицких, происходящих от крещеного еврея времен резни, устроенной бандами Хмельницкого. Берков, конечно же, знал дело, но время было неблагоприятное для обнародования – время борьбы с космополитами, когда он подвергался шельмованию, да и он отсидел в 1938 году.⁵⁴⁴ Б.О. Унбегаун относит Копьевых к фамилиям образованным от названия оружия и дос-

пехов: Алебардин, Дубинин, Кольчугин и т.д.⁵⁴⁵ Это верно во многих случаях, но не во всех. Мало вероятно, что смоляне Копьевы занимались таким весьма старинным ремеслом, как производством копий. Дело проще: вероятно, их фамилия производное от идишского прозвища – Копыл, иначе Яков. Отсюда многочисленные Копыловы, Копеловичи и Копелевичи и т.п. Кстати, моего друга художника, родившегося в 1915 году записали как Копеліевич. Звук и буква «л» исчезла, фамилия подверглась русификации и Копели стали Копіевыми. Я это перепроверил у своего друга Пинхаса Гиля, специалиста в области еврейских фамилий, и для верности залез в иерусалимскую телефонную книгу, где с удовольствием обнаружил двух Копьевых, да еще один из них писался не через «в», а через «ф», то есть – Копиеф в русской транскрипции. Так раньше писались мои дядя в США, Англии и Австралии: Dudakoff.

Кстати, легко обнаружить в энциклопедическом словаре Брокгауза – Ефрона и Р.Б.С. Илью (Элиаша или Элиаса) Федоровича Копіевича или Копіевского (1651–1714), одного из сотрудников Петра. Родом он был из Белоруссии. Обучался в Амстердаме. Хорошо знал «славяно-русский» и современный русский языки. Познакомился с Петром во время заграничного путешествия царя. Он занимался книгоиздательским делом, издавая и составляя русские книги в Амстердаме. Позже он перебрался в Москву. В словаре говорится о том, что по национальности он поляк, но был не католиком, а реформистом, был лишен ненависти к России. Принял он протестантизм в Голландии. Все же более вероятно, что он был социаном, возможно, и крещеным евреем, скрывающим свое происхождение: таких было много – выдавали они себя за немцев или вообще за протестантов. О социанах я писал довольно много в связи с жидовствующими сектами.

Я остановился на еврейском происхождении моего героя неслучайно. Можно сказать, что Алексей Данилович, будучи в пятом или шестом поколении евреем, забыл о своих предках. Его забыли бы и Нюрнбергские законы и обратные израильские. Но, нет, никто из его современников не забывал его «жидовства». Так Филипп Филиппович Вигель в своих мемуарах неоднократно обзывал так своего знакомого.⁵⁴⁶

В данном случае, как и в других, действует закон народной памяти, который сформулировал Вернер Зомбарт, немецкий экономист и философ: «Говоря о «евреях», я имею в виду лиц, принадлежащих к народу, исповедующему закон Моисея... Мне не нужно подчеркивать, что при таком определении данного понятия ... евреем остается и тот,

кто выходит из еврейской религиозной общины. Евреями остаются и потомки его, поскольку простирается действие исторического воспоминания».⁵⁴⁷

Итак, наш герой родился в семье Копьевых. Сведения о них скудны и сводятся к нескольким строчкам. Копиёвы (Копьевы) – русская дворянская фамилия, родоначальником которой является Степан Иванович К., крещёный еврей, имя которого было – Самуил, судя по второму отчеству жены Шафировва, вступивший в русское подданство при покорении Смоленска в 1655 году. Род К. внесен в VI часть родословных книг Санкт-Петербургской и Ярославской губерний.⁵⁴⁸

Один из его сыновей, Данило, был обер-комиссаром в Верхотурье, он же, по-видимому, был воеводой в Тюмени (*жалованная грамота от 10 сентября 1710*), а другой, Самойло – член Ревизион-коллегии (центрального контрольно-финансового ведомства Российской империи XVIII века). Управитель Чеуского острога Копьев, увещевал раскольников не самосжигаться. На все уговоры староверы отвечали, что умирают за Христову веру и за двуперстие.⁽²⁴⁾ Дело относится к царствованию Елизаветы Петровны, предположительно в 1755 году. Инициалы этого Копьева неизвестны.

Петр Данилович Копьев, воевода в Цивильске (ныне в Чувашии), погиб в 1771 году от рук восставших крестьян и казаков, ставших впоследствии ядром пугачевской армии.

Отцом писателя был пензенский генерал-губернатор Данило Степанович Копиёв. Неизвестно, какое образование получил будущий писатель. Но, судя по его современникам и родственникам он учился и за границей, где прекрасно выучил западные языки с которых и переводил. (*Так, например, сын Шафировва Исай учился в Париже; младший современник Копьева – драматург А.А. Шаховской – учился в Благородном пансионе при Московском университете*). В 1775 году в детском возрасте он был записан в Лейб-гвардии Измайловский полк. В 1778 году был произведен в сержанты. (*Опять-таки кн. Шаховской в десятилетнем возрасте был записан сержантом в Преображенский полк*). При поступлении в Измайловский полк, по воспоминаниям дочери Копьева, он жил в Петербурге в доме князей Вяземских, его родственников по линии Шафировых.

Мы застаём Копьева в заключительные годы жизни императрицы Екатерины II в ближайшем окружении ее последнего фаворита Платона Зубова, адъютантом. Ему порядка 25 лет, он остроумец, шутник, его любит и сама императрица. Иногда кажется, что он придворный

шут, лишь по нелепости имеющий армейский подполковничий чин. Пьесы его идут на придворной сцене и пользуются большим успехом. Пьесы не такие зубоскальные, как кажутся на первый взгляд. Это понимала и императрица, наградившая драматурга. Современник писал, что в Таврическом театре в апреле 1794 года была поставлена «комедия «Русская Лебедянская Ярманка», где осмеяна мода молодых жеманниц: толстые платки на шее, короткие трости и низкие башмаки, кои ежеминутно с ног спадывали. Государыне и всем тут присутствующим она очень понравилась, **кроме молодых великих князей, которые некоторым образом себя тут видели. Скоро после [постановки] пожалована ей величеством сочинителю золотая табакерка с алмазами.**⁵⁴⁹ Комедия шла с лучшими актерами того времени: роль Князя играл знаменитый русский актер И.А. Дмитриевский (1734–1821), другую, к сожалению, неизвестно какую играл А.Г. Ожогин. Надо добавить, что Иван Афанасьевич Дмитриевский был и режиссером, драматургом, педагогом переводчиком, критиком, театральным деятелем. Судя по всему пьеса Копьева ему нравилась. А ведь он осуществил постановку «Недоросля»! Что же касается Андрея Гавриловича Ожогина (1746–1814), то он в своем искусстве развивал русскую скоморошью традицию. «Лебедянская Ярманка» давала простор для подобного творчества.

По другой версии из рук императрицы Копьев получил бриллиантовый перстень. Императрица внимательно следила за творчеством «своих карманных писателей». Яркий пример тому служит то обстоятельство, что 20 января 1795 года в Эрмитажном театре впервые была поставлена комедия Копьева «Бабы сплетни», текст которой, к сожалению, утрачен. Вероятно, в пьесе были слишком конкретизированы лица и обстоятельства, что нашло свое отражение в особом подарке Екатерины. Автору была пожалована красиво переплетенная книга «Правила о драматической словесности» Батте.⁵⁵⁰ Как замечает автор капитальной «Летописи русского театра», императрица желала показать автору, что в комедиях не следует выводить частные случаи, а изображать **вообще** людские характеры и пороки.⁵⁵¹ Замечание любопытное, так как известно, что все собственные пьесы Екатерины наполнены конкретными намеками. Императрица высказывала радикальные мысли в письмах к французским философам, аналогичные писаниям, скажем, Радищева, но... то, что положено Юпитеру – запрещено простому смертному...

Тяжкие времена для Копьева наступили после смерти Екатерины при восшествии на престол Павла. Конечно, он был величина малая, но по натуре вольнодумец и фрондер, как называли его современники, он не мог удержаться без проказ. Так, например, петербургский обер-полицмейстер Ефим Чулков отличался редкой подлостью, что вызвало острое двустипшие зубоскала:

«Отец твой был чулок, а мать твоя тряпица,
А сам ты, что за птица?».⁵⁵²

Читателю станет все ясно, если мы сообщим фамилию матери полицмейстера – Тряпицына. Действительно – зло и остроумно.

За этот экспромт он был переведен из гвардии в Финляндию, где «шутник» дрался на дуэли с князем Долгоруким. С каким из Долгоруких и из-за чего произошла дуэль – неизвестно. Но не из-за этой ли остроты пострадал бунтарь?

В одном довоенном советском фильме о Суворове (1941 г.) В.И. Пудовкина, описано, как старый фельдмаршал (*его играет Н.П. Черкасов-Сергеев*) нарочно путается в ненавистной ему прусской форме, введенной в русской армии императором Павлом. Это выдумка – военный такого ранга не мог позволить себе подобной выходки. Это сделал Копьев. Напомним, что дочь знаменитого полководца «Суворочка» была замужем за младшим братом Платона Зубова – Николаем. Таким образом, «случай» исходил из близких кругов этой фамилии. Конечно, этим безумцем был Копьев. Он явился на парад в чудовищно-преувеличенном наряде с огромными ботфортами, эспадроном (*тупой палаши, шапка для учебной рубки*) и перчатками. «Словом, антеседаны (*скандальная ситуация*), как говорится, были прекрасные...».⁵⁵³ Несколько по-иному этот эпизод рассказан в Р.Б.С., где говорится, что он, посланный с поручением, появился в Москве в специально заказанном мундире, сшитом на несколько размеров больше. Об этом было немедленно доложено императору и по возвращении в Петербург Копьев был представлен перед грозными очами самодержца. Возмездие последовало немедленно: разжаловать в солдаты и сослать в гарнизонный полк, расположенный в Финляндии.

В воспоминаниях Н.И. Греча тот же самый эпизод выглядит следующим образом. Когда Павел вступил на престол он ввел нелепую прусскую форму. Копьев с каким-то поручением был послан в Москву. «Раздраженный» подполковник вздумал посмеяться над новой формой: «сшил себе ... мундир с длинными широкими полями, привязал шпагу к поясу сзади, подвязал косу до колен, взбил себе преог-

ромные пукли, надел уродливую треугольную шляпу с широким золотым галуном и перчатки с крагами, доходившими до локтя». В этом необыкновенном костюме он прибыл в Москву и стал уверять, что такова нововведенная форма. Естественно это дошло до назначения, и Копьев был привезен в Петербург и его немедленно ввели в кабинет императора. «Хорош!, мил!», сказал он, увидев его шутовской наряд: «в солдаты его». Приказ был выполнен и ему тотчас забрили «лоб» в один из Петербургских полков. Но и этого мало. Над ним решил посмеяться вышеупомянутый Чулков, который вспомнил, что он долго простаивал в передней у Платона Зубова, и тогда многое зависело от подполковника Копьева, адъютанта князя. Чулков решил отомстить и поиздеваться над опальным. Призвав его к себе, он осыпал его ругательствами и насмешками и, на своё несчастье, вспомнил, что он имеет дело не только с военным, но и стихотворцем.

- «Да, говорят, брат что ты пишешь стихи?»

- «Точно так, писал в былое время, ваше высококордие!»

- «Так напиши теперь мне похвальную оду, слышишь ли! Вот перо и бумага!»

- «Слушаю ваше высококордие», отвечал Копьев, подошел к столу и написал, нам уже знакомые строки о чулке, тряпиче и птице.⁵⁵⁴

И уже с легкой руки Чулкова – Копьев прибыл в Финляндию. Но этот экспромт преследовал злополучного и нелюбимого обер-полицмейстера до конца его дней.

Из семейных воспоминаний дочери Копьева – В.А. Брюнн де-Сент-Ипполит, хранящихся в ИРЛИ, можно узнать, что отца схватили в Москве на Тверском бульваре и в таком шутовском наряде привезли во дворец. Когда проказника ввели к Павлу, то император, глядя на уморительную форму, не мог сдержаться от смеха, а дальше последовал военный приказ о разжаловании в рядовые. Однако, он продолжал служить в Петербурге и стоя на часах у дворца, не отдал честь проезжающему полицмейстеру. Тот стал поливать отборной бранью своего бывшего знакомого и приятеля, а Копьев, вместо того, чтобы взять на караул, оперся на ружьё и глядя прямо в глаза Чулкову произнес эпиграмму. Полицмейстер бросился с жалобой к императору. Призванный к Павлу, Копьев выставил полицмейстера неблагодарным другом, выместившим свою злобу на человеке, попавшем в беду. Павел выслушал обе стороны и, как я думаю, оставил дело в покое. Кажется, что и он был «неравнодушен» к шалуну.

К этому же периоду относится и шахматный анекдот, который, почти с несомненностью, может быть отнесен к нашему герою. Павел потребовал во дворец важного «политического» преступника. Сурово взглянув на него, он осведомился: играет ли Копьев в шахматы? Была принесена шахматная доска и незнакомец «врубил» беспощадно своему Государю три партии подряд. «Да, ты прекрасно играешь, воскликнул император: даже **меня** обыграл. Кутайсов! Немедленно освободить его! Такой прекрасный шахматный игрок не может быть преступником!». ⁵⁵⁵ В статье В.П.Степанова, со ссылкой на архивные данные, сказано, что приказом Павла I от 2 мая 1797 года за «дурное поведение» шутник был подвергнут четырёхмесячному заключению и отправлен в Псковский драгунский полк. К этому же времени относится прошение Копьеву к императору от 31 мая 1797 года из Невеля о помиловании и предоставлении отпуска в связи со смертью отца.

Это был печальный период жизни нашего героя, и он даже попал на острие великого современника, что скорее говорит о приспособленчестве великого поэта, чем о его действительных мыслях.

Считается, что эпиграмма Г.Р. Державина «На падение новаго Фазтонта» (1798 г.) имеет своим героем Копьева.

«О, гордый юноша, подобный Фазтонту!
Без разума по высоте летя,
Ты вмиг упал, стремглав со горизонту,
Но колесница всё кряхтит твоя». ⁵⁵⁶

Обидно, ибо Копьев высоко ставил поэзию певца Фелицы и Державин знал об этом.

В Финляндии Копьев влюбился в дочь небогатой помещицы, имеющей несколько странную для тех мест фамилию Шкотт. Она ответила ему взаимностью. Оставшиеся в Петербурге друзья Алексея Даниловича, а таковые у него имелись, улучили момент и в сентиментальных словах передали эту трогательную историю самому императору. Последний, отличавшийся то жестокостью, то сентиментальной слезливостью, приказал вернуть «хулигану» подполковничий чин, выпустить его в отставку, с тем, чтобы он жил только в Финляндии.

Здесь уместно сказать, что мы не знаем, за какие заслуги в свое время Копьев получал отличия. Явно, что не за шутовские проделки на глазах императрицы и Зубова. В «Лебедянской ярмонке», как мне кажется, есть биографические детали. Полковник граф Достойнов рассказывает о своей военной карьере. Он участвовал в штурме Измаила, а затем послан фельдмаршалом, фамилия которого не называется, но

это понятно Г.А. Потемкин, в Вену. Оттуда, судя по всему, в качестве военного наблюдателя, он был прикомандирован к принцам в Кобленц. Шла война против революционной Франции. Там он провел военную компанию при герцоге Брауншвейгском, «где наглядевшись всех ужасных следствий вредной Французской **перемены** (вспомним *Шафировва: революция и перемена!* – С.Д.), узнал опытом, сколько худая **воля** (опять таки *Петр Павлович Шафиров!* – С.Д.) несносна для самих защитников и герцог с трудом меня отпустил» (д. 4, явл. 5).

К этому времени его благодетеля – фельдмаршала не было в живых. Это место должно было тронуть сердце императрицы, которая жаловалась, что Потемкина неким заменить. Доподлинно известно, что в 1794 году Копьев участвовал во взятии Варшавы, где «нашалил» следующим образом. Преследуя остатки восставших поляков, Копьев направил дерзкое письмо прусскому королю, по поводу отбитых у поляков пушек. Захвачены они были русскими, но присвоены пруссаками. И это сошло ему с рук.

Слава скандалиста перешла русские границы. Так, в одном французском журнале рассказывалось о Копьеве и императоре Павле два анекдота. Первый: сорвиголова на спор с товарищами обещал, что он за обедом дернет за косу императора, т.е. дернет уже отмирающий парик, последнюю моду уходящего века. И вот, будучи дежурным за столом, он схватил императора за косу и дернул ее так сильно, что Государь вскрикнул от боли и с гневом спросил, кто это сделал. Понятно, все в испуге, кроме проказника, который не смутился и спокойно отвечал: «Коса Вашего Величества криво лежала, я позволил себе выпрямить ее». Прodelка прошла гладко, ибо Павел сказал: «Хорошо сделал, ... но все же мог бы ты сделать это осторожнее».

В другой раз неистощимый выдумщик бился об заклад, что он понюхает табак из табакерки, которая была украшена бриллиантами и всегда находилась при императоре. Однажды утром во время дежурства Копьев подходит к столу возле кровати Павла, берет табакерку, открывает ее, изымает щепотку табака, нюхает и громко чихает. «Что ты делаешь, пострел?» с гневом говорит проснувшийся Государь. «Нюхаю табак... Вот восемь часов что дежурю; сон начал меня одолевать. Я надеялся, что это может меня освежить и подумал лучше провиниться перед этикетом, чем перед служебной обязанностью» – «Ты совершенно прав (*говорит Павел*), но (так) как эта табакерка мала для двух, то возьми ее себе». ⁵⁵⁷ Хотя Н.И. Греч и не убежден, что эти проказы совершил Копьев, но психологически верно – младший

современник барона Мюнхаузена мог совершить и это. Частью эти анекдоты перешли и на страницы романа Александра Дюма «Из Парижа в Астрахань» («De Paris a Astrakhan», 1858), в том числе и об упряжке, состоящей из свиней, на которых катался шут. Выяснить где, правда, и где вымысел, и кому принадлежат остроты и выходки, теперь невозможно, но характерно, что Копьев стал именем нарицательным, русским вариантом барона Мюнхаузена.

Освобождение пришло в марте 1801 года. После убийства императора Павла, Копьев был вызван Паленом и Зубовым в Петербург и ему они сразу выхлопотали «прямо чин в сравнении со сверстниками» – генерал-майора. Он перешагнул одну ступень. Ему было 34 года. Вероятно, он сразу вышел в отставку и при следующем императоре не делал карьеру, занимаясь «буржуазными делами»: торгами и подрядами. Он жил при четырёх императорах, трёх из которых пережил, но вершина его жизни пришлась на последние годы царствования Фелицы, деяния которой он воспел по мере своего таланта.

П.А. Вяземский часто видел Копьева в доме своего отца. Было время, когда «отпечаток Русский и в старину известный остротами, балагурством и проказами» даже жил в доме Вяземских. С ним произошло одно приключение: Копьев был помолвлен с богатой невестой, но произошел конфуз – на одном из вечеров, сидя возле невесты, он заснул. Допустимо, что повеса гулял всю ночь напролет. Пробуждение его было ужасным: невеста отказала ему: он впал в отчаянье и говорил о самоубийстве. Отец Вяземского приставил к нему людей, карауливших его днем и ночью, но все обошлось. Зная характер нашего героя нетрудно предположить, что он был в отчаянии от уплывшего из-под его носа богатого приданного. Второй случай связан с непомерным враньем Алексея Даниловича. Когда Андрей Иванович Вяземский стал уличать его, в том числе указывая на его малый чин, то оскорбленный Копьев вскочил из-за стола и сказал: «Видно, князь, вы судите о людях по чинам: если так, то не иначе возвращусь к вам в дом, как в генеральском чине», и выбежал из комнаты. Спустя несколько лет обещание было выполнено.⁵⁵⁸ Доподлинно известно, из неопубликованных воспоминаний дочери А.Д. Копьева, что он дважды неудачно сватался. Первой его невестой, с которой он был обручен – была княгиня Т.И. Белосельская, а затем сватался за Д.М. Голенищеву-Кутузову.

Русский Мюнхаузен, попал на острое перо своего современника. Исследователи считают, что знаменитая басня Ивана Андреевича Крылова имела непосредственного адресата – Алексея Даниловича:

«Из дальних странствий возвратясь,
Какой-то дворянин (а может быть и князь),
С приятелем своим пешком гуляя в поле,
Расхвастался о том, где он бывал,
И к былям небылиц без счета **прильгал**».

Совершенно обаятельный конец, в духе великого баснописца, когда испуганный враль, боясь провалиться с моста в воду, обращается к приятелю с нижеследующей просьбой:

«Послушай-ка», тут перервал мой Лжец:
Чем на мост нам идти, поищем лучше броду».⁵⁵⁹

Анекдот, легший в основу этой басни, происходил в Петербургском Английском клубе. Копьев, которого автор заметки называет автором «Лебедянской ярманки», рассказывал за обедом, будто он ел огромную стерлядь, и прибавил «она была длиной вот как от меня до... до, вот как до Ивана Андреевича». Крылов сидел напротив, и баснописец отодвинулся в бок и спросил Копьева: «не мешаю ли я вам».⁵⁶⁰ Вяземский оставил нам портрет постаревшего шутника. Прежнего блеска и остроумия уже не было. «Копьев имел довольно значительное лицо: он был очень смугл, с черными выразительными глазами, которыми поминутно моргал; говоря, несколько картавил и вместе с тем отчеканивал слова свои каким-то особенным ударением. Копьев написал комедию «Лебедянская ярмарка», в свое время имела она некоторый успех, по крайней мере, в детстве моем слышал я некоторые повторяемые из нее шутки».⁵⁶¹ Н.И. Греч также говорит, что автор «Лебедянской ярмарки», был очень умен и остер, «но большой циник в словах и поступках. Никто не уважал его... В последнее время жизни занимался он торгами и подрядами и отличался скупостью и неопрятностью».⁵⁶² Он же повторяет его характеристику следующим образом: «Копьев был столько же известен в Петербурге своими остротами и проказами, сколько и художбою своей крепостной и малокормленной четверни. Однажды ехал он по Невскому проспекту, а Сергей Львович Пушкин (*отец поэта*) шел пешком по тому же направлению. Копьев предлагает довезти его. «Благодарю (*отвечает тот*), но не могу, спешу».⁵⁶³

Наиболее обстоятельную характеристику Алексея Даниловича дает Ф.Ф. Вигель, очень хорошо знавший его. Она нелицеприятна, но что делать, кажется это близко к истине, даже если учесть известную желчь близкого знакомого Пушкина.

Вигель называет Алексея Даниловича своим земляком по Пензенской губернии – помещиком и отставным генерал-майором. **«Он был известен всей России ...** Начертание его биографии если не для читателя, то для меня будет весьма занимательно. Правда или нет, что его отец был Еврейского происхождения, **какое мне до этого дело**; довольно с меня и того, что Даниил Самойлович Копьев (которого знаю только понаслышке) принадлежал к нации благородно-мыслящих и действующих людей. Он был первым вице-губернатором в Пензе». Далее Вигель говорит об исключительной честности старшего Копьева и о высокой добродетельности его жены Надежды Карповны, урожденной Ельчаниновой. Вигель замечает, что он слишком много говорит о недостойных и ничтожных людишках. Надежда Карповна исключение. Она полна всевозможных достоинств, включая природный ум. Недостаток ее, увы, чрезмерная любовь к своим детям. В этом браке у них было четверо-пятеро дочерей и один сын – наш герой. *(Возможно и ошибка – предполагается, что у Алексея был младший брат, о котором речь – ниже.)* По словам Вигеля, молодой Копьев был умным и не злым человеком, и осторожно говорит о своем собственном пороке, которым естественно Алексей Данилович не обладал: «ни одного из пороков молодости, которые иногда остаются и в старости». И все же трудно было сказать что-то в его похвалу. Все его сверстники «щеголяли безбожеством и безнравственностью» в речах, более, чем в самом деле. Копьев выделялся на их фоне сверхцинизмом и в этом превосходил своих товарищей. Он был офицером лейб-гвардии Измайловского полка и прославился насмешками над своим непосредственным начальником, Арбениным (или Арбеневым), человеком слабовольным. *(Фамилия эта перешла в литературу благодаря Лермонтову. Не знал ли этих проказ Копьева автор «Маскарада»?).* «Безбожнику и цинику» все сходило с рук. Его репутация бесшабашного остряка и балагура дошла до Платона Зубова, который в подражание своему предшественнику Потемкину, набирал свиту из прихлебателей, состоящую из адъютантов, ординарцев, чиновников для поручений и т.д. В этом Вавилоне нашлось место для Копьева, который получил чин армейского подполковника.

Стареющая Екатерина много прощала своему последнему фавориту, в том числе и «молодечества» его окружения. Вигель тонко замечает, что незаметно для себя Копьев превратился в княжеского шута, которым на Руси все прощается. Я думаю, Ф.Ф. отмечал юродство новоиспеченного полковника. «... Сказочная жизнь кончилась с воцарением Павла. Принципиал Зубов был низвергнут, и Копиев остался «без опоры». Далее идет рассказ о «прусском наряде». По словам Вигеля наказание было несерьезным: он одну ночь просидел под арестом и отправлен в драгунский полк в Финляндию. Но что самое замечательное в словах Ф.Ф., это то, что остроты Копьева продолжали колоть императора: он не унимался. «Неосторожно врал и ругательными насмешками продолжал преследовать царя»? И именно тогда его разжаловали в солдаты. Тут же следует история его женитьбы. Выход в отставку, покупка имения в Финляндии и, наконец, вызов в Петербург, и присвоение генеральского чина. Однако Александр I не мог позволить убийцам отца быть в фаворе – опять закатилась звезда Палена и Зубовых, а следовательно, и Копьева. Изменились обстоятельства – сам же фронт-дер не изменился и на десятилетия долгой своей жизни застыл в прошлом. Его остроты и богохульства, равно и старческая неопрятность производили тягостное впечатление. Далее идет старый и знакомый пассаж: «...Еврейская алчность к прибыли, должны были рождать к нему отвращение».⁵⁶⁴ По словам Вигеля, его скупость доходила до крайности: якобы он ходил в зеленом фраке, ибо скупает сукно с биллиардных столов и, потому, на его костюме были видны места, где ставились шары! Ай да типаж! Право слово – Еврей, с большой буквы... С литераторами он почти не водился, хотя его пьесы имели успех при Екатерине. Вигель обратил внимание, что Копьев любил «русить» иностранные слова и часть неологизмов ужилась в русском жаргоне начала века. Нам уже многое непонятно. Экспромты сыпались из него как из рога изобилия, но из всех стихов Вигель запомнил некий любовный мадригал, обращенный к женщине, не ответившей ему взаимностью:

«Боже, ты ее создавши,
Иль мой пламень утуши,
Иль все прелести ей давши,
Дай ей крошечку души».

Надо сказать, он поражал Вигеля – Копьев никогда не был развратником, он был только **срамослов**. Всегда издевался над супружеской верностью, а сам был предан своей скромной жене.

Без памяти любил детей, не имел злобы или зависти ни к кому, но ни о ком не отзывался одобрительно, иначе говоря, для красного словца не пожалел бы родного отца.

Ну и еврейская способность к бизнесу была у него в крови. Заранее узнав, что Выборг и окрестности отойдут к княжеству Финляндскому, он предвидел падение цен на недвижимость. Мгновенно продал с выгодой свое имение и был при этом чрезвычайно доволен собой.⁵⁶⁵ Затем он продавал и покупал маленькие имения вокруг Петербурга, как можно думать с прибылью.⁵⁶⁶ Но и вёл бесконечные тяжбы, не только с аристократами, как Воронцов, но и с простыми мастеравыми.

Какое же место занимает А.Д. Копьев в истории русской литературы и русской драматургии? Можно ответить: ничтожное. Но это будет неправдой, что много лет тому назад понял А.А. Фомин, написавший статью «Старое в новом. (Отголоски комедии XVIII века в комедиях нашего времени)».⁵⁶⁷ По его мнению, Копьев один из создателей русской бытовой драмы. Когда говорят о первостепенных писателях XVIII века, таких как Д.И. Фонвизин, В.В. Капнист и многих других «...мы не должны забывать тех скромных тружеников литературы конца прошлого столетия, которые также дали подготовку нашим гениям. Нужно отдать должную дань их произведениям, которые... имели очень большое влияние на произведения первостепенных писателей XIX века, тем более, что в их время шли еще на сцене и были, во всяком случае, свежи в памяти комедии, которые в настоящее время совершенно заброшены и забыты».⁵⁶⁸ Далее Фомин говорит о заимствованиях классиками будущего – Грибоедовым, Гоголем или даже Островским у своих предшественников. Речь идет не только об отдельных типах или сценах. Речь идет о том, что комедии XVIII века не настолько литературно слабы, чтобы стоило ими пренебрегать, тем паче, что некоторые из них шли десятилетиями на столичной сцене.

И уже на моих глазах, в 1970 году я имел счастье и удовольствие видеть в Ленинграде «Ябеду» В.В. Капниста, поставленную Красноярским театром, комедию, которая ни на йоту не потеряла своей свежести. *(Кстати, одним из актеров был мой школьный приятель Лазарь Тумаркин!).*

Фомин отказывается сравнивать крупных писателей прошлого с новейшими классиками. Интересен его список. Он открывается императрицей Екатериной Великой, затем идут Д.И. Фонвизин и В.В. Капнист. Его задача, как понимает автор статьи, доказать, что «Ревизор», «Горе от ума» и «Бедность не порок» берут свое начало от старых комедий.

В первую очередь можно говорить об именах – штампах вроде Правдин, Надоедалов, Затейкин, Простофилин, Причудин, Повесин (*премьеры взяты мной у Копьева*), которые не намного благороднее, чем Молчалин, Скалозуб, Хлестаков или Яичница. В «Женитьбе» Н.В. Гоголя сваха Фекла вообще констатирует факт множества непристойных русских фамилий: «... да на Руси есть такие содомские прозвища, что только плюнешь, да перекрестишься, коли услышишь». Старомодные имена и тяжеловесный стиль могут отпугнуть читателя. Все же прошло более 200 лет. Изменился словарный состав русского языка и в далекое прошлое отошли обстоятельства. Но А. Фомин убежден, что не это главное. Главное – *идея и оригинальность* того или иного типа. Он находит нескольких предшественников «Горе от ума» в комедии Клушина «Смех и горе». Он же обращает внимание на образ **свахи** у Гоголя и Островского. Но не они были создателями этого типа. Она появляется в комедиях второстепенных драматургов прошлого. Свахи уже тогда делились на две категории: «одна» работала по дворянским семьям; «вторая» своим полем деятельности избрала торговое сословие. Честь «открытия» дворянской свахи принадлежит Копьеву. В «Обращенном мизантропе или Лебедянской ярмонке»⁵⁶⁹ она имеет то же имя, что и у Фонфизина – мамка Митрофанушки Еремеевна, таким образом обрела новую жизнь. Получив вольную, и желая прокормиться, Еремеевна стала профессиональной свахой. Обычный тип разбитной старухи, старающейся продать лежалый товар. В среде дворянской и офицерской – она более «скромна и потишее», чем у купечества. Тут надо добавить, что разделением пьес служит и место действия. Одно дело столица, другое – провинция. Провинциальная жизнь русского дворянства была полна невежества, лихоимства, пьянства и т.п. Историк М.И. Семевский прямо говорил, что дворяне в умственном отношении были не выше своих крестьян. Другие историки, как, например, А.И. Незеленов называет XVIII век – веком невежества; Н.Ф. Дубровин отрицает всякие умственные интересы дворянства, видя в его жизни лишь волокитство, сплетни, стремление хорошо выпить и закусить.⁵⁷⁰ Сочность языка пьесы Копьева, я думаю, помогла сохраниться комедии на русской сцене до половины XIX века. Приведем пример.

Сваха появляется на пороге дома помещика Гура Филатыча, племянника фонвизинского Простакова: (д.1, явл. 8):

«Фекла. (жена Гура Филатыча) – Здорово, Еремеевна! Добро пожаловать, давно уж ты у нас не гостила. Садись-ка по-доброу, по-здорову.

Еремеевна. (садится около Феклы на скамейке). – Давно, моя матушка, давно я тебя не видала; все за хлопотами, о том поговорить, про друга сведать, третьего присватать, да за тем, да за другим, да за тем, да за другим время-то идет, да идет.

Фекла. – Что новинькова об ярмонке слышно?

Еремеевна. – Мало ли, родная! Вот, ведь, и я к вам не пир пировать, не ржи торговать, а тож сказать думу думати.

Фекла. – Что-б такое мой свет?

Еремеевна. – Нет ли кого, моя мать, чтоб не подслушал? (тихо)

Ну, вот таки, у вас есть товар, у нас есть купец, коли во святой час, так бы и по рукам.

Фекла (в слезах). – Так-то оно так, моя мать, да ведь какво расставаться с ребенком-то, она ведь у меня одинешенькая, как порох в глазу...

Еремеевна. – Та, моя, родная! Да, ведь, век не пережить с ними, лишь бы человек – ат попался; девка взрослая, здоровая на руках, чево ее дома держать?

Фекла. – Будь ево святая воля, я сама так замуж шла не по любви, пришли да сказали...

Еремеевна. – Ну, да что о том говорить, матушка! Было бы слажено у родителей, где ребенку помышлять о муже? Встарину-то и все было лучше.

Фекла. – Кто по твоему купец-ат?

Еремеевна. Мало ли, родная моя! Нонче ярмонка, молодцов как соколов; один друга лучше; где в прежние годы, статошно-ль дело, то ли бывало, как наместничество открылось; вот таки у вас из Питера- то подъехало соседей, чину большева, сам молодец, а дом-ат, дом-ат!

Фекла. – Кто-ж, моя родная?

Еремеевна. Ну, да вот Николай Назарьевич Затейкин, чем не молодец? Умен-то, уж нечего сказать, умен! Он же, матушка, всему обучен. Видишь, он как-то в Питере-то по-французскому – то, что ли, научился, да что там наизусть-то выучить, от снуды приедет да сочиняет перед нами; ну, мы, люди темные, нам где понимать, а дивуемся, как чево не поймаешь-то. Он же, матушка, в Преображенском полку сержантом служит...

Фекла. – Правда, мать моя, что умен-то умен...

Еремеевна. – Вот другой-то, об этом я и не говорю, Простафилин-то. Тот прост, человек, то уж прост, что говорить, ну, да за то дом как полная чаша, а в нонешнем быту так, право, у ково деньги, у того и ум...»

Не правда ли, красочно и напоминает комедии будущего. Вот и второй пример из той же «Лебедянской ярмонки», где предприимчивая сваха ловко вымогает мзду с «клиента». И зритель прошлого, и читатель сегодняшнего дня воистину получает эстетическое удовольствие от мастерской работы Еремеевны!

Действие IV. Явление I.

Ярмонка. У первой лавки на правой стороне Еремеевна торгует у купца материю. Затейкин подходит к ней.

Затейкин. - Чтоб такое, матушка, покупать изволили?

Еремеевна. - Торгую, мой батюшко! Гранитур.

Затейкин. - Конечно, матушка к празднику, да прекрасной!

Еремеевна. - Прекрасной, мой батюшко, да не по деньгам; дорого ока-
янный-то просит. (Купцу) Ну, провались же ты, прости Господи, не куплю
и не надо (идет прочь).

Затейкин. - Возьмите, матушка. Он отдает гранитур!

Еремеевна. - Дорого, батюшко Николай Назарьевич, не по моим день-
гам; сторговала, да не рада.

Затейкин. - Матушка, да это безделица; пожалте, возьмите, мы найдем
заплатить чем.

Еремеевна. (берет и отговаривается). - Ах, батько мой, возьму ли я?
Статошно ли? Помилуй, нет, нет, нет!

Затейкин. - Пожалте, возьмите.

Еремеевна. - (кладет в карман). - Статошно-ль дело? Возьму ли я? Нет,
нет, мой батюшко! Да разве разорить тебя...

Затейкин. - Пожалте, возьмите, право, мне ничего не стоит. (Купцу)
Мы, брат, сочтемся.

Еремеевна (кланяется). - Благодарствуй, мой родной! Да чем же мне
тебе услужить-то за это?

Затейкин. - Есть и у нас штука не малая; вы знаете, матушка, Любовь
Ивановну?

Еремеевна. - Как, батько, не знать...»

Сама Еремеевна говорит прибаутками: «...вот вить и я к вам не пир
пировать, не ржи торговать а так сказать думу думати...». (д.1., явл. 8)

Но надо сказать, что и другие персонажи, даже малопривлекатель-
ные, плохо зная французский язык, знают русские пословицы. Так
Затейкин, употребляет знакомую нам в будущем: «Куды конь с копы-
том, туды и рак с клешней». (д.3, явл. 4) или он же говорит о своем со-
пернике в сватовстве Простофилине: «Это – с знайте, то есть по шер-
сти собаке имя дано, господин Простофилин!» (д.3, явл. 6). А диалог
помещика Гур Филатача с Надоедаловым неотразимо красив:

Гур. - «Что брат федул губу та ты надул? Аль Вихра выдала? так на
осину; дай Бог мне столько рублей, сколько я их окаянных в одне Пет-
ровки перевешал, ну их к ляду; об том бы нам и не тужить».

Надоедалов. – «Нет батюшка, Гур Филатач, не Вихра окаянная у меня на уме; беда на беде сверху, ведать, ты: хлеб не родился, скот повалился, сам не женился, а года бола пришли...» (Д.1, явл.4) Просто невозможно остановиться в цитировании, настолько зрелищно и метко говорят персонажи. Тот же Надоедалов в прекрасном монологе приводит с десяток пословиц: «... Сенюха! – вели брат чайник согреть! – ну согрели чайник – выпили по чашке чаю – посидели – ну – знаешь деревенское дело, не прикажешь ли вишневки, не прикажешь ли того сего друга прочево. Давай мал – что есть в печи, все на стол мечи- (*смеется*) забавник собака – малой жирной! – малой простой! – а угости! – его подавай...».(д.1, явл. 4)

А дивная стихотворная самохарактеристика Гур Филатача – себя и своей жены, Феклы Тарасовны:

«Нас с тобою, в свет натура
Создала без мыслей так;
Ты невинна, што ты дура,
Я невинен, что дурак». (д.1, явл.5)

Делаем вывод, что комедия конца XVIII века, не только у одного Фонфизина, критиковала нравы, обычаи, невежество, «западное кривляние» на уровне примитивного переименования французского языка – достигла больших успехов и помогла тому же Гоголю, Грибоедову, Островскому и Писемскому создать свои литературные шедевры.

Копьев – верный оруженосец Екатерины Великой. Свою комедию он препровождает одой в честь русского языка: «Найденный отрывок бумаги вместо предисловия... К Русскому языку». Он ратует за чистоту языка и воздает хвалу несравненной Фелицы, прикрываясь державинским псевдонимом:

«Язык! Что мы зовем бессовестно своим,
Которым никогда почти не говорим,
За что же мы тебя так много презираем,
Что чувств любви тобой совсем не изъясняем?
И даже нежных слов в тебе уж больше нет.
Скажу ли я влюбясь: *разлапушка! Мой Свет!*
Могу я ей сказать, что я *слуга нижайший?*
Могу ль ее назвать *Сударыней дрожайшей?*

.....
Однако, для чего в другом языке ищем
Того, что и в своем любя нелестно същем!
Чем Лизанька для нас *charmante*, а не *мила?*
Jolie иль *хороша* равно, а лишь бы была;

Коль я сказал, *люблю?* Не нравлюся по-русски,
Без пользы, *Je vous aime!* я молвлю по-французски.

.....
Тем больше, что у нас все те употребляют
Французские слова, кто силы их не знает.
Вот все, что я хотел сказать про наш язык
Который я люблю, к которому привык,
И о котором, я вседневно сожалею,
Хоть я ему цены прибавить не умею...

.....
И в моду наш язык не ввел ли Ломоносов,
Ни тот, кто изъяснить в стихах прекрасных мог
ФЕЛИЦА что у нас ! - и что на свете Бог.

.....
Фелице... и теперь одной лишь то удобно,
Что кажется для всей вселенной неспособно,
Полсвета КТО могла блаженством наделить,
Та может и язык российский воскресить».

Да, Алексей Данилович верно отработывал царские милости. Был еще один политический заказ, который, в общем, Копьев с блеском выполнил. Следовало прославить, так называемые «Совестные суды». Введение этих судов Екатериной интересно тем, что она пыталась снизить количество всевозможных тяжб, которые обременяли общество. Совестные суды судили не только на основании законов, но и принимая в расчет «естественную справедливость». (*на латыни aequitas – справедливость, беспристрастие*). Суды имели предписание руководствоваться в своих решениях «человеколюбием, почтением к особе ближнего и отвращением от угнетения». Несравнимый с прошлым был сделан шаг в сторону демократизации: сам суд состоял из судьи и шести заседателей: по два от каждого сословия: дворянского, городского и сельского. В суд поступали тяжбы по взаимному согласию или переданные из других уголовных дел, в которых не было отягчающих обстоятельств. Этот суд просуществовал вплоть до Великой судебной реформы Александра II.

В пьесе «Лебедянская ярмонка» имеется прецедент использования угрозы обращения в «Совестный суд». Гур Филатыч, помещик Лебедянского уезда, который по мысли Копьева является племянником фонвизинского Простакова, просто-напросто присвоил земли своего соседа, «знатного петербургского князя».

По словам благородного князя, Гур занимается тяжбами, идет по судам и пересудам, но совестного суда боится. Идея та, что этот «все-народный суд» – есть голос общественного мнения, которого лебе-дьянский помещик в действительности боится. Он «добровольно» отда-ет князю присвоенное, выторговав себе, что тот не возьмет процен-тов за все время использования чужой собственности. Все это вещь условная – не будь «знатный князь» с большими связями в Петербу-рге, не видать бы ему своей собственности. Кажется ситуация схожая с конфликтом Троекурова (*довольно смешная фамилия из прошлого века*) и отца Дубровского, с результатом прямо противоположенным. Что и чувствует предводитель дворянства Правдин в следующей филиппи-ке:

«Трудно унимать и совестному суду бессовестных людей!». (*д.2, явл. 5*)
«Обращенный мизантроп или Лебедьянская ярмонка», так называлась поначалу эта пьеса. Но довольно скоро первая часть отпала и Копьев стал навсегда автором «Лебедьянской ярмарки» – название которой отнюдь не выдуманное, не литературное. В Тамбовской губернии, на ее Западе, на правом берегу Дона, располагается городок Лебедьянь. Он был прославлен своими ярмарками. Так, еще в XIX веке их было три, где привозилось товару на сумму до одного миллиона 200 тысяч рублей, а в начале XX века уже было две – с оборотом свыше 1 мил-лиона рублей. Можно предположить, что в XVIII веке ярмарок могло быть больше, а, следовательно, денежный оборот был выше. В Ле-бедьянке было скаковое общество и потому, понятно, проводились конские ярмарки и приезжали ремонтеры, т.е. армейские представи-тели по покупке лошадей, для пополнения убыли в войсках. Это был богатый городок и богатый уезд.⁵⁷¹ О разгульной жизни офицеров-ремонтеров рассказано в повести Л.Н.Толстого «Два гусара». Сам же Копьев описывает устами Правдина ярмарочное веселье так: «... офи-церы... от ярмонки без ума; здешнего уезда красавицы разряжены в пух и прах, показывают себя женихам; провинциальные шеголи в это время года отличаются сколько сил есть, и так как ярмонка вне горо-да, то они через то вышел из под указа, летают на пребогатых цугах; компании игроков отправляют сюда комиссионеров обыгрывать про-винциальных, за комиссионерами дядек надсматривающих за ними, а за дядьками еще дядек архимастеров смотреть за мастерами; всякую ярмонку здесь много свадеб, ремесло свих также нужно, как портных и сапожников, и вид на ярмонку прекрасной...». (*д. 2, явл. 6*)

Почему-то вспомнил Ивана Андреевича Крылова, который наверняка бывал в Лебеде в качестве **архимастера** карточной игры.

Небесполезно вспомнить, что неподалеку от Лебедеи находился город Липецк, воспетый кн. Шаховским в комедии «Липецкие воды». Эту часть Тамбовской губернии населяли – молокане, секта близкая к жидовствующим. И они были люди вполне зажиточные. Правда у того же Толстого можно прочесть, что Лебединский уезд, как и соседние, не избегали голодных годов.

«Лебединская ярмонка» игралась на Петербургской и Московской сценах до 1820 года. В 1828 году благодаря Михаилу Семеновичу Щепкину пьеса была возобновлена в Большом московском театре. Первого ноября (по ст. стилю) 1828 года была премьера. Щепкин играл графа Честина, сценическая вариация графа Достойнова. Пьеса шла довольно долго.⁵⁷²

И совершенно ясно, что эта полузабытая пьеса оказала влияние на Н.В. Гоголя. Его комедия «Женитьба», поначалу называлась «Женихи». Он начал работать над ней в 1833 году, и она рассказывала как раз о провинциальной жизни. Действие состоит в интригах и спорах женихов, сватающихся к молодой помещице. Первая редакция была закончена в 1835 году, но Гоголь остался недоволен отсутствием «острой, объединяющей интриги». А.Л. Слонимский, комментируя текст гоголевской пьесы, утверждает, что именно «Женитьба» открывала путь к бытовой комедии Н.Островского, но вместе с тем, она опиралась на театральные традиции прошлого века, что особенно видно в первоначальном варианте «Женихов».⁵⁷³ Что же касается одноактовой комедии Копьева «Что наше тово нам и не нада», то она прошла в Эрмитажном театре всего два раза. Первый раз 10 ноября 1794 года. Была опубликована в том же году в Санкт-Петербурге «С дозволения Управы Благочиния»!. И напечатана удивительным способом: с полным соблюдением фонетического правописания, вплоть до того, что главная героиня – Княгиня, не произносит шипящих звуков, заменяя их свистящими. Например: дуса – душа, презде – прежде, зиснь – жизнь, муз – муж, осерчаюсь – осерчаюсь и т.д., что чрезвычайно затрудняет чтение пьесы. И так как действующие лица плюс к этому говорят на вычурном жаргоне конца екатерининского времени, на смеси «французского и нижегородского», приходится сознаться, что она, в отличие от «Лебединской ярмарке» – абсолютно нечитаема, даже для людей прекрасно владеющих французском языком.

Уверен, что поэт Мятлев много позаимствовал у своего предшественника при создании «Путешествия мадам де Курдюков». («Сенсации и замечания г-спожы Курдюковой за границею, Дан Л'Энтраже»). Стоит вспомнить Мятлевское наставление графине Раstopчиной:

«Вы в дорогу? *Бон вояж!*
Не ленитесь, не зевайте.
Петербург не вспоминайте,
Но войдя в *экономи*,
Часов в восемь э *деми*
Утро каждое вставляйте». и т.д.

Все это вполне напоминает одноактную комедию «Что наше тово нам и не нада», наполненную искаженным французским языком. И совершенно прав автор вступительной статьи к сборнику И.П. Мятлева: «Нет сомнения в том, что это богатое наследие сатирической и юмористической поэзии, а отчасти драматургии XVIII века отразилось в творчестве Мятлева. Оно было общим источником, которым питалась сатира Вяземского и Мятлева». ⁵⁷⁴ Конечно, ко времени написания комедии галлицизмы стали не в моде. Революция привела к отталкиванию от всего французского, вплоть до отказа привоза любых товаров из ненавистной республики. И герой Повесин, бывший франт, избавился от трех жилетов и даже впал в русскость, что иронически отметил Причудин: «...чуть не надел три кафтана? ты не напеваешь арий, гаваришь па Русски, уж полна ты ли?».(явл.1).

В.П. Степанов, автор статьи о Копьеве в «Словаре русских писателей XVIII века» высказывает мнение, что эта пьеса принадлежит к жанру драматических пословиц и представляет собой психологический этюд скучающего человека. Таким образом, мы видим, что Копьев стоит в истоках русского «дендизма». В понятие «дендизма» я вкладываю тот смысл, что речь идет о герое, чрезвычайно занятом самим собой и модой, это бывший «щеголь», перешедший французскую улицу и достигший английской столицы. Скучающий эстет, тщеславный, весьма непоследовательный и не знающий как убить время. ⁵⁷⁵ С другой стороны, П.Н. Берков восхищается пьесой, считая, что каждая страница достойна цитирования.

Из этой же пьесы можно выудить и нечто биографическое. Причудин, один из женихов Княины обращается к своему другу-конкуренту Повесину со следующими словами:

«*Причудин.* - ... долго ли тебе эдак праказничать? ты не дурак, а дурачишься беспристанно, ты знаешь шта вся твои ветренности называют в го-

роде злыми умыслами, все твои шутки язвительными ругательствами, и шта столько людей разумеют а тебе дурно без причины.

Повесин. - Штож делать, галубчик! кто разумеет дурно, тот ища хать дурно да разумеет; я вот таких та баюсь, как кто ни дурно та ни харашо разумеет не имее; ну , уж ат эдаких ни куды уйдют!». (явл. I)

В цитировании мы сохранили оригинал копьевского правописания. Как видим, читать довольно тяжело. Но, возможно, Копьев преследовал режиссерскую цель: подсказать актерам, как нужно произносить по мысли автора слова.

При внимательном чтении мы можем обнаружить и дядю Причудина, который «не хотел умирать», но в конечном результате «исполнил просьбу» племянника. Нетрудно установить генетическую связь с начальными строфами «Евгения Онегина»:

«*Повесин.* - ...Дядюшка мой столько на меня азлился, шта не хотел умереть, пакуда не пабывал я в армии и не вздумал а смерти его желать; тут та он не к стати и сканчался, аставив мне две тысячи душ, которые надеюсь да первой игры ища уцелеют». (явл. I) Действительно: «Так думал молодой *повеса*», а что думал сам А.С. Пушкин о Копьеве – нам неизвестно, но что думал его отец – мы привели выше...

Но и А.С. Грибоедов мог подглядеть кое-что для своего Молчалина у Копьева. Причудин, желая жениться на племяннице Machmere. Княгиня пытается угодить тетке, которая «сидит как черт за печкой», никого не допуская в дом. Для этого: «... я играл с нею в Панфил, сам ухаживал за ее кошкой, хвалил старину, адним словом ... за тем жил с нею здесь, што это было трудно». (явл. I) (Панфил – карточная игра во времена Екатерины II, отнесенная к играм *коммерческим*. Разница между *азартной* и *коммерческой* играми, состоит в том, что в последней, требуется не только везение, но известное искусство расчета).

Заметим, что тетушку зовут не по имени, а по кличке Machmere, т.е. та chere mere (*моя дорогая мамаша*).

Мы уже упомянули, что пьеса «Бабы сплетни» – утрачена. Комедия «Княгиня – Муха», по-видимому, ни разу не шла на сцене и текст ее, предположительно, также утрачен. Можно задать вопрос, а на каком быденном языке говорил острослов и драматург. К нашему счастью, к своей «Лебедянской ярмонке» Копьев составил обширную ремарку, которую стоит привести полностью, по нескольким причинам. Во-первых русские пьесы XVIII века не знали такой обширной постановочной режиссуры; а во-вторых – язык, который больше напоминает язык пушкинской эпохи, чем екатерининское время.

«Программа балета последующего
Лебедянской ярмонке.

Открывающийся занавес представляет лагерь Графа, оставленный по окончанию пятого действия. Возвращающийся с ученья полк после смотру входит церемониальным маршем с распущенными знаменами в лагерь, внутри которого видна палатка Графа с раскрытою полою, и возле ее бекет (*караул. – С.Д.*) при знаменах, поставив который, полк входит в кулисы, палатки представляющие; при восходящей луне бьют зорю; Лагерь освещается разноцветными фонарями, так же и ставка Графская. Пляски цыганок и полковых мальчиков, так же всякого рода ярмоночные увеселения занимают средину балета, праздник Графом данный в лагере изображающего; наконец театр освещается дневным светом, раступившая фигура балета уступает место полку внутри театра построенному к утренней заре, которая оканчивается балетом».⁵⁷⁶

Копьев был незаурядным драматургом, но его литературная карьера не состоялась из-за того, что не состоялась придворная карьера. Эта связь двора и театра, была обязательна для его времени. А жаль...

И последнее. Копьевы оставили след в русской истории. Клан Копьевых был весьма обширный. Следует отметить в первую очередь Михаила Копьева, тоже литератора. В статье И.В. Немировского в «Словаре русских писателей XVIII века», утверждается, что он не имеет никакого отношения к пензенскому семейству Копьевых. У этого литератора даже неизвестно отчество. Вместе с тем «Словарь псевдонимов» дает Михаилу Копьеву безусловно отчество – Данилович. Равно как и «Азбучный указатель имен русских деятелей для Р.Б.С.» (*ч1, «А-Л», сборник имп. русского исторического общества. т. 60 и т.62, 1887/1888*) также дает ему отчество «Данилович». Как бы то ни было, этот Копьев был сотрудником Н.И. Новикова. Он перевел на русский язык с французского «Новый Гулливер» (М., 1791 г.); «Зелемара или странные союзы» (М., 1793 г.); «Простая история» (М., 1794 г.); «Жизнь девицы Матильды» (М., 1794 г.); «Вертопрашка» (М., 1795/1796 г.); «Генрих Дельмор» (М., 1796 г.); «Аннушка», англ. роман, перевод с фр. (М., 1797 г.); «Достойный любви нравоучитель», (М. 1804/1805 г.). Несколько переводов помещено в «Иппокрене» за 1799 год. Иногда он подписывался псевдонимом М.К.⁵⁷⁷

У Масанова я нашел и Елену Копьеву, сотрудничавшую в «Московском телеграфе» №2 в 1830 году, под псевдонимом К-ова.

Азбучный указатель приводит год рождения Елены К. – 1805 г., она автор стихотворений.

Дочь старшего Копьева – Варвара Алексеевна, по мужу Брюнн де-Сент-Ипполит, сотрудничала в «Страннике» в 60-е годы XIX века. Сведения о Копьевой находятся в статье об отце и почернуты из энциклопедии Брокгуза и Эфрона.

Сын драматурга удостоился всероссийской славы, но весьма печальной. Юрий Алексеевич Копьев, флигель-адъютант, полковник, командир грузинского гренадерского полка был предан суду за казнокрадство и жестокое обращение с подчиненными. Дело было возбуждено Кавказским наместником М.С.Воронцовым, оно вызвало много толков, но не выяснено до конца.⁵⁷⁸ Отец в конце жизни чем-то разгневался на него и лишил наследства. Современники приписывали это скупоści старого Копьева.

Внук писателя – Копьев Сергей Петрович (1821–1893), генерал, участник Крымской войны, участник Венгерской компании (1849 г.), член Военного совета.⁵⁷⁹

Из других потомков или родственников известна Копьева Елизаветта Алексеевна, основательница Понетаевского монастыря (в селе Понетаево, Арзамасского уезда) (род.1805– 2 февраля 1888 года).⁵⁸⁰

Кроме того, обнаружены в том же Азбучном указателе Р.Б.С.-Копьев Василий Егорович, гравер с 1804 года, старший гравер Военно-топографического Депо, с 1856 – имел чин коллежского асессора.

Также упоминаются:

Копьев Михаил Данилович, генерал-майор артиллерии (1779–1858)⁵⁸¹ и Копьев Н., специалист по религиозному расколу, сотрудник Общества Любителей Духовного Просвещения и журнала «Православное обозрение».

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Ривкин Х.Д. Указ. соч., с. 16.
- ² Бахрушин С.В. Москва как ремесленный и торговый центр XVI века. – В кн.: Бахрушин С.В. Научные труды. Т.1. М., 1952, с.162-163.
- ³ Ривкин Х.Д. Указ. соч., с.57.
- ⁴ Цит. по: Иконников В.С. Ближний боярин Афанасий Лаврентьевич Ордин-Нащокин, один из предшественников петровской реформы. — «Русская старина», 1883, N 10, с.32.
- ⁵ Ю. Гессен «Жизнь пленных в Московском государстве» ... с.65
- ⁶ Ю. Гессен «Жизнь пленных в Московском государстве» ... с.65
- ⁷ Ю. Гессен «Жизнь пленных в Московском государстве»... с.60.
- ⁸ Ю.Гессен «Жизнь пленных в Московском государстве»... с.60.
- ⁹ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», кн.VI, т.11-12, М., 1991., с.475; кн.VII, т.13-14, с.202.
- ¹⁰ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», кн.IX, т.17-18, М., 1963, с.481.
- ¹¹ Гессен, Юлий. Жизнь пленных в Московском государстве. Государственные пленные. – В кн.: Русское прошлое. Пг.-М., 1923, с.69.
- ¹² Там же, с.70
- ¹³ Там же, с.71
- ¹⁴ Подробно см.: Раскольников Ф. Россия и Афганистан. (*Исторический очерк*). – «Новый Восток», 1923, № 3, с.15-17.
- ¹⁵ Л. Пушкирев «Симеон Полоцкий» в книге «Русские писатели в XVII веке», М., 1972, с.251).
- ¹⁶ К. Скальковский «Маленькая хрестоматия для взрослых. Мнения русских о самих себе», СПб, 1904, Типография Суворина, с.105).
- ¹⁷ Крижанич Ю. Политика. М.: Наука, 1965, с.501-502.
- ¹⁸ Новгородские былины. М.: Наука, 1978, с.390.
- ¹⁹ Майкова Т. Петр I и православная церковь. – «Наука и религия», 1972, N 2, с.39.
- ²⁰ Письма и донесения иезуитов о России конца XVII-начала XVIII вв. СПб., 1904.
- ²¹ Там же, с.195-196.
- ²² Рассказы, записанные П.О. Карабановым. – «Русская старина», 1871, N 12, с.687.
- ²³ Гелиобиг, Георг фон. Русские избранные. Берлин, 1907, с.68.
- ²⁴ Еврейская энциклопедия. Т.XV. СПб., б.г., стлб. 920.
- ²⁵ Ключевский В.О. Курс русской истории. 4.4. Пг., 1918, с.300
- ²⁶ Д.Н. Бантыш-Каменский «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч.II, с.89-91.
- ²⁷ Павленко Н.И. Петр Первый. М.: Молодая гвардия, 1975, с.331.
- ²⁸ Письма и бумаги Петра Великого, М., Наука, 1964 г., т. XI, вып. 1. с.313.
- ²⁹ Письма и бумаги Петра Великого, М., Наука 1964, т. XI, вып. 2., с. 313.
- ³⁰ Письма и бумаги Петра Великого, М., Наука, 1964 г., т. XI, вып. 1. с. 316.
- ³¹ Д.Н. Бантыш-Каменский «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч.II, с.96.

³² А.З. Машлаевский «Две катастрофы – Суворов в Швейцарии, Петр на Пруте». Сообщение в Николаевской академии генерального штаба ординарного профессора полковника Машлаевского – из книги «Суворов. 1800 г. – 6 мая – 1900 г.», СПб, 1900, с.61-84).

³³ А.С. Пушкин «Записки бригадира Моро-де-Бразе (касающиеся до турецкого похода 1711 года)» – А.С. Пушкин, Собрание сочинений, М., 1962, т., с.408).

³⁴ Там же

³⁵ Письма и бумаги императора Петра Великого. Т.ХI, вып.2. М.: Наука, 1964, с.16.

³⁶ Р.Б.С. СПб., 1905, т.22, Чаадаев – Швитков, с.558.

³⁷ Письма и бумаги Петра Великого, М., Наука, 1964 г., т. ХI, вып. 1, с.392. Примечания к письму № 4655.

³⁸ Подъяпольская Е.П. Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века. – «Проблемы источниковедения, т.VIII. М.: АН СССР, 1959, с.314-342.

³⁹ «Проблемы источниковедения», Академия наук СССР, Институт истории, М., 1959

⁴⁰ Подъяпольская Е.П. Шифрованная переписка в России в первой четверти XVIII века. – «Проблемы источниковедения, т.VIII. М.: АН СССР, 1959, с.318

⁴¹ Цит. по: Там же, с. 34.

⁴² Письма и бумаги Петра Великого, М., Наука, 1964 г., т. ХI, вып. 1. с. 356. (из письма П. Шафирова к царю).

⁴³ См.: Письма и бумаги Петра Великого..., с.16.

⁴⁴ Л.А. Никифоров «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир», М.,1959, с. 315.

⁴⁵ Л.А. Никифоров «Внешняя политика России в последние годы Северной войны. Ништадтский мир», М.,1959, с. 264.

⁴⁶ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1962, книга VIII, т.15-16, с.412-413.

⁴⁷ Храповицкий А.В. «Дневник с 18 января по 17 сентября 1793 года», СПб, 1901. К дневнику Храповицкого. Именной указатель, с.345.

⁴⁸ Христиан-Фридрих Вебер «Преобразование России» – Цит., по Д.Н. Бантыш-Каменский «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч. II, примечания на с.109-110.

⁴⁹ Цит. по: Павленко Н.И. Указ. соч., с.256.

⁵⁰ Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России. Т.П. СПб., 1910, с.153; см. также: Шутой В.Е. Историзм «Полтавы» А.С. Пушкина. – «Вопросы истории», 1974, N 12, с. 120.

⁵¹ Цит. по: Пушкин А.С. Собрание соч., т.Ш. М.: «Правда», 1981, с.213.

⁵² Цит. по: Шутой В.Е. Указ. соч., с.121.

⁵³ К. Шильдкрет «Кубок орла», М., 1935, с.14.

⁵⁴ Регесты и надписи, т.Н, с.154.

⁵⁵ Н.И. Костомаров «Жидотрепание в начале XVIII века», (1885 г.) – цит. по кн.: Н.И. Костомаров «Инородцы», М., 1994, с. 334.

⁵⁶ Модзалевский В.Л. Герцик, Григорий Павлович. – «Русский биографический словарь». Т. 22. Герберская – Гогенлоэ. СПб.,1916, с.134-135.

- ⁵⁷ Тексты писем и анализ сопутствовавших им обстоятельств см.: Костомаров Н. Мазепа и мазепинцы. СПб., 1883, с.659-687.
- ⁵⁸ См.: Романович-Славатинский А. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870, с.505.
- ⁵⁹ См., например: Модзалевский В. «Догадка о происхождении рода Нахимовых» – В кн.: Сборник статей, посвященных Л.М. Савелову. М., 1915, с.78-80.
- ⁶⁰ Письма и бумаги императора Петра Великого, с.356.
- ⁶¹ Регесты и надписи..., т. II, с.265-266.
- ⁶² Бантыш-Каменский Д.Н. Деяния знаменитых полководцев и министров, служивших в царствование Петра Великого. Ч.II, М. 1813, с.92.
- ⁶³ Голубцова Е.И., Ошанина Е.Н. Коллекции московского Общества истории и древностей российских (ОИДР). – В кн.: Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. Ленина. Вып. XIII. М., 1952, с.16.
- ⁶⁴ См.: Ключевский В.О. Курс русской истории. 4.4. Пг., 1918, с.146-98 См.: Кочин Г.Е. Население Петербурга до 60-х годов XVIII века. — В кн.: Очерки истории Ленинграда. Т. I. М.-Л., 1956, с. 74; Толстой А.Н. Москва до XIX века. – В кн.: Москва. М., 1935, с.50.
- ⁶⁵ См.: «Заозерская Е.И. Мануфактура при Петре I», М.-Л., 1947, 103-104.
- ⁶⁶ См.: Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых в XVIII-XIX вв. Т. I. М.-Л.: АН СССР, 1949, с.174.
- ⁶⁷ См., например: А.К. По поводу «Записки П.П.Демидова князя Сан-Донато». – «Русский еврей», 1883, N 21, стлб.5-8; извлечения из работ П.П. Демидова см. также: «Записки по еврейскому вопросу» (князя Демидова – Сан-Донато). – «Русский еврей», 1883, N 20, стлб. 18-21.
- ⁶⁸ Подробнее о строительстве шафировского дома см.: Комелова Г.И. «Панорама Петербурга» – гравюра работы А.Ф. Зубова. – В кн.: Культура и искусство петровского времени. Л.: Аврора, 1977, с.132-133; см. также: Овсянников Ю.М. Франческо Бартоломео Растрелли. Л.: Искусство, 1982, с.20-21.
- ⁶⁹ См.: Карнович Е. Замечательные богатства частных лиц в России. Изд.2. СПб., 1884, с. 119-120.
- ⁷⁰ Д.Н. Бантыш-Каменский «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч.II, с.132-133.
- ⁷¹ «Древняя и новая Россия», 1876, N 4, с.399.
- ⁷² См.: «Русская старина», 1899, N 2, с.239-240.
- ⁷³ С. Князьков «Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома», М., 1991, репринтное издание М., 1909, с.222-223.
- ⁷⁴ С.М.Соловьев История России с древнейших времен. Кн.IX, тт.17-18. М.: Соц-экгиз, 1963, с.458.
- ⁷⁵ С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», кн. IX, т.17-18, М., 1963, с.458. Павел Филиппович Шафиров (не ранее 1639 – умер в апреле 1709.
- ⁷⁶ «Русский архив», 1903, N 7, с.384. Цит. по: Регесты и надписи..., т.I, с.265.
- ⁷⁸ Павленко Н.И. Указ. соч., с.329.

- ⁷⁹ Георг фон Гелиобиг «Русские избранники», под редакцией В.Л. Бильбасова, Берлин, 1907, с. 70
- ⁷⁹ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч., с. 129 примечание.
- ⁸⁰ Подробное описание казни и хлопоты герцога Гольштинского в защиту вице-канцлера приведены в записке обер-камергера Беркеальда (см.: *Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч., с.128-130*). На сс.130-133 того же издания приведено в переводе с немецкого благодарственное письмо П.П. Шафирова тайному советнику гольштинскому министру Бассенку, стараниями которого опальный был возвращен из ссылки.
- ⁸¹ История Академии наук СССР. Т.1. М.-Л.: АН СССР, 1958, с.52, 58; Очерки истории Ленинграда. М.-Л., 1955, с.221.
- ⁸² История Академии наук СССР..., с.144.
- ⁸³ Очерки истории Ленинграда..., с.227.
- ⁸⁴ А.Н. Медушевский «Утверждение абсолютизма в России (Сравнительное историческое исследование)», М. «Текст», 1994, с.228. со ссылкой на донесение О. Плейера.
- ⁸⁵ С.И.Э. М., 1968, Т.11, стлб.94
- ⁸⁶ С.М. Соловьев Сочинения История России с древнейших времен, т.13-14, М., Мысль, 1991, с.460.
- ⁸⁷ Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений, т. 17. М., 1936, с.404.
- ⁸⁸ Бантыш-Каменский Д.Н. Указ. соч., с.141.
- ⁸⁹ А.С. Пушкин. Собрание сочинений, М., 1965, т.8, с.343.
- ⁹⁰ К.Г. Шильдкрет «Кубок орла», М, 1935, с.8
- ⁹¹ Д.Н. Бантыш-Каменский «Деяния знаменитых полководцев и министров Петра Великого», М., 1813, ч.I, с.126-127).
- ⁹² Судное дело над действительным тайным советником бароном Шафировым и обер-прокурором Сената Скорняковым-Писаревым» Журнал Министерства Юстиции, СПб, 1859, сентябрь, отдел I, с.49.
- ⁹³ Д.Л. Мордовцев «Идеалисты и реалисты» – Мордовцев Д.Л. Полное собрание исторических романов, повестей и рассказов, СПб, 1914, т.28, с.60.
- ⁹⁴ Д.Л. Мордовцев «Идеалисты и реалисты», –... с.60.
- ⁹⁵ кн. П.В. Долгоруков. «Старые годы. Из воспоминаний» – Новый журнал, Нью-Йорк, год 1948, №18, с.171.
- ⁹⁶ К. Х. Абсхаген «Канарис», М., 2006, с.298.
- ⁹⁷ Записки Юста Юля датского посланника при Петре Великом (1709–1711гг.) Перевод с датского Ю.Н. Щербачева. Журнал «Чтения в Императорском обществе Истории и Древностей Российских при Московском университете». 1899, книга 3, М., 1899, с.224.
- ⁹⁸ Там же, с.139-140.
- ⁹⁹ Там же, с.200.
- ¹⁰⁰ «О нынешнем состоянии Государственного управления в Московии». Донесение Оттона Плейера в 1710 году, М., 1874, с.10.
- ¹⁰¹ Там же, с.19.
- ¹⁰² Ю.А. Нелидов «О потомстве барона Петра Павловича Шафирова. С генеалогической таблицей» – «Русский евгенический журнал», М., 1926, № 3, с.62.
- ¹⁰³ С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», М.,1963, кн.IX, т.17-18, с.596.

¹⁰⁴ С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», М., 1962, кн. VIII, т.15-16, с.545.

¹⁰⁵ кн. П.В. Долгоруков (1817–1868) «Старые годы». Из воспоминаний – Новый журнал, Нью-Йорк, 1948, №18, с.172. Перевод с франц. Комментарии Д. Скалона.

¹⁰⁶ Пештич С.Л. Русская историография XVIII века. Л., 1962, с. 138-141; см. также: Епифанов П.П. «Рассуждение» П.П. Шафирова о войне со Швецией. – В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сборник статей к 70-летию академика М.Н. Тихомирова. М.: Изд-во восточной литературы, 1963.

¹⁰⁷ Епифанов П.П. «Рассуждение» П.П. Шафирова... с.303. Книга Шафирова «Рассуждение...» была первой юридической книгой по международному праву. (См. В.Э.Грабарь «Первая русская книга по международному праву» («Рассуждение» П.П. Шафирова) – «Вестник Московского университета», М., 1970, №7, с.101-110) Заканчивая статью, Грабарь добавляет, что «Рассуждение» было написано только человеком, в совершенстве овладевшим современной ему теорией права». Добавим, что некоторые пункты трактата не потеряли значение до сегодняшнего дня. Это, например, бедственное положение населения, находящегося в районе военных действий, жестокое обращение с пленными, перманентное нарушение любых соглашений между сторонами. Понятно, что вина полностью возлагается на шведскую сторону. В.Э. Грабарь дает характеристику Петра Шафирова, высоко ставя его дипломатическое искусство, но в статье 1950 года попадаются весьма нелестные слова о вице-канцлере, попахивающие духом того времени: «Жадность к деньгам, заносчивость и интриги губят Шафирова». Но, повторимся, Шафиров сын своего века и, конечно же, он менее «жаден» и менее заносчив, чем скажем Меншиков, а его «интриги» не чета интригам графа Головкина, Остермана и того же «Светлейшего».

¹⁰⁸ W.E. Butler «Shafirov: Diplomatist of Petrine Russia» – «History to day», 1973, X, London, p. 702.

¹⁰⁹ Р.Б.С. Т.22. Чаадаев – Швидков, СПб, 1902, с.566. автор статьи о П. П. Шафирове – Е. Лихач.

¹¹⁰ Гербстман А.О. Рассказ о белом коне. М.: Физкультура и спорт, 1959, с.97-99.

¹¹¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, Т.ХI, вып.2, с.360 примечание. Второго сына звали Яков. Он, повидимому, умер в 20-х годах XVIII в. См. Ю.А. Нелидов, прим.121.

¹¹² Ф. Аф. Бычков «Барон Исай Петрович Шафиров» – «Исторический вестник», СПб, 1886, т. XXV, с.127.

¹¹³ князь П.В. Долгорукий «Старые годы» из «Воспоминаний» – «Новый журнал», Нью-Йорк, №18, 1948, примечания самого П.В. Долгорукого на с.171.

¹¹⁴ Е. Ястребцев «Шафиров Исай Петрович» – Р.Б.С. [т.22] Чаадаев – Швидков, СПб, 1902, с.553.

¹¹⁵ Подробнее о хозяйствовании И.П. Шафирова см. в статье: А.В. Тюстина «Село Ломовка Пензенской губернии в судьбах российского дворянства» – «Земство» Архив провинциальной истории России, Пенза, 1995, №3, с.195-198.

¹¹⁶ Н.В. Заварюхин «Очерки по истории мордовского края периода феодализма», Издательство Мордовского университета, 1993, с.103.

¹¹⁷ Р.Б.С. [т.13], СПб, 1902, с. 642-643.

- ¹¹⁸ Р.Б.С в статье Александр Григорьевич Петрово-Соловово. [т.20], СПб, 1912, с.642-643.
- ¹¹⁹ Р.Б.С. [т.17], СПб, 1918, с.139-140.
- ¹²⁰ Нелидов Ю.А. О потомстве барона Петра Павловича Шафирова. «Русский евгенический журнал», 1926, N 3, с.61-65.
- ¹²¹ Валишевский К. Петр Великий. М., 1908, с.74.
- ¹²² Князь П.В.Долгоруков «Время Императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны, М., 1909, с.97, 100.
- ¹²³ Долгоруков П.В. Время императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны. М.: Образование, 1909, с.97, 99.
- ¹²⁴ А.М. Фадеев «Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева» 1790-1867., Одесса, 1897, с.34.
- ¹²⁵ Витте С.Ю. Воспоминания. тт.1-3. М.: Соцэкгиз, 1960.
- ¹²⁶ «Красный архив», 1927, N 22, с.208.
- ¹²⁷ Цит. по: Энден М.Н. Граф С.Ю. Витте. – «Возрождение», Париж, 1971 октябрь, N 236, с.68.
- ¹²⁸ Шабельская Е.А. Сатанисты XX века. 4.1. Рига, 1934, с.59.
- ¹²⁹ Она же. Сатанисты XX века. Ч.III. Тайны Мартиники. Рига, 1936, с.6.
- ¹³⁰ Любимов С.В. Предки графа С.Ю.Витте. «Русский евгенический журнал», 1928, N 4, с.203-213.
- ¹³¹ Цит. по: Маор, Ицхак. Русский философ Владимир Соловьев. – «Панорама Ираиля», 1985 февраль, N 175, с.11.
- ¹³² «Возрождение», 1914, N 5, стлб.13.
- ¹³³ Каценельсон Н. Две встречи. – «Рассвет», 1915, N 10, стлб.10.
- ¹³⁴ «Новый восход», 1915, N 9.
- ¹³⁵ Клейнман И.А. «Еврейская неделя», 1915, N 4.
- ¹³⁶ Герцль Т. Из дневника. – В кн.: Герцль Т. Избранное. Иерусалим: «Библиотека «Алия», 1974, с.224.
- ¹³⁷ Там же, с.227.
- ¹³⁸ Тихомиров Л. К реформе обновленной России. М., 1912, с.70.
- ¹³⁹ Герцль Т. Указ. соч., с.225.
- ¹⁴⁰ Там же, с.228.
- ¹⁴¹ Короленко В. Г. «Теодор Герцль». (К полугодовщине его смерти). – «Южные записки», 1905, N 1, с.24-25.
- ¹⁴² Герцль Т. Указ. соч., с.219.
- ¹⁴³ Тарле Е.В. «Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики». Л.: Книжные новинки, 1927.
- ¹⁴⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание соч., т.Х. М.: «Правда», 1951, с.121. Надо сказать, что великий сатирик довольно злобно писал о генерале Фадееве. Вот саркастическое объявление отставного воеводы, якобы опубликованное в русских газетах: *«Полководец!!! Делает рекогносцировки, берет хитростью и приступом большие и малые укрепления, выигрывает большие и малые сражения, устраивает засады, преследует неприятеля по пятам, но в случае надобности и отступает. В особенности может быть полезен во время междуусобий. В мирное время может быть и редак-*

тором газеты. Трезвого поведения. Спросить Полкана Редедю, Забалканский проект, дом №4 –105, на дворе, в палатке. Комиссионерам не приходите». Называл его Щедрин и «Амоносро», намекая на африканские приключения авантюриста.

¹⁴⁵ Соловьев В.С. Письма. Т.2. СПб., 1909, с.18.

¹⁴⁶ Соловьев Владимир. Стихотворения и шуточные пьесы. Л.: Советский писатель, 1974, с.128-129.

¹⁴⁷ Тургенев И.С. Полное собрание сочинений. Т. V. М.-Л.: АН СССР, 1963, с.370.

¹⁴⁸ Сахаров В.И. «Форма времени». – В кн.: Русская романтическая повесть. М.: Советская Россия, 1980, с.18.

¹⁴⁹ См.: Кузьмич Л. «Елена Ган – забытая писательница». – «Новый журнал», Нью-Йорк, N 72, 1963. с.294-302.

¹⁵⁰ См.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.IV. СПб., 1891, с.40.

¹⁵¹ См.: Письмо Блаватской. Публикация Б.Л. Бессонова и В.И. Мильдона; вступ. заметка и примечания В.И.Мильдона. – «Литературное обозрение», 1988, N6, с.110-112.

¹⁵² См.: Соловьев Всеволод. «Современная жрица Изиды». – «Русский вестник», 1892, N 1-6.

¹⁵³ Желиховская В.П. (Некролог). «Нива», 1896, N 25, с.645.

¹⁵⁴ Сведения об отношении Е.А. Сушковой и М.Ю. Лермонтова находятся в статье Ю.Г. Оксмана, предваряющей публикацию «Записок» Е.А. Сушковой 1928 года.

¹⁵⁵ О еврейском происхождении Е.Ф. Канкрина см.: Вигель Ф.Ф. Записки. М.: Артель писателей «Круг», 1928, т.1, с.185; Палеолог С.В. Около власти. Белград: «Свято-слав», 1929 (?), с.20. Мы можем добавить к личности министра финансов характеристику, которую дал ему знаменитый экономист: «Канкрин был почти единственным государственным человеком, у которого практическая деятельность была суммой теоретических выводов и результатом научных исследований» – И.С.Блюх «Финансы России», СПб, 1882, т.I, с.158)

¹⁵⁶ Вяземский П.А. Записные книжки. М.: АН СССР, 1963, с.97.

¹⁵⁷ Вяземский П.А. Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1958, с.290-157 Русская эпиграмма второй половины XVIII – начала XX в. Л.: Советский писатель, 1975, с.497.

¹⁵⁸ Там же, с.496.

¹⁵⁹ В.Б. Бергенсон «За тридцать лет (Листки воспоминаний)».– «Исторический вестник», , 1912, т.130, №10, с.173.

¹⁶⁰ Валуев П.А. Дневник. Т.П. М.: АН СССР, 1961, с.341, 370-371.

¹⁶¹ Родзянко М.В. Крушение империи. Л.: Прибой, 1929, с.247 примечание 128.

¹⁶² Лазарев К. Александр Дмитриевич Самарин (1868–1932) в воспоминаниях его дочери Елизаветы Александровны Самариной-Чернышевой. – В кн.: Память. Исторический сборник. Вып.3. М., 1978; Париж, 1980, с.329-373.

¹⁶³ Витте СЮ. Воспоминания. Т.3., с.70.

¹⁶⁴ Трубецкой Г.Н. Годы смут и надежд (1917-1919). Монреаль, 1981.

¹⁶⁵ Трубецкой Н.С. О туранском элементе в русской культуре. – В кн.: Евразийский временник. Берлин, 1925, с.351-377.

- ¹⁶⁶ Б. Пастернак «Липовая аллея» – Борис Пастернак «Стихотворения и поэмы, М-Л, 1965, с.454-455.
- ¹⁶⁷ С. Дудаков «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма», М., МГГУ, 2000, с.345.
- ¹⁶⁸ Толстой А.Н. Собрание сочинений. Т.7. М.: «Художественная литература», 1959, с.821-822.
- ¹⁶⁹ Витте С.Ю. Указ. соч., с.84.
- ¹⁷⁰ Лопухин А.А. Отрывки из воспоминаний (*по поводу «Воспоминаний» гр. С.Ю.Витте*). М.-Пг.: Госиздат, 1923.
- ¹⁷¹ Юсупов Ф.Ф. Отрывок из воспоминаний об убийстве Распутина. – «Огонек», 1965, N 22, с.24-27.
- ¹⁷² А.А. Игнатъев «Пятьдесят лет в строю», М., 1959, т.2, с.227.
- ¹⁷³ П.П. Шостаковский «Путь к правде», Минск, 1960, с.176.
- ¹⁷⁴ Серов – О.Ф.Серовой. 2 июня 1896 г. Архангельское – «Валентин Серов в переписке, документах и интервью», М., 1985, с.224.
- ¹⁷⁵ Валентин Серов в воспоминаниях, М., 1971, с.298.
- ¹⁷⁶ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XXVIIIа, СПб, 1900, с.149.
- ¹⁷⁷ РБС. [т.18]т. Сабанеев–Смыслов, с.70-71.
- ¹⁷⁸ Муравьев-Карский Н.Н. Записки. – «Русский архив», 1885, кн.Ш, N 9, с.29.
- ¹⁷⁹ Чичерин А.В. Дневник (1812-1813). М.: Наука, 1966, с.258.
- ¹⁸⁰ Д.А. Корсаков «Из жизни русских деятелей XVIII века», Казань, 1891, с. 178, 181-183.
- ¹⁸¹ Д.А. Корсаков «Из жизни русских деятелей XVIII века», Казань, 1891,с.177.
- ¹⁸² М., «Роман-газета», 1977, № 8
- ¹⁸³ В. Катаев «Кладбище в Скулянах»...с.69.
- ¹⁸⁴ Там же.
- ¹⁸⁵ Записки Юста Юля, датского посланника при Петре Великом (1709-1711).
- ¹⁸⁶ В.А. Бильбасов «История Екатерины Второй», Берлин, 1900, т.I, с.232, 293.
- ¹⁸⁷ Журнал: «Записки отдела рукописей», выпуск 14, М., 1952 г. Из рукописей поступивших в 1951 г. с.94.
- ¹⁸⁸ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1962, книга VIII, т.15-16 с.540.
- ¹⁸⁹ Письмо кн. Б.И. Куракина барону Шафирову от 15(26) июля 1712 года из Гааги. См.: Архив кн. Ф.А. Куракина, кн.II, СПб, 1891. с.388.
- ¹⁹⁰ С.М. Соловьев История России с древнейших времен, книга IX, М., 1963, с.101-104.
- ¹⁹¹ С. Князьков «Из прошлого русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома», М., 1991, репринтное издание М., 1909, с.207.
- ¹⁹² Еврейская энциклопедия. Т.V. СПб., б. г., стлб. 519.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ Е.П. Подъяпольская ... с.327, 337.
- ¹⁹⁵ См.: Крамер А. Авраам Веселовский. – «Русская старина», 1884, N 15, с.188-190.
- ¹⁹⁶ Р.Б.С. том. Вавила- Веселовский, с.618. Исследователь В.О.Серов дает другую дату – 1718 год.

¹⁹⁷ Новый Энциклопедический словарь Брокгауз и Ефрон, СПб, т.10, с.299. Жак-Иоаким Тротти маркиз Шетарди французский дипломат и генерал. Интриговал при русском дворе в пользу Франции и был выслан за пределы российской империи, за чрезмерные попытки повлиять на императрицу Елизавету Петровну.

¹⁹⁸ Регесты и надписи..., т.Ш. СПб., 1913, с.620.(???????. Может быть у С. Соловьева?)

¹⁹⁹ Там же, с.23.

²⁰⁰ Р.Б.С. том. Вавила- Веселовский, с.623.

²⁰¹ Архив кн. Ф.А.Куракина, кн. II, СПб, 1891, с.333; см. также: В.Н. Александренко «Русские дипломатические агенты в Лондоне в XVIII в.», Варшава, 1897, т. II, с.12, 13, 30-34.

²⁰² Архив кн. Ф.А. Куракина, кн. II, СПб, 1891, с.388 и с.410.

²⁰³ Реялции кн. А.Д. Кантемира из Лондона (1732-1733г.), т.I, М., 1892, примечание на с.119.

²⁰⁴ «Энциклопедический лексикон» Ад. А. Плюшара, т.9., «Вар-Вес», СПб, 1837, с.839.

²⁰⁵ Регесты и надписи..., т. II, с.244-245.

²⁰⁶ «Энциклопедический лексикон», из-во А.А. Плюшара, т.9, СПб, 1837, с.538.

²⁰⁷ Д-р филологических наук В.М. Гацак «Академик А.Н.Веселовский – родоначальник исторической поэтики» – Вестник А.Н. СССР, №9, 1988, с.121.

²⁰⁸ «История и историки», М., Наука, 1971, с.351-376.

²⁰⁹ Эти слова Ключевского воспроизвел С.Б. Веселовский в год смерти великого историка в 1911 году. См.:В.А. Александров, В.Л. Янин предисловие к «В.О. Ключевский. Курс русской истории», М., «Мысль», 1987, т.I, с.21.

²¹⁰ А. Доде, Ги де Мопассан, Ф. Брет Гарт, Р. Киплинг и др.

²¹¹ «В Еврейской библиотеке», №10 за 1903 год опубликована статья «Натан Мудрый и Ливанский монах» – Памяти А.Е. Ландау.

²¹² Юрий Веселовский «Этюды по русской и иностранной литературе», т. II, М., 1918.

²¹³ Юрий Веселовский «Литературные очерки». (М., 1910, т. II) с.246.

²¹⁴ «Сведения об официальном преподавании восточных языков в России». Н.И.Веселовский. Глава: Еврейский язык. Труды 3-го международного съезда ориенталистов. СПб. 1879-1880, с.208-221.

²¹⁵ Современные белорусские историки называют точным местом рождения Ягужинского Белоруссию. См.: Валянцин Грышкевич «Выхадцы з Беларусі у пачатку стагоддзя» – «Польмя», 1989, №7.

²¹⁶ Д.Л. Мордовцев «Царь и Гетман» – Собрание соч. изд. Сойкина, СПб, 1901, т.12, с.10-11.

²¹⁷ Н.И. Селиванов-Павлов «Государевы служилые люди. Люди кабальные и докладные» – Н.И.Селиванов-Павлов Сочинения, т.I, СПб, 1909, с.226.

²¹⁸ Лев Толстой «Материалы к роману времен Петра I» – Л.Н.Толстой, ПСС., М., 1936, т.17, с.404.

²¹⁹ Например, «вариант» встречи царя и Антонио Вера в статье: Анатолий Явнель «Знатьность по годности» – «Русская мысль», Париж, №3275 от 27 сентября 1979 г. Явнель относит приглашение к 1698 году.

²²⁰ С.М. Соловьев, «История России с древнейших времен», кн. X, т.19-20, М., 1963, с.458.

- ²²¹ Анатолий Иванов «Денщик, генерал, ссыльный» – «Петербургские новости» от 11 ноября 2000 г.
- ²²² Р.Б.С. т.6 Дабелов-Дядьковский, СПб, 1905, с.372.
- ²²³ Цит. по С. А. Князьков «Из прошлого Русской земли. Время Петра Великого. Книга для чтения по русской истории в школе и дома». Репринтное воспроизведения издания 1909 г., М., 1991, с.665.
- ²²⁴ «Санкт-Петербургская столичная полиция и градоначальство». Краткий исторический очерк, СПб, 1912, с.10.).
- ²²⁵ К. «Наша полиция. Граф А.М.Дивьер и его полицейская деятельность», - «Вестник полиции», СПб, 1909 г., №34, с.726.
- ²²⁶ Р.Б.С. Т.6 Дабелов-Дядьковский, СПб, 1905, с.373.
- ²²⁷ Елизар Мальцев «Белые гуси на белом снегу» – «Дон», Ростов на-Дону, 1988, №5, с.111-112.
- ²²⁸ «Наша полиция. Граф А.М. Дивьер и его полицейская деятельность», – «Вестник полиции», СПб, 1909 г., №34, с.727.
- ²²⁹ А.С. Сгибнев «Скорняков-Писарев и Девьер в Сибири. 1727-1743» – Русская старина, СПб, т.XV, 1876, с.444-449.
- ²³⁰ «Вестник полиции», СПб, 1909, № 35, с.793.
- ²³¹ Н.Н. Голицын « История русского законодательства о евреях», т.I, СПб, 1886, с.15.
- ²³² А.П. Пятковский, СПб, 1901, «Государство в государстве», с.40.
- ²³³ Из записок князя П.В. Долгорукова «Время Императора Петра II и императрицы Анны Иоанновны», перевод с французского С.М., М., 1909, с.108; П.П. «Шуты и скоморохи», – Исторический вестник», СПб, 1888, т.XXXII, с.477-478)
- ²³⁴ Н.Ф. Финдейзен «Очерки по истории русской музыки в России с древнейших времен до конца XVIII века.», М-Л, 1929, с.7, 24-25.
- ²³⁵ Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966, с. 206.
- ²³⁶ Каратеев М.Д. Арабски истории. Буэнос-Айрес, 1971, с.112-131.
- ²³⁷ «Аксаковы» – Новый Энциклопедический словарь, СПб, 1911, т.1, ст.147.
- ²³⁸ Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1980, с. 106.
- ²³⁹ С.Либрович «Нерусская кровь в русских писателях», СПб., 190?, с 50.
- ²⁴⁰ Н.А. Петровский «Словарь личных имен», М., Советская энциклопедия, 1966.
- ²⁴¹ А.Терещенко «Опыт Обозрения жизни сановников управляющих иностранными делами в России», ч. II, «Канцлеры», СПб, 1837, с.104.
- ²⁴² Н.А. Казакова и Я.С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века», М – Л., Наука, 1955.
- ²⁴³ И.Огородников «Иван III и зарубежные евреи (Хозя Кокос и Захария Гуил-Гурсис)» – Сборник статей в честь Д.А. Корсакова. По поводу сорокалетия его ученой и пятидесятилетия учено-литературной деятельности, Казань, 1913, с.52-75; так же у Н.Л. Эрнста «Конфликт Ивана III с генуэзской Кафкой». («К истории московско-крымской торговли и происхождения казачества» – Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии, т.1(58) под редакцией Н.Л. Эрнста, Симферополь, 1927, с.167-180)
- ²⁴⁴ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979, с.277.

- ²⁴⁵ Н.Н. Голицын «История законодательства о евреях» (1649-1825), т. I, СПб., 1886, с. 642.
- ²⁴⁶ А.И. Клибанов «Духовная культура Средневековой Руси», М., 1994.
- ²⁴⁷ В.В. Колесов «Комментарии к «Посланию старца Филофея» в книге «Памятники литературы древней Руси. Конец XV – первая половина XVI века» М., 1984, с.735-736.
- ²⁴⁸ Н.А. Казакова и Я.С. Лурье «Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века», М.-Л., 1955, Приложение. Источники. с.239, 242., см. также: М.В.Соколов «Очерки по истории психологических воззрений в России в XI -XVIII веках», М.,1963, с.130-131.
- ²⁴⁹ «Хожение за три моря» Афанасия Никитина. 1466-1472 г.г.), М.-Л., 1948, с.188-189.
- ²⁵⁰ В.И.Даль Толковый словарь живого великорусского языка. Т.П. М., 1956, с.533.
- ²⁵¹ М. Эпштейн «Новое сектантство. Типы религиозно-философских умонастроений в России (70-80 гг. XX в.)», М., 1994, с.75.
- ²⁵² Там же...с.80).
- ²⁵³ Там же...с.75).
- ²⁵⁴ Савелий Дудаков «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России», М., 2000, с.13.)
- ²⁵⁵ М. Эпштейн «Новое сектантство. Типы религиозно-философских умонастроений в России (70-80 гг. XX в.)», М., 1994, с.81.
- ²⁵⁶ С.М. Соловьев Сочинения, М., 1993, книга XI, т.21-22, с.328.
- ²⁵⁷ Гатцук Ал. «Евреи в русской истории и поэзии», «Сион», Одесса, 1861, №5, С.165.
- ²⁵⁸ См.: Куник И. Евреи в Москве во второй половине XVII века. «Еврейская старина», 1913, N 1, с. 96-101.
- ²⁵⁹ См.: В. Московские слободы. М.: Моск. рабочий, 1947, с. 130.
- ²⁶⁰ См.: Гессен, Юлий. Указ. соч., с.70.
- ²⁶¹ Подробнее о выборных должностях купцов см.: Богдаев С. Состав Московского слободского схода. В кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. Пг., 1922, с.322-329. В издательстве «Наука» в 1980 году вышли неопубликованные работы – Научное наследие С.К.Богдаева «О Москве XVII века», где много говорится о Мещанской слободе, о евреях-купцах, в том числе и о Юрии Самойлове Евреинове, у которого в 1698 году возникли распри со старостой Филиппом Алферьевым, который стал с него собирать «тягло насильством». Поддержку Евреинова нашел в Посольском приказе...
- ²⁶² Н.В. Козлова «Некоторые аспекты культурно-исторической характеристики русского купечества XVIII века» – Вестник Московского университета, Серия 8, История, 1989, №8, с.33, 34.
- ²⁶³ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. кН.VII, тт. 13-14. М.: Соцэкгиз, 1962, с. 102.
- ²⁶⁴ Цит. по: Вольное слово. Самиздат. Избранное. Вып. 9-10. Мюнхен, 1972, с.60.
- ²⁶⁵ «Древняя и новая Россия», 1876, N 4, с.298; Гуров Г.А. История одного заблуждения. Л.: Наука, 1970, с.97.
- ²⁶⁶ См., например, у Костомарова, когда Никита Пустосвят обвиняет деятелей реформы, поколебавших душу царя Алексея Михайловича, то Арсений Грек назван им «еретиком и жидовским обрезанцем» – Н.Н.Костомаров «Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей», кн. II, выпуск 4 и 5, М., Книга, 1991, с.495.

- ²⁶⁷ Дм. Жуков «Аввакум Петров» – в кн.: «Русские писатели XVII века», М., 1972, с.52, с.136.
- ²⁶⁸ Цветков Д.В. Первый русский доктор. – «Исторический вестник», 1896. N 4, с.271.
- ²⁶⁹ Подробнее см.: Берхин А. Два еврея-врача при московском дворе. – «Восход», 1888, N 3, 111-116.
- ²⁷⁰ Матвеев А.А. Записки. – В кн.: Записки русских людей. События времен Петра Великого. СПб., 1841, с.32-33.
- ²⁷¹ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т.VIIa, полутом 14, СПб, 1892, стлб.778., Р.Б.С., М-СПб., 1914, [т.4] Гааг-Гербель, с.102-103.
- ²⁷² Медведев С. Записки. – В кн.: Там же, с. 14-15.
- ²⁷³ Ю. Гессен. «Евреи в Московском государстве XV-XVII в.» – «Еврейская старина», 1915, т.VIII, стр.172.
- ²⁷⁴ Ильинский Ф. Дьяк Федор Курицын. – «Русский архив», 1895, N 2, с.5-16.
- ²⁷⁵ Голицын Н.Н. История законодательства о евреях (1649-1825). Т.I. СПб., 1886, с.642.
- ²⁷⁶ Лажечников И.И. Басурман. М., 1961, с. ЮО.
- ²⁷⁷ Там же, с.283.
- ²⁷⁸ Кукольник Н.В. Сочинения. 4.2. СПб., 1852, с.415-416.
- ²⁷⁹ Поэты 1820-1830-х годов. Т.2. Л.: Советский писатель, 1972, с.750.
- ²⁸⁰ См.: Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Т.25, Л.: Наука, с.82-83.
- ²⁸¹ журнал «Нива» № 22, 1885 г.
- ²⁸² С.М. Соловьев кн.III «История России с древнейших времен», т.5-6, М., 1989, с.58.
- ²⁸³ Журнал «Восход» (1893, № 10-12).
- ²⁸⁴ Ключевский В.О. Курс русской истории. Т. 4. Пг., 1918, с.300-301.
- ²⁸⁵ Бахрушин С.В. «Москва как ремесленный и торговый центр XVI века» – В кн.: Бахрушин С.В. Научные труды, Т.I. М., 1952, с.162-163.
- ²⁸⁶ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1989, книга IV, т.7-8, с.641-642.
- ²⁸⁷ Там же
- ²⁸⁸ П.Г. Любимиров «Очерк истории нижегородского ополчения 1611-1613 гг.», Пг, 1917, с.63, 302.
- ²⁸⁹ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1989, книга IV, т.7-8, с.641-642; Я проверил возможность трагического исхода у врача - психиатра Д.А. Черняховского, и он подтвердил, что припадок сопровождается падением головы вперед. Надеюсь, что этот аргумент может изменить традиционную точку зрения. Кстати, и историк С.Ф. Платонов был убежден в невинности Бориса Годунова.
- ²⁹⁰ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1988, книга II, с. 459.
- ²⁹¹ подробнее в книге С.Ю. Дудакова «Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России», М., МГГУ, 2000, очерк «Великие современники (Бондарев и Толстой).
- ²⁹² Б.С.Э. М., 1931, т.65, стлб.112.

²⁹³ «Падение царского режима». Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917г. в Чрезвычайной Следственной Комиссии Временного правительства», Л.-М., 1925, т. II, с. 29, 41; Л.-М., 1927, т. VII, с. 441.

²⁹⁴ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1991, книга VII, т. 13-14, с. 266, 267, 273, 288. Его не следует путать с Алексеем Юдиным, дьяком.

²⁹⁵ А.С. Пушкин «Послание к Юдину», 1815г.

²⁹⁶ Л.А. Черейская: «Современники Пушкина» (Л., 1981, с. 36) и «Пушкин и его окружение» (Л. 1988, с. 515).

²⁹⁷ «Дела Тайного Приказа», кн. 3., Русская историческая библиотека, издаваемая археографической комиссией, т. 23, СПб, 1904, с. 15.

²⁹⁸ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1962, кн. VIII (т. 15-16), с. 405.

²⁹⁹ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1991, кн. VII (т. 13-14), с. 200

³⁰⁰ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М., 1991, кн. VI (т. 11-12), с. 280

³⁰¹ Раскольников Ф. «Россия и Афганистан» – журнал «Новый Восток», 1923, №4, с. 15, 16.

³⁰² «Личные архивные фонды», М., 1962., т. I, с. 265

³⁰³ А.С. Жадов «Четыре года войны», М., 1978, с. 61.

³⁰⁴ В одном из старых документов я обнаружил фамилию **Жидилин Андрей Иевлев** – «Донские дела», СПб, 1906, т. III, с. 27.

³⁰⁵ Л.М. Сандалов «Пережитое», М., Воениздат, 1961, с. 106, 190.

³⁰⁶ Б.О. Унбегаун «Русские фамилии», М., 1995, с. 142.

³⁰⁷ Сергей Прокофьев «Автобиография», М., 1973, с. 15, 609, 610.

³⁰⁸ М.А. Цявловский «Декабристы» – Лев Толстой ПСС., М, 1936, т. 17, с. 506)..

³⁰⁹ Б.О. Унбегаун «Русские фамилии», М., 1995, с. 111.

³¹⁰ Б.О. Унбегаун «Русские фамилии», М., 1995, с. 229, 239.

³¹¹ И.Ф. Ушаков «Философ» из Кандалакши» – «Вопросы истории», №3, 1976, с. 216-221. Полагаю, что Ушаков – русский человек и никаких комплексов не имел. .

³¹² Лев Толстой «Материалы к роману времен Петра I» – Выписка из С. Соловьева. – Л.Н. Толстой, ПСС., М., 1936, т. 17, с. 398.

³¹³ Юлий Гессен «История еврейского народа в России», т. I, Пг, 1916, с. 51-52.

³¹⁴ цит. по предисловию к книге С. Ковалевская «Воспоминания детства». «Нигилистка», М., 1960, с. 9.

³¹⁵ «Личные архивные фонды в Государственных хранилищах СССР», т. I, с. 253 и т. II, М., 1962, с. 315.

³¹⁶ Большинство сведений о Б.А. Евреинове я почерпнул из статьи Л. Демина из энциклопедии «Русское зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века», М., 1997.

³¹⁷ Савелов Л.М. «Родословные записки», М., 1909, с. 162-163.

³¹⁸ РБС., СПб, 1897, [т. 8] Ибак - Ключарев, с. 129.

³¹⁹ Лемке М.К. «250 дней в царской ставке», Пг, 1920, с. 68, 71.

³²⁰ Гессен, Юлий «Жизнь пленных в Московском государстве. Государственные пленные»... с.72.

³²¹ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», кн. VI, т. 11-12, М., 1991, с.266.

³²² С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», кн. VII, т.13-14, М., 1991, с.181

³²³ См. подробно в главе «Народные поверья» в книге С. Дудакова «Этюды любви и ненависти», М., 2003.

³²⁴ «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в. Подготовка текста, статья и комментарии И.М.Кудряцева, М-Л., Наука, 1957.

³²⁵ «Артаксерксово действо». Первая пьеса русского театра XVII в... с.225, с.321.

³²⁶ «Энциклопедический музыкальный словарь», М., 1959, с.243.

³²⁷ Андрей Белый «Памяти художника-моралиста» – цит.по кн.: Валентин Се-ров в воспоминаниях, дневниках и переписке современников", Л., 1971, т.2 , с.423.

³²⁸ Беренштам В.В. «Из пережитого», Пг, 1915, с.179.

³²⁹ Н.С. Лесков. Собр. соч. М., 1958, т.11, с.17.

³³⁰ «Военной энциклопедии» Сытина.СПб, 1996, т.II, с.281),

³³¹ М.Г. Моргулис «Из моих воспоминаний» – «Восход», Спб, апрель, 1895, 34.

³³² «Биографический словарь профессоров и преподавателей ун-та св. Влади-мира», Киев, 1884, с.274.

³³³ Дневник П.А. Валуева.М., 1961, т.II, 1865-1876гг., с.285.

³³⁴ «Дневник Д.А. Милютин» ,М.,1941, с.112-113.

³³⁵ В.В. Набоков «Другие берега» - цит. по.: Владимир Набоков Собр. соч. в 4-х томах, М., 1990, т.4, с. 58, 159.

³³⁶ Г.В. Шварц-Бостунича «Масонство и русская революция», Нови сад, 1921, с.114-115. Приводятся «жуткие» антимаасонские рассказы.

³³⁷ И.Н. Буланкин «Основоположник Отчественной биохимии Александр Яковлевич Данилевский», Харьков, 1953, с.3.

³³⁸ «Справка к докладу (С.А. Панчулидзева) по еврейскому вопросу»: в 13 ч. Сост. Канцелярией Совета объедин. дворян. об-в. – (СПб), (1911), ч.3, с.23-24, 27.

³³⁹ То же... с.23-25

³⁴⁰ М.В. Грулев «Записки генерала-еврея», Ницца, 1929, с.246; «Чистый доход от этого издания, жертвуется в пользу Сионизма, в «керем каёмес лыисроиль» – так предворил свою книгу талантливый генерал Генерального штаба.

³⁴¹ «Справка к докладу (С.А. Панчулидзева) по еврейскому вопросу»: в 13 ч. Сост. Канцелярией Совета объедин. дворян. об-в. – (СПб), (1911), ч.3, с.27.

³⁴² Александр Редигер «История моей жизни. Воспоминания военного министра», т.2, М., 1990, с.270-272.

³⁴³ М.Ясюков «Начало века: жизнь, проблемы, нравы армии в России» – «Коммунист вооруженных сил», М, 1990, №7. С.71.

³⁴⁴ Приоритет отечественных открытий в медицине. (состав. В.Г. Архангельский) М., 1949.

- ³⁴⁵ Е.А. Финкельштейн «Василий Яковлевич Данилевский выдающийся русский биолог, физиолог, и протистолог», М.-Л., 1955, Из-во Академии наук СССР, с.4-5.
- ³⁴⁶ С.Ю.Витте Воспоминания, М., 1960, т.1, с.219. Александр Аггеевич Абаза, гос. Контролер, председатель департамента экониии Гос. Совета. Министр финансов при Лорис Меликове (1880/1881).
- ³⁴⁷ Книга: 25-летие врачей, бывших студентов императорской Медико-хирургической вкадемии. СПб, 1893, с.93. (Автобиография)
- ³⁴⁸ Т. XXVII.Спб, 1899, с.218-219.
- ³⁴⁹ издание Сытина, Спб, 1912 г.
- ³⁵⁰ Д-р В.Кашеварова-Руднева «К истории женского медицинского образования в России» – газета «Новости и Биржевые Ведомости», от 14.XI.1886, №314.
- ³⁵¹ В.В.Набоков «Другие берега» – цит. по изд.Собр. соч., М, 1990,с.158-159.
- ³⁵² Мисс Джекс-Блэк «Женщины – медики», СПб, 1873, примечание на с.36-37.
- ³⁵³ Незнакомец (А.С. Суворин) «Недельные очерки и картинки. Письмо к г. Максиму Антоновичу» – газета «Новое время», №1296 от 7.X.1879.
- ³⁵⁴ Там же
- ³⁵⁵ Цит. по Ф. Достоевский ПСС., М., 1976, т.17, примечание на с.403-404.
- ³⁵⁶ Мисс Джекс-Блэк «Женщины – медики», СПб, 1873. таблица на с.35.
- ³⁵⁷ С.Степняк Кравчинский, «Подпольная Россия» – в кн. С.Степняк - Кравчинский, Сочинения, т.1, М., 1958, с.377-378.
- ³⁵⁸ В.А. Поссе «Молодость» (1864-1894), Л., 1933, т.1., с.137.
- ³⁵⁹ П. Берлин «К биографии И.И. Мечникова» («Еврейская жизнь», М., 1916, №30, стлб. 29-30.
- ³⁶⁰ Я. Беленький «И. И. Мечников» «Еврейская неделя», М.-Пг., №32, 1916, стлб.39.
- ³⁶¹ С.А. Бершадский. «Аврам Езевович Ребичкович подскарбий земский, член Рады Великого княжества Литовского», Киев, 1888, с.39.
- ³⁶² Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, т. XVI, полутом 31, СПб, 1895, с.343).
- ³⁶³ Е.П.Карнович «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими» 1. изд., СПб, 1886; Переиздание М., 1991, с.148.
- ³⁶⁴ Р. Будкевич «О еврейской музыке» – «Гадегель», Харбин, 1940, №4, с.17.
- ³⁶⁵ Н.А. Малько «Воспоминания Статьи Письма», Л., 1972, с.50-51
- ³⁶⁶ Гершон Свет «Евреи в русской музыке», «Книга о русском еврействе», Нью-Йорк, с.465.
- ³⁶⁷ см. фотографию в кн. «Александр Николаевич Скрябин», Альбом. Сост. Е.Н. Рудакова, М., 1980, с.21.
- ³⁶⁸ Н.И. Костомаров «Мазепы и мазепинцы», М., 1995, с. 770.
- ³⁶⁹ К.А.Залесский «Кто был кто в Первой мировой войне» М., 2003, с.454-455.
- ³⁷⁰ «Регесты и надписи». Свод материОалов для истории евреев в России.(80 г.–1800), т.I. (до 1670 г.), СПб, 1899, с.81. Поясним, что «мыгт» – древнерусская пошлина, взимаемая с товаров, нечто вроде современного таможенного сбора.

- ³⁷¹ С.А. Бершадский «Аврам Езефович Ребичкович подскарбий земский, член Рады Великого княжества Литовского», Киев, 1888, с.39.
- ³⁷² С.А. Бершадский... с.39.
- ³⁷³ С.А. Бершадский... с.39
- ³⁷⁴ М. Я. Бессараб «Сухово-Кобылин», М, 1981, с. 17.
- ³⁷⁵ И.М. Клейнер «Сухово-Кобылин», М., 1969, с.5, 12-13, 31.
- ³⁷⁶ РБС в статья Потапов [т.20], Спб, 1912, с.643.
- ³⁷⁷ Ф.Ф. Вигель Записки Филипа Филиповича Вигеля, ч.3, М., 1892, с.32-33.
- ³⁷⁸ С. Станиславский «К истории польского восстания 1831 г.» – «Еврейская старина», СПб, 1910, с.420.
- ³⁷⁹ Н.Н. «Из впечатлений минувшего века. Воспоминания среднего человека» – «Еврейская старина, СПб, 1914, с.430»
- ³⁸⁰ В.О. Ключевский «Курс русской истории», ч.V, М., 1989, с. 152.
- ³⁸¹ Князь Имеритинский «Из записок старого преображенца» – «Русская старина», 1893, апрель, май, июнь.
- ³⁸² Р.Б.С. соответствующий том и воспоминания М.Золотарева «Д.А. и А.Д. Герштенцвейги» – «Русская старина», 1874 г.
- ³⁸³ Е.П. Карнович, «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими», М., 1991, с.62, 133.
- ³⁸⁴ Там же с. 147.
- ³⁸⁵ Палеолог С.Н. «Около власти», Белград, 1929, с.20-21.
- ³⁸⁶ Ф.Ф. Вигель Записки ч.3, М., 1902, с.56.
- ³⁸⁷ Ф.Ф.Вигель Записки, ч.3, М., 1902, с.32.
- ³⁸⁸ Ф.Ф.Вигель Записки ч.3, М., 1902, с.94-95)
- ³⁸⁹ Ф.Ф. Вигель Записки т.7., с.68)
- ³⁹⁰ С. А. Ан-ский «Еврейское народное творчество» - Пережитое, Т. I, СПб, 1910, с.277.
- ³⁹¹ Биографический словарь «Русские писатели 1800-1917», М., 1989, т.1 с.25-26.
- ³⁹² С. Дудаков «Этюды любви и ненависти», М., МГГУ, с.136-138.
- ³⁹³ Подробнее в «Военной энциклопедии» Сытина.
- ³⁹⁴ Г.В. Шварц-Бостунича «Масонство и русская революция», Нови сад, 1921, с.114-115.
- Приводятся «жупки» антимаасонские рассказы.
- ³⁹⁵ С.Ф. Либрович, «На книжном посту», с.45.
- ³⁹⁶ Еврейская энциклопедия, т.5., стлб.498-499.
- ³⁹⁷ журнал «Новый Восход», 1910, №34, стлб.10. Столетие со дня рождения Пирогова
- ³⁹⁸ «Учение об уголовных доказательствах». 1-изд. – Харьков, 1881, 3-е-М., 1910.
- ³⁹⁹ (М.М. Ковалевский «Моя жизнь» – «История и историки. 1973», Наука, М., 1975, с.269-270.
- ³⁹¹ А.Ф. Кони «Лев Николаевич Толстой» - Собр. соч., М., 1968, т.6., с.508-509.
- ³⁹² Лев Толстой. П.С.С., М., 1935, т.54., примеч. на с.445.
- ³⁹³ «Вспомогательные науки», т.1, М.. 1968.
- ³⁹⁴ «Русская старина», 1904 г., т.119, №2.
- ³⁹⁵ П.А.Вяземский «Старая записная книжка», Захаров.Москва, 2003, с.597.
- ³⁹⁶ А.С. Пушкин. Собр. соч., М., 1962, Письма, с.218. Письмо от 19 октября 1834 г.

- ³⁹⁷ Л.А.Черейская: «Современники Пушкина», Л., 1981, с.196 и «Пушкин и его окружение», Л.1988, с.327.
- ³⁹⁸ «Фукс и казанские литераторы 30-40-х годов», «Русская старина», 1904, т.119, июль-август-сентябрь, с.5-8.
- ³⁹⁹ Г.Ф.Квитка-Основьяненко «Пан Халявский», М., «Художественная литература», 1978, с.30. Первое издание романа в СПб в 1840. В нем заметно сильное влияние Гоголя.
- ⁴⁰⁰ «Падение царского самодержавия», М-Л, 1927, т.7, с.323.
- ⁴⁰¹ А.Ф. Кони Собрание соч., М., 1969, примеч. на с. 420.
- ⁴⁰² «Journal of Ukrainian studies», 1984, v.9, № 2, p.31.
- ⁴⁰³ Р.Л. Берг "Суховей", М., 2003, с.92.
- ⁴⁰⁴ «Карлик фаворита. История жизни Ивана Андреевича Якубовского, карлика Светлейшего Князя Платона Александровича Зубова, писанная им самим», München, б. года изд, примечание на с. 280.
- ⁴⁰⁵ «Исторические записки, Т.9, М.,1940.
- ⁴⁰⁶ «Исторический сборник», Т.1, Л.,1934.
- ⁴⁰⁷ «Исследование о гайдамачестве», Киев, 1876, с.23.
- ⁴⁰⁸ С.Я. Штрайха «Русский Казанова» (Роман Медокс среди декабристов). - (М., 1932
- ⁴⁰⁹ Мартынов А.П. «Моя служба в отдельном корпусе жандармов», Стенфорд, 1972, с.29-30.
- ⁴¹⁰ И.К. Антошевский «Евреи-христиане», Спб, 1907, с.19.
- ⁴¹¹ Свидетельство академика Н. Буха: см. Н.Бух «Рачковский» - «Летопись революции». Харьков, 1922, с. 210.
- ⁴¹² Гр. Аронсон «Русско-еврейская печать».
- ⁴¹³ П.Е. Щеголев «Охранники и авантюристы», М., 1930, с.80.
- ⁴¹⁴ Мартынов А.П. «Моя служба в отдельном корпусе жандармов», Стенфорд, 1972, с.54.
- ⁴¹⁵ А. Блок Записные книжки, М., 1965, с.343, 345. (*Н.Заболоцкий, 1936 г.*)
- ⁴¹⁶ Н. Заболоцкий, 1936 г.
- ⁴¹⁷ См. подробнее в кн.: Прот. Сергей Четвериков «Старец Паисий Величковский», YMCA-PRESS, Paris, 1976, p14,15.
- ⁴¹⁸ А.И.Успенский «Царские иконописцы и живописцы XVII в.», Словарь, М., 1910, – «Записки Московского археологического института», т.II , 1910.
- ⁴¹⁹ А.И.Успенский... с.21.
- ⁴²⁰ А.И.Успенский... с.216.
- ⁴²¹ «Энциклопедия украинойзнавства» (Львів, 1993,т.2, с.671. Стаття «Жиди».
- ⁴²² С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1990, книга V, т.9-10, с.511.
- ⁴²³ Романович – Славатинский А. «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права», СПб, 1870, с.505.
- ⁴²⁴ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1962, книга VIII, т.15-16, с.350-351.
- ⁴²⁵ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1962, книга VIII, т.15-16, с.596.
- ⁴²⁶ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1993, книга X, т.19-20, с.106.
- ⁴²⁷ Универсал от 15 июля 1721 года – Цит. по: «Регесты и надписи. Свод материалов для истории евреев в России» (80 г.-1800), т. II, СПб, 1910, с.252.

- ⁴²⁸ М.В. Симонов «Из воспоминаний русского врача. I. Православное духовенство и евреи» – «Еврейская старина, т.2, СПб, 1909, с.71-72.
- ⁴²⁹ (цит. по ст. В. Шереметевский «Гавриил Бужинский» – РБС, СПб, [т.4] Гааг–Гербель, с.31.
- ⁴³⁰ Подробно о полемике в статье И.А. Шляпкина «К истории полемики между московскими и малорусскими учеными в конце XVII века» – (Журнал министерства Народного Просвещения, шестое десятилетие, часть ССХLI, 1885, октябрь).
- ⁴³¹ подробнее в книге: «Старец Паисий Величковский», YMCA-PRESS, Paris, 1976, p14, 15.
- ⁴³² Прот. Сергей Четвериков «Старец Паисий Величковский», с.5-6.
- ⁴³³ Н.Н. Глубоковский «Высокопросвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский. Его жизнь и деятельность», СПб, 1914, с.1.
- ⁴³⁴ см. рассказ Н.С. Лескова «Мелочи архиерейской жизни».
- ⁴³⁵ Н.Н. Глубоковский «Высокопросвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский. Его жизнь и деятельность», СПб, 1914, с.21.
- ⁴³⁶ Н.Н. Глубоковский...с.21.
- ⁴³⁷ Хрестоматия з истории Украинской РСР, т. I, Киев, 1959, с.641-642.
- ⁴³⁸ Н.Н. Глубоковский... примеч. на с.30.
- ⁴³⁹ Н.Н. Глубоковский ...там же. Примечание на с.37-38.
- ⁴⁴⁰ Н.Н. Глубоковский там же ...примечание на с.40.
- ⁴⁴¹ Дневник А.С. Суворина, М-Пг, 1923, с.23.
- ⁴⁴² «Крыжановские. Люди старой Малороссии» – «Киевская старина», Киев, 1885, т. X, с.7-13)
- ⁴⁴³ «Еврей-христиане в русской православной церкви» – Вестник русского студенческого христианского движения», Париж, 1974, №115, с.118.
- ⁴⁴⁴ П.И. Козлов «Основатель братского Покровского Храма священник Сергей Николаевич Слепян», СПб, 1894, с.15.
- ⁴⁴⁵ «Старообрядчество» (М., 1996, с.172)
- ⁴⁴⁶ «Памяти Епископа Михаила» – «Старообрядческий календарь на 1966 год», издание Старообрядческого Архиепископа Московского и всея Руси, с.55.
- ⁴⁴⁷ Н.Н. Глубоковский «высокопреосвященный Смарагд (Крыжановский), архиепископ Рязанский. Его жизнь и деятельность», СПб, 1914, примечание на с. 38.
- ⁴⁴⁸ Митрополит Иннокентий (в миру Иван Григорьевич Усов: 1870–1942) активный противник советской власти и коммунистической идеологии. Скончался в эмиграции, в Браилове (Румыния.)
- ⁴⁴⁹ статья о. Михаила (Семенов П.В.) «Христос и Варфоломеевские ночи: (Евр. погромы). - СПб: тип. Монтевидо, 1906. – («Свобода и христианство», кн. 5).
- ⁴⁵⁰ Морис Самюэл «Кровавый навет. Странная история дела Бейлиса», Нью-Йорк, 1975, с.245.
- ⁴⁵¹ Воспоминания митрополита Евлогия «Путь моей жизни», YMCA – Париж, 1947, с.203.
- ⁴⁵² Д.П. Маковский «У Толстого» (Яснополяние записки Д.П. Маковицкого), кн. 4, М., 1979, с.200.
- ⁴⁵³ Анатолий Левитин, Вадим Шаров «Очерки по истории Русской церковной смуть», Zürich (Schweiz), 1977, S.4-5.
- ⁴⁵⁴ Анатолий Левитин, Вадим Шаров «Очерки по истории Русской церковной смуть», Zürich (Schweiz), 1977, S.5. Впервые опубли. в газете «Товарищ» – статья «Духовенство и политика», письмо в редакцию по поводу дела о. архимандрита Михаила.

⁴⁵⁵ Анатолий Левитин, Вадим Шаров «Очерки по истории Русской церковной смуты», Zürich (Schweiz), 1977, S. - 5. Впервые опубликовано в газете «Русское слово», 8.XII.1906 г., №134.

⁴⁵⁶ «Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы» Опыт энциклопедического словаря. М., 1996, с.174.

⁴⁵⁷ Зинаида Гиппиус «Живые лица». Стихи. Дневники, Тбилиси, «Мерани», 1991, с.267-268.

⁴⁵⁸ Епископ Михаил «Среди бурь» – Старообрядческий календарь на 1966 год, издание Старообрядческого Архиепископа Московского и всея Руси, с.58-59.

⁴⁵⁹ В.Ф. Марцинковский «Записки верующего...», Прага 129, с.30.

⁴⁶⁰ Михаил (Семенов П.В.) «Христос и Варфоломеевские ночи»: (Евр. погромы – СПб: тип. Монтвида, 1906. – (Свобода и христианство; кн. 5, с.38-39.

⁴⁶¹ Д-р М.В.Симонов «Из воспоминаний русского врача. 1.Православное духовенство и евреи» – Еврейская старина, СПб, 1909, №2, с.73.

⁴⁶² Большинство сведений почерпнуто из прекрасной работы Саула Борового «Евреи в Запорожской сечи» – «Исторический сборник», т.1, Л.1934, с.166-167.

⁴⁶³ Цит. по статье: Яков Кумок «Заглянувший в будущее», – «Огонёк», 1988, №11, март, с.23.

⁴⁶⁴ В.М. Марцинковский ...с.3.

⁴⁶⁵ «Еврейская хроника», Кишинев, 1912, с.17.

⁴⁶⁶ «Еврей-христиане в русской православной церкви» – Вестник русского студенческого христианского движения», Париж, 1974, №114, с.с.54 -71.

⁴⁶⁷ Юрий Тынянов. Писатель и ученый. Воспоминания. Размышления. Встречи. М.: Молодая гвардия, 1966, с. 206.

⁴⁶⁸ См.: Каратеев М.Д. Арабески истории. Буэнос-Айрес, 1971, с.112-131.

⁴⁶⁹ Нестеров Ф.Ф. Связь времен. М.: Молодая гвардия, 1980, с. 106.

⁴⁷⁰ Татищев В.Н. Избранные произведения. Л.: Наука, 1979, с.277.

⁴⁷¹ Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т.П. М., 1956, с.533.

⁴⁷² См.: Эттингер Ш. Рец. на кн.: Артамонов М.И. История хазар. – «Сион», 1972, N 1, с.130.

⁴⁷³ «Древняя и новая Россия», 1876, N 3, с.268. Также: Артамонов М.И. Указ. соч., с.29.

⁴⁷⁴ Подробно вопрос об авторстве рассмотрен мной в статье «Труды и дни Осипа Антоновича Пржецлавского» (*в печати*).

⁴⁷⁵ См.: Пархоменко В.А. Начало христианства на Руси IX-X вв. Полтава, 1913; У истоков русской государственности (VIII-XI вв.). Л., 1924.

⁴⁷⁶ «Slavia», t.VII. Praha, 1927, s.384.

⁴⁷⁷ Готье Ю.В. Железный век в Восточной Европе. М., 1930, с.70.

⁴⁷⁸ См.: Новгородские былины. М.: Наука, 1978, с.390.

⁴⁷⁹ См.: Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1965, с. 193.

⁴⁸⁰ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XXVIII, СПб., 1901, с. 54.

⁴⁸¹ Х.Д. Ривкин. Евреи в Смоленске. Очерк по истории еврейских поселений в Смоленске с древнейших времен в связи с общим положением евреев в древней Руси. СПб., 1910, с.17.

⁴⁸² См.: Каргалов В. Вторая ошибка Мамаю. – «Молодая гвардия», 1979, N 8.

- ⁴⁸³ В.О. Ключевский Сочинения в 9-ти томах, т. I, М., «Мысль», 1987, «Курс Русской истории», с.134-135.
- ⁴⁸⁴ С.М. Середонин «Историческая география», Пг, 1916, с.100.
- ⁴⁸⁵ С.Соловьев. Сочинения, М.,1988, книга II, с. 459.
- ⁴⁸⁶ Фурман Д.Е. Выбор кн. Владимира. – «Вопросы философии», 1988, № 6, с.91-92.
- ⁴⁸⁷ Прозоровский Д.И. О родстве св. Владимира по матери. – «Записки Императорской Академии наук», 1864, t.V, с.17-26.
- ⁴⁸⁸ Срезневский И.И. О Малуше, милостивице в.к. Ольги, матери В.К. Владимира. – Там же, с.27-33.
- ⁴⁸⁹ Изборник. М.,1969, с.53.
- ⁴⁹⁰ Энцикл. словарь Брокгауза и Ефрона. Т.XVIII, СПб., 1896, с.209.
- ⁴⁹¹ Петровский Н.А. Словарь русских личных имен. М.: Советская энциклопедия, 1965, с. 149.
- ⁴⁹² Повесть временных лет. 4.1. М.,1950, с.54.
- ⁴⁹³ Там же, с.252.
- ⁴⁹⁴ См.: Емельянов В.Н. Десионизация. Париж, 1978, с. 1-2.
- ⁴⁹⁵ См.: Даль В. Указ. соч., Т.II. М., 1956, с.123.
- ⁴⁹⁶ С.М.Соловьев «История России с древнейших времен» – С.М.Соловьев Сочинения, М., 1988, книга II, с.148.
- ⁴⁹⁷ См.: Вельтман А.Ф. Романы. М.: Современник, 1985.
- ⁴⁹⁸ См.: Хлебников В. Дохлая луна. Сборник. М.,1913.
- ⁴⁹⁹ Панова В. Лики на заре. – В кн.: Панова В. Собр. соч. Т.4. Л.: Советский писатель, 1970, с.26-27.
- ⁵⁰⁰ См.: Даль В. Указ. соч., t.IV, М.,1956, с.595.
- ⁵⁰¹ См.: Введение христианства на Руси. М.: Мысль, 1987, с. 102-103.
- ⁵⁰² См.: Барац Г.М. Библейско-агадические параллели к летописным сказаниям о Владимире Святом. Киев, 1908, с.39-48.
- ⁵⁰³ См.: Готье Ю.В. Указ. соч., с.72.
- ⁵⁰⁴ См.: Там же. См. также: Энци. словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVII. СПб., 1896, с.450; Еврейская энциклопедия, t.V, СПб., б.г., стлб. 549-50.
- ⁵⁰⁵ См.: Еврейская энциклопедия, t.IV, СПб., б.г., стлб. 774.
- ⁵⁰⁶ См.: Забелин И. История города Москвы, написанная по поручению Московской городской думы. 4.1. М.,1905, с.24.
- ⁵⁰⁷ Там же, с.25-26.
- ⁵⁰⁸ См.: Скрынников Р.Г. Минин и Пожарский. Хроника смутного времени. М.: Молодая гвардия, 1981, с.104, 161, 220, портрет на вклейке.
- ⁵⁰⁹ Он же. «В то смутное время». – «Наука и религия», 1988, N 1, с.46.
- ⁵¹⁰ В.И. Корецкий «Об одной ошибке архивистов XVII века. Лжедмитрий II и вопрос о крестьянском выходе» – «Археографический ежегодник за 1962 г.», М., Академия наук СССР, 1963, с.239; из архивного источника.
- ⁵¹¹ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1962, книга VIII, т.15-16, с.463.
- ⁵¹² В.О. Ключевский «Курс русской истории», М., 1988, т. III, с.44.

- ⁵¹³ См.: «Журнал Московской патриархии», 1944, N 9, с.13; «Наука и религия», 1972, N 2, с.46.
- ⁵¹⁴ А.А. Половцев – Дневник А.А.Половцева – «Красный архив», т.4., 1923, с.95.
- ⁵¹⁵ Руслан Скрынников «Собирательный образ» – «Советская музыка», №1, 1989, с.90. Статья в музыкальном журнале обсуждает вопрос об исправлении либретто оперы М. Глинки «Жизнь за царя». Историк считает, что «советский вариант» несравненно честнее варианта либретта барона Розена, писанное в царствование Николая I. «Иван Сусанин» – собирательный образ спасителя России, а не династии. Я полностью согласен с уважаемым историком.
- ⁵¹⁶ А.С. Пушкин Собрание соч., М., 1962, т.6., с.295.
- ⁵¹⁷ см., например статью Г.А.Воробьева «Дом Марины Мнишек в Калуге» – «Исторический вестник», СПб, 1899, №1, с.968-972.
- ⁵¹⁸ С.М. Соловьев «История России с древнейших времен», М, 1990, книга V, т.7-8, с.26.
- ⁵¹⁹ С.М. Гольдштейн. Статья «Евреи – дети боярские» в «Еврейском ежегоднике. Справочный и литературный альманах с ил..1902-1903». СПб, 1902, с.338-346.
- ⁵²⁰ С.И.Э. М., 1964, т.5, стлб.482.
- ⁵²¹ Р.Б.С.[Т.18], СПб, 1904, «Сабанеев-Смыслов», с.525-526.
- ⁵²² У.В., 1816, март, с.391-394)
- ⁵²³ «Поэты-сатирики конца XVIII – начала XIX веков», JL,1959.; «Русская эпиграмма второй половины XVII- начала XX веков», JL, 1975; «Русская стихотворная пародия. (XVII I– начало XXв.)», JL, 1960.
- ⁵²⁴ Новый энцикл. словарь «Брокгауз и Ефрон». СПб, 1916, т. 28, с.91-92.
- ⁵²⁵ «Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР», указатель, М., 1962, т.I и М., 1963, т. II.
- ⁵²⁶ Б.-О. Унбенаун «Русские фамилии», М., 1995, с.257.
- ⁵²⁷ цит. по Б.Г.Лиддел Гарт «Вторая Мировая война», М-СПб., 1999, с.241.
- ⁵²⁸ Лев Толстой, ПСС, т 47, с.31. Дневник за 23 ноября 1854 года.
- ⁵²⁹ Лев Толстой ПСС, М-Л, 1931, т.4, с.107. Севастопольские рассказы. Севастополь в августе 1855 года).
- ⁵³⁰ М.Монтэн «Опытъ», М., 1960, т.Ш, с.277-278.
- ⁵³¹ Там же
- ⁵³² И-В. Гёте «Фауст», ч.1. перевод Б.Пастернака.
- ⁵³³ Нострадамус «Центурии», США, Адрианополи, 1974, с.161.
- ⁵³⁴ «Пророчества Мишеля Нострадамуса». Пересмотренные и исправленные по копии, напечатанной в Лионе Бенуа Риго в 1568 году, перевод с французского В.Б.Бурбело, Е.А.Соломарской, Киев, 1991, с.116.
- ⁵³⁵ Генрих Манн. Собр. соч., М., 1958, т.6, с.48-49.
- ⁵³⁶ «Мир глазами Нострадамуса. Нострадамус глазами историков». Истолкование доктора Люстрио с комментариями И.Г. Михайловой и Н.В. Скородум, б. г. изд., с.48. Можно предположить, что книга издана в Риге, на рубеже тысячелетия.
- ⁵³⁷ А. Франс «Маргарита Наварская» - А.Франс. Собр. Соч., М., 1960, т.8. с.307.

⁵³⁸ М.Н. (Мазаев Н.М.) «Копьев А.Д.» – РБС («Кнаппе – Кюхельбеккер»). СПб, 1903, 247-248; В.П. Степанов «Копьев» (Копиев) А.Д.» – «Словарь русских писателей XVIII века», СПб, 1999, вып. 2, (К-П), П.Н. Берков «История русской комедии XVIII в.», М, 1975, с.332-340;

Ни слова нет о Копьеве в книге В.Н. Всеволодского-Гернгросса «Русский театр второй половины XVIII века», Академия наук, М., 1960, где по крайней мере должно было бы сказано пару слов в его адрес, так как объект исследования – время постановок его пьес.; В трёх довоенных изданиях по истории литературы и театра: Г.А. Гуковского «Хрестоматия по русской литературе XVIII века» (М, Учпедгиз, 1938.), Г.А. Гуковского «Русская литература XVIII века» (М. Наркомпрос РСФСР, М.1939) и «Хрестоматии по истории русского театра XVIII и XIX веков», (М., Искусство, 1940), составленного Н.С. Ашукиным, В.Н. Всеволодским-Гернгроссом и Ю.В. Соболевым, также не нашлось место моему герою.

⁵³⁹ Еще в XIX веке в подобном аппарате «Мефисто» сидел гроссмейстер Исидор Гунсберг, который на международной Лондонской промышленной выставке в 1882 году, выиграл две партии у «ничего не подозревающего» чемпиона России М.И. Чигорина. Как ни странно, но Кемпелен, замечательный механик, создавший несколько практических изобретений: оригинальный фонтан в парке у Марии-Терезии, паровой рычаг, говорящую куклу и, **самое главное, пишущий прибор для слепых**, не был аферистом. Но его «авторитет» сроден не только Месмеру, но и графу Калиостро, Сен-Жермену, Казанове и другим авантюристам элегантного XVIII века. Имя его должны с благодарностью вспоминать потомки. А вдохновенный «Турком» английский поэт и изобретатель Эдмунд Картрайт, пытаясь проникнуть в тайну чуда, сконструировал в конце 1803 года механический ткацкий станок, вызвавший промышленную революцию. Так мы не знаем, где аукнется прошлое...

⁵⁴⁰ А.И. Гербстман «Рассказы о белом слоне», М., 1959.

⁵⁴¹ См. подробнее главу «Автомат играет в шахматы» в кн.: Ежи Гижицкого «С шахматами через века и страны», Warszawa, 1959, с.111-127.

⁵⁴² Дмитрий Осипович Баранов (1773–1834), поэт. Служил в армии, затем в сенате. Сенатор. Лучшее стихотворение «Державину на перевод Пиндара» (1802 г.), включенное Жуковским в антологию русской поэзии. Для нас интересен тем, что он был правителем дел в Еврейском комитете, где поддерживал антисемитскую позицию Державина. Его проект (1804 г.) был остановлен М.М. Сперанским. И позже, в 1822 году, был сторонником тотального переселения евреев из Белоруссии в Новороссию. В итоге – евреев переселили из сельской местности в город, чем существенно сузили черту оседлости и обрекли еврейство на нищету.

⁵⁴³ И.М. Линдер «А.Д. Петров Первый русский мастер», М, 1955, с.14, 217.

⁵⁴⁴ П.Н. Берков «Новиков или Новиков» в кн.: Сатирические журналы Н.И.Новикова, Приложения. Издательство АН СССР, М-Л, 1951, с.519-521.

⁵⁴⁵ Б.О. Унбегаун «Русские фамилии», М., 1995, с.158.

⁵⁴⁶ Ф.Ф. Вигель Записки.ч.3, М., 1902, с.56.

⁵⁴⁷ Зомбарт Вернер. «Евреи и их участие в образовании современного хозяйства», СПб, 1910, с.22.

⁵⁴⁸ Еврейская энциклопедия, СПб, [1911], т.9, с.731.

⁵⁴⁹ «Заметки одного из русских воспитателей императора Александра Павловича» – «Русский Архив», М., 1866, с.110-111.

⁵⁵⁰ Французский литературовед Шарль Батте (1713–1780), член фр. академии. Вероятно имелся ввиду его трактат «Cours de belles lettres».

⁵⁵¹ Пимен Н. Арапов «Летопись Русского театра», СПб, 1861, с.121.

⁵⁵² «Русские достопамятные люди», рукопись из собрания С.Д. Полторацкого – «Русская старина», СПб, 1892, апрель-май-июнь, т.74, с.467.

⁵⁵³ «Русские достопамятные люди», рукопись из собрания С.Д. Полторацкого – «Русская старина», СПб, 1892, апрель-май-июнь, т.74, с.467.

⁵⁵⁴ Н.И. Греч «Записки» – «Русский Архив», М., 1873, кн.1.,с.682-683.

⁵⁵⁵ Евг.А.Зноско-Боровский «Шахматы в России» - предисловие к сборнику «IV Всероссийский шахматный турнир», СПб, 1907, с.3.

⁵⁵⁶ Г.Р.Державин. Сочинения с объясн. прим.Я.К.Грота, СПб, 1866, т.3, с.374, примеч. с.752. Это мнение высказывал издатель и редактор «Русского Архива» П.И. Бартенев. Все же заметим, что герой – Фазтон(т) сын Гелиоса – Апполона, бога солнца, покровителя муз.

⁵⁵⁷ Н.И. Греч «Записки» – «Русский Архив», М., 1873, кн.1, с.1978-1979.

⁵⁵⁸ П.А. Вяземский Полное собр. соч. т.VII., М., 1882, «Допотопная или допожарная Москва», с.99-100.

⁵⁵⁹ И.А. Крылов. «Лжец» – Сочинения, М., 1946, т. III, с.45-47. Соч. ноябрь 1811 г.

⁵⁶⁰ Заметка – «Русский Архив», М., 1868 стлб.1818.

⁵⁶¹ П.А. Вяземский Полное собр. соч. т.VII., М., 1882, «Допотопная или допожарная Москва», с.100.

⁵⁶² Н.И. Греч «Записки» – «Русский Архив», 1873, примечание на с.682.

⁵⁶³ Н.И. Греч «Записки» – «Русский Архив», М., 1873, кн.1, с.1979.

⁵⁶⁴ Ф.Ф. Вигель «Записки», М., 1892, часть третья, с.159-161.

⁵⁶⁵ Ф.Ф. Вигель «Записки», М., 1892, часть третья, с.182-183.

⁵⁶⁶ Ф.Ф. Вигель «Записки», М., 1892, часть четвертая, примечание на с.148.

⁵⁶⁷ А.А. Фомин «Старое в новом» (Отголоски комедии XVIII века в комедиях нашего времени) – «Русская мысль», СПб, 1893, кн.2, с.23-36; Александр Александрович Фомин (1868–1929), уроженец Витебска, педагог и историк литературы, директор женского коммерческого училища в Варшаве; составитель словаря и указателей для 2-го издания «Онежских былин», собранных Гильфердингом. Много писал о русском театре.

⁵⁶⁸ А.А. Фомин «Старое в новом» (Отголоски комедии XVIII века в комедиях нашего времени) – «Русская мысль», СПб, 1893, кн.2, с.24.

Можно говорить и о влиянии второстепенных писателей XVIII века и на Александра Пушкина. Вот пример. Комедия, написанная педагогом, драматургом, переводчиком и одновременно крупным чиновником М.И. Веревкиным «Точь в точь» (изд. в 1785, соч. в 1779 г.) давно затерялась во времени. (Педагог М.И. Веревкин по представительству кн. Дашковой был избран в 1782 г. член-кор. Российской Академии, а в 1785 выбрали членом Российской Академии наук.) Время действия комедии – заключительная фаза борьбы против пугачевского движения. Пугачев уже пойман. Герой добровольно отправляется на войну, ибо позорно в столь серьезное время отсиживаться дома. Героиня попадает в руки злодеев и приглядывается одному из них; после избавления она хочет уйти в монастырь, но герой восстанавливает ее честь, считая ее невинной – довольно смелая мысль для того пуританского времени. Восхваляется не только Екатерина, но и Панин, у которого – «архангела с небес», служил начальником личной канце-

лярии писатель, и секунд-майор Миллизон (Михельсон) – истинный победитель Пугачева. Осмеивается и Симбирское общество – трусливое донельзя. Вот кажется, где берет начало «Капитанская дочка» Пушкина.

⁵⁶⁹ «Обращенный мизантроп или Лебедянская ярмонка», СПб, 1794, С дозволения Управы Благодичиния.

⁵⁷⁰ см. подробнее в кн: Н.Чечулин «Русское провинциальное общество во второй половине XVIII века», СПб, 1889.с.106.

⁵⁷¹ Энцикл. словарь Бр. Эфр. т. XVII, СПб, 1896, с.421.; «Новый энц. Словарь», Пг,1915(?), с.178; Д.Д.Оболенский «Охотничьи воспоминания и наброски», М., 1890; В.Даль в «Толковом словаре...» в статье «Ярмарка» специально оговаривает конские ярмарки в Лебедяни.

⁵⁷² Т.С. Гриц «М.С.Щепкин. Летопись жизни и творчества», М., 1966.

⁵⁷³ Н.В. Гоголь. ПСС, М., 1949, т. V, Комментарии, с.466.

⁵⁷⁴ Н.А. Коварский «Поэзия И.П.Мятлева» в кн.: И.П.Мятлев «Стихотворения . Сентенции и замечания госпожи Курдюковой», БП, Л., 1960, с.30-31.

⁵⁷⁵ Барба д'Оревильи «Дэндизм и Джорж Брэммель», вступительная статья М. Кузина, Москва, «Альциона», 1912. см. также литературную реминисценцию самого конца XVIII – начала XIX века города Лондона, сделанную Конан Дойлем в «боксерском» романе «Родни Стоут», написанного в 1895 году.

⁵⁷⁶ А.Д.Копіев «Обращенный мизантроп или Лебедянская ярмонка», СПб, 1794, с.119-120.

⁵⁷⁷ Сведенья почерпнуты из Энцикл. словаря Бр. и Эфр., т.XVI, СПб, 1895, с.184. и И.Ф. Масанов «Словарь псевдонимов». М., 1960.

⁵⁷⁸ см.: Дм.Чаплин «О деле флигель-адъютанта полковника Копьева». – «Русский Архив», М., 1873, стлб.1754-1769.

⁵⁷⁹ Личные Архивные фонды в Государственных хранилищах СССР, указатель, т. I. А-М, М., 1962, с.349.

⁵⁸⁰ Р.Б.С. Азбучный указатель.

⁵⁸¹ Р.Б.С. Азбучный указатель.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

О ЕВРЕЙСКОМ ГЕНЕТИЧЕСКОМ «ВТОРЖЕНИИ» В РУССКОЕ ОБЩЕСТВО.

к книге С. Дудакова «Петр Шафиров и другие» .

Книга С. Дудакова «Петр Шафиров и другие» есть прежде всего, целеустремленный и вдохновенный труд. Только такой эрудит и тонкий знаток проблемы мог создать подобную энциклопедию. Только такая редкая, долгими годами выношенная целеустремленность, вера в конечный результат могли довести гигантский труд до логического конца. Следует отметить, что такого рода исследования создают лишь энтузиасты, если хотите, фанатики в самом лучшем смысле слова.

Дудаков анализирует российское общество связанный с проникновением в его среду довольно значительной инациональной массы – еврейства. Этот процесс не был механическим. Он был количественным, и не беспрепятственным, в смысле исторического развития, а в некоторых случаях отражал, как бы «внутривидовую» борьбу на генетическом уровне. Речь идет о внутренних, реже внешних, проявлениях этой борьбы. Носителями первой группы были евреи, которые благодаря своим выраженным позитивным качествам – отсутствию умственной и организаторской лени, при наличии инициативности, последовательности стремлений и действий, самоотдачи, пробивной силы, научного и делового авангардизма, неотступному поиску и достижению истинности, видения смысла и ясности и т.п. В этом и состоит причина выдающихся успехов еврейского элемента в общем раскладе развития российского общества. Русские и евреи в совокупности внесли огромный вклад в социальное, экономическое, политическое, культурное развитие страны, в которой евреи жили и трудились, учились более двухсот лет. Этот вклад имел и свои генетические, еврейские корни – как зримые, так и незримые (*иногда слабовоспринимаемые*).

Речь идёт о непростой теме: евреи в русской среде. В более узком плане анализируется исторический контакт еврейского и русского умов, точнее, их носителей. Этот процесс начался в XVII веке – и шел по нарастающей линии. Сущность его – анализ последствия мирного вторжения еврейского элемента в русское общество. В пространственном отношении означенный процесс носил верхушечный характер – он шел на высоком интеллектуальном уровне, затрагивал аристократические слои общества, крупное чиновничество, военных, интеллектуалов и др.; в нем присутствовал значительный интеллектуальный элемент.

Мы наблюдаем две ветви «вторжения»: первая касалась евреев, перешедших в православие, вторая – тех, кто сохранил верность еврейской религии. Книга же касается только первой ветви – именно её развитие приобрело генетический характер, а лучшие представители пополнили ряды российского дворянства, влились в интеллектуальную элиту российского общества, привнесли с собой целый ряд ценных интеллектуальных, деловых, организаторских и других качеств. Несомненно, что «свежая кровь» подняла интеллектуальный уровень русской элиты. Современный видный теоретик иудаизма раввин Адин Штейнзальц отметил это влияние: «Это наша поразительная способность видоизменяться, приспособляться, становится похожими на людей среди которых мы живём... Способность... впитывать окружающую культуру... Наша адаптация – это внутреннее преобразование. С языком чужого народа к нам приходит глубокое понимание его духа, его образа жизни и мыслей. Мы не просто обезьяничаем, а становимся частью этого народа»... И даже перехлестывает он: «Мы оказываемся в состоянии понять этот народ лучше, чем он сам понимает себя» (*А. Штейнзальц, «Кто мы: трагические актёры или самобытная нация?» – «Время и мы», Тель-Авив, 1975, №1, с.139-140*). Несомненно в этом высказывании содержится зерно истины. Однако, указанное свойство еврейства вторично, основа его – поразительная выживаемость, созданная тысячелетиями в результате рассеяния еврейского народа, его многовековых бедствий. Можно сказать, что крещеным евреям пришлось в чужеродной языковой среде выдержать состязательный процесс (*как правило, в значительной мере скрытый, закамфлированный*) в борьбе за свое престижное положение в российском обществе.

Кстати, мысли Дудакова были высказаны (*в том или ином виде*) более пятидесяти лет назад. Это было в Москве, на квартире моего учителя и профессора истории МГУ П.А. Зайончковского. Человек прогрессивных взглядов, эрудит, создатель крупных ученых школ – советской и американской, был в некотором удивлении. Представитель старого дворянского рода, он изучал своих предков, в частности, используя картотеку, созданную бароном (*бывшим, конечно*) Сиверсом. Вывод Петра Андреевича был категоричен. «Аронша, сказал он мне, – потомство Шафирова ныне насчитывает около тысячи человек. Он «объевреил» чуть ли не всю русскую аристократию» «А Вас там нет, – сказал я. Вы, что об этом жалеете?» – Он ответил, – жаль, что я не попал, иначе я был бы умнее». Доказывать, что Зайончковский был умнейшим человеком. Но сегодня выяснилось то, что мой учитель не знал. Он был внучатым племянником адмирала Нахимова, который «стараниями» Дудакова оказался, еврейского происхождения.

Но вернемся к книге С. Дудакова. Он впервые обратился к этой теме еще в 1983 году. Нынешнее издание – совершенно новая книга: по охвату материала по Шафирову, по привлечению «других», т.е. не только окружения Шафинова, но и по другим родам, по отдельным персоналиям и т.п. Кого там только нет: здесь и великий хирург Н. И. Пирогов, и знаменитый адмирал Нахимов, крупнейший физик и изобретатель Б. С. Якоби, и род Римских-Корсаковых, и великий композитор Скрябин, и музыканты: Г. Венявский, Р. Глиэр, семья Серовых, писатели и иже с ними. Вот уж, действительно, «сатанинский заговор» некоего Саввы Дудакова – курс на «объевреивание» цвета русской аристократии...

Возможно, полное научно-обоснованное раскрытие подобных корней и, естественно, их общественной значимости – насущная и почетная задача историков еврейского народа. В упомянутой книге Дудаков проявил себя мастером исследовательского поиска, глубокого комментария и точного обобщения.

19. 06. 2010

ОТ АВТОРА

История книги о Петре Шафирове несколько оригинальна. В 1964 году я имел счастье «бракосочетаться» (старомодно, но я историк) с Инной Иосифовной Пайкиной. С тех пор «в любви и согласии» мы живем уже 46 лет. Надо же быть такому обстоятельству, что моя жена писала диссертацию по генетике человека, под руководством профессора Раисы Львовны Берг. Инна проводила длительное время в Публичной библиотеке имени Салтыкова-Щедрина и довольно часто брала меня с собой. Однажды она сказала мне: «Савва, смотри – это для тебя». И, действительно, я потерял дар речи. Это был «Русский евгенический журнал» за 1926 год, в котором была помещена генеалогическая таблица семейства Петра Шафирова. Имена потомков вице-канцлера меня заворожили и постепенно я начал работать над будущей книгой. Но прошло много лет, пока в 1983 году в Иерусалиме я опубликовал первую статью о могучем клане в Сборнике материалов по еврейской культуре «Тарбут». Статью потом неоднократно перепечатывали, и я имею даже самиздатовский текст, сделанный фотоспособом. В 1989 году в серии «Евреи в мировой культуре» вышла небольшая книга Петр Шафиров, под редакцией д-ра исторических наук Ю.Миллера. Тираж иерусалимского издания мне неизвестен, но подозреваю, что несколько тысяч книжек разошлось по градам и весям Израиля и СССР. Книгу заметили и в англоязычной прессе и даже «Jerusalem Post» написал теплую рецензию. Лауреат премии Израиля профессор Натан Шпигель, автор знаменитой книги «Война и мир в Древнем мире», переведенная на многие языки мира по достоинству оценил мой скромный труд. Еще более интересно то, что мировая знаменитость историк Леон Поляков, получив экземпляр книги (не от меня) написал мне теплое и удивительное письмо. Но всё было не так благополучно. «Вестник Еврейского университета в Москве» в 1993 году (*т.е. спустя 4 года после выхода книги*) опубликовал критическую рецензию В.О.Серова. Не могу сказать, что мне было приятно читать желчные слова в мой адрес. Серов обвинил меня в ряде неточностей, в том числе и в незнании судебного дела Шафирова. Как раз я имел фотокопию судебного дела и хорошо его изучил. В книгу вкрались фактические ошибки, связанные с тем, что я был отрезан от книгохранилищ СССР. Но мне кажется, что из почти 200-х источников, использованных мной, уважаемый В.О.Серов тоже кое-что не видел. Например, случайно сохранившийся в Государствен-

ном историческом музее корректурный экземпляр Русского биографического словаря на слова «Вавила–Веселовский» и рукопись тома с окончанием буквы «Т», хранящимся в Библиотеке Института мировой литературы АН СССР. Теперь они изданы, но тогда в 80-е годы прошлого века фотокопии мне раздобыли мои друзья. Естественно, я использовал сведения, относящиеся к семье Веселовских. Но в принципе, я благодарен Серову за «оказанную мне услугу» – правда, все же надо быть более корректным. «Инцидент» был исчерпан публикацией статьи В.О. Серова о Шафирове в энциклопедии «Три века Санкт-Петербурга. Осмнадцатое столетие» (СПб, 2003, т.1, книга 2). В библиографии, прилагаемой к статье имеется ссылка на книгу Дудакова...

К этому я хочу добавить, что работая в Институте Восточноевропейского еврейства, я общался с большим кругом ученых, в первую очередь с профессором Шмуэлем Этингером. В моей работе мне помогало множество друзей. Часть я хочу сейчас вспомнить.

Иосиф Моисеевич Глозман, старый музейный работник и сотрудник Краткой Еврейской энциклопедии; он «расшифровал» факсимиле барона Шафирова.

Главный редактор этой же энциклопедии доктор Нафтали Прат.

Сотрудники «подвала имени Ш.Этингера»: высокоэрудированные Марк Кипнис, Дора Цайхнер, Нина Бибичикова, Дан Хорув, д-р Мила Цигельман, д-р Валентина Дагмарова и многие другие.

Особую помощь мне оказал д-р исторических наук Элий Вейнерман – безусловно, самый знающий генеалог в моем обширном круге.

Огромную работу в поисках материала в Санкт-Петербурге осуществлял Анатолий Исаакович Рубашев. Без него я не раздобыл бы ни одного документа.

Светлая память ушедшим и да хранит Господь живущих.

Савва Дудаков.

Библиография Савелия Дудакова

1. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989, 117 с.
Серия «Евреи в мировой культуре».
2. История одного мифа.
Очерки русской литературы XIX-XX вв. – М., Наука, 1993, 282 с.
3. Парадоксы и причуды филосемитизма и антисемитизма в России
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2000, 640 с.
4. Этюды любви и ненависти.
Очерки. Москва, Российский государственный гуманитарный университет, 2003, 542 с.
5. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2007, 164 с.
6. Ленинъ как мессия. Иерусалим-Москва, 2008, 164 с. 2-е изд.
7. Каисса и Вотан. Иерусалим-Москва, 2009, 420 с.
8. Петр Шафиров и другие. Иерусалим-Москва, 2010, 220 с.

В 2004 году был выпущен Festschrift Dr. Saveliy Dudakov
The Hebrew University of Jerusalem
Center for Slavic languages and Literatures
Edited by W. Moskovich and S. Schwazband
Посвящен 65-летию автора.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Евгений Минин. Предисловие</i>	5
Евреи-выкrestы в России	7
Взлёт Петра Шафирова	14
Опала	41
Возрождение	57
Хроника жизни и деятельности П.П. Шафирова	65

СЕМЬЯ ШАФИРОВА

Семья Шафирова	68
Исай Петрович Шафиров	69
Анна Петровна Шафирова	76
Марфа Петровна Шафирова	80
Наталья Петровна Шафирова	102
Екатерина Петровна Шафирова	105
Мария Петровна Шафирова	116
Михаил Павлович Шафиров	123
Веселовские. Родственники Шафирова	124
Аршеневские и другие	139

ЕВРЕИ – СОВРЕМЕННОКИ И СОРАТНИКИ П.П. ШАФИРОВА

Барон Аш	142
Ягужинский Павел Иванович	144
Первый генерал-полицмейстер Петербурга	148
Немного о царских шутах	161

ПОМЕНЯВШИЕ ВЕРУ.

О крещении евреев в России	163
Распространение евреев в России	169
Юдины	179
Жидовины-Житковы	184
Евреиновы	189
О семье Серовых и Симоновичей	199
Манасеины	202
Козловы	205
Данилевские	212
Клан Бертенсонов	219
Леонард Леопольдович Гиршман	224
Более подробно о Рафаловичах	225
Варвара Александровна Руднева-Кашеварова	227
Илья Ильич Мечников	235
О роде Римских-Корсаковых	237
Николай Карлович Метнер	240
Скрябин	242
Новицкие	243
Юзефовичи	244
Сухово-Кобылины	246
Максимовичи	248

Доливо-Добровольские	250
Генерал Розен	252
Граф Нессельроде	254
Генералы Герштенцвейги	255

МОЗАИКА КРЕЩЁННЫХ ЕВРЕЕВ

Введение	257
Братья Вистицкие	263
Борис Семёнович Якоби	264
Генрих Фадеевич Венявский	264
Николай Иванович Пирогов	265
Рейнгольд Морицевич Глиэр	266
Моисей Меерович Итцигсон	267
Владислав Фелицианович Ходасевич	267
Леонид Евстафьевич Владимиров	268
Даниил Самойлович Копиев	269
Александр Фомич Вельтман	269
Эраст Петрович Перцов	270
Фёдор Фёдорович Кудрявцев	271
Александр Борисович Лакиер	271
Григорий Фёдорович Квитка-Основьяненко	272
Анатолий Григорьевич Гасман	272
Николай Абрамович	273
Николай Геннадиевич Кознаков	274
Вернадские	274
Роман Михайлович Медокс	275
Пётр (Пинхус) Васильевич Секеринский	275
Пётр Иванович Рачковский	276
Иван Фёдорович Манасевич-Мануйлов	276
Сергей Евлампиевич Виссарионов	277
Григорий Саввич Скворода	278
Иконописцы-евреи	280
Священнослужители еврейского происхождения	286
Кантонисты-священнослужители	301
Староверческий епископ Михаил Канадский	309

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. Появление евреев на Руси	322
2. Смутное время и Шкловский вор	336
3. «Скаска» Вистицких	339
4. Немного о первой императрице	341
5. Адмирал Нахимов	345
6. Святая Тереза Авильская	361
7. Три Мишеля	363
8. Русский Мюнхаузен	375
Примечания	400
<i>Арон Черняк. Послесловие</i>	424
От автора	427
Библиография С. Дудакова	429

Савелий Дудаков

Петр Шафиров

ISBN 978-5-98575-426-1

Во время работы над книгой «Петр Шафиров» были использованы
документы и фотоматериалы из архивов
Национальной библиотеки Израиля,
Ленинградской публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина
и личного архива автора.

**Автор признателен Анатолию Исааковичу Рубашеву
за неизменную поддержку**

Компьютерная верстка Евгений Минин

Evgarm

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 70x100/32.
22 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

Свидетельство о государственной регистрации

ОГРНИП 309774627800931

Издатель Э.Б. Ракитская
Москва, ул. Лобачевского д. 68
<http://www.era-izdat.ru>

В ряде случаев сохранена авторская редакция

ISBN 978-5-905016-13-4

9 785905 016134

Савелий Дудаков – историк, родился в 1939 году в Ленинграде. Автор 8 книг, мастер по шахматам.

В детстве, в 1941-1942 годах перенес блокаду.

Окончил филологический факультет института имени А. И. Герцена.

В 1971 году репатрировался в Израиль.

С 1976 года работал в институте Восточно-Европейского Еврейства при Иерусалимском университете.

В 1991 году защитил докторскую диссертацию «Антисемитская литература XIX-XX веков в России и протоколы Сионских мудрецов».

Был удостоен докторской степени

Иерусалимского университета.

Лауреат литературной премии имени Леи Гольдберг

и

премии по истории

имени профессора Иосифа Клаузнера.

Савелий Дудаков один из основателей и редакторов серии «Евреи в мировой культуре».